Шкафъ 12
Полка 7
№ 595

Проверено 1964 г.

-- МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

595

ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ
С.-Петербургск. Университета

595

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

1892

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

Томъ XI

КНИГИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

(Май—Іюнь)

Проверено 1948 г.

Императорскаго
Юридическій кабинетъ
С.-Петербургск. Университета

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5

1892

ТРУДЪ, КАКЪ ИСТОЧНИКЪ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ ВЪ МАЛОРОССІИ И НА УКРАЙНѢ *).

Максима Ковалевскаго.

(Переводъ съ французскаго).

Безъ сомнѣнія, не найдется на свѣтѣ болѣе распространеннаго обычая, чѣмъ тотъ, который заключается въ признаніи за первымъ поселенцемъ права на исключительное пользованіе землею, остававшеюся дотолѣ невоздѣланною. Я не говорю — права собственности, ибо, какъ мы далѣе увидимъ, законодательства и древнія и новыя въ этомъ пунктѣ сильно различаются между собою: одни не допускаютъ другаго права на вновь воздѣланную землю, кромѣ права срочнаго пользованія въ теченіе опредѣленнаго числа, напр., трехъ или пяти лѣтъ, другія предоставляютъ пожизненное владѣніе; многія, наконецъ, до того простираютъ свою снисходительность, что обезпечиваютъ первому поселенцу настоящее право собственности, допуская продажу и передачу по наслѣдству занятой имъ земли. Если бы кто пожелалъ подтвержденія высказаннаго здѣсь мною положенія, то онъ нашелъ бы его въ браминскихъ сводахъ, въ трактатахъ мусульманскаго права, въ институціяхъ Гая и Юстиніана, въ кодексѣ Ѳеодосія также, какъ и въ различныхъ латино-варварскихъ законахъ, для которыхъ онъ послужилъ источникомъ, въ сборникахъ византій-

*) Оригиналъ предлагаемой здѣсь читателю, въ переводѣ, статьи нашего извѣстнаго ученаго напечатанъ въ „Nouvelle revue historique de droit français et étranger“ (Juillet-Août 1891. — № 4, p. 480 — 516), подъ заглавіемъ „De l'appropriation du sol par le travail en Petite-Russie et en Ukraine“ и составляетъ тамъ вторую статью очерковъ, озаглавленныхъ „Études sur le droit coutumier russe“.

скаго права, каковыми, напр., являются Prochiron и его многочисленныя обработки, сдѣланныя въ славянскихъ земляхъ и особливо въ Россіи, обработки, которыя, не имѣя силы закона, тѣмъ не менѣе служили духовнымъ лицамъ руководствомъ въ ихъ тяжбахъ между собою и съ мірянами, наконецъ въ различныхъ варварскихъ законахъ какъ германскаго, такъ и скандинавскаго происхожденія и въ частности въ законахъ бургундовъ, аллемановъ, шведовъ и норвежцевъ.

Чтобы не плодить примѣровъ, мы ограничимся здѣсь приведеніемъ лишь типическихъ постановленій индусскихъ сводовъ, мусульманскихъ законодательствъ и варварскихъ законовъ. Ману, Яджнавалкія и учрежденія Нарады—эти своды, которые отдѣлены другъ отъ друга разстояніемъ въ нѣсколько вѣковъ, одинаково задаются вопросомъ, въ чемъ именно заключаются права перваго занявшаго землю, дотолѣ остававшуюся невоздѣланною. Общаго между всѣми этими тремя сводами то, что они требуютъ отъ поселенца не только оккупаціи, но и обработки занятаго участка, если онъ желаетъ овладѣть имъ. «Одной оккупаціи, читаемъ мы въ Яджнавалкіи (кн. II, гл. XXVII), хотя бы и непрерывной даже въ теченіе трехъ поколѣній, недостаточно, чтобы обосновать право собственности». «Кто по бѣдности не въ состояніи обработать занятаго имъ участка, въ свою очередь пишетъ составитель учрежденій Нарады, тотъ долженъ отказаться отъ выгодъ, которыя могъ бы извлечь изъ оккупаціи, и выгоды эти цѣликомъ достанутся тому, кто своимъ трудомъ оплодотворитъ эту землю» (гл. IV, ст. 18, 19 и 20). «Земля, остававшаяся невоздѣланною въ продолженіе 5 лѣтъ, признается пустопорожнею (гл. XIII, ст. 48) и въ качествѣ таковой можетъ быть освоена каждымъ новымъ поселенцемъ, который пожелаетъ ее обработать». Описанное явленіе составляетъ достояніе далеко не одного прошлаго: освоеніе земли трудомъ и въ наши дни является въ Индіи живымъ, дѣйствующимъ обычаемъ; его мы находимъ среди арійскихъ народовъ Пенджаба, у которыхъ, если судить по одному, появившемуся въ 1851 году, оффиціальному донесенію, фактъ очистки земельнаго участка отъ кустарниковъ, его покрывающихъ (the clearing of the land from jungle), постоянно приводится въ качествѣ твердаго и несомнѣннаго доказательства права собственности [1]).

Приведенныхъ мною постановленій, думается, достаточно, чтобы надлежащимъ образомъ обосновать два нижеслѣдующія положенія.

---

[1]) The clearing of the land from jungle is often quoted as the valid and undeniable proof of proprietorship (Report of the Punjab, 1849—51).

Во-первыхъ, индивидуальное завладѣніе могло въ Индіи имѣть мѣсто только по отношенію къ такимъ землямъ, которыя совсѣмъ не имѣли собственниковъ. Однако таковыми не могли быть, въ большинствѣ случаевъ, земли, годныя для воздѣлыванія. Большая часть этихъ послѣднихъ, во всѣ времена, принадлежала семейнымъ общинамъ и возникшимъ изъ нихъ деревнямъ. Другое заключеніе, которое, мнѣ кажется, вытекаетъ изъ изученія индусскихъ сводовъ, состоитъ въ томъ, что для пріобрѣтенія исключительнаго пользованія землею, дотолѣ остававшеюся невоздѣланною, слѣдовало содержать ее въ непрерывной обработкѣ. Пренебреженіе этой обязанностью вело за собою утрату права пользованія. Отсюда слѣдуетъ, что право на землю, пріобрѣтаемое трудомъ поселенца, не было правомъ собственности, а скорѣе правомъ непрерывнаго пользованія, которое, естественно, могло пріобрѣсти характеръ пожизненнаго.

Обращеніе земли подъ обработку было въ Индіи не только первоначальнымъ, но и производнымъ способомъ ея пріобрѣтенія.

Земля, занятая какой либо семьей или деревней, могла быть уступлена новому поселенцу тѣми, кто имѣлъ на нее право, однако подъ условіемъ, чтобы введенный во владѣніе оплодотворялъ ее своимъ трудомъ. Въ этомъ случаѣ титулъ собственности имѣетъ своимъ основаніемъ уже не одно обращеніе земли подъ обработку, но и цессію, сдѣланную въ пользу новаго владѣльца тѣми, которые держали землю до него. И дѣйствительно, всякій разъ, когда дѣло идетъ о пріобрѣтеніи постороннимъ лицомъ земли, хотя бы и пустующей, но расположенной въ границахъ той или другой деревни или общины, является необходимость заручиться согласіемъ этой послѣдней. Если бы понадобился примѣръ, то его можно было бы найти въ древнемъ повѣствованіи о порядкѣ основанія села Муруда въ южномъ Канканѣ. Эта легенда, существованіе коей открылось намъ изъ одного санскритскаго источника, относящагося къ XIV или XV столѣтію, говоритъ о поселенцахъ, пришедшихъ съ сѣвера подъ предводительствомъ брамина Гангадара Рата. Поселенцы садятся въ лѣсу, принадлежащемъ общинѣ Адуда, испрашиваютъ у нея право на его расчистку и становятся такимъ образомъ собственниками занятой земли [2]). Затѣмъ, нуждаясь въ пастбищахъ, они добиваются вмѣшательства мѣстнаго князя, «раджи», и при его содѣйствіи четыре сосѣднія общества снабжаютъ ихъ потребнымъ для того количествомъ земли.

2) Journal of the Bombay branch of the Asiatic society. Подробности легенды въ моей книгѣ „Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія“, Москва, 1879, p. 104.

Въ мусульманскихъ странахъ обращеніе невоздѣланной земли подъ обработку совсѣмъ не входитъ въ число первоначальныхъ способовъ пріобрѣтенія собственности, и это потому, что страны эти совсѣмъ не признаютъ того, что римляне называютъ «terra nullius». Завоеванная земля, т. е. всѣ земли, мечемъ отторгнутыя у невѣрныхъ, со временъ Магомета, всегда разсматривались магометанами по праву принадлежащими, за неимѣніемъ другихъ собственниковъ, главѣ правовѣрныхъ — имаму. Эта фикція не помѣшала сохраненію того стариннаго арабскаго обычая, который требовалъ, чтобы первый поселенецъ на пустующей землѣ становился ея пользователемъ [3]). Она только предупредила возможность дальнѣйшей эволюціи этого права, которое навсегда осталось правомъ пользованія, а не сдѣлалось правомъ собственности. Большая часть мусульманскихъ юристовъ держатся этого мнѣнія. «Право собственности можетъ быть установлено въ пользу перваго воздѣлывателя не иначе, какъ въ случаѣ ясно выраженнаго разрѣшенія на то со стороны имама», читаемъ мы въ Гедайѣ, этомъ сводѣ ганефитскаго права, которое давно примѣняется въ Индіи. Малекитское право раздѣляетъ ту же точку зрѣнія. «Незанятая земля не можетъ быть взята во владѣніе безъ согласія на то имама», пишетъ Сиди Крелилъ [4]), и таково же убѣжденіе его комментатора Абд-ель-Баккй. И только право мусульманъ шіитовъ признаетъ, что «если кто либо, въ отсутствіи имама, расчиститъ одинъ изъ свободныхъ участковъ земли, то пріобрѣтаетъ на него право собственности, хотя бы и безо всякаго разрѣшенія» [5]). Такимъ образомъ, мусульманскія законодательства, единодушно признавая за первымъ поселенцемъ право пользованія землею, обращенною имъ подъ обработку, далеки отъ того, чтобы съ такимъ же единодушіемъ утверждать, что одна оккупація представляетъ достаточный титулъ для обоснованія права собственности. Большая ихъ часть еще требуютъ согласія имама: «ибо ничья земля, какъ утверждаетъ Гедайя, становится по праву завоеванія общимъ достояніемъ совокупности правовѣрныхъ». Обращеніе ея въ индивидуальную собственность, какъ и всякой другой военной добычи, не можетъ, слѣдовательно, совершиться иначе, какъ съ разрѣшенія имама [6]). «Другой ганефитскій

---

[3]) Объ античномъ характерѣ этого обычая смотри у Гольдцигера, „Muhamedanisches Recht in Theorie und Wirklichkeit“, *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft.* 8 Band, III Heft, 1889, p. 412.

[4]) Worms, *Journal asiatique,* октябрь 1842, p. 307.

[5]) Query, *Recueil de lois concernant les musulmans schyites,* v. II, p. 237—239.

[6]) *Гедайя,* англійскій переводъ Гамильтона, p. 129.

сводъ, Мультекка, весьма распространенный въ Турціи, выражается по сему предмету не менѣе точно: «имамъ, говоритъ онъ, вправѣ располагать невоздѣланными землями государства. Всякій, будь то мусульманинъ или невѣрный, кто обратитъ такимъ образомъ подъ обработку невоздѣланную землю, пріобрѣтаетъ на нее право собственности» [7]).

Если согласіе Имама есть необходимое условіе для того, чтобы земля стала индивидуальною собственностью путемъ оккупаціи, другое не менѣе важное условіе заключается въ томъ, чтобы занятая такимъ образомъ земля до того оставалась необработанной (herme). «Имамъ, значится въ одномъ малекитскомъ сводѣ — говоритъ Сиди Крелилъ—ни въ какомъ случаѣ не можетъ предоставить права собственности на землю, уже обращенную подъ обработку» [8]). Это могло бы имѣть мѣсто только въ одномъ случаѣ, если бы земля была покинута своимъ первымъ владѣльцемъ и запустѣла бы. Такъ мы видимъ, что мусульманскій юристъ Абд-ель-Баккй формально заявляетъ, что имамъ имѣетъ право утверждать оккупацію земли, обработка коей заброшена ея собственникомъ [9]). На всемъ мусульманскомъ востокѣ и особенно среди магометанскихъ народностей Кавказа, которыя я посѣщалъ неоднократно, только и разговора, что о собственности, пріобрѣтаемой путемъ возвращенія къ жизни земли, давно оставленной безъ обработки. Въ провинціяхъ Грузіи, коихъ обычное право во многихъ отношеніяхъ носитъ на себѣ слѣды политической зависимости отъ персовъ, въ которой находилось населеніе этой страны, пріобрѣтеніе собственности путемъ обращенія подъ обработку дѣвственнаго или заброшеннаго прежнимъ собственникомъ участка земли есть явленіе настолько обыденное, что терминъ, обозначающій этотъ способъ овладѣнія—«Ашо»—въ то же время служитъ и для обозначенія собственности.

Такимъ образомъ, на всемъ Востокѣ фактическое занятіе, не при помощи меча, а при помощи плуга, разсматривается, какъ обычный способъ обоснованія дѣйствительнаго права на землю, права, принимающаго то форму пользованія, то форму собственности. Не иначе было и на Западѣ и на латинскомъ и на германскомъ, и продолжалось это во всѣ средніе вѣка. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно пробѣжать варварскіе законы и судебные акты и формулы, въ

---

7) D'Ohsson, t. VI, p. 122.

8) Worms, *Journal asiatique,* 1842, p. 317.

9) Ibid.

которыхъ только и рѣчи, что объ *exartum* или о *novale*, объ *apprisio* или о *bifang*, о *captura* или объ *adtractum*, или еще о земляхъ, владѣніе коими было пріобрѣтено *sudore et labore*, т. е., работой до пота лица [10]). Право пріобрѣтенія собственности на пустующую землю путемъ обращенія ея подъ обработку одинаково признается, какъ варварскими законами, регулирующими юридическія отношенія германскихъ племенъ, такъ и тѣми, которые были составлены для римскаго населенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сличить главу XIII закона Гундобальда съ § 23 книги второй *Lex Romana Curiensis*: «Quicunque miles in terram dominicalem aedificium fecerit, id est, si ipsa terra alter homo antea propresa non habuit, postea ipsum aedificium nullus homo ei tollere potest. Similiter et de agro ubicumque laborare potuerit si ipsum agrum antea alter non habuit, nullus ei tollere potest [11])». Я привелъ этотъ текстъ, главнымъ образомъ, потому, что онъ открываетъ намъ, что право пріобрѣтенія собственности на землю путемъ ея обращенія подъ обработку далеко не есть только германскій обычай, какъ это ошибочно думали, и что оно одинаково признается и правовыми сводами латинскаго происхожденія. Lex romana Curiensis представляетъ именно такой случай. И фактъ, что въ этомъ памятникѣ цитированному мною постановленію предшествуетъ ссылка на постановленія императора Гонорія, только еще больше подчеркиваетъ чисто римскій характеръ exartum'a въ обычаяхъ гельвето-римскаго населенія Ретическихъ Альпъ. Если бы, съ другой стороны, пожелали отыскать доказательство, что пріобрѣтеніе земли путемъ приложенія труда къ ея обработкѣ не вошло въ германскіе обычаи подъ исключительнымъ вліяніемъ римскаго права, то доказательство это могло бы быть найдено въ томъ фактѣ, что его, какъ нельзя полнѣе, признаютъ скандинавскія законодательства, которыя, какъ извѣстно, остались свободными отъ латинскихъ вліяній, коимъ подпали варварскіе законы материка. *Ornum* древняго датскаго права, въ сущности, не что иное, какъ германское *bifang* или *exartum*, и условія ихъ осуществленія вполнѣ тожественны. Мало было, говоритъ Амира, позаботиться объ оккупаціи пустующаго участка (*landnam*

[10]) См., среди другихъ сборниковъ грамотъ, тотъ сборникъ, который г. Вартманъ составилъ для С.-Галленскаго монастыря (*Urkundenbuch der Abteit Sanct-Galln*), а также №№ 202, 274, 334, etc. сборника Нижне-Рейнскихъ грамотъ, изданныхъ Лакомбле (*Urkundenbuch für die Geschichte des Niederrheins.* v. I, p. 12 и 29). Сравни также Dronke, *Codex diplomaticus Fuldensis*, 133, charte № 261.

[11]) Planta, *Das Alte Rhätien*, p. 460.

или *nema land*, по выраженію, употребительному въ древнихъ норвежскихъ законахъ), нужно было еще, утверждая свои границы, выполнить символическое дѣйствіе, состоявшее въ зажиганіи огня на занимаемой землѣ. Происхожденіе этого обычая угадать не трудно. Развѣ не выжиганіемъ лѣса начиналась обыкновенно обработка земли?

Другой пунктъ, который не мѣшаетъ отмѣтить. Чтобы разъ занятая земля оставалась въ собственности занявшаго, скандинавское право требовало ея непрерывной обработки. Участокъ, покинутый занявшимъ его, возвращался въ число пустующихъ земель и могъ тѣмъ же порядкомъ сдѣлаться предметомъ новаго овладѣнія.

Судьбы нѣмецкаго bifang'a [12]) и скандинавскаго ofnum'a были вполнѣ тожественны. Какъ только земля сдѣлалась собственностью сельскихъ обществъ, свободныхъ и феодальныхъ, а незанятыя земли были признаны принадлежащими государству и его политическому главѣ, королю или князю,—осуществленіе индивидуальной оккупаціи было поставлено въ зависимость отъ согласія всѣхъ управомоченныхъ, будь то общество обитателей даннаго округа, *centena*, *hundred*, или деревенская община, villata, tun и т. п., или феодальный сеньеръ, или князь, или король. Амира, Инама-Штернеггъ и Гейсслеръ признаютъ это единодушно. Земля народа, allmeningr, перейдя въ руки короля, становилась konungs allmeningr, говоритъ первый изъ нихъ, и у короля новый поселенецъ долженъ былъ испрашивать себѣ разрѣшеніе на занятіе участка, дотолѣ остававшагося невоздѣланнымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда пустующая земля находилась въ чертѣ владѣній какой либо общины, то уже ей принадлежало право давать свое согласіе поселенцамъ, являвшимся, чтобы утвердиться на ея землѣ и оплодотворить эту послѣднюю своимъ трудомъ. Всякое овладѣніе, не отвѣчавшее только что указанному условію, лишало перваго занявшаго права сдѣлаться собственникомъ [13]).

Въ Германіи, говоритъ въ свою очередь Гейсслеръ, вся незанятая земля со временемъ стала землей короля. У императоровъ вошло поэтому въ обыкновеніе выражаться такъ: «Silva invia et inculta, et ob hoc nostre proprietati deputata» [14]). Чтобы пріобрѣсти такую землю, даже путемъ приложенія къ ней своего труда, нужно было запастись особымъ на то разрѣшеніемъ отъ монарха. Когда единство имперіи уступило свое

---

[12]) Ихъ разъяснилъ Безелеръ въ своемъ *изслѣдованіи о Neubruch'ѣ (Symbolae Bethmano-Holwegio oblatae)*.

[13]) См. *Grundriss der Germanischen Philologie*, издаваемый Германомъ Паулемъ, II Band, 2 Abtheilung, p. 151.

[14]) Бёмеръ, *Acta imp.* I, № 41 (a. 1018).

мѣсто множеству болѣе или менѣе независимыхъ леновъ, тогда императора-короля замѣнилъ собою Landesherr и за разрѣшеніемъ приходилось обращаться уже къ нему. Что касается общинныхъ земель, находившихся въ общемъ пользованіи семей, составляющихъ общину, то ихъ обращеніе подъ обработку каждымъ новымъ поселенцемъ не могло имѣть мѣста иначе, какъ съ согласія всѣхъ управомоченныхъ [15]). Bifänge могли, такимъ образомъ, образоваться на альмендныхъ земляхъ лишь въ случаѣ прямаго на то согласія со стороны Genossen—обычай, которому еще слѣдуютъ въ тѣхъ кантонахъ Швейцаріи, которые допускаютъ устройство того, что называется Gärten въ лѣсахъ и пустошахъ, состоящихъ въ нераздѣльномъ владѣніи обитателей одной и той же общины. Этимъ способомъ овладѣнія альмендомъ, всякій разъ съ согласія управомоченныхъ, могли пользоваться не только отдѣльные поселенцы, но и товарищества поселенцевъ. Въ этихъ случаяхъ, говоритъ Инама-Штернеггъ [16]), производительныя товарищества *(Betriebsgemeinschafften)* устраивались на альмендныхъ земляхъ подобно *Haubergsgenossenschafften,* которыя еще и теперь встрѣчаются въ Siegerland'ѣ [17]).

Расчистка, произведенная съ согласія общины, не всегда вела за собою установленіе права собственности. Часто новый поселенецъ пріобрѣталъ только право пользованія, которое продолжалось безсрочно, подъ условіемъ непрерывной обработки земли. Такъ въ Каталоніи и Арагонѣ встрѣчаются обычаи, лишающіе даже права пользованія того, кто въ продолженіе трехъ лѣтъ оставитъ землю безъ обработки. Это правило еще и въ наши дни сохраняетъ свою силу въ сельскихъ общинахъ, расположенныхъ въ срединѣ Пиренеевъ, какъ это съ полною ясностью обнаружено профессоромъ Лучицкимъ въ его любопытномъ и богатомъ неизданными документами изслѣдованіи, которое онъ пожелалъ посвятить мнѣ [18]).

Въ Швеціи, если судить по законамъ Вестготіи и Упланда, расчистка не устанавливаетъ другаго права, кромѣ права срочнаго пользованія въ продолженіи трехъ, шести и даже двѣнадцати лѣтъ. Такое же право пользованія, на срокъ въ три, четыре и пять лѣтъ, общины Гларуса и Унтервальдена предоставляли каждому обработавшему участокъ альменда; *Gärten* или огороды, устроенные въ предѣлахъ альменда, оста-

---

15) Гейсслеръ, *Institutionen des deutschen Privatrechts,* 2 Band, p. 65.

16) Inama - Sternegg, статья, озаглавленная *Wirtschaft,* въ Grundriss der germanischen Philologie, II Band, 2 Abtheilung, p. 11.

17) См. Achenbach, *Die Haubergsgenossenschaften des Siegerlandes.* Bonn, 1863.

18) *Отечественныя Записки;* см. года 1880—81.

ются въ рукахъ своихъ обладателей не дольше извѣстнаго числа лѣтъ, установленнаго обычаемъ.

Мы не будемъ больше распространяться объ этой роли, столь любопытной, которую, и на Востокѣ, и на Западѣ, играло пріобрѣтеніе земли путемъ обращенія ея подъ обработку; ибо юридическая природа *apprisio* или *exartum'a*, а равно и разнообразныя причины, помѣшавшія ему сдѣлаться всеобщею формою собственности, достаточно, думается намъ, освѣщены предыдущимъ изложеніемъ. Читатель будетъ вынужденъ признать, что одной оккупаціи было еще мало для установленія дѣйствительнаго права на землю, даже пустующую; что за этою оккупаціей должна была слѣдовать непрерывная обработка; что право собственности не всегда было результатомъ такого овладѣнія, и что часто изъ него не возникало ничего больше, кромѣ права пользованія, болѣе или менѣе продолжительнаго. Читатель не оставитъ также незамѣченнымъ и того, что оккупація, осуществленная путемъ обращенія земли подъ обработку, могла быть сдѣлана не только единичными хозяйствами, но и совокупностью хозяйствъ, которымъ въ этихъ случаяхъ ничто не мѣшало оставлять въ нераздѣльномъ пользованіи всѣ или часть пріобрѣтенныхъ земель.

Если захватъ, *bifang* или *exartum*, не сдѣлался наиболѣе обыкновеннымъ способомъ установленія права собственности, то причину этого слѣдуетъ искать въ томъ фактѣ, что безхозяйная, пустошная земля *(terra nullius, das herrenlose Land)* была современемъ признана собственностью государства и общинъ. Отсюда-то и проистекла обязанность обращаться за разрѣшеніемъ къ представителямъ государства, какъ бы они не назывались—къ раджамъ, имамамъ, конунгамъ и владѣтельнымъ князьямъ (Landesherren)—всякій разъ, когда дѣло шло объ обращеніи подъ обработку дотолѣ дѣвственнаго участка земли. Только въ силу разрѣшенія со стороны этихъ лицъ на такую оккупацію земля становилась собственностью поселенца или поселенцевъ, обратившихъ ее подъ обработку. Что же касается пустующихъ земель, распредѣленныхъ между общинами, то пріобрѣсти ихъ въ собственность какъ отдѣльному лицу, такъ и многимъ, коллективно, можно было только съ согласія всѣхъ тѣхъ, которымъ принадлежало право пользованія этими землями, или, иначе говоря, съ согласія всѣхъ общинниковъ, являлись ли они членами одной только общины, или совокупности болѣе или менѣе объединенныхъ общинъ, пользующихся однимъ и тѣмъ же лѣсомъ или одними и тѣми же пастбищами.

Предыдущаго достаточно, чтобы сдѣлать понятнымъ историческое происхожденіе и истинный правовой характеръ той особливой формы собственности, весьма распространенной, еще и въ наши дни, въ Малороссіи и на Украйнѣ, которая носитъ названіе *заимки*.

Что этотъ способъ достигать временнаго пользованія землею, а пожалуй и наслѣдственной собственности на нее, былъ извѣстенъ еще въ ту эпоху, когда Кіевъ, сдѣлавшійся нынѣ центромъ Малороссіи, находился во главѣ княжествъ, занятыхъ потомствомъ Рюрика, мы находимъ тому несомнѣнное свидѣтельство въ упоминаніи, которое дѣлаетъ объ этомъ одна русская юридическая компиляція, восходящая къ XIV столѣтію. Я разумѣю здѣсь сборникъ византійскихъ законовъ, большею частью извлеченныхъ изъ Prochiron'a и обработанныхъ примѣнительно къ условіямъ русской сельской жизни; сборникъ этотъ сохранила намъ одна рукопись синодальной библіотеки въ Москвѣ, подъ заглавіемъ «*Книги Законныя*».

Послѣднимъ издателемъ и комментаторомъ этого въ высшей степени драгоцѣннаго сборника является проф. А. С. Павловъ. Не имѣя силы закона, говоритъ этотъ маститый ученый, такъ называемыя «*Книги Законныя*», по всей вѣроятности, неоднократно служили для справокъ лицамъ церковнаго вѣдомства и церковнымъ судамъ.

Повидимому, въ основаніи этой гипотезы лежитъ и самъ по себѣ весьма важный, для опредѣленія юридической природы «заимки» въ ту отдаленную эпоху русской исторіи, фактъ, что правомочія, сходныя до малѣйшихъ подробностей съ тѣми, о которыхъ упоминаютъ «Книги Законныя» — этотъ на половину византійскій сборникъ, были въ обычаѣ у малороссійскихъ крестьянъ еще въ прошломъ столѣтіи.

Въ самомъ дѣлѣ. Вотъ содержащееся въ «Книгахъ Законныхъ» постановленіе о способѣ пріобрѣтенія права пользованія единственно черезъ обращеніе подъ обработку дѣвственнаго участка земли; а вотъ, съ другой стороны, и то, что еще недавно предписывалъ мѣстный обычай мѣстечка Голтвы, въ Полтавской губерніи.

Книги законныя—«Аще кто земледѣлець пріемь удѣлаетъ нечистую землю — ниву иного земледѣльца, три годы да сѣетъ и пріемлетъ плодъ, и потомъ отдастъ имѣющему ея (собственнику)» [19]).

Мѣстный обычай мѣстечка Голтвы, по описанію одного оффиціальнаго акта, помѣченнаго 1767 годомъ — «Тотъ, кто своимъ плугомъ поднялъ цѣлину, вовсе не пріобрѣтаетъ этимъ на нее права собствен-

[19]) Павловъ, *Книги Законныя*. Петербургъ, 1885, p. 46.

ности. Послѣ того, какъ онъ пользовался ею впродолженіе трехъ лѣтъ, когда земля снова запустѣетъ, всякій, вновь пришедшій, получитъ право обратить ее подъ обработку» [20]).

Сходство двухъ этихъ правилъ, при чемъ одно взято изъ свода, восходящаго къ XIV столѣтію, а другое служитъ лишь выраженіемъ еще недавно дѣйствовавшаго обычая, не только позволяетъ намъ установить тотъ, бывшій доселѣ сомнительнымъ, фактъ, что «Книги Законныя» примѣнялись въ малороссійскихъ земляхъ, но еще и показываетъ, что оккупація земли поселенцемъ въ этихъ мѣстахъ не имѣла въ старину другаго послѣдствія, кромѣ установленія въ пользу заимщика права пользованія, ограниченнаго числомъ лѣтъ, потребнымъ для трехпольнаго хозяйства *).

Если спросить себя о причинѣ, почему въ Россіи оккупація земли, даже дѣвственной, не вела за собою необходимымъ образомъ установленія права собственности, то невольно приходишь къ предположенію, что помѣхою тому служили земельныя права сельскихъ общинъ: разъ пустующія земли распредѣлены между общинами, онѣ въ силу этого перестаютъ быть *terrae nullius*. Поэтому тотъ, кто обратитъ ихъ подъ обработку, уже не находится по отношенію къ нимъ въ положеніи перваго занявшаго. Онъ простой пользователь, правомочія коего необходимо регулируются обычаемъ, и который можетъ быть освобожденъ отъ налагаемыхъ имъ обязанностей не иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ тѣхъ, кому принадлежитъ доля въ имуществѣ общины. Что насъ укрѣпляетъ въ этомъ взглядѣ, такъ это аналогическіе факты, представляемые общественнымъ строемъ скандинавскихъ народовъ, а въ частности шведовъ, по скольку строй этотъ основанъ на принципѣ нераздѣльнаго общиннаго владѣнія землей. И дѣйствительно Westgötalag и Uplandlag, предоставляя первому, занявшему дѣвственную почву, право пользоваться ею, единогласно ограничиваютъ это пользованіе лишь нѣсколькими годами всякій разъ,

---

[20]) *Одно поле не должно сѣять вовсе.* Лучицкій: *Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ Львобережной Украйнѣ XVIII в. (Полтавской губерніи).* Кіевъ, 1884, p. 169.

*) Хотя между двумя текстами, которые сопоставляетъ авторъ, есть та разница, что первый говоритъ о правахъ, возникающихъ изъ самовольнаго занятія *чужой* запущенной земли, а второй — о правахъ *перваго* занявшаго, однако различіе это не устраняетъ выдвинутаго авторомъ существеннаго сходства въ положеніи заимщиковъ обѣихъ категорій, заключающагося въ томъ, что и во второмъ случаѣ для заимщика возникаетъ только право на трехлѣтнее пользованіе занятою землей, а не право собственности. *Переводчикъ.*

когда земля эта есть часть *allmäning'a* или другими словами *общинныхъ земель* [21]).

Если фактъ нераздѣльнаго земельнаго пользованія хозяйствами, составляющими одну или нѣсколько общинъ, помѣшалъ въ Россіи удѣльнаго періода, т. е. ранѣе XV вѣка, образованію того вида индивидуальной собственности, которую занятіе и расчистка земли доставляютъ поселенцу, то расцвѣтъ царской власти въ XV и XVI столѣтіяхъ объясняетъ намъ, почему «apprisio» оставалась неизвѣстной какъ писанному, такъ и обычному праву московскаго государства. Въ самомъ дѣлѣ, если вѣрить іезуиту Антонію Поссевину, посланному Римскою куріей въ началѣ XVI столѣтія къ великому князю Василію, вся земля въ московскомъ государствѣ считалась собственностью царя, и никто не могъ располагать ею безъ его согласія, даже въ интересахъ ближайшихъ родственниковъ [22]). Мы тѣмъ болѣе вправѣ приписывать этому свидѣтельству дѣйствительную важность, что самодержавіе царя сложилось, какъ это раскрыто извѣстнымъ историкомъ Костомаровымъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ примѣра, представлявшагося ханами Большой Орды. Мусульманская теорія, требовавшая, чтобы вся земля разсматривалась, какъ собственность или «dominium eminens» главы государства (имама), легко могла быть распространена на князей, главенствовавшихъ въ московскомъ государствѣ.

Удивительно, что русскіе юристы до сихъ поръ мало обращали вниманія на земельное устройство, изображаемое въ трактатахъ мусульманской юриспруденціи. Безъ сомнѣнія, они могли бы отыскать въ нихъ объясненіе не малаго числа темныхъ мѣстъ, которыя еще представляетъ исторія землевладѣнія Имперіи; они дошли бы до пониманія того, какимъ образомъ юридическая теорія, требовавшая, чтобы князь былъ единственнымъ собственникомъ земли, не помѣшала ни личному, ни коллективному овладѣнію земли Московскаго государства семьями и общинами, точно такъ же, какъ она не помѣшала этому и въ Большой Ордѣ и другихъ государствахъ, руководившихся

---

21) Въ противоположность Вестготскому закону Упландскій законъ присоединяетъ еще срокъ дважды и трижды трехлѣтній, т. е. предоставляетъ заимщику воспользоваться двумя или тремя трехлѣтними сѣвооборотами.

22) Вотъ сдѣланный въ Феррарѣ въ 1592 году итальянскій переводъ этого такъ часто подвергавшагося комментаріямъ текста *Московіи:* „Il mero imperio resta quasi al Mosco (царь)... Se ad alcuno consegna ville e campi quelli non passano ai posteri se non ne hanno la confermatione del Principe... Di quà aviene che nissuno veramente puo dire d'haver cosa alcuna propria... (p. 32).

мусульманской юриспруденціей [23]). Съ другой стороны, они могли бы констатировать большую аналогію, существующую между «служилыми» землями или «иктаа» мусульманскаго міра, владѣніе коими было связано со службою и прекращалось вмѣстѣ съ нею, и тѣми «помѣстьями» или предоставленными въ пользованіе и не переходившими по наслѣдству землями, коими цари Московскіе—эти преемники татарскихъ хановъ, награждали «мужей меча» и «мужей совѣта» за ихъ службу и заботы по управленію государствомъ, какъ въ рядахъ войска, такъ и во главѣ областей и различныхъ приказовъ. Одинъ фактъ, что «помѣстье» оставалось неизвѣстнымъ въ эпоху, предшествовавшую татарскому нашествію [24]), такъ что древнее русское право совсѣмъ не знаетъ его, приводитъ насъ къ увѣренности, что его развитіе должно было совершиться подъ иностраннымъ вліяніемъ; а между тѣмъ, среди этихъ вліяній не было другаго болѣе близкаго и неотразимаго, какъ вліяніе татарскаго владычества. Рядомъ съ *служилыми землями* или *помѣстьями* московское гражданское право знало еще и другой видъ собственности: аллодъ (вотчину) въ смыслѣ terra patrimonii или наслѣдственной земли [25]). Эти два вида собственности, говоря языкомъ феодистовъ—бенефицій и аллодъ, долго сохраняли въ Россіи свои отличія. И не раньше, какъ послѣ освобожденія дворянства Екатериной II отъ обязательной военной службы, *помѣстье* или бенефицій слилось съ *вотчиной* или наслѣдственной землей. Вмѣстѣ они образовали полное право собственности въ томъ видѣ, какъ оно понимается современнымъ правомъ Имперіи. Помимо этихъ двухъ видовъ собственности—я хочу сказать *вотчины* и *помѣстья*, бенефиціи и аллода, Россія Московская не знала другой собственности, кромѣ нераздѣльной или вѣрнѣе нераздѣльнаго наслѣдственнаго пользованія земледѣльческихъ общинъ, этихъ *черныхъ сотенъ*, на кои дѣлилось большинство сельскаго населенія, а именно того, которое находилось въ прямой зависимости отъ царя. Общинная собственность сельскихъ обывателей, вотчина и помѣстье служилыхъ людей и *dominium eminens*, принадлежавшее царю на всѣ пустующія земли—не оставляли болѣе

---

23) См. о землевладѣніи въ мусульманскихъ странахъ у Вормса, Bèlin'a и Кремера.

24) Срав. книгу Загоскина: *„Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія до-петровской Руси“*. (Изслѣдованіе. Казань, 1875, 8°) и работу профессора Градовскаго: *„Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи“* (Петербургъ).

25) Наслѣдственная собственность точно также не была не извѣстна мусульманскому праву: „Мюлькъ“ или „Мелькъ“ былъ ничѣмъ инымъ, какъ аллодомъ. См. по этому же вопросу интересную статью Вормса въ *Journal asiatique*.

мѣста для свободнаго занятія земли, или иначе говоря, для *заимки*. Поэтому неудивительно, если обращеніе подъ обработку дѣвственной почвы совсѣмъ не фигурируетъ въ числѣ титуловъ, образующихъ собственность. Это не значитъ, что первый поселенецъ на землѣ, дотолѣ не воздѣланной, не могъ явиться для того, чтобы создать себѣ несомнѣнное право на землю, *оживленную его трудомъ*. Но для того, чтобы право это сдѣлалось правомъ собственности, смотря по обстоятельствамъ, требовалось: или формальное утвержденіе со стороны царя, или согласіе землевладѣльца или сельской общины. Чаще всего новый поселенецъ достигалъ лишь того, что обезпечивалъ себѣ родъ наслѣдственной аренды. Таковъ именно случай многочисленныхъ *серебренниковъ*, обязанности коихъ сводились на уплату нѣкоторой ренты, извѣстной подъ именемъ *серебра*. Повидимому, ихъ число было очень велико во все продолженіе XV и XVI вѣковъ, и они занимали свободныя земли, какъ тѣ, которыя находились въ непосредственной зависимости отъ царя, такъ и тѣ, которыя принадлежали монастырямъ или свѣтскимъ владѣльцамъ.

Что касается нераздѣленныхъ земель, принадлежавшихъ общинамъ, то и они могли сдѣлаться предметомъ оккупаціи, но для этого требовалось предварительное согласіе владѣльцевъ - общинниковъ. Всѣ крестьяне *волости* (родъ общины, отвѣчающей по обширности своей понятію *марки*) дозволили такому то (имя рекъ) занять такой то участокъ земли, освободившійся вслѣдствіе ухода такого то, или еще: *весь міръ согласенъ, чтобы такой то занялъ такой то участокъ* [26]), такова формула, употребляемая въ московскихъ грамотахъ всякій разъ, когда дѣло идетъ о признаніи правъ перваго занявшаго на землю, расчищенную его стараніями.

Совсѣмъ иными были условія, въ коихъ совершалась эволюція земельной собственности въ Малороссіи и на Украйнѣ.

Кіевское и Черниговское княжества, составлявшія колыбель русской цивилизаціи, очень рано признали свою зависимость отъ князей Литовскихъ. Когда же они присоединили свои земли къ Польшѣ, то и княжества тѣ сдѣлались польскими. Фактъ этотъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что юридическое развитіе ихъ чисто русскаго населенія совершалось подъ вліяніемъ Литовскихъ сводовъ, отчасти же подъ вліяніемъ нѣмецкаго права, Магдебургскихъ и Хемницкихъ обычаевъ, заимствованныхъ изъ Саксонскаго Зерцала и сдѣлавшихся въ Польшѣ гражданскимъ правомъ городовъ.

---

26) См. мою книгу подъ заглавіемъ: *Modern Customs and ancient laws of Russia*, p. 88 (London, David Nutt, 1891).

Другое обстоятельство чисто историческаго порядка сильно содѣйствовало созданію для землевладѣнія въ Малороссіи условій существованія и развитія, совершенно отличныхъ отъ таковыхъ же условій Московскаго государства. Періодическіе набѣги татаръ въ продолженіе вѣковъ опустошали юго-западъ Россіи; его населеніе сильно порѣдѣло. Для защиты границъ отъ безпрерывныхъ нападеній сосѣднихъ кочевниковъ, Польша нашла необходимымъ устроить нѣчто въ родѣ военныхъ колоній, извѣстныхъ подъ именемъ казацкихъ полковъ. Полкамъ этимъ было даровано самоуправленіе и пожалованы обширныя земли, которыя они большею частью оставляли въ нераздѣльномъ владѣніи.

Сѣверъ Малороссіи, менѣе подвергавшійся набѣгамъ татаръ, неоднократно привлекалъ новыхъ обитателей въ лицѣ мелкаго дворянства или шляхтичей. Этимъ аристократамъ польскаго происхожденія корона жаловала многочисленные хутора, которые они населяли какъ рабами, такъ и свободными, соглашавшимися сдѣлаться ихъ наслѣдственными арендаторами или *чиншевиками* (отъ слова *чиншъ*, что значитъ арендная плата). Не то было въ степяхъ, занимающихъ южную часть нынѣшней Черниговской губерніи и всю губернію Полтавскую. Земли эти, открытыя для татарскихъ набѣговъ, оставались почти пустынными, и это еще не позже XVI столѣтія. Вотъ почему въ этихъ краяхъ была еще возможна свободная оккупація земли, пока дѣвственной или заброшенной ея древними воздѣлывателями [27]). Дѣйствовавшій въ этой странѣ Литовскій Статутъ поощрялъ новыхъ поселенцевъ, обѣщая имъ свободное владѣніе землей, оживленной ихъ трудомъ. Дѣйствительно, вотъ что заключаетъ въ себѣ по сему предмету раздѣлъ третій, артикулы 2 и 43 этого статута: кто нажилъ своимъ трудомъ землю, раньше никому не принадлежавшую, и обратилъ ее подъ обработку или расчистилъ изъ подъ лѣса или кустарника, тотъ по праву становится ея собственникомъ. Вотъ это-то постановленіе Литовскаго Статута, воспринятое и тѣмъ Сборникомъ малороссійскихъ обычаевъ, который Императрица Елизавета повелѣла составить въ 1743 году, и послужило правовымъ источникомъ *загимки*.

---

27) Если сѣверная часть Малороссіи, пишетъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, г. Багалей, была мало населена, то южная была лишь дикою степью. Дѣйствительно, тамъ то и были расположены тѣ пустыя, *яловыя*, поля, о которыхъ говорится въ жалобахъ турецкихъ и татарскихъ купцовъ на казаковъ. Берега Ворсклы и Хорола, Сулы, Бѣла и Удая, рѣкъ, прорѣзывающихъ поперекъ Полтавскую и Харьковскую губерніи, были покрыты лѣсами, въ которыхъ свободно охотились кіевскіе и черкасскіе казаки, горожане изъ Канева и Чернигова.

Польскіе короли въ своей аграрной политикѣ свято блюли это, установленное на половину обычаемъ, на половину закономъ, правило, въ силу коего завладѣніе (apprisio) сдѣлалось титуломъ права собственности. Формальное тому подтвержденіе мы находимъ въ нижеслѣдующей привилегіи, пожалованной казакамъ Варшавскимъ дворомъ 22 іюля 1646 года: служилымъ казакамъ,—такъ значится въ текстѣ этого документа, — дозволяется занимать земли и строить усадьбы, гдѣ представится къ тому случай, лишь бы то было на пустыхъ дотолѣ мѣстахъ [28]).

Перемѣна правительства, переходъ Малороссіи изъ польскаго подданства въ подданство московское нисколько не умалили правъ первыхъ заимщиковъ. Гетманы и цари не желали ничего лучшаго, какъ поощрять колонизацію, а какая же мѣра могла бы вѣрнѣе обезпечить ее, чѣмъ привилегія дарованная заимщикамъ? И вотъ мы видимъ, что степи и лѣса попрежнему наполняются и польскими и русскими поселенцами, которые, опираясь на обычай, пріобрѣтаютъ въ собственность землю, оживляя ее своимъ трудомъ. На это имѣются многократныя указанія въ хартіяхъ XVI и XVII вѣковъ. Въ одной изъ нихъ, помѣченной 1738 годомъ и содержащей показаніе обывателей Глуховскаго уѣзда (Черниговской губерніи) объ источникахъ ихъ права собственности, мы находимъ слѣдующее любопытное мѣсто:

«Зъ давнихъ временъ, чему назадъ будетъ болѣе 50 годовъ (т. е. въ 1688 году, когда со времени присоединенія Малороссіи къ Московскому государству прошло не болѣе 20 лѣтъ), начавши отъ села Чарторѣйки ажъ до Воронежа, была все *пуща волна*, къ якой пущи и села селились, а именно: Чарторига, Дубовичѣ, землянка и инніе села въ близости найдуючіеся; и всѣмъ было волно въ тую пущу ѣздить— и хати съ оной пущи ставили. А когда помножилось въ селахъ людей и вже оную пущу гораздо вырубили, то въ то время воронѣжци и инихъ селъ знатнѣйшіе и старѣйшіе обиватели начали занимать и окопо-

---

[28]) См. юридическую компиляцію, озаглавленную: *Права, по которымъ судится малороссійскій народъ*. Этотъ сборникъ, наполненный, главнымъ образомъ, выдержками изъ Литовскаго Статута и Саксонскаго Зерцала, былъ составленъ въ царствованіе императрицы Елизаветы для жителей Малороссіи и считается собраніемъ ихъ обычаевъ. Честь этого открытія принадлежитъ г. Кистяковскому, профессору уголовнаго права въ кіевскомъ университетѣ. Цитированныя мною постановленія находятся въ раздѣлѣ IV, арт. 3, п. 3 этого сборника. „Кто бы себѣ какіе грунта и угодія нажилъ, а они прежде никакого владѣльца не имѣли, или бы кто на пустую землю пришелъ и тую землю распахавалъ, либо лѣсъ расчищалъ или занялъ... таковія недвижимія имѣнія имѣютъ быть того, кто владѣетъ, собственныя, какъ бы купленныя". (р. 48).

вать займи, всякъ по возможности своей, что и не возбранно имъ было» [29]).

Пробѣгая эти строки, легко подумать, что читаешь столько разъ ложно истолкованное мѣсто у Тацита, гдѣ онъ даетъ краткое описаніе землепользованія у германскихъ *крестьянъ*: «agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur quos mox inter se secundum dignationem partiuntur».

Описанные пріемы оккупаціи свободныхъ земель не составляли какой либо особенности жителей Глуховскаго уѣзда. Первобытные лѣса и степи на сотни и тысячи верстъ кругомъ населялись тогда бѣглецами изъ Польши; спасаясь отъ рабства польскимъ панамъ или отъ фанатическаго прозелитизма поповъ и монаховъ, крестьянская голытьба уходила на вольныя земли, еще не видавшія плуга, и садилась на нихъ не только сотнями, но и тысячами; они сводили лѣса, обращая землю подъ обработку и тѣмъ намѣчали границы занятыхъ ими пространствъ. Память объ этихъ событіяхъ была очень свѣжа еще въ 1773 году, когда у казаковъ деревни Пакошичей возникла тяжба съ Новгородъ-Сѣверскимъ монастыремъ Христа-Іисуса. Призванные защищать свое право безспорнаго владѣнія землею, которую они занимали, крестьяне напомнили судьямъ, какимъ образомъ, происходило заселеніе края со времени его присоединенія къ Россіи. «Когда, при помощи Божіей, малороссіяне съ гетманомъ Богданомъ Зѣновіемъ Хмельницкимъ кровію своею освободили Малую Россію отъ ярма ляхскаго и отъ державы польскихъ королей, а пришли въ подданство всероссійскаго монарха великаго государя Алексѣя Михайловича, въ тую пору на обоихъ сторонахъ Днѣпра вся земля была малороссіянъ сполная и общая, потамисть покамисть они первѣе—подъ полки, а въ полкахъ подъ сотнѣ, а въ сотняхъ подъ мѣстечка, села и деревнѣ и въ оныхъ подъ свои жилища, двори, доми, и футори осягли и позаймали; и *потому сталися всѣ добра* (имѣнія) *малороссіянамъ быть властними чрезъ займы*. Оніе же займи свои малороссіяне разными означали способами: одни оборували, другіе—копцами обносили и рвомъ окопували, кляками (зарубками на деревьяхъ) ограничали и что хотѣли въ тѣхъ займахъ строили, гаи возращали и сади заводили, футори, слободы, деревнѣ, села на свое имя селили, къ себѣ въ корысть приводили, на болотахъ, гдѣ видѣли къ устроенію мельницъ мѣста, тамъ оніе

[29]) Архивъ малороссійской коллегіи, № 9135: документъ, воспроизведенный у г. Лазаревскаго въ его историческомъ изслѣдованіи о малороссійскихъ посполитыхъ крестьянахъ (въ *„Запискахъ черниговскаго губернскаго статистическаго комитета,* I ч., Черниговъ, 1866, р. 25).

строили» [30]). Чтобы сдѣлаться собственникомъ своей заимки, поселенцу было достаточно расчистить ее, вырубивъ лѣсъ и выкорчевавъ пни, какъ это еще и теперь дѣлаютъ въ сѣверныхъ областяхъ Россіи, или освободить отъ лѣса при помощи огня. «Малороссія,—такъ гласитъ показаніе одного свидѣтеля, относящееся къ 1737 году,—не знала актовъ, описывающихъ границы земельныхъ владѣній и содержащихъ въ себѣ указанія на источники ихъ происхожденія». Развѣ только изрѣдка, отъ времени до времени, кое кто изъ заимщиковъ обращался къ властямъ съ просьбою утвердить за нимъ на будущее время безспорное владѣніе его расчисткой и оградить это владѣніе отъ нарушеній угрозою денежныхъ пеней [31]).

Обыкновенно въ такихъ случаяхъ обращались съ ходатайствомъ къ начальникамъ казацкихъ полковъ (паны полковники) и испрашивали у нихъ грамоты, удостовѣряющія, что такой-то участокъ земли, расположенный въ предѣлахъ земельныхъ владѣній полка, былъ прежде другихъ захваченъ такимъ то лицомъ, и что, поэтому, отнынѣ долженъ почитаться его собственностью. Документы этого рода назывались *позволительными письмами*, т. е., подтверждавшими актъ оккупаціи или заимки. Но все это встрѣчалось лишь какъ исключеніе.

Большею же частью считалось достаточнымъ установить передъ судьями свидѣтельскими показаніями сосѣдей тотъ единственный фактъ, что заимщикомъ захвачена дѣвственная земля и обращена имъ подъ обработку. Точно также мы видимъ, что малороссійскіе суды, разрѣшая земельныя тяжбы частныхъ лицъ или обществъ, руководствовались только обычаемъ, и стороны основывали свое право собственности на томъ единственно фактѣ, что земля впервые была занята не кѣмъ либо другимъ, а ихъ предками.

Волна, увлекавшая польскихъ крѣпостныхъ людей къ массовому переселенію въ дѣвственные лѣса и свободныя степи, простиравшіяся вдоль лѣваго берега Днѣпра, не остановилась на границахъ Малороссіи.

За окраинами Черниговской и Полтавской губерній, какъ на сѣверѣ, такъ и на востокѣ, лежала страна, такая же дѣвственная и

---

30) Приводимый нами документъ находится въ архивѣ черниговскаго управленія государственными имуществами. Первымъ опубликовалъ его г. Лазаревскій. (Ibid, p. 26).

31) Нѣчто въ этомъ родѣ имѣло мѣсто въ Батуринѣ въ 1676 году, гдѣ къ сотнику была обращена просьба составить письменное запрещеніе всякихъ новыхъ заимокъ на землѣ, захваченной нѣкіимъ обывателемъ, по имени Пархомъ Парека (ibid., p. 25).

не менѣе плодородная, которая манила къ себѣ многочисленныхъ поселенцевъ; шли же они и изъ Великой и изъ Малой Руси. Ихъ привлекали туда различныя привилегіи, податныя льготы и выгоды самоуправленія, которыя охотно давались царями всякому, кто принималъ на себя обязанность защищать южную границу государства и кто для этого соглашался вступить въ ряды той добровольной милиціи, которая носила названіе казацкихъ полковъ, не зная другаго вознагражденія, кромѣ доходовъ отъ пожалованной земли. Такимъ то образомъ и возникли тѣ смѣшанныя великорусско-малороссійскія поселенія, которыя заняли всю теперешнюю Харьковскую губернію и южныя части Курской и Воронежской, т. е. мѣстности, получившія въ XVII и XVIII вѣкахъ названіе Украйны.

Многочисленныя грамоты, жалованныя царями первымъ заимщикамъ и понынѣ хранящіяся въ нашихъ архивахъ — министерства юстиціи въ Москвѣ, главнаго штаба въ Петербургѣ и его отдѣленія въ Харьковѣ,—категорически свидѣтельствуютъ, что заимка была единственнымъ основаніемъ владѣнія украинскихъ казаковъ.

Въ числѣ документовъ, которые могутъ быть приведены въ подтвержденіе этого тезиса, первымъ по порядку изданія является указъ, коимъ царь Алексѣй присоединилъ къ своему государству Малороссію и Украйну. Этотъ указъ, помѣченный 22 октября 1665 года, торжественно утверждаетъ за казаками захваченныя ими земли (займища). Въ одной грамотѣ отъ 4 ноября 1686 года, обращенной на этотъ разъ прямо къ полковникамъ Харьковскаго полка Григорію и Константину Донцамъ, цари Иванъ и Петръ, сыновья царя Алексѣя, признаютъ за казаками этого полка и на будущее время такое же право владѣнія, какое имъ принадлежало и раньше—«*по вашимъ черкасскимъ обыкностямъ*, въ тѣхъ городахъ и уѣздахъ, гдѣ кто живетъ, землями и пасеками и сѣнными покосы и всякими годьи, которые вы заняли себѣ *по своимъ заимкамъ*»[32]). Другой такого рода документъ, помѣченный 1705 годомъ, объявляетъ, что казаки Сумскаго полка имѣютъ право занимать дѣвственныя земли путемъ захвата *(заимки занимать)*, *согласно съ древними обычаями казаковъ (противъ старочеркаской обыкности)*. Грамоты сходныя съ тѣми, изъ которыхъ мы только что сдѣлали выдержки, были неоднократно, до 1743 года, дарованы императорами, то въ пользу того, то въ пользу другаго

---

32) См. *Сборникъ документовъ, относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей Слободской Украйны,* составленный г. Гуровымъ. Харьковъ, 1884, р. 481.

полка. Перестаютъ онѣ появляться, начиная съ этого года, не потому, чтобы русское правительство нашло полезнымъ пріостановиться съ своими щедротами или пожелало нарушить дарованныя имъ права, но потому, что именно въ этомъ году было повелѣно составить *Сборникъ малороссійскихъ обычаевъ*, сборникъ, который долженъ былъ объединить въ себѣ всѣ древнія правомочія и новѣйшія привилегіи, которыми пользовались казаки, какъ въ Малороссіи, такъ и на Украйнѣ. И въ самомъ дѣлѣ сводъ этотъ, какъ это было нами указано выше, признаетъ право освоенія дѣвственной земли путемъ захвата, сопровождаемаго со стороны заимщика ея обращеніемъ подъ дѣйствительную и непрерывную обработку. Статья I главы XIV помѣщаетъ заимку въ числѣ законныхъ способовъ пріобрѣтенія недвижимой собственности, которая представляетъ собою два различные типа, изъ коихъ одинъ — имущества наслѣдственныя, а другой — собственность, пріобрѣтенная фактомъ овладѣнія землей, дотолѣ никому не принадлежавшей.

Весьма вѣроятно, что Сборникъ малороссійскихъ обычаевъ, не оставаясь мертвою буквою, все же никогда не получалъ отъ правительства оффиціальнаго утвержденія. Поэтому было бы важно обосновать положеніе, что постановленія этого Сборника, по скольку они касаются привилегій заимочнаго владѣнія, были санкціонированы императорскими указами позднѣйшей эпохи. Въ дѣйствительности такъ оно и случилось, ибо въ 1769 году правительство, справедливо озабоченное многочисленными затрудненіями, возникавшими при водвореніи новыхъ поселенцевъ вслѣдствіе того, что владѣнія большинства казацкихъ семей не имѣли точно обозначенныхъ границъ, уполномочило мѣстныя власти побуждать заимщиковъ подписывать полюбовные разводы, коими они выражали согласіе установить между собою прочныя границы. Въ случаѣ, если бы такой полюбовный разводъ не могъ состояться, было разрѣшено намежевывать для каждой поселенческой семьи извѣстное количество земли, считая по 15 десятинъ (на работника). Въ то же время правительствомъ было заявлено нижеслѣдующее: «въ Слободской губерніи существо владѣнія земель не во всемъ такое, какое въ Великороссіи, ибо большая часть владѣльцевъ имѣютъ оныя не по законнымъ крѣпостямъ, безъ прописанія мѣры и живыхъ урочищъ, а по однимъ только своимъ заимкамъ». Было бы трудно въ болѣе категорической формѣ признать, что на Украйнѣ заимка является настоящимъ основаніемъ права собственности [33]).

[33]) Подобный же указъ, утверждающій за Изюмскими казаками право вѣчнаго владѣнія на заимки, сдѣланныя ихъ предками, былъ обнародованъ въ 1754 г.

Въ томъ самомъ году, когда появился этотъ указъ, правительствомъ была принята мѣра, оказавшая огромное вліяніе на судьбы южной Россіи. Всемогущій Румянцевъ, управлявшій Малороссіей, послѣ одной поѣздки въ эти губерніи, нашелъ необходимымъ произвести подробную перепись ихъ обитателей съ обозначеніемъ ихъ общественнаго положенія и имущественнаго состоянія. Перепись эта, представляющая родъ кадастра, немного лѣтъ спустя, была предпринята и въ губерніяхъ, совокупность которыхъ обозначается именемъ Украйны. Инструкціи, данныя коммисарамъ, на которыхъ было возложено производство переписи, лишній разъ свидѣтельствуютъ о томъ, что правительство желало оставить за ихъ фактическими владѣльцами земли, когда-то занятыя ихъ предками.

«Что жъ до заимочныхъ особенныхъ земель касается, то оныя остаются, на основаніи жалованныхъ грамотъ, по прежнему за тѣми, за кѣмъ онѣ издавна во владѣніи находятся» [34]). Сообразно такимъ предписаніямъ правительственные коммиссары отмѣчали въ своихъ вѣдомостяхъ фактъ принадлежности такого-то участка земли такому-то семейству или такому-то селенію *на старозаимочномъ правѣ* [35]).

Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII столѣтія, русское правительство постоянно признавало тотъ особливый характеръ, которымъ обладала земельная собственность какъ въ Малороссіи, такъ и на Украйнѣ, имѣвшая тамъ своимъ источникомъ захватъ дѣвственной земли земледѣльцами или, другими словами, *заимку*. Съ своей стороны владѣльцы этихъ «захватныхъ земель» пользовались своимъ качествомъ собственниковъ, которое признавалось за ними правительствомъ, для того, чтобы совершать покупки и продажи, предметомъ коихъ было не что другое, какъ заимочныя земли. Этого рода акты, помѣченные 1755 и 1758 годами, въ большомъ числѣ сохранили намъ нѣкоторыя украинскія деревни и мѣстечки, и въ частности мѣстечко Лебединъ [36]).

Выяснивъ себѣ особливый характеръ малороссійской земельной соб-

---

(18 марта). Этотъ указъ былъ данъ на имя графа Салтыкова, управляющаго военной коллегіей, въ которой было тогда сосредоточено высшее управленіе арміей (см. Гуровъ, p. 609).

34) Ibid., p. 635.

35) Г. Гуровъ, составитель *Сборника документовъ, относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей Слободской Украйны*, опубликовалъ, между прочими неизданными до него документами, коммисарскую вѣдомость о слободѣ Хухрѣ, составленную правительственными коммисарами 30 іюня 1783. Изъ нея то мы и взяли приводимую нами выдержку (см. p. 649 и слѣдующія).

36) Гуровъ, p. 290.

ственности, намъ остается лишь разсмотрѣть вопросъ о томъ, въ чью пользу производились заимки, происходило ли то въ интересахъ одиночныхъ семействъ, или же поселенческихъ товариществъ, представляющихъ признаки нѣкоторой общественной организаціи.

Оба эти способа аппропріаціи были одинаково извѣстны и практиковались одновременно. Для доказательства этого стоитъ лишь обратиться къ актамъ, опубликованнымъ профессоромъ Лучицкимъ и относящимся къ различнымъ мѣстностямъ Полтавской губерніи, отчасти же и къ тѣмъ, менѣе многочисленнымъ, которые были собраны гг. Багалеемъ и Гуровымъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерній Черниговской и Харьковской. Мы ограничимся приведеніемъ только наиболѣе важныхъ изъ числа этихъ актовъ, предоставляя тѣмъ французскимъ юристамъ, которые владѣютъ русскимъ языкомъ и малороссійскимъ нарѣчіемъ, сравнительно легкій трудъ умножать примѣры, путемъ изученія кадастра, произведеннаго въ 1769, по приказанію графа Румянцева, и многочисленныхъ приложеній кадастровыхъ книгъ [37]).

Чтобы установить тотъ фактъ, что аппропріація малороссійскихъ земель производилась не только одиночными семьями, но и «товариществами» поселенцевъ (*товариство* — терминъ освященный грамотами) [38]), мы напомнимъ уже выше цитированное свидѣтельское показаніе казаковъ деревни Пакошичей.

Въ одномъ документѣ, помѣченномъ 1773 годомъ, казаки эти воскрешаютъ передъ нами то время, когда вслѣдствіе отложенія Малороссіи отъ Польши порвалась всякая связь этой страны съ представителями польскаго крупнаго землевладѣнія и «земля осталась общею и полною собственностью малороссовъ». Переходя далѣе къ описанію способа пріобрѣтенія земли поселенцами, они говорятъ о ея занятіи цѣлыми обширными соединеніями людей, способныхъ нести военную службу, «полками» и «сотнями», изъ которыхъ состояли эти полки [39]).

Это любопытное свидѣтельство есть скорѣе обобщеніе различныхъ путей, которыми совершалось заселеніе южной Россіи, чѣмъ точное

---

37) Я здѣсь не задавался цѣлью написать исторію общиннаго землевладѣнія въ Малороссіи, а имѣлъ лишь въ виду показать источники ея происхожденія. Поэтому, отсылаю читателя, который пожелалъ бы глубже изучить этотъ предметъ, къ моей статьѣ, напечатанной въ „*Юридическомъ Вѣстникѣ*“ 1885 года, а потомъ воспроизведенной въ общихъ чертахъ у Кейсслера въ послѣднемъ выпускѣ его столь интереснаго труда, посвященнаго русской земельной общинѣ (Keuszler, *Zur Geschichte und Kritik des bauerlichen Gemeinbesitzes in Russland*, 1887 г.).

38) Иначе такія товарищества называются „*складчинами*“.

39) А. М. Лазаревскій, *Малороссійскіе посполитые крестьяне*, р. 26.

воспроизведеніе отдѣльныхъ фактовъ, накопленіе коихъ создало такой результатъ. Конечно, *товарищества* поселенцевъ, занимая земли Малороссіи и Украйны, кончали тѣмъ, что формировались въ казацкіе сотни и полки, но не этимъ сотнямъ и полкамъ впервые пришлось дѣлать выборъ земли для осѣдлаго жилища. Колонизація велась отдѣльными семьями и обществами, извѣстными еще польской эпохѣ подъ именемъ *spulki* или *spolkie*, т. е. товариществъ, пріобрѣтающихъ землю въ нераздѣльное пользованіе. Разница, существующая между этими двумя типами поселеній, не столько зависитъ отъ числа лицъ, входящихъ въ ихъ составъ, сколько отъ характера связей, соединяющихъ ихъ членовъ.

Казацкія семьи, приступая къ оккупаціи свободныхъ малороссійскихъ земель, совсѣмъ не были одиночными супружескими парами, но семейными общинами, подобными сербскимъ *задругамъ* или *большимъ семьямъ* Московской Руси. Члены такихъ общинъ извѣстны въ документахъ эпохи подъ именемъ *сябровъ* [40]) и представляются лицами, имѣющими каждое свою часть въ имуществѣ, которымъ владѣютъ сообща; они связаны между собою общимъ происхожденіемъ, узами родства. Этотъ послѣдній фактъ есть, впрочемъ, единственный, которымъ они отличаются отъ лицъ, составляющихъ *spulki* или товарищества собственниковъ—другой видъ поселенцевъ-заимщиковъ. Если сябровъ связывало между собою единство крови, то для членовъ одной и той же «спулки» общность интереса могла служить единственнымъ цементомъ.

Въ XVII вѣкѣ, когда Малороссія перешла въ руки царей, а потомъ императоровъ, *spulki* замѣнили свое польское имя русскимъ именемъ *товарищества*. Овладѣніе дѣвственною землею или землею, покинутою прежними собственниками (польскіе помѣщики покидали свои владѣнія, чтобы вернуться на родину), продолжалось и въ XVII столѣтіи въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и во время польскаго владычества. Общины семейныя и товарищества поселенцевъ, не связанныхъ между собою родствомъ, раздѣлили между собою землю и въ свою очередь послужили началомъ, то для одинокой деревушки, то для селенія болѣе или менѣе обширныхъ размѣровъ. Необходимость, въ которую были поставлены новоселы оказывать другъ другу взаимную поддержку въ случаѣ всегда возможныхъ набѣговъ со стороны лишь на половину замиренныхъ враговъ, каковыми были Ногайскіе и Крымскіе татары,

---

40) Впервые объ этомъ упоминаетъ Литовскій Статутъ въ той редакціи, которая дана ему изданіемъ 1529 года.

вынуждала ихъ предпочитать одинокимъ хуторамъ систему большихъ деревень, составляемыхъ избами, вытянутыми въ линію. Путешественника по Малороссіи и Украйнѣ и въ наши дни поражаетъ тотъ фактъ, что крестьяне живутъ крупными сельскими поселеніями, обитатели коихъ считаются тысячами. Это такъ называемыя слободы. Не у всѣхъ у нихъ одинаковое происхожденіе. Если большая ихъ часть была основана свободными поселенцами, обработавшими своими плугами дѣвственную почву, то есть и такія, основателями коихъ были землевладѣльцы, пользовавшіеся привилегіей податныхъ льготъ для того, чтобы привлекать на свои земли всякаго, кто бы ни пожелалъ на нихъ поселиться на правахъ наслѣдственнаго пользователя. Но какъ ни любопытны эти подробности, мы не будемъ на нихъ останавливаться, а непосредственно приступимъ къ разрѣшенію вопроса, каковъ былъ тотъ видъ землепользованія, который учредили у себя, какъ семейныя общины, разросшіяся, вслѣдствіе раздѣловъ, до размѣровъ цѣлыхъ деревень, такъ и товарищества поселенцевъ, охранявшія каждое у себя принципъ нераздѣльнаго землевладѣнія.

Отвѣтъ не представляетъ трудностей, ибо многочисленные акты, восходящіе къ XVI, XVII и XVIII столѣтіямъ, возстановляютъ за насъ мельчайшія подробности того вида землепользованія, которое, впрочемъ, и въ наши дни еще не совсѣмъ исчезло на обширныхъ пространствахъ, занятыхъ Донскими, Терскими и Черноморскими казаками.

Въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ тексту Литовскаго Статута, мы находимъ въ немъ слѣдующія указанія на взаимныя права членовъ одной и той же семейной общины или одного и того же товарищества, захватившихъ въ нераздѣльное владѣніе дотолѣ дѣвственный лѣсъ. Каждый членъ общины имѣетъ право расчищать такое количество земли, какое пожелаетъ, пока его топоръ не встрѣтитъ топора собрата. Мѣсто, гдѣ встрѣтились топоры, должно впредь служить границею для обоихъ собратовъ [41]). Сборникъ малороссійскихъ обычаевъ, который по сему предмету воспроизводитъ постановленія Литовскаго Статута, прибавляетъ, что доля каждаго члена общины сябровъ, въ томъ случаѣ, если доли всѣхъ ея членовъ не одинаковы, должна, по меньшей мѣрѣ, соотвѣтствовать необходимымъ потребностямъ того, кто ею пользуется [42]).

Это значитъ, что необходимымъ считалось не равенство долей, а ихъ соотвѣтствіе съ потребностями хозяйствъ, образовавшихся внутри

---

41) Раздѣлъ VIII, арт. 11 Литовскаго Статута.

42) Тамъ же, Раздѣлъ XVII, арт. 15, § 2.

общины, при чемъ безразлично, образовалась ли она исключительно изъ однихъ родственниковъ или просто изъ товарищей, объединенныхъ сосѣдскими связями. Приложите этотъ же принципъ къ полямъ и лугамъ, и у васъ получится право каждаго изъ членовъ общины поднимать своимъ плугомъ такое пространство земли, какое можетъ ему понадобиться, и накашивать столько сѣна, сколько въ состояніи осилить коса (*куда коса ходила*, по народному выраженію)—впрочемъ, все это подъ непремѣннымъ условіемъ, выраженнымъ въ постановленіи Литовскаго Статута, чтобы учиненный захватъ оставлялъ другимъ сябрамъ или товарищамъ достаточно лѣса и степи для такихъ же захватовъ [43]).

Если бы кто пожелалъ изучить эту систему въ томъ видѣ, какъ она практикуется еще и въ наши дни, то для этого ему нужно только взглянуть на порядки землепользованія у Донскихъ казаковъ. Въ предѣлахъ станичныхъ владѣній всякій вправѣ распахать въ свою пользу столько земли, сколько ему требуется. Земля, воздѣлываемая изъ году въ годъ, остается въ исключительномъ пользованіи того, кто ее впервые распахалъ. Но разъ такая земля покинута ея первымъ хозяиномъ, она — черезъ годъ, черезъ два, черезъ три или четыре года, смотря по тому, гдѣ какой обычай,—поступаетъ въ число пустующихъ земель и какъ таковая снова подлежитъ захвату.

Что касается пользованія лугами, то, когда наступаетъ время покоса, жители станицы приглашаются прибыть въ луга въ одинъ и тотъ же напередъ условленный день. Съ утра до вечера каждому казаку разрѣшается обкашивать границы луговаго участка, которымъ онъ располагаетъ воспользоваться въ текущемъ году. То, что каждый общинникъ присвоитъ себѣ такимъ способомъ, и считается его долей.

Все количество травы, добытое имъ въ предѣлахъ этой доли принадлежитъ ему по праву, и никто не долженъ требовать себѣ части въ этой травѣ [44]).

Эти порядки пріобрѣли себѣ такую извѣстность въ народѣ и еще недавно были такъ сильно распространены на всемъ югѣ Россіи, что народная фантазія съ давнихъ поръ положила ихъ въ основаніе эффектной сказки, въ которой воспроизводитъ трагическую судьбу скупаго и жаднаго казака, прокосившаго цѣлый день изо всей мочи, чтобы обкосить для себя возможно большее пространство луга. Про-

---

43) Тамъ же, Раздѣлъ IX, арт. 19.

44) Подробности эти я заимствую изъ сочиненія одного изъ моихъ учениковъ по Московскому университету — г. Трофимова, написаннаго имъ въ 1877 г.; авторъ—уроженецъ Донской области.

косивъ безъ перерыва больше пятнадцати часовъ подрядъ, казакъ, задыхаясь достигаетъ мѣста, отъ котораго утромъ пошелъ косить, и какъ разъ въ моментъ солнечнаго захода, но едва лишь успѣваетъ, указавъ рукою на захваченный лугъ, прокричать: «все это мое», какъ падаетъ мертвый. Нашъ великій романистъ, графъ Толстой, воспользовался этой легендой какъ темой для одного изъ своихъ наиболѣе извѣстныхъ народныхъ разсказовъ, назначеніе котораго доказать всю тщету усилій человѣка овладѣть имуществомъ въ размѣрахъ, превышающихъ его надобности. Каково бы ни было поученіе, которое русскіе крестьяне извлекли изъ этой сказки, но она, безъ сомнѣнія, драгоцѣнна уже потому, что изображаетъ въ формѣ, какъ нельзя болѣе литературной, одинъ изъ обычаевъ, наиболѣе распространенныхъ у сельскихъ обывателей въ концѣ прошлаго столѣтія. Дѣйствительно, среди многочисленныхъ документовъ, собранныхъ г. Лучицкимъ, существуютъ такіе, которые ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія, что въ Золотоношскомъ уѣздѣ (Полтавской губерніи), больше, чѣмъ въ одномъ селеніи, земля была въ общинномъ пользованіи безъ періодическихъ передѣловъ; каждый земледѣлецъ занималъ столько земли, столько ему было нужно для обработки. Существовало обыкновеніе по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ переносить посѣвы изъ одного поля въ другое, не выходя для этого за предѣлы общинныхъ земель [45]). Читая такой документъ, начинаешь понимать, что именно хотѣлъ сказать Тацитъ, говоря о древне-германскихъ поселянахъ, раздѣлившихъ между собою пустовавшую землю, что они «arva per annos mutant», мѣняютъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ поля для посѣвовъ, «et superest ager», а земли, пригодной для обработки, такое множество, что ея всегда остается достаточно. Такъ оно было и въ нашихъ малороссійскихъ селеніяхъ, и это благодаря свободѣ, которую правительство предоставляло поселянамъ занимать столько земли, сколько они пожелаютъ.

Позднѣе властямъ не однократно пришлось пожалѣть объ употребленіи, которое поселяне сдѣлали изъ этой свободы. Такъ въ инструкціи, данной въ концѣ прошлаго столѣтія коммисарамъ по составленію кадастра расположенныхъ на Украйнѣ земельныхъ владѣній, власти предостерегаютъ ихъ, что на земляхъ, владѣемыхъ *общественно*, по-

---

45) См. статью г. Лучицкаго въ „*Юридическомъ Вѣстникѣ*“ 1890 г., озаглавленную: „*Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи*“ (р. 403—404). Приводимый имъ документъ текстуально гласитъ слѣдующее: „здѣсь земля была занята сообща, сообща же *и общественно, безъ надѣлу, на общественныхъ перемѣнныхъ мѣстахъ*,—какъ выражались тогда,—велось на ней хозяйство“.

селяне, вырубивъ часть лѣса, чтобы сдѣлать землю доступною для обработки плугомъ, переходятъ съ своими плугами на другое мѣсто въ томъ же лѣсу, а потомъ и на третье. Сдѣлавъ это, они уже считаютъ своею собственностью столько же первую расчистку, сколько и всѣ послѣдующія: всѣ онѣ въ глазахъ поселянина-казака одинаково являются *заимками*. Такимъ то способомъ, добавляетъ инструкція, казаки «другихъ къ поселенію на тѣ мѣста не допущаютъ» [46]). При такихъ условіяхъ, неудивительно, если съ 1762 уже нельзя было разыскать въ окрестностяхъ Харькова свободныхъ земель, годныхъ для того, чтобы сдѣлаться предметомъ *заимокъ* [47]), и если правительство, для предупрежденія дальнѣйшихъ захватовъ земли казаками, нашло необходимымъ предписать въ 1769 году, чтобы на Украйнѣ, послѣ того, какъ границы существующихъ заимокъ будутъ опредѣлены, а лица, не могущія выяснить границы своихъ владѣній, получатъ надѣлъ въ размѣрѣ 15 десятинъ на душу, вся остальная земля была объявлена государственнымъ имуществомъ и въ силу этого пріобрѣла бы способность служить запасомъ для новыхъ заимокъ [48]).

Все, что не было лугомъ и пашней, у поселянъ и тогда называлось *угодьями*. Названіе это, какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ тому, что разумѣютъ латинскія хартіи XI и XII столѣтій, упоминая объ *aquis*, *aquarum decursibus*, *silvis*, *boscis*, *usagiis et appendiciis*; это «альмендъ», это земли общаго пользованія, гдѣ всякій могъ пасти свой скотъ, своихъ быковъ, своихъ коровъ, своихъ овецъ; это общинный лѣсъ, доставляющій желуди для свиней, дрова и строительный матеріалъ и тѣ мелкіе доходы, которые извлекаются изъ сбора дикихъ яблокъ и грушъ, орѣховъ и грибовъ, сбора, довольно производительнаго и въ настоящее время и приносящаго крестьянскимъ обществамъ сотни и тысячи рублей дохода. Совсѣмъ, какъ въ наши дни въ Швейцаріи и вездѣ на сѣверѣ Германіи альмендъ, малороссійскія земли общаго пользованія могли служить также и запасомъ для будущихъ заимокъ. Участки этихъ земель могли быть уступаемы вновь прибывающимъ поселенцамъ или неимущимъ членамъ самой общины, которымъ нерѣдко разрѣшалось расчищать извѣстные клочки общинныхъ угодій. Однако всѣ такія распоряженія признавались законными не иначе, какъ подъ условіемъ, что они сдѣланы по *единогласному*

---

46) Гуровъ, р. 635.

47) Ордеръ харьковской полковой канцеляріи отъ 17 февраля 1762 (Гуровъ, р. 632).

48) Указъ сената 7 мая 1769 г. объ учрежденіи слободской межевой конторы.

приговору всѣхъ членовъ товарищества или, другими словами, всѣхъ крестьянъ общинниковъ. Доказательство выдвигаемыхъ мною положеній можно найти въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, записанныхъ судами прошлаго столѣтія и удостовѣряющихъ обычаи и обыкновенія различныхъ мѣстностей съ казацкимъ населеніемъ.

Приводя одно изъ тысячи, мы укажемъ на то, что въ Черторигѣ, деревнѣ Глуховскаго уѣзда (Черниговская губернія), въ пользу бѣдныхъ общинъ были нарѣзаны дѣлянки въ лѣсу на протяженіи десяти верстъ, *по общему всѣхъ селянъ согласію*. Въ огороженныхъ участкахъ, такъ называемыхъ *чагарникахъ*, принадлежавшихъ бѣднымъ общины, не разрѣшалось дѣлать никакихъ заимокъ.

Документъ, изъ котораго я почерпнулъ эти свѣдѣнія, помѣченъ 1738 годомъ, а описанные въ немъ факты относятся къ концу XVII столѣтія.

Вотъ, съ другой стороны, акты, которые какъ нельзя лучше доказываютъ, что въ предѣлахъ земель общаго пользованія или, употребляя обычное въ Малороссіи выраженіе, въ границахъ *принадлежащей общинѣ степи* (общинная степь) заимка не могла быть сдѣлана иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ крестьянъ общинниковъ. Въ Яготинѣ, Полтавской губерніи, нѣкто, по прозванію Долгій, просилъ разрѣшенія основать поселокъ какъ разъ внутри самой общинной степи. Просьба эта, заявленная въ первыхъ годахъ XVIII вѣка, обсуждалась сельскимъ сходомъ *(громадой)*, который единогласно *(зъ парады общей)* далъ ему просимое разрѣшеніе. Право сдѣлать новую заимку на землѣ общаго пользованія не всегда вело за собою установленіе въ пользу заимщика права собственности на занятой имъ участокъ. Такъ мы видимъ, что вольныя общины запрещаютъ новоселамъ, садящимся въ ея степяхъ, осваивать разработанные ими участки.

Если не было единогласнаго разрѣшенія со стороны общины, то заимка считалась незаконною, и рѣшившійся на нее рисковалъ лишиться всѣхъ плодовъ своего труда. Примѣръ тому намъ представляетъ та же община. Въ 1732 году нѣкто позволилъ себѣ построиться и расчистить подъ пашню участокъ земли, принадлежащей общинѣ, и это безъ разрѣшенія, выраженнаго единогласнымъ общественнымъ приговоромъ. Какое положеніе приняла община въ виду этого факта? Мы узнаемъ объ этомъ изъ одного очень любопытнаго документа, повѣствующаго, что мѣстный казацкій атаманъ Ничипоренко, сговорившись съ *товариствомъ*, напалъ на строптиваго поселенца, сломалъ его домъ ударами топора и разорилъ все его хозяйство, а бу-

дучи вызванъ на судъ, оправдался, объяснивъ, что участокъ земли, гдѣ находилась обманная заимка, принадлежитъ обществу [49]).

Общинный характеръ, который казаки придавали своимъ заимкамъ, не удержался у нихъ навсегда. Во многихъ мѣстностяхъ Малороссіи и особенно Украйны мы видимъ, что казаки впослѣдствіи приступаютъ къ раздѣламъ земли между всѣми, имѣющими на нее право. Въ этихъ случаяхъ дѣйствовали точно такъ же, какъ и при недавно состоявшемся раздѣлѣ принадлежащихъ Донскимъ казакамъ земель *всему казацкому войску*, по выраженію императорскихъ грамотъ. Сначала раздѣлили землю между полками, потомъ — между сотнями, между различными поселенными группами одной и той же сотни и, наконецъ, между хозяйствами каждой отдѣльной общины [50]). Какъ разъ этотъ порядокъ указываютъ глуховскіе казаки въ своемъ изложеніи исторіи поземельной собственности въ Малороссіи [51]).

Когда очередь доходила до различныхъ поселенныхъ группъ, составляющихъ «сотню», то онѣ довольствовались раздѣломъ луговъ и полей, лѣсъ же и степь оставляли въ нераздѣльномъ пользованіи. Такъ, въ кадастрѣ 1769 года неоднократно упоминаются случаи, когда нѣсколько деревень сообща владѣютъ пастбищами и обширными пространствами, покрытыми лѣсомъ и кустарникомъ. Такъ и кажется, что читаешь описаніе германской «марки» или той «волости» древняго русскаго права, существованіе коей еще такъ недавно, и совершенно неосновательно, отрицалось нѣкоторыми историками.

Отдѣльныя общины, въ свою очередь, точно также дѣлили между своими членами только пашни и луга; лѣсъ и пастбища составляли земли общаго пользованія, точь въ точь, какъ во Франціи или Германіи среднихъ вѣковъ, гдѣ «communia» и «appenditia» продолжали оставаться въ общемъ пользованіи хозяйствъ, составляющихъ селеніе или группу селеній. И кадастръ 1769 года, произведенный въ Кіевской, Черниговской и Полтавской губерніяхъ, и донесенія межевыхъ коммисаровъ, на которыхъ была возложена перепись украинскихъ поселянъ, на каждомъ шагу отмѣчаютъ тотъ фактъ, что, между тѣмъ какъ *заимки* становятся частною собственностью и даже переходятъ

---

49) Лучицкій, *Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ Львобережной Украйнѣ XVIII в. (Полтавской губерніи)*, №№ 13 и 39. Указъ правительствующаго сената 7 мая 1769 года, объ учрежденіи слободской межевой конторы (Гуровъ, p. 635 и слѣдующія).

50) См. изложенное мною въ моей книгѣ *Modern Customs and ancient laws in Russia*, p. 80.

51) Лазаревскій, p. 25.

путемъ продажи въ руки новыхъ собственниковъ, лѣсъ, напротивъ, попрежнему остается въ нераздѣльномъ пользованіи. Каждый домохозяинъ добываетъ въ немъ топливо, строительный матеріалъ, пасетъ свой скотъ, собираетъ орѣхи, дикую грушу и ходитъ по грибы. Впрочемъ, иногда, часть лѣса, та именно, гдѣ были сдѣланы первыя заимки, становится частною собственностью, другая же остается въ общемъ пользованіи всего населенія деревни [52]). Еще и въ наши дни подъ Харьковомъ, въ деревняхъ Пересѣчномъ и Люботинѣ, можно видѣть разбросанныя по общественному лѣсу огороженныя мѣста, на которыхъ стоятъ избы и амбары ихъ собственниковъ. Многіе такіе участки существуютъ съ древнихъ временъ, происходя отъ заимокъ, сдѣланныхъ еще первыми поселенцами. Иные, путемъ продажи и мѣны, перешли уже изъ рукъ потомства первыхъ держателей въ постороннія руки и изъ заимокъ (exarta) сдѣлались «куплями» (acquêts); другіе остаются во владѣніи потомства первыхъ заимщиковъ; ихъ юридическая природа не измѣнилась; не существуетъ письменныхъ актовъ, которые могли бы удостовѣрить ихъ принадлежность той или другой семьѣ, и права ихъ владѣльцевъ не знаютъ другихъ основаній, кромѣ привилегіи, дарованной первымъ заимщикамъ.

Нами, кажется, вполнѣ доказаны слѣдующія три положенія.

Прежде всего, что, въ противоположность происходившему въ предѣлахъ Московскаго государства, заимка была въ Малороссіи и на Украйнѣ наиболѣе часто встрѣчавшимся способомъ установленія недвижимой собственности.

Во вторыхъ, что въ этихъ странахъ заимки производились, то семейными общинами (сябрами), то товариществами поселенцевъ (товариствами), которыя, не разверстывали земли между собою, а сохраняли ее нераздѣльною.

Въ третьихъ, что аграрный коммунизмъ, въ томъ видѣ какъ его практиковали малороссійскіе и украинскіе казаки, не зналъ періодическихъ передѣловъ земли и не заботился о равенствѣ надѣловъ, предоставляя каждому присвоивать столько земли, сколько ему нужно и не навсегда, а до тѣхъ поръ, пока земля не будетъ истощена непрерывною обработкой. Тогда пашни переходили на новое мѣсто, всегда оставаясь въ границахъ общины.

Не трудно понять разницу этого типа землепользованія по сравне-

---

[52]) См. Гуровъ, *Коммисарская вѣдомость о слободѣ Хухрь*, 30 іюня 1783 г. (Гуровъ, р. 650). Сравни также мое изслѣдованіе, подъ заглавіемъ *„Общинное землевладѣніе въ Малороссіи XVIII вѣка“*, въ *„Юридическомъ Вѣстникѣ“* 1885 года.

нію съ тѣмъ, который представляетъ собою общинное землевладѣніе большинства великороссійскихъ губерній. Не удивительно ли, поэтому, что администраторы малороссійскихъ губерній, назначеніе коихъ принадлежало правительству и которые чаще всего были чужими для края, ввѣреннаго ихъ управленію, видѣли только «злоупотребленія» тамъ, гдѣ въ дѣйствительности дѣло шло объ обычаѣ, свято сохранявшемся въ теченіе вѣковъ. А между тѣмъ какъ разъ это самое случилось съ харьковскимъ вице-губернаторомъ, который, въ 1814 г., находя, что крестьяне этой губерніи совсѣмъ не пользуются равенствомъ надѣловъ, что у однихъ земли больше, чѣмъ слѣдуетъ, а у другихъ меньше, и что отъ этого происходитъ неисправность въ уплатѣ податей, предписалъ, чтобы на будущее время каждый домохозяинъ былъ надѣленъ соотвѣтствующимъ количествомъ десятинъ земли, сообразно тому, сколько у кого въ семьѣ душъ или плательщиковъ прямыхъ налоговъ [54]). Вотъ какимъ образомъ была произведена настоящая революція въ землепользованіи, и это по распоряженію второстепеннаго чиновника, незнакомаго съ обычаями страны, управлять которою онъ былъ призванъ. При томъ же мѣра, о которой здѣсь идетъ рѣчь, была только началомъ. Ее примѣнили только къ деревнямъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ губернскаго города, но за нею скоро послѣдовали и другія. Въ 1829—30 году, сенаторъ Горголи, ревизуя Харьковскую губернію, былъ точно также пораженъ неравенствомъ крестьянскаго землевладѣнія. Разумѣется, онъ увидалъ въ этомъ фактѣ только результатъ вопіющаго злоупотребленія. Тотчасъ харьковской казенной палатѣ было дано предписаніе слѣдить, чтобы на будущее время сельскія власти, при надѣленіи крестьянъ землею, соблюдали полное равенство и чтобы земля распредѣлялась между домохозяевами сообразно имѣющемуся у нихъ числу плательщиковъ подушнаго сбора [55]).

Подъ вліяніемъ мѣръ, подобныхъ тѣмъ, съ которыми я только что познакомилъ читателя, малороссійская деревня завела у себя періодическіе передѣлы и равенство надѣловъ, представляющіе характерные черты общиннаго мірскаго землевладѣнія, совершенно неизвѣстнаго, какъ это мы видѣли выше, казацкому обычному праву. По свидѣтельствамъ украинскихъ крестьянъ, собраннымъ уже въ настоящее время, бѣдные домохозяева, которые могли только выиграть отъ этой перемѣны въ землепользованіи, охотно оказали правительству

[54]) См. весьма любопытное изслѣдованіе, напечатанное г. Шимановымъ въ *Кіевской Старинѣ* (г. 1882 и 1883), по исторіи землевладѣнія Харьковской губерніи (январь 1883, p. 80).

[55]) Ibid., 85.

свою поддержку. Располагая большинствомъ голосовъ на общественномъ сходѣ, они всѣми силами отстаивали проекты новаго распредѣленія земли. Въ результатѣ, права первыхъ заимщиковъ были попраны повсюду, и земли, занятыя ихъ потомками, стали передѣляться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и земли государственныхъ крестьянъ, личное же положеніе прежнихъ собственниковъ низведено до положенія простыхъ наслѣдственныхъ арендаторовъ земли, которую стали разсматривать, какъ собственность государства [56]). Жалобы, какъ нельзя болѣе основательныя, которыя вызывались такимъ образомъ дѣйствій, стали раздаваться только недавно. Только въ 1859 и 1865 годахъ государственный совѣтъ высказался въ пользу формальнаго признанія права собственности за потомками первыхъ заимщиковъ. Мнѣніе это было вызвано жалобами, поданными нѣкоторыми крестьянами Харьковской и Воронежской губерній на управленіе государственными имуществами въ томъ, что оно замежевало ихъ старозаимочныя земли въ число земель государственныхъ крестьянъ и въ качествѣ таковыхъ подвергло ихъ періодическимъ передѣламъ. Государственный совѣтъ, мнѣніемъ 21 февраля 1865 года, призналъ за владѣльцами заимокъ право полной собственности и отчужденія ихъ земель, однако съ условіемъ, если онѣ не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя казна нѣкогда имѣла обыкновеніе жаловать въ пользованіе. Мнѣніе это возлагало на стороны обязанность, въ каждомъ данномъ случаѣ, при помощи документовъ, выяснять на судѣ юридическій характеръ заявляемой собственности.

Надо отдать справедливость судамъ нашихъ южныхъ губерній, что они съ честью выполнили представившуюся имъ задачу. Такіе превосходные юристы, какъ Шимановъ и Гуровъ, предприняли продолжительныя разысканія въ государственныхъ архивахъ и, въ подтвержденіе своихъ исковъ, опубликовали цѣлые сборники документовъ, которые послужили дѣлу исторической науки не менѣе, чѣмъ интересамъ ихъ кліентовъ. О томъ, въ какой мѣрѣ, за послѣднее время, размножились иски *старозаимочныхъ владѣльцевъ*, можно судить по тому, что въ одной Харьковской губерніи [57]) въ теченіе двухъ лѣтъ (1881—1882) такихъ исковъ къ казнѣ было заявлено 123; количество же отыскиваемой земли поднялось до 822,665 десятинъ. Изюмскій судъ присудилъ по такимъ искамъ 161,000 десятинъ, а Сумской—57,000

---

[56]) Ibid., p. 87.

[57]) Однородные иски въ то же самое время были предъявлены въ Курскомъ и Воронежскомъ Судахъ.

десятинъ. Испуганное размѣрами, которое приняло число этихъ исковъ, правительство стало искать выхода и кончило тѣмъ, что объявило недостаточно выясненной юридическую природу заимокъ, почему и было предписано отложить разсмотрѣніе представленныхъ старозаимочными владѣльцами исковъ до тѣхъ поръ, пока министерство юстиціи не разработаетъ вопроса объ историческихъ источникахъ этого вида имуществъ (постановленіе комитета министровъ въ засѣданіи 25 сентября 1883 года). Врядъ ли нужно упоминать, что министръ не спѣшитъ изысканіями и что иски, заявленные тысячами крестьянъ, которые справедливо считаютъ нарушенными свои владѣльческія права, продолжаютъ покоиться въ архивахъ нашихъ судовъ.

Н. В—чъ.

ЖАНЪ-ЖАКЪ РУССО, ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ *).

Среди блестящихъ именъ, занесенныхъ на страницы исторіи Франціи XVIII столѣтія, рѣдкое имя сохранило къ нашему времени такъ много значенія и прелести, какъ имя Руссо. Причины этому надо искать какъ въ вѣчно живущихъ идеяхъ Руссо, такъ и въ томъ по истинѣ волшебномъ стилѣ, въ который онъ облекалъ свои всегда оригинальныя и замѣчательныя мысли. Идеи, провозглашенныя Руссо, имѣли громадное вліяніе на умственное развитіе всего образованнаго міра. Дѣло, предпринятое Руссо, живетъ до сихъ поръ въ задачахъ всего человѣчества, оно не исчерпано и существуетъ безостановочно. Не преувеличивая, можно сказать, что за послѣднія полтараста лѣтъ не произошло ни одного соціальнаго явленія, которое бы не нашло себѣ уже раньше выраженія, хотя бы въ видѣ намековъ, въ сочиненіяхъ Руссо.

*) При составленіи настоящаго очерка главными пособіями служили: 1) *Джонъ Морлей,* Ж. Ж. Руссо; 2) *Грей Грэхэмъ,* Ж. Ж. Руссо, его жизнь, произведенія и окружающая среда (пер. съ англ.); 3) *Алексѣевъ,* Этюды о Ж. Ж. Руссо. 2 т.; 4) *Геттнеръ,* Исторія всеобщей литературы т. II. 5) *Спасовичъ,* Сочин. т. II; 6) *Villemain,* Cours de litterature française au XVIII s. т. II; 7) *Шерръ,* Исторія всеобщей литературы; 8) *Куно-Фишеръ,* Лекціи о Шиллерѣ; 9) *Бокль,* Исторія цивилизаціи въ Англіи т. I; 10) *Шлоссеръ,* Исторія XVIII и XIX стол. т. II и IV; 11) *Блунчли*—Исторія общаго государственнаго права и политики. 12) *Чичеринъ,* Исторія политическихъ ученій т. III. 13) *Taine H.,* Les origines de la France contemporaine. L'ancien Régime. 14) *Stahl,* Die Geschichte der Rechtsphilosophie т. II; 15) *Жуковскій Ю.,* Исторія политической литературы XIX в.; 16) *John Grand Cartaret,* Rousseau jugé par les Français d'aujourd'hui.—Извлеченія изъ настоящаго очерка составили докладъ, читанный въ семинаріи по государственному праву у проф. М. И. Свѣшникова на юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета.

Великое значеніе XVIII вѣка въ исторіи человѣчества обусловливается тою страшною политическою и религіозною борьбою, которая закончилась революціей 1789 года. Несомнѣнно, что среди причинъ, подготовлявшихъ это событіе, видное мѣсто занимаютъ просвѣщеніе и литература, сдѣлавшая такіе громадные успѣхи въ восемнадцатомъ столѣтіи. Блестящее время Людовика XIV называютъ золотымъ вѣкомъ французской литературы. Но эта литература, не смотря на весь свой внѣшній блескъ, имѣла существенный недостатокъ—она была лишена свободы, независимости и самостоятельности. Она была слугой короля и его двора. Всѣ великіе писатели того времени, за малыми исключеніями, забыли о своемъ высокомъ призваніи—быть апостолами знанія и проповѣдниками истины, и, осыпаемые милостями короля, поставили себѣ задачей прославленіе могущественнаго абсолютизма, оправданіе религіозной нетерпимости и произвола сюзерена, и такая покровительственная система Людовика XIV привела къ тому, что «не стало науки, не стало литературы, не стало изящныхъ искусствъ».

Со смертью Людовика XIV произошла реакція. Все воспрянуло изъ подъ гнета, въ которомъ Людовикъ держалъ французскій народъ столько лѣтъ своею божественною властью. Сбросила съ себя оковы и подавленная литература. Молодое поколѣніе, сумѣвшее сохранить въ своей душѣ жажду къ свободѣ, стало ее искать тамъ, гдѣ она дѣйствительно существовала. Такой страной была Англія. Прежнее презрѣніе французскаго народа, пребывавшаго въ самообольщеніи своимъ величіемъ, къ другимъ народамъ, смѣнилось тѣснымъ сближеніемъ съ англійскимъ народомъ. Этотъ фактъ по множеству послѣдствій имѣлъ весьма важное значеніе въ исторіи Франціи XVIII столѣтія. Знаменитые писатели этого вѣка, какъ Вольтеръ, Руссо, Кондильякъ и Монтескье, почерпнули основанія для своихъ идей у англичанъ. У нихъ же французскіе писатели заимствовали тѣ принципы политической свободы, провозвѣстниками которой они явились для всей Европы. И вотъ, когда они захотѣли перенести въ свою страну духъ изслѣдованія, существовавшій въ Англіи, правительство, какъ бы чувствуя, что для него безопаснѣе невѣжество толпы, воспылало ненавистью ко всякому знанію, ненавистью, выразившеюся въ цѣломъ рядѣ гоненій, жертвою которыхъ были чуть ли не всѣ великіе люди Франціи. Вотъ какъ рисуетъ намъ Бокль въ своей «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» (т. I, стр. 556) положеніе тогдашней Франціи. «Если и существовало когда либо состояніе общества, способное своимъ вопіющимъ, въ избыткѣ накопившимся зломъ довести до отчаянія, то

Франція была въ такомъ состояніи. Народъ, презрѣнный и порабощенный, погрязалъ въ совершенной нищетѣ, былъ задавленъ страшною жестокостью законовъ, насилуемъ съ немилосерднымъ варварствомъ; вся страна была въ полномъ, безотвѣтственномъ распоряженіи духовенства, дворянъ и короны. Лучшимъ умамъ Франціи угрожало безжалостное изгнаніе; произведенія ея литературы запрещались и сожигались; ея авторовъ грабили и заключали въ тюрьмы... Что же касается самой литературы, то почти съ каждымъ годомъ дѣлались новыя усилія лишить ее и той малой доли свободы, которою она еще обладала... На это ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смотрѣть какъ на маловажное обстоятельство, имѣющее интересъ только для писателей. Во Франціи въ XVIII столѣтіи литература была послѣднимъ убѣжищемъ свободы. У нея не было ни свободы печати, ни свободнаго парламента, ни свободныхъ преній. У нея не было публичныхъ митинговъ, не было народной подачи голосовъ, не было преній въ избирательныхъ собраніяхъ, не было акта «Habeas Corpus», не было суда присяжныхъ. Голосъ свободы, заглушенный, такимъ образомъ, во всѣхъ частяхъ государства, могъ только слышаться въ воззваніяхъ тѣхъ великихъ людей, которые своими сочиненіями, просвѣщали народъ». Поэтому-то величайшіе умы того времени поставили себѣ задачей разрушеніе стараго строя. Тутъ достойно особаго вниманія то обстоятельство, что въ теченіи почти сорока лѣтъ, какъ на это указываетъ Бокль, всѣ силы революціонной печати были направлены противъ церкви, а правительство, какъ это ни странно на первый взглядъ, по прежнему широко проявляя свой притѣснительный деспотизмъ,—щадилось и оставалось почти свободнымъ отъ нападокъ. Явленіе это, имѣвшее чрезвычайно гибельныя послѣдствія, когда разразилась французская революція, легко объяснимо. Причины этому слѣдуетъ искать прежде всего въ томъ блестящемъ ореолѣ славы, которымъ были окружены многіе французскіе короли, въ томъ сіяніи королевской власти, которая подчинила себѣ всѣ сословія. Къ тому же тщеславнымъ французамъ казалось, что слава ихъ народа соединена съ личной славой ихъ короля. Духовенство же, хотя и пользовалось во времена Людовика XV огромной властью, было совершенно подчинено коронѣ. Вотъ почему власть духовенства подверглась нападеніямъ ранѣе свѣтской власти. Такое стремленіе нашло еще большее примѣненіе, когда духовенство послѣ смерти Людовика окончательно развратилось, и подчиняться такой власти стало унизительнымъ. И вотъ фаланга разрушителей (по выраженію Спасовича), съ «королемъ» Вольтеромъ во

главѣ, обратила всѣ свои удары на одинъ центральный пунктъ—на авторитетъ церкви, провозглашая свой извѣстный окликъ—écrasez l'infâme.

Слѣдовавшая за тѣмъ эпоха—вторая половина XVIII столѣтія, когда умы Франціи обратились противъ злоупотребленія правительства, можетъ быть названа эпохой политической. Началомъ ея слѣдуетъ считать то время, когда французы открываютъ свои изслѣдованія по политической экономіи. Занятіе государственными вопросами быстро приняло громадные размѣры, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе современные писатели. Такъ, напримѣръ, знаменитый историкъ Сисмонди подъ 1774 г. замѣчаетъ «безчисленное множество ежедневно появляющихся сочиненій о политикѣ съ нѣкотораго времени занимаетъ въ гостиныхъ мѣсто литературныхъ новостей, стиховъ, любовныхъ анекдотовъ, составлявшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предметъ исключительнаго занятія публики» [1]). Литература этой второй половины XVIII столѣтія имѣла также своихъ замѣчательныхъ бойцовъ. И какъ первая колонна разрушителей церковнаго строя имѣла своимъ представителемъ Вольтера, такъ вторая, предпринявшая низверженіе политическаго строя, имѣла въ своей главѣ геніальнаго Руссо.

I.

Молодость Руссо.

Значеніе изложенія біографіи при разсмотрѣніи сочиненій Ж. Ж. Руссо.—Родитель Жанъ-Жака. — Первоначальное его воспитаніе. Страсть къ чтенію.—Развитіе въ немъ чувствительности и фантазіи. — Его отдаютъ въ школу въ Боссе. — Жанъ-Жакъ возвращается въ Женеву.—Ученіе у нотаріуса, затѣмъ у гравера. — Его бѣгство изъ Женевы.— Жанъ-Жакъ въ Савойѣ.—Его переходъ въ католичество. - Бродяжничество Руссо.—Жизнь въ Шамбери.—Руссо въ Ліонѣ.

Знакомство съ жизнью Руссо представляется необходимымъ для уясненія себѣ его литературной дѣятельности по многимъ причинамъ. Во первыхъ, потому, что въ немъ отразилась весьма ярко та эпоха, въ которую онъ жилъ и писалъ, и во вторыхъ потому, что всѣ замѣчательныя идеи его не рождались въ немъ сами по себѣ, an und für sich отъ избытка волновавшихъ мыслей, а почти всегда подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ, возбуждавшихъ геніальныя идеи и мысли, покрывшія славой его имя. Руссо былъ человѣкъ, къ которому лучше

[1]) Цит. у Бокля. т. I, ч. II, стр. 623, прим. d.

всего можно примѣнить извѣстную поговорку «l'homme c'est le style». Все, что писалъ Руссо, носитъ на себѣ яркій отпечатокъ его геніальной натуры, а потому для уясненія себѣ его личности, какъ человѣка, и дѣятельности, какъ писателя, представляется весьма любопытнымъ прослѣдить его жизнь на ряду съ его твореніями. Наше мнѣніе лучше всего подтверждается словами самого Руссо, который говорилъ, что онъ былъ бы въ состояніи описать типъ свободы, если бы его посадили въ Бастилію.

Жанъ-Жакъ Руссо родился въ Женевѣ 28-го іюня 1712 года въ простой протестантской семьѣ часовщика. Мать его, Сюзанна, племянница пастора Бернара, была простая, добрая женщина. Рожденіе сына было причиной ея смерти. «Я стоилъ моей матери жизни,—писалъ Руссо,—и мое рожденіе было первымъ моимъ несчастіемъ».

Ребенокъ родился полумертвымъ и на всю жизнь остался хилымъ и слабымъ. Отецъ его, Исаакъ Руссо, былъ человѣкъ безпокойный и запальчивый съ сильно развитымъ мелкимъ самолюбіемъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ порывистымъ и впечатлительнымъ натурамъ, которыя живутъ болѣе своимъ воображеніемъ, чѣмъ разсудкомъ; легко увлекался, но въ сущности былъ эгоистъ. Это болѣзненное душевное состояніе отразилось и на сынѣ. Ему еще не было семи лѣтъ, когда онъ заимствовалъ у отца страсть къ чтенію романовъ. «Ребенокъ и зрѣлыхъ лѣтъ отецъ проводили цѣлыя ночи напролетъ за чтеніемъ фантастическихъ книгъ, и только утреннее пѣніе птицъ возвращало ихъ къ дѣйствительной жизни, заставляя отца съ смущеніемъ сознаться, что онъ еще болѣе ребенокъ, чѣмъ его сынъ». Плодомъ этого была склонность къ преждевременному возбужденію фантазіи у маленькаго Жанъ-Жака. «Я не имѣлъ никакого понятія о реальныхъ предметахъ,—говоритъ Руссо,—но всѣ чувства уже были мнѣ близко знакомы. Все, что доходило до меня,—доходило не путемъ размышленій, а путемъ впечатлѣній. Эти смутныя душевныя волненія, охватывавшія одно вслѣдъ за другимъ, не извратили разсудка, котораго у меня еще не было, но мало-по-малу развили во мнѣ разсудокъ въ иномъ направленіи и характерѣ и придали мнѣ странныя и романтическія понятія о человѣческой жизни, отъ которыхъ я никогда не могъ отдѣлаться ни путемъ размышленія, ни путемъ опыта» (Conf. I 7). Здѣсь мы должны искать причины тому, что у Руссо отсутствовала способность понимать дѣйствительныя взаимныя отношенія между предметами объективнаго міра.

Наконецъ всѣ, находившіеся въ библіотекѣ, романы были прочитаны; тогда Ж. Ж. и его отецъ обратились къ болѣе серьезнымъ

книгамъ—исторіи и біографіи. Особенно сильное впечатлѣніе произвели на юношу Руссо «Жизнеописанія Плутарха». «Это безпорядочное чтеніе сопровождалось патетическими рѣчами отца, который толковалъ впечатлительному ребенку о любви къ отечеству и гражданской доблести, и своимъ страстнымъ краснорѣчіемъ доводилъ сына чуть не до галлюцинацій». «Я воображалъ себя, разсказываетъ Руссо, то Грекомъ, то Римляниномъ и дѣлался тѣмъ лицомъ, жизнь котораго я читалъ. Разсказы про примѣры ихъ настойчивости и неустрашимости, которыя меня поражали, заставляли блистать мои глаза и мой голосъ содрагаться. Разъ, разсказывая про геройскій поступокъ Сцеволы, я испугалъ всѣхъ, протянувъ руку надъ жаровней, чтобы наглядно изобразить его подвигъ». (Conf. I, 8). Такъ шло первоначальное образованіе Ж. Ж. Воспитаніе его было не лучше. По смерти матери, онъ остался на рукахъ своей тетки, сентиментальной дѣвушки пожилыхъ лѣтъ, умѣвшей лишь нѣжить и баловать своего племянника; затѣмъ воспитателемъ его былъ мягкосердечный сельскій пасторъ и, наконецъ, легкомысленный дядя. Всѣ они своею привязанностью къ нему лишь раздражали его чувствительность, перешедшую къ нему отъ матери.

Итакъ, мы видимъ уже въ раннемъ дѣтствѣ зачатки тѣхъ качествъ натуры Ж. Ж. Руссо, которыя составили несчастіе всей его послѣдующей жизни.

Въ 1722 году отецъ Жанъ-Жака, возмущенный несправедливымъ рѣшеніемъ судей, покинулъ Женеву, помѣстивъ сына въ школу въ сосѣдней деревнѣ Боссе. Ему тогда было 10 лѣтъ. Здѣсь онъ оставался недолго. О двухъ-лѣтнемъ пребываніи своемъ подъ кровомъ пастора г-на Ламберсье, Руссо говоритъ: «Здѣсь былъ конецъ яснымъ днямъ моей молодости. Съ этого момента я пересталъ наслаждаться полнымъ счастьемъ, и на этомъ пунктѣ прекращаются воспоминанія о радостяхъ моего дѣтства». Такое сильное впечатлѣніе произвело на него знакомство на практикѣ съ несправедливостью и незаслуженными страданіями. На него пало однажды подозрѣніе, будто онъ изломалъ чужую гребенку. Онъ не былъ въ этомъ виновенъ, и самыя жестокія наказанія не могли вынудить ложнаго сознанія въ виновности. «Это первое ощущеніе насилія и несправедливости такъ глубоко запечатлѣлось въ моей душѣ», говоритъ онъ черезъ 50 лѣтъ, «что при одной мысли о немъ, я прихожу въ такое же волненіе, въ какомъ находился въ моментъ испытанія; и это же ощущеніе, первоначально касавшееся лишь одного меня, приняло такой характеръ и до такой степени сдѣлалось безличнымъ, что мое сердце воспламе-

няется при видѣ всякаго несправедливаго поступка, точно будто отъ него страдаетъ моя собственная личность. Когда я читаю о жестокостяхъ какого нибудь свирѣпаго тирана, или объ утонченныхъ звѣрствахъ какого нибудь духовнаго лица, я желалъ бы броситься на этихъ негодяевъ, чтобы заколоть ихъ, хотя бы мнѣ пришлось за это сто разъ умереть... Очень можетъ быть, что это чувство дано мнѣ отъ природы, и я полагаю что это дѣйствительно такъ было, но глубокое впечатлѣніе, произведенное на меня первою насправедливостью, отъ которой я пострадалъ, было такъ продолжительно и такъ крѣпко съ ней связано, что оно необходимо должно было придать упомянутому чувству необыкновенную силу». (Conf. I, 23). Покинувъ Боссе, Руссо возвратился въ Женеву и провелъ два или три года у своего дяди Бернара, большею частью безполезно тратя время. Отъ дяди онъ перешелъ въ контору къ нотаріусу, но по непривычкѣ къ усидчивому труду и сухимъ занятіямъ, эта профессія показалась ему отталкивающей и невыносимой. Хозяинъ началъ недружелюбно къ нему относиться и вскорѣ совсѣмъ прогналъ его. Затѣмъ онъ поступилъ къ граверу Дюкомену, человѣку грубому и жестокому, который очень плохо обращался со всѣми мальчиками. Онъ такъ билъ Ж. Ж., что довелъ его до полнаго одурѣнія. «Этотъ непривычный гнетъ Ж. Ж. возненавидѣлъ всѣми силами души и съ тѣхъ поръ сталъ понимать свободу какъ независимость отъ чьей либо чужой воли, отъ какого либо стѣсненія». Любовь къ свободѣ стала однимъ изъ его самыхъ сильныхъ чувствъ. «Здѣсь, говоритъ Руссо, самыя низкія наклонности, самыя скверныя мошенническія продѣлки замѣнили мои невинныя забавы». Онъ сталъ тихонько таскать сладкое, сдѣлался трусливъ и хитеръ, обманывалъ хозяина и лгалъ. Такъ промучился онъ до шестнадцати лѣтъ. Разъ, послѣ одной праздничной прогулки, Руссо, боясь, что его накажетъ хозяинъ за позднее возвращеніе, бѣжалъ изъ Женевы. «Если бы этого не случилось», писалъ онъ впослѣдствіи, «я провелъ бы на лонѣ моей религіи, моей родины, моего семейства и моихъ друзей пріятную и безмятежную жизнь, соотвѣтствующую моимъ наклонностямъ, среди однообразныхъ занятій, приходящихся мнѣ по вкусу, и въ обществѣ людей, приходящихся мнѣ по сердцу. Я былъ бы хорошимъ христіаниномъ, хорошимъ гражданиномъ, хорошимъ отцомъ семейства, хорошимъ другомъ, хорошимъ ремесленникомъ и во всѣхъ отношеніяхъ хорошимъ человѣкомъ». Ж. Ж. Руссо оставилъ свой родной городъ съ легкимъ сердцемъ. Пріятное сознаніе независимости отъ власти грубаго хозяина придавало ему бодрость и веселіе. Къ тому же его соблазняли тѣ романтическія

идеи, которыми была еще полна его голова и осуществленіе которыхъ казалось ему возможнымъ и близкимъ теперь, когда передъ нимъ открылся весь міръ. Нѣсколько дней онъ бродилъ около города, ночевалъ у крестьянъ и, наконецъ, перебрался въ Савойю, въ деревню Конфиньонъ. Въ это время велась борьба между савойскими священниками и женевскими пасторами, причемъ первые всѣми силами старались обращать протестантовъ въ католицизмъ. Конфиньонскій священникъ былъ однимъ изъ ревностныхъ миссіонеровъ. Онъ очень хорошо принялъ Руссо и вскорѣ убѣдилъ его принять католичество. При этомъ не малую роль играли и обѣды, которыми священникъ, г. Понверри, угощалъ его. «Я былъ слишкомъ хорошимъ гостемъ, чтобы быть вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошимъ богословомъ», говоритъ Руссо, «а его франгійское вино, показавшееся мнѣ превосходнымъ, было такимъ побѣдоноснымъ аргументомъ въ его пользу, что мнѣ было бы стыдно противорѣчить такому прекрасному хозяину». (Conf., II, 57). Для приготовленія къ принятію новой вѣры, священникъ отправилъ его къ нѣкоей г-жѣ Варенсъ, которая жила въ Аннеси и считалась очень ревностной католичкой. Черезъ два дня, съ письмомъ отъ нея, Руссо отправился въ одинъ изъ туринскихъ монастырей, гдѣ его должны были подготовить къ переходу въ католичество. Черезъ девять дней его ввели въ лоно новой церкви, а затѣмъ посовѣтовали быть хорошимъ христіаниномъ, отдали собранные для него 20 ливровъ и вывели за гостепріимныя ворота монастыря. «Онъ проводилъ дни, бродя по туринскимъ улицамъ, ожидая, что какая нибудь счастливая случайность вознесетъ его на высоту счастья. Онъ аккуратно ходилъ къ обѣднѣ, любилъ смотрѣть на пышность двора и воображалъ, что можетъ вселить любовь къ себѣ въ сердце какой нибудь принцессы. Но болѣе важное значеніе имѣло то обстоятельство, что музыка, которую онъ слышалъ въ церкви, пробудила въ немъ тайную склонность къ этому искусству, склонность, сохранившуюся на всю жизнь». Когда онъ сталъ замѣчать, что его 20 франковъ подходятъ къ концу, онъ былъ вынужденъ принять мѣсто слуги у вдовы Верчелли. Черезъ 3 мѣсяца г-жа Верчелли умерла, и Руссо снова очутился на улицѣ. Въ теченіи шести недѣль онъ проводилъ ночи на чердакахъ и въ подвалахъ, и, наконецъ, снова взялъ должность слуги, въ домѣ аристократа Гувона. Хозяева обратили вниманіе на талантливаго юношу и стали его учить. Но и тутъ онъ не долго оставался — его скоро прогнали; и снова началось бродяжничество. Всѣ эти неудачи и скитанія не имѣли на Руссо дисциплинирующаго вліянія. Эта бродяжническая жизнь, заставлявшая его то и

дѣло мѣнять занятія и мѣсто, еще болѣе отдалила его отъ людей, лишила его потребности въ прочной привязанности и заставила его еще болѣе углубиться въ себя, находить удовлетвореніе въ своихъ чувствахъ и мечтахъ внѣ реальнаго міра. Эта полная треволненій жизнь показала ему, какъ далека дѣйствительность отъ его блестящихъ мечтаній. Правда, онъ изрѣдка попадалъ въ блестящую обстановку, но любя привольную жизнь, простоту и непринужденность, онъ не могъ выносить ея порядка и холодности и уходилъ отъ нея. Онъ переноситъ тогда всѣ свои идеалы въ среду того мелкаго крестьянскаго люда, который привлекалъ его своей безъискуственностью и простотой, своей готовностью помочь, своимъ теплымъ участіемъ къ его нуждамъ. Такъ развивается въ Руссо склонность къ сельской жизни, вдали отъ городскаго шума, склонность, оставшаяся у него выдающеюся на всю жизнь. Его пассивная натура, лѣнивый нравъ и чувствительная душа требовали тиши сельской жизни, которая и стала его идеаломъ». (см. Алексѣевъ, т. I, стр. 13—15).

Таковъ былъ типъ характера еще не вполнѣ развившагося юноши Руссо, когда осенью 1729 года онъ прибылъ въ Аннеси къ той самой благодѣтельницѣ, которая пріютила его полтора года тому назадъ. Добрая вдова ласково встрѣтила его, и онъ остался у нея. Эта женщина занялась образованіемъ молодаго Руссо. Вскорѣ онъ, по совѣту одного изъ ея друзей, былъ отправленъ въ семинарію, чтобы со временемъ стать священникомъ. Но семинарскіе преподаватели рѣшили, что онъ никакъ не можетъ быть священникомъ въ виду своихъ слабыхъ умственныхъ способностей. Жанъ-Жакъ опять вернулся домой. Тогда его начали учить музыкѣ. Онъ поселился у учителя церковнаго пѣнія Ле-Метра. Но послѣдній за что-то обидѣлся на церковнаго регента и рѣшилъ тайкомъ уйти. Руссо отправился вмѣстѣ съ нимъ. Послѣ довольно долгихъ скитаній они добрались до Ліона. Тамъ съ несчастнымъ музыкантомъ сдѣлался на улицѣ эпилептическій припадокъ; Руссо сталъ звать на помощь, назвалъ собравшейся толпѣ гостинницу, гдѣ они остановились, и незамѣтно скрылся. «Отсюда видно», говоритъ Морлей, «что можно приходить въ сильное волненіе отъ колокольнаго звона, отъ пѣнія птицъ, отъ красоты улыбающихся садовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть способнымъ безъ угрызенія совѣсти покинуть пріятеля, лежащаго въ безсознательномъ состояніи на улицѣ незнакомаго города». Въ эту минуту Руссо думалъ только о томъ, чтобы поскорѣе вернуться къ г-жѣ Варенсъ въ Аннеси. Но поспѣшивъ туда, онъ съ грустью и удивленіемъ узналъ, что его благодѣтельница покинула Аннеси и переѣхала въ Парижъ.

Опять начались скитанія. Побывавъ во многихъ городахъ, онъ въ Лозаннѣ взялся за преподаваніе музыки, не имѣя ни малѣйшаго понятія о ея правилахъ. Его смѣлость дошла до того, что онъ взялся сочинить музыкальную пьесу для одного концерта. «Конечно, никогда еще со временъ появленія первыхъ музыкальныхъ произведеній, не пришлось человѣчеству выслушивать такую галиматью». Изъ Лозанны Руссо отравился въ Невшатель и тамъ встрѣтился съ однимъ греческимъ архимандритомъ, разъѣзжавшимъ по Европѣ для сбора пожертвованій. Руссо присталъ къ нему въ качествѣ проводника. Въ Солери на него обратилъ вниманіе французскій посланникъ, который отправилъ его въ Парижъ. Но Парижъ обманулъ его ожиданія и онъ вскорѣ уѣхалъ на югъ къ г-жѣ Варенсъ. Въ это путешествіе, которое онъ совершилъ пѣшкомъ, онъ имѣлъ возможность ближе ознакомиться съ нуждами народа. Приблизительно въ половинѣ 1732 года Руссо прибылъ въ Шамбери и поселился у г-жи Варенсъ. Здѣсь онъ прожилъ мирно и безпечно три или четыре года. Лѣтомъ 1736 года Руссо опасно заболѣлъ и г-жа Варенсъ переѣхала въ деревню—Les Charmettes. «Не проходитъ дня», писалъ Руссо уже въ послѣдній годъ своей жизни, «чтобы я не вспоминалъ съ удовольствіемъ и сладкимъ волненіемъ объ этой единственной въ своемъ родѣ и краткой порѣ моей жизни, когда я былъ вполнѣ самимъ собою, безъ всякой примѣси гнета, и когда я могъ сказать, что я жилъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ теченіи этихъ немногихъ лѣтъ дѣлалъ то, что хотѣлъ, и былъ тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ» (Rêv. X. цит. у Морл. 51). Здѣсь занятія Руссо приняли болѣе опредѣленный характеръ. Онъ сталъ заниматься латинскимъ языкомъ, изучалъ философскія произведенія Локка, Лейбница, Декарта. Здѣсь же, познакомившись съ философскими письмами Вольтера, онъ почувствовалъ къ нему необыкновенное влеченіе, которое впослѣдствіи смѣнилось непримиримой враждой. Эти поспѣшныя занятія подготовили почву для его будущихъ знаменитыхъ работъ. Вскорѣ эта блаженная жизнь у г-жи Варенсъ кончилась, и черезъ нѣкоторое время мы видимъ Руссо въ Ліонѣ, наставникомъ въ семействѣ знаменитаго аббата Мабли, старшаго брата еще болѣе знаменитаго Кондильяка. Рѣдко человѣкъ былъ до такой степени не на мѣстѣ, какъ Руссо, въ качествѣ наставника. Онъ былъ крайне нетерпимъ и раздражителенъ. «Мнѣ ничего не удавалось», говоритъ онъ самъ, «и все, что я дѣлалъ, было какъ разъ обратное тому, что надо было дѣлать». Самыми счастливыми минутами его здѣсь были тѣ, когда онъ, запершись у себя въ комнатѣ, ѣлъ пирожки и пилъ вино, которое кралъ у г-на Мабли. Проживъ

здѣсь около года, онъ, съ обыкновенной своей поспѣшностью, бросилъ занятія педагогикой и отправился снова къ г-жѣ Варенсъ. Видя, что его счастье здѣсь пропало навсегда, онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ проектомъ новой нотной системы, вторично отправился въ Парижъ.

II.

Руссо въ Парижѣ.

Его музыкальная система.—Неудача съ ней.—Руссо въ Венеціи.—Возвращеніе его въ Парижъ. — Знакомство съ Терезой Левассеръ. — Сближеніе съ нею.— Чѣмъ оно объясняется? — Первые литературные опыты Руссо.— Руссо поступаетъ секретаремъ.—Руссо въ парижскомъ обществѣ.—Характеристика этого общества и отношеніе Руссо къ нему.—Руссо какъ отецъ.

Въ Парижъ Руссо прибылъ осенью 1741 г. съ рекомендательными письмами къ нѣкоторымъ ученымъ. Увидѣвъ, что на одни комплименты, расточаемые передъ нимъ многими вѣжливыми господами, жить довольно трудно, онъ сталъ искать уроковъ музыки и вмѣстѣ съ тѣмъ хлопотать о примѣненіи своей новой музыкальной системы. И дѣйствительно, вскорѣ онъ добился того, что въ академіи наукъ прочитали его мемуаръ. Академія, разсмотрѣвъ его систему, выдала ему удостовѣреніе, въ которомъ, рядомъ съ кучей комплиментовъ, было высказано, что теорію его нельзя назвать ни новой, ни полезной. Когда такимъ образомъ стремленія его къ музыкальной славѣ и богатству окончились полной неудачей,—онъ впалъ въ праздность и лѣнь. Положеніе его становилось все хуже и хуже. Тогда одинъ его хорошій знакомый, священникъ Кастель посовѣтовалъ ему попробовать, не оцѣнятъ ли его лучше женщины? Руссо былъ представленъ многимъ знатнымъ дамамъ, изъ которыхъ одна и доставила ему мѣсто секретаря при французскомъ посланникѣ въ Венеціи. Но, не поладивъ со своимъ начальникомъ, Руссо черезъ полтора года бросаетъ свою дипломатическую карьеру и возвращается въ Парижъ. Поѣздка въ Италію осталась не безъ послѣдствій для Руссо: онъ вынесъ бо́льшее музыкальное знаніе и образованіе. Но гораздо бо́льшую важность имѣло то обстоятельство, что несовершенство Венеціанской республики побудило его заняться политическими вопросами. Такъ онъ задумалъ написать книгу подъ заглавіемъ «Политическія учрежденія» (Conf. VIII, 145). Намѣреніе это никогда не было приведено въ исполненіе, но эти идеи съ теченіемъ времени созрѣли и получили свое выраженіе въ диссертаціи «О неравенствѣ», а потомъ въ

«Общественномъ Договорѣ». По возвращенін своемъ въ Парижъ, Руссо поселился въ маленькой грязной гостинницѣ Сен-Кантенъ въ Rue des Cordiers. Этотъ самъ по себѣ ничтожный фактъ имѣлъ большое значеніе. Самъ Руссо считалъ его единственнымъ настоящимъ утѣшеніемъ, которое провидѣніе ниспослало ему и которое дало ему силы вынести столько тяжкихъ испытаній.

Въ этой гостинницѣ служила кухаркой двадцати двухълѣтняя дѣвушка, Тереза Левассеръ. За обѣдомъ, когда въ гостинницѣ собиралась грубая компанія ирландскихъ аббатовъ и другихъ посѣтителей, Руссо часто вступался за нее и защищалъ ее отъ выходокъ этихъ господъ. «Онъ почувствовалъ состраданіе къ беззащитной дѣвушкѣ, отъ состраданія онъ перешелъ къ болѣе горячему чувству и между ними произошло сближеніе, которое не прекращалось до самой кончины Руссо». Тереза была женщина съ единственными въ своемъ родѣ умственными способностями. Она никогда не могла научиться сносно читать, никогда не могла изучить мѣсяцевъ по порядку, не могла сообразить, что четыре съ половиной, взятые два раза, составятъ девять. Цѣлаго мѣсяца было недостаточно для того, чтобы изучить часы дня по циферблату. И при всемъ этомъ Руссо говоритъ: «Я жилъ съ моей Терезой такъ пріятно, какъ будто она была самымъ совершеннымъ геніемъ во всей вселенной». И этому можно вѣрить, такъ какъ Руссо цѣнитъ въ людяхъ больше сердце, чѣмъ умъ. «Тереза Левассеръ, говоритъ Морлей, была постоянной иллюстраціей двухъ самыхъ выдающихся его особенностей: его презрѣнія къ чисто научному образованію и еще болѣе глубокаго презрѣнія къ внѣшнему свѣтскому образованію и къ общественному положенію».

Въ это время Руссо не зналъ, какъ добыть средства къ существованію. Онъ сталъ работать для сцены. Герцогъ Ришелье поручилъ ему измѣнить слова и музыку въ «Наварской принцессѣ» Вольтера. Руссо передѣлалъ ее и она появилась на сценѣ подъ названіемъ «Fêtes de Ramire». Затѣмъ онъ написалъ комедію «Нарциссъ» и оперу «Muses galantes», но не могъ добиться публичнаго ихъ представленія. Но все это не доставляло ему денегъ, и Руссо поступилъ секретаремъ къ г-жѣ Дюпенъ за 900 франковъ въ годъ. Къ этому времени относятся почти всѣ его знакомства съ знаменитостями Франціи; ему удалось ихъ завязать черезъ госпожу Дюпенъ и другихъ. Здѣсь не безъинтересно будетъ какъ для характеристики того времени, когда жилъ и дѣйствовалъ Руссо, такъ и для его собственной характеристики бросить взглядъ на то общество, въ которое онъ попалъ въ Парижѣ и какъ онъ въ немъ себя держалъ. Гриммъ, знатокъ своего

времени, сравнивая въ извѣстной «Correspondance litteraire «(II, 368; III, 37) античныя общества съ тѣмъ, которое онъ имѣлъ передъ глазами, говоритъ о немъ слѣдующее: «Древніе не знали тѣхъ правилъ, которыя современное общество налагаетъ на человѣка. Всякій смѣлъ быть самимъ собой, и никто не старался походить на другихъ и быть такими, какими были всѣ, согласно установленному нами закону благопристойности. Этотъ то законъ и страсть къ развлеченіямъ, охватившая всѣхъ, и служатъ причиной тому, что мы утратили свои обычаи и свой характеръ. Войдите въ любой общественный кружокъ, собравшій человѣкъ пятнадцать, останьтесь въ немъ хоть часа три сряду, и вы не сумѣете отличить въ немъ умнаго человѣка отъ глупаго. Всѣ говорятъ приблизительно одно и тоже и однимъ языкомъ. Всѣ похожи другъ на друга, или лучше сказать, ни на что не похожи. Въ этомъ обществѣ, даже человѣкъ съ умомъ, съ раннихъ поръ привыкаетъ къ установившимся разсужденіямъ и принаравливаетъ свои вкусы и мнѣнія къ вкусамъ и мнѣніямъ общества. Онъ теряетъ, если можно такъ выразиться, дѣвственность своихъ мыслей и сливаетъ свой голосъ съ голосомъ общества» (цит. у пр. Алексѣева, стр. 29). Къ дополненію этой картины слѣдуетъ прибавить, что главной добродѣтелью считалось изящество манеръ и обращенія, изысканность языка и пустое, но тонкое остроуміе.

Руссо, какъ только вступилъ въ это общество, сразу разочаровался въ той широкой образованности и блестящей культурѣ, которыя молва приписывала французскому обществу. Онъ не нашелъ въ немъ того серьезнаго отношенія къ трактуемымъ вопросамъ, той искренности и простоты въ сужденіяхъ, которыя онъ цѣнилъ выше всего. Онъ сталъ неохотно посѣщать это общество, но ему все же приходилось подчасъ туда заглядывать. Къ свѣтской болтовнѣ, мало его интересовавшей, онъ оставался равнодушенъ и сохранялъ молчаніе. Но онъ не могъ оставаться хладнокровнымъ, когда тѣмъ же тономъ говорили о Богѣ, о вѣрѣ, словомъ, о всѣхъ волновавшихъ его вопросахъ. Г-жа Эпине въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ объ одномъ веселомъ обѣдѣ, на которомъ Дюкло и Ламберъ защищали свои атеистическія воззрѣнія. Руссо не вступалъ въ пренія, однако открыто заявилъ, что онъ не допуститъ, чтобы въ его присутствіи поносили Бога, въ котораго онъ вѣруетъ всей душой. Когда же споръ не унимался, Руссо не выдержалъ и всталъ со словами: «господа, я уйду, если вы посмѣете сказать еще хоть одно слово»....

Сдѣлавъ это небольшое отступленіе, вернемся къ занятіямъ Руссо. Въ то время Дидро и Даламберъ ужъ готовили свой знаменитый эн-

циклопедическій словарь, и Руссо согласился написать для него статью о музыкѣ. Между тѣмъ его домашнія заботы увеличивались. Тереза родила ребенка; отецъ рѣшилъ отдать его въ воспитательный домъ. На слѣдующій годъ прибѣгли къ тому же легкому средству. Такъ поступали по очереди съ пятью малютками, и бѣдная Тереза всякій разъ плакала и убивалась, а Руссо нисколько не смущался. Этотъ эгоистическій поступокъ наложилъ на Руссо клеймо всеобщаго презрѣнія и осужденія, не смотря на всѣ его старанія оправдаться различными софизмами.

III.

Первая диссертація.

Руссо пишетъ свое разсужденіе „о вліяніи искусствъ и наукъ на нравы". — Содержаніе и критика этого сочиненія.—Громадный успѣхъ его.

Лѣтомъ 1749 года, въ одинъ жаркій день, Руссо шелъ изъ Парижа въ Венсенъ. По дорогѣ онъ купилъ газету и нашелъ въ ней объявленіе дижонской академіи, которая предлагала на премію тему: Способствовало ли возрожденіе наукъ и искусствъ очищенію нравовъ?— «Когда я прочелъ объ этомъ, говоритъ Руссо, во мнѣ произошло нѣчто, похожее на внезапное вдохновеніе. Передо мной вдругъ заблестѣли тысячи искрившихся огоньковъ; массы яркихъ идей тѣснились въ моей головѣ съ такою силою и въ такомъ смятеніи, что я пришелъ въ неописанное волненіе; я чувствовалъ, что голова моя кружится точно отъ опьяненія. Я задыхался отъ сильнаго біенія сердца; не будучи въ состояніи идти далѣе, я легъ подъ однимъ изъ деревьевъ аллеи и пробылъ въ этомъ положеніи съ полчаса... Когда я всталъ, весь передъ моего жилета былъ вымоченъ моими слезами, хотя я самъ и не сознавалъ, что я плачу. Ахъ, еслибъ я могъ описать только четвертую часть того, что я перечувствовалъ подъ этимъ деревомъ, я бы ясно доказалъ всѣ противорѣчія нашей соціальной системы; тогда бы для всѣхъ стало ясно, что человѣкъ отъ природы хорошъ и что его дѣлаютъ дурнымъ учрежденія» (см. Морлей, стр. 90).

Руссо рѣшился отвѣтить на этотъ вопросъ, который затронулъ его самое больное мѣсто, вызвалъ наружу господствовавшее въ немъ чувство. Этимъ чувствомъ было его озлобленіе противъ высокомѣрнаго французскаго общества, оскорблявшаго всѣ его дорогія вѣрованія и не желавшаго признать его таланты. Это же чувство и надѣлило его смѣлостью выступить съ блестящей филлипикой противъ испор-

ченности нравовъ французскаго общества. Въ этомъ сочиненіи онъ необыкновенно страстнымъ тономъ излилъ всю свою ненависть, всю горечь, накопившуюся въ немъ; все негодованіе на сильныхъ міра сего, на салонную цивилизацію, на ложную искусственную жизнь со всѣмъ ея блескомъ и мишурой. Его задачей было не столько изслѣдованіе вопроса, объясненіе его причинъ и послѣдствій, сколько желаніе противопоставить извращенной роскоши и политическому рабству, въ которомъ погрязло французское общество, противопоставить скромныя добродѣтели народовъ, сохранившихъ свободу и простоту нравовъ. Все это и внушило ему отвѣтить на предложенный вопросъ отрицательно. (Алексѣевъ, т. II. стр. 68). Поэтому неудивительно, что Руссо, увлекшись воинственнымъ задоромъ, далъ очень слабую аргументацію всѣмъ своимъ нападкамъ. Самъ авторъ впослѣдствіи отзывался о своей диссертаціи, что хотя въ ней много жара и силы, но вовсе нѣтъ ни логики, ни послѣдовательности, и что изъ всѣхъ произведеній его пера это—самое слабое по мысли и самое неудовлетворительное въ отношеніи плавности и гармоніи. «Потому что, прибавляетъ онъ, умѣнье писать не пріобрѣтается вдругъ» (Conf. VIII, 88) Познакомимся поближе съ содержаніемъ этой диссертаціи. Главная ея суть заключается въ слѣдующемъ: Въ то время, «когда искусство еще не измѣнило наше обращеніе и не придало искусственность языку страстей, наши нравы были просты, но естественны, и по разницѣ въ обращеніи можно было узнать разницу въ характерѣ». Теперь же «въ нашихъ нравахъ царствуетъ низкое и обманчивое недовѣріе, и всѣ характеры какъ будто вылились изъ одной формы». Поэтому мы никогда не знаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. «Нѣтъ искренней дружбы, нѣтъ искренняго уваженія, нѣтъ прочнаго довѣрія. Подозрѣніе, мракъ, страхъ, холодность, сдержанность, ненависть, предательство будутъ постоянно скрываться подъ этимъ однообразнымъ лоскомъ, подъ этой столь прославленной учтивостью, которою мы обязаны просвѣщенію нашего вѣка». Все это, конечно, не безъ причинъ. Ихъ, какъ доказываетъ исторія, слѣдуетъ искать въ развитіи искусствъ и наукъ. Египетъ, когда-то столь могущественный, «впервые вскормилъ и взлелѣялъ философію и изящныя искусства, и скоро самъ сталъ вырождаться: сначала покорилъ его Камбизъ, затѣмъ греки, потомъ римляне, потомъ арабы и, наконецъ, турки. Греція, этотъ народъ героевъ, дважды торжествовавшій побѣду надъ Азіей, ослабѣла отъ роскоши и искусствъ. Римъ, основанный пастухомъ, палъ наканунѣ того дня, когда одному изъ его гражданъ дали почетное названіе тонкаго цѣнителя изящнаго вкуса. Китай, гдѣ книж-

ничество окружено почетомъ и ведетъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, не спасся отъ грубаго татарскаго ига, не смотря на мнимую мудрость ихъ законовъ. А между тѣмъ, какъ были счастливы тѣ немногіе народы, какъ скифы, германцы, которые не гонялись за книжнымъ многознаньемъ, но ставили выше всего правду и справедливость, свободу и независимость, силу и крѣпость души» (О вліяніи искусствъ и наукъ, стр. 250, 252, 254). «Такимъ-то образомъ роскошь, распущенность и рабство всегда карали насъ за наши горделивыя усилія выйти изъ счастливаго невѣдѣнія, въ которое поставила насъ вѣчная мудрость. Густой покровъ, которымъ она прикрыла всѣ свои дѣйствія, казалось, ясно предупреждалъ насъ, что она не предназначила насъ для безплодныхъ исканій. Народы, знайте разъ навсегда, что природа хотѣла васъ уберечь отъ науки, какъ мать вырываетъ изъ рукъ ребенка опасное оружіе. Уже старинное преданіе гласитъ, что наука выдумана какимъ-то богомъ—врагомъ человѣческаго спокойствія». Всѣ науки и искусства порождены нашими пороками: «суевѣріе породило астрономію; честолюбіе, ненависть, лесть и ложь—краснорѣчіе; скупость—геометрію, пустое любопытство—физику; всѣ они и сама мораль—плоды человѣческой гордости. Что бы мы стали дѣлать съ искусствомъ, если бы не было поддерживающей его роскоши? Къ чему нужна была бы юриспруденція, если бы не было человѣческой несправедливости? Что сталось бы съ исторіею, если бы не было ни тирановъ, ни войнъ, ни заговорщиковъ? Однимъ словомъ: кто захотѣлъ бы всю жизнь провести въ безплодномъ созерцаніи, еслибы каждый вникалъ въ свои обязанности человѣка да въ требованія природы и все время посвящалъ бы родинѣ, несчастнымъ и друзьямъ? Предметы изслѣдованія наукъ безплодны, но еще опаснѣе ихъ дѣйствіе на насъ. Такъ отвѣтьте же мнѣ, знаменитые философы, вы, объяснившіе намъ почему тѣла притягиваются въ пустотѣ, каково, въ обращеніяхъ планетъ, отношеніе пространства, проходимаго въ разное время, у какихъ кривыхъ сопряженныя точки, точки уклоненія и точки возврата, какія звѣзды могутъ быть населены,—отвѣтьте мнѣ, говорю я, вы, научившіе насъ столькимъ удивительнымъ истинамъ,—еслибы вы не научили насъ всему этому, были бы мы менѣе многочисленны, хуже управляемы, менѣе грозны, менѣе цвѣтущи, или болѣе развратны? Эти пустые, поверхностные болтуны идутъ во всѣ концы съ запасомъ злыхъ парадоксовъ; они подкапываютъ основы вѣры и уничтожаютъ добродѣтель. Но вредъ литераторства, искусства и не ограничивается этимъ,—есть еще болѣе страшное зло. Это зло—роскошь. Она рѣдко появляется тамъ, гдѣ нѣтъ наукъ и искусствъ,

а наука и искусство никогда не обходятся безъ нея. Занятіе книжничествомъ ослабляетъ военныя качества, но еще болѣе оно ослабляетъ нравственныя качества. Съ самаго дѣтства наше безумное воспитаніе придаетъ внѣшній блескъ уму и вредитъ нашему здравому сужденію. Я вижу повсюду громадныя учрежденія: тамъ воспитывается юношество; воспитаніе это обходится дорого, молодые люди учатся многому, а не узнаютъ самаго главнаго—въ чемъ ихъ прямой долгъ, каковы ихъ обязанности. Ваши дѣти не будутъ знать своего роднаго языка, но они будутъ говорить на такихъ, которые нигдѣ не употребляются. Слова: «великодушіе», «справедливость», «умѣренность», «человѣчность», «мужество» будутъ имъ незнакомы; они никогда не услышатъ отрадное слово: «отчизна», а если услышатъ о Богѣ, то не столько изъ богобоязненнаго чувства, сколько изъ чувства страха». Всѣ эти злоупотребленія порождаются гибельнымъ неравенствомъ, которое ввелось среди людей уваженіемъ къ талантамъ и униженіемъ добродѣтелей. «Человѣка не спрашиваютъ, честенъ ли онъ, а хотятъ узнать, есть ли у него таланты; не спрашиваютъ, полезна ли книга, а хорошо ли она написана. Говорунъ получаетъ богатое вознагражденіе, честный человѣкъ уходитъ съ пустыми руками. Есть тысячи премій за хорошія рѣчи и ни одной—за хорошіе поступки. У насъ есть естествоиспытатели, математики, химики, поэты, музыканты, живописцы, но у насъ нѣтъ больше хорошихъ гражданъ, и если они встрѣчаются иногда, они разсѣяны въ пустынныхъ мѣстностяхъ и живутъ бѣдные и презираемые. Если наши потомки не будутъ еще безумнѣе насъ, они воздѣнутъ руки къ небу и воскликнутъ: «Всемогущій Боже, избавь насъ отъ просвѣщенія нашихъ отцевъ, возврати насъ къ простотѣ, невинности и бѣдности, единственнымъ благамъ, которыя способствуютъ нашему счастью и пріятны тебѣ. (Ibid., стр. 259, 261, 262, 263, 270, 273, 276 изд. Грэхэма). А мы еще изобрѣли способъ увѣковѣчить эти нелѣпости, и благодаря типографскимъ станкамъ опасныя теоріи Гоббза и Спинозы никогда не умрутъ. Когда монархи поймутъ, какія страшныя замѣшательства уже успѣло породить книгопечатаніе въ Европѣ, они безъ сомнѣнія изгонятъ изъ своихъ государствъ это пагубное искусство съ такою же поспѣшностью, съ какою когда-то его туда вводили». (Rèp. à M. Bordes. цит. у Морлея, стр. 96).

Вотъ наиболѣе характерныя мѣста изъ первой диссертаціи, имѣвшей столь необычайный успѣхъ. Она вызвала цѣлую литературу статей, брошюръ и возраженій. Изъ нихъ самое знаменитое принадлежало королю польскому. Нѣкоторымъ, наиболѣе серьезнымъ изъ сво-

ихъ критиковъ, Руссо отвѣчалъ. Въ этихъ возраженіяхъ, какъ доказываетъ проф. Алексѣевъ, Руссо очевидно умѣряетъ высказанныя имъ воззрѣнія, дополняетъ ихъ и точнѣе опредѣляетъ. Наука и искусство не являются болѣе тѣмъ безусловнымъ зломъ, какимъ они выступаютъ на нѣкоторыхъ страницахъ диссертаціи, а относительнымъ добромъ, смягчающимъ послѣдствія людской испорченности. Причиной этой испорченности уже являются не наука и искусства, а общественное неравенство, то соціальное зло, которое является источникомъ всѣхъ людскихъ пороковъ. Онъ не совѣтуетъ имъ разрушать библіотеки, академіи и университеты, ибо безъ нихъ они очутились бы въ еще худшемъ положеніи; но онъ напоминаетъ имъ, что онъ не имѣетъ основанія гордиться этими органами просвѣщенія, если вмѣстѣ съ этимъ эти органы не являются и орудіями общественнаго воспитанія, смягчающаго пагубныя послѣдствія испорченности нравовъ. Науки будутъ полезны обществу лишь тогда, когда люди будутъ предаваться имъ въ сознаніи ихъ общественныхъ обязанностей, и помня, что знаніе еще не даетъ добродѣтели, добродѣтель же обходится и безъ знанія. Урокъ, преподнесенный въ такой формѣ, былъ несомнѣнно полезенъ французскому обществу, у котораго литература и научные интересы заслоняли собою общественные вопросы, и которое видѣло въ научныхъ исторіяхъ и философскихъ системахъ универсальное средство отъ всякихъ печалей и недуговъ (Алексѣевъ, II, 344).

По словамъ Гримма диссертація произвела нѣчто вродѣ революціи. Одинъ изъ самыхъ рьяныхъ литературныхъ противниковъ Руссо начинаетъ такимъ образомъ свое возраженіе на диссертацію: «Литература имѣетъ свои кометы, какъ и небесное пространство. Разсужденіе женевскаго гражданина должно быть причислено къ такимъ необычайнымъ феноменамъ и даже зловѣщимъ для суевѣрныхъ наблюдателей». Вильменъ въ 23-ей лекціи своей исторіи литературы замѣчаетъ, что тогда чувствовалось, «что здѣсь выступила на сцену совершенно новая личность и съ ней совершенно новый слой народа съ болѣе сильными страстями; подъ ослѣпительнымъ языкомъ Руссо бушевала демократическая ненависть». О Руссо говорили теперь не иначе, какъ о краснорѣчивомъ писателѣ, глубокомъ мыслителѣ, знаменитомъ философѣ.

Постараемся теперь поближе ознакомиться съ недостатками и достоинствами этой замѣчательной работы. Прежде всего бросается въ глаза та громадная ошибка Руссо, что «онъ вымещаетъ на всемъ искусствѣ и на всей наукѣ то, въ чемъ виноваты науки и искусство его ближайшей обстановки». Далѣе, онъ приписываетъ вліянію этой

науки массу темныхъ сторонъ общественной жизни, которыя имѣютъ совершенно иныя причины. Испорченность нравовъ нельзя объяснять преобладаніемъ научныхъ интересовъ. Источники этой испорченности слѣдуетъ искать въ недостаткахъ политическаго быта народа, а никакъ не въ ея блестящей культурѣ, которая никогда не ведетъ къ упадку народа. Король польскій замѣчаетъ, что Руссо, защищая свой сильный тезисъ, забываетъ о тѣхъ многочисленныхъ причинахъ, которыя вліяютъ на народную нравственность. «Если мы и видимъ, говоритъ онъ, что существуютъ страны, въ которыхъ и безъ наукъ, и безъ изученія морали, эта мораль находитъ болѣе ревностныхъ исполнителей, чѣмъ у народовъ, гдѣ ее лучше знаютъ, болѣе выхваляютъ и усерднѣе преподаютъ, то это различіе нравовъ у различныхъ народовъ и въ различныя времена, слѣдуетъ приписать не вліянію наукъ, а скорѣе климату, темпераменту, правительственному строю, обычаямъ и законамъ».

Не меньшимъ недостаткомъ этой диссертаціи слѣдуетъ считать ея односторонность. Она, какъ замѣчаетъ Морлей, совершенно игнорируетъ всю ту пользу, всѣ тѣ своего рода облегченія страданій, все то приращеніе умственнаго роста, которыми обязано было тогдашнее поколѣніе научнымъ изслѣдованіямъ. Конечно, можно спорить о томъ, вознаграждаютъ ли эти блага за тѣ несчастія, которыя были результатомъ этихъ изслѣдованій, но нельзя совершенно упускать изъ виду при философскомъ разслѣдованіи этого предмета. Въ диссертаціи нѣтъ серьозной попытки объяснить, въ чемъ заключаются эти несчастія. Наконецъ, основаніемъ для ея аргументаціи служитъ совершенно ошибочное предположеніе, будто люди когда-то были чисты и невинны и по мѣрѣ развитія цивилизаціи утрачивали эту чистоту. Напротивъ, всѣ научныя изслѣдованія привели насъ къ противоположной доктринѣ,—что исторія цивилизаціи есть исторія того, какъ первобытное состояніе улучшалось, а не ухудшалось (стр. 99). «Тѣмъ не менѣе, говоритъ Морлей, нельзя отнять серьознаго значенія у основной его мысли, наглядно выраженной въ аллегорической виньеткѣ, съ которой вышла въ свѣтъ его диссертація. Прометей приноситъ людямъ свѣточъ знанія и предупреждаетъ Сатира, что онъ горитъ; Сатиръ, который впервые видитъ огонь и хочетъ схватить его, и есть символъ обыкновенныхъ людей, прельстившихся блескомъ литературы и пожелавшихъ изучить ее» (Морлей, стр. 101, 103). «Никто не станетъ отрицать, заключимъ мы словами Шлоссера, что идея, которую Руссо выразилъ въ первый разъ по поводу задачи дижонской академіи, впослѣдствіи постоянно руководила имъ въ жизни и во всѣхъ его трудахъ, что она обрати-

лась для него въ истину. Свою идею, которая ставитъ ученыхъ на одну доску съ софистами, Руссо не только проповѣдывалъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ съ огнемъ и энтузіазмомъ апостола, проникнутаго самостоятельнымъ истиннымъ убѣжденіемъ, но даже въ самой жизни слѣдовалъ ей до нелѣпости и добровольно пожертвовалъ ей всѣми благами, которыми другіе люди такъ упорно дорожатъ» (Шлоссеръ, ист. XVIII стол., II, 339).

IV.

Вторая диссертація.

Руссо написалъ оперу „Деревенскій чародѣй“.—Успѣхъ ея.—Онъ отказывается отъ королевской пенсіи, затѣмъ отъ мѣста казначея.—Онъ становится переписчикомъ нотъ.—Музыкальная полемика.—Разсужденіе о неравенствѣ. — Содержаніе этого разсужденія.—Критика его.—Блестящій успѣхъ этого сочиненія.—Руссо какъ соціалистъ.—Черты сходства второй диссертаціи съ первой.

Утомленный литературной полемикой, душевными волненіями и напряженной умственной дѣятельностью, Руссо, лѣтомъ 1752 г., принимаетъ предложеніе своего друга Мюссара—провести нѣкоторое время въ его загородномъ домѣ, въ Пасси. Какъ-то вечеромъ у нихъ зашелъ разговоръ о музыкѣ, о преимуществѣ итальянской предъ французской. Разговоръ этотъ зародилъ въ Руссо мысль написать оперу, и черезъ какихъ нибудь три недѣли у Руссо была готова опера, подъ названіемъ «Le devin du village». (Деревенскій чародѣй).

Помня свои прежнія музыкальныя неудачи, Руссо самъ не хотѣлъ выступить съ ней открыто и всѣ заботы о постановкѣ ея на сцену поручилъ своему другу Дюкло.

Опера его очень понравилась и рѣшено было, что она будетъ поставлена въ Фонтенебло въ присутствіи короля. Пьеса была исполнена съ большимъ успѣхомъ, и автору была предложена королевская пенсія, отъ которой Руссо отказался.

Въ то же время онъ поставилъ на сценѣ комедію «Нарциссъ», написанную имъ еще 18-ти лѣтъ. Публика отнеслась къ ней крайне равнодушно. Зайдя послѣ представленія, которое, какъ онъ самъ увѣряетъ, съ трудомъ досидѣлъ до конца, въ кафе de Procope, гдѣ собирались литераторы и критики, Руссо воскликнулъ: «пьеса провалилась и стоила того. Авторъ ея—Руссо изъ Женевы, и я — этотъ самый Руссо. (Грэхэмъ. стр. 69, также Conf. VIII, 136).

Руссо въ это время, какъ уже было сказано, исполнялъ нѣчто

вродѣ секретарскихъ обязанностей у г-жи Дюпенъ и ея зятя Франкейля. Послѣдній былъ назначенъ главнымъ сборщикомъ податей, и предложилъ Руссо мѣсто кассира. Руссо согласился и поступаетъ на службу. Но это дѣло крайне не нравилось ему: оно не соотвѣтствовало его наклонностямъ и убѣжденіямъ. Совѣсть стала тревожить его: «какъ я буду другимъ проповѣдывать бѣдность и безкорыстіе, когда я обираю народъ, тяну съ него послѣдніе гроши, а самъ живу въ довольствѣ и роскоши. Нѣтъ, Руссо такъ не можетъ дѣлать». И онъ отказывается отъ мѣста.

Въ своемъ стоицизмѣ онъ пошелъ еще далѣе. Онъ продалъ все лишнее и ненужное и оставилъ себѣ только бѣлье для перемѣны. Затѣмъ онъ рѣшилъ, что будетъ заниматься переписываніемъ нотъ, такъ какъ это занятіе было ему по вкусу, соотвѣтствовало его способностямъ и, главное, не лишало его личной свободы. Къ тому же, какъ онъ самъ говоритъ, онъ былъ твердо убѣжденъ, что такой знаменитый переписчикъ никогда не будетъ имѣть недостатка въ занятіяхъ.

Но тихая жизнь Руссо вскорѣ была снова нарушена слѣдующимъ фактомъ. Въ Парижъ пріѣхала одна итальянская оперная труппа. Нѣсколько данныхъ ими итальянскихъ операъ возбудили ожесточенную борьбу въ Парижѣ по поводу достоинствъ французской и итальянской музыки. Общество раздѣлилось на два враждебныхъ лагеря. Руссо съ увлеченіемъ сталъ на сторону итальянцевъ.

Его знаменитое письмо о французской музыкѣ доказывало, что во французской музыкѣ нѣтъ ни темпа, ни мелодіи, что ея гармонія груба и безъ выраженія; что у французовъ нѣтъ національной музыки и что было бы еще хуже, если бы у нихъ когда нибудь была такая музыка. Парижское общество сильно волновалось. Письмо Руссо вызвало множество отвѣтовъ; разозленный театральный оркестръ сжегъ его изображеніе. «Неудивительно, спокойно сказалъ Руссо, что они наконецъ жгутъ меня, вѣдь они такъ долго терзали меня» (Грэхэмъ, стр. 71).

Въ томъ же году дижонская академія снова предложила на соисканіе преміи тему: «Отчего происходитъ неравенство между людьми, и оправдывается ли оно естественнымъ закономъ?»

Этотъ вопросъ не могъ не возбудить вниманія Руссо. Еще въ своемъ первомъ сочиненіи о вредѣ наукъ и искусствъ, Руссо однимъ изъ опаснѣйшихъ ихъ слѣдствій называетъ то неравенство, которое возникаетъ отъ предпочтенія талантовъ добродѣтели.

Въ своемъ отвѣтѣ на возраженіе короля польскаго, онъ идетъ еще

далѣе и считаетъ неравенство корнемъ всѣхъ золъ; «изъ неравенства, говоритъ онъ, произошло богатство, изъ богатства—роскошь и праздность, изъ роскоши и праздности—науки и искусства».

Переходя къ разбору этого сочиненія, надо замѣтить, что для насъ очень важенъ этотъ трактатъ, потому что, какъ говоритъ Шлоссеръ, «онъ содержитъ въ себѣ зерно всѣхъ позднѣйшихъ сочиненій Руссо, или, по крайней мѣрѣ, основныя черты всего того, чему онъ училъ впослѣдствіи. Идея, здѣсь господствующая, сила рѣчи, одушевленіе идеаломъ, который въ его живой фантазіи становится дѣйствительнымъ предметомъ—все это въ соединеніи съ могущественной діалектикой «Contrat social» обольщало въ періодъ французской революціи много сердецъ, самыхъ благородныхъ, и дало поводъ ко многимъ практическимъ ошибкамъ» (т. II стр. 343).

«Это—далеко не историческое изслѣдованіе, а живыя, часто фантастическія разсужденія, которыя говорятъ не о дѣйствительномъ происхожденіи общественныхъ отношеній между людьми, а объ идеальномъ, вѣрнѣе говоря, предполагаемомъ происхожденіи, не о дѣйствительныхъ людяхъ, а о такихъ, какими бы они должны быть отъ природы».

Въ своемъ разсужденіи Руссо исходитъ изъ того положенія, что отъ природы всѣ люди равны. Если существовало между ними неравенство, то это было естественное неравенство, состоящее въ различіи возраста, здоровья, физическихъ и умственныхъ силъ. Но эти различія не породили никакихъ другихъ различій. Природа поступаетъ съ людьми такъ, какъ поступали законы Спарты съ дѣтьми ея гражданъ: тѣхъ, которыя родились съ хорошимъ тѣлосложеніемъ, она дѣлаетъ сильными и здоровыми, а всѣхъ остальныхъ она уничтожаетъ (De l'inég. 30, 36). Но это первобытное неравенство никакъ не могло породить того искусственнаго неравенства въ богатствѣ, почестяхъ, власти, которое установилось съ согласія людей.

И вотъ Руссо ставитъ себѣ задачей возстановить образъ естественнаго человѣка, въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ Творца «Руссо представляетъ себѣ людей, первоначально разсѣянными и живущими на подобіе животныхъ. Отъ послѣднихъ человѣкъ отличается не столько разумомъ, сколько свободною волею, признакъ духовнаго естества. Онъ отличается и способностью совершенствоваться, которая составляетъ источникъ всѣхъ его бѣдствій. Въ первобытномъ состояніи эта способность остается пока безъ дѣйствія. Слѣдуя внушеніямъ природы, человѣкъ дѣлаетъ добровольно, по собственному выбору то, что животныя совершаютъ по безсознательному влеченію

инстинкта. Уступая животнымъ въ силѣ, онъ превосходитъ ихъ физическою организаціею и умѣніемъ пользоваться средствами для достиженія своихъ цѣлей. Самыя силы его, вслѣдствіе постояннаго упражненія, изощряются гораздо болѣе, нежели въ состояніи общежитія. Потребностей у него почти нѣтъ, а потому нѣтъ и страстей.

Такимъ образомъ, въ первобытномъ состояніи мы не можемъ назвать человѣка ни добрымъ, ни злымъ, ибо между людьми вовсе нѣтъ еще нравственныхъ отношеній и признанныхъ обязанностей. Человѣкъ могъ бы вѣчно остаться въ этомъ состояніи, еслибы не разныя случайныя обстоятельства, которыя усовершенствовали его разумъ, исказили его природу и сдѣлали его злымъ, превративъ его въ существо общежительное. Препятствія, которыя человѣкъ встрѣчалъ въ удовлетвореніи своихъ потребностей, возбудили въ немъ дѣятельность мысли. Онъ сталъ изобрѣтать орудія, и это обратило его вниманіе на взаимныя отношенія вещей. Онъ сталъ наблюдать себѣ подобныхъ, и это сблизило его съ людьми. Мало по малу основались семейства; люди построили себѣ постоянныя жилища. Таково состояніе, въ которомъ находятся дикіе народы. Можно полагать, что это—самая блаженная эпоха въ жизни человѣчества. Имѣя мало потребностей, не нуждаясь другъ въ другѣ, люди жили свободные, здоровые, добрые и счастливые, насколько это для нихъ возможно. Къ сожалѣнію, это состояніе было непродолжительно». (см. Чичеринъ, т. III, стр. 130, 131).

Изобрѣтательность человѣческаго ума повела къ открытію способовъ выдѣлки металловъ и къ воздѣлыванію земли. Для этого недостаточно было уже одинокаго труда, нужно было содѣйствіе нѣсколькихъ. «Пока люди занимались работой, которая была подъ силу одному человѣку, и такими искусствами, для которыхъ не требуется содѣйствіе нѣсколькихъ лицъ, они жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми, насколько допускаетъ это ихъ природа, и наслаждались выгодам независимой жизни. Но съ тѣхъ поръ, какъ одинъ человѣкъ сталъ нуждаться въ другихъ, и люди замѣтили, что полезно одному имѣть запасъ для двоихъ, съ тѣхъ поръ исчезло равенство, возникла собственность, трудъ сталъ необходимостью, и необъятные лѣса превратились въ улыбающіяся пашни, которыя нужно было орошать человѣческимъ потомъ и на которыхъ, вмѣстѣ съ жатвой, выростали рабство и нищета» (стр. 97).

Роковое зло, погубившее человѣка, это—зависимость человѣка отъ человѣка. Эта же зависимость возникаетъ вмѣстѣ съ возникновеніемъ собственности. «Первый, огородившій клочекъ земли и дерзнувшій воскликнуть: это мое, и нашедшій легковѣрныхъ людей, которые по-

вѣрили ему, былъ настоящимъ основателемъ гражданскаго общества. Сколько преступленій, сколько войнъ, сколько убійствъ, сколько бѣдствій и ужасовъ отвратилъ бы отъ рода человѣческаго тотъ, кто, вырвавъ столбы и заровнявъ рвы, воскликнулъ бы, обращаясь къ своимъ ближнимъ: не слушайте этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды принадлежатъ всѣмъ а земля—никому» (De l'inég. 84).

«Но едва ли уже въ то время, продолжаетъ Руссо, можно было остановить неудержимый ходъ вещей».

Этими знаменитыми словами начинается вторая часть разсужденія. Въ введеніи къ нему Руссо говоритъ: «мы должны найти ту минуту, когда естественное состояніе уступаетъ передъ закономъ, право передъ силой; мы должны объяснить, черезъ какое сцѣпленіе обстоятельствъ сильный могъ рѣшиться служить слабому и народъ могъ купить мнимое спокойствіе цѣной дѣйствительнаго счастія»? (стр. 31).

Отвѣчая на этотъ вопросъ, Руссо отмѣчаетъ слѣдующія главныя черты:

«Обработка металловъ и земледѣліе—вотъ тѣ два искусства, которыя произвели этотъ великій переворотъ» (стр. 97).

«Изъ воздѣлыванія земли возникла необходимость ея раздѣленія; отсюда правила и понятія о правѣ, несправедливости, отсюда понятіе о собственности во всѣхъ ея видахъ. Съ установленіемъ собственности должно было выказаться и развиться естественное неравенство способностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ родились и всѣ пороки, сопровождающіе стремленіе человѣка къ превосходству надъ другими. Между людьми явилось различіе богатыхъ и бѣдныхъ. Это различіе между имущими и неимущими привело къ замѣшательствамъ и протестамъ, къ грабежу съ одной стороны, и къ постоянному отсутствію безопасности—съ другой. Отсюда нескончаемые безпорядки, внушившіе богатымъ самый глубоко задуманный планъ, какой когда либо возникалъ въ человѣческомъ умѣ. Онъ заключался въ томъ, чтобы употребить въ свою пользу силы тѣхъ самыхъ людей, которые возставали противъ нихъ, чтобъ внушить имъ иныя идеи и дать имъ иныя учрежденія, которыя были бы столько же благопріятны для богатыхъ, сколько естественные законы были имъ враждебны. «Соединимся, сказали тогда, соединимся, чтобы защищать слабаго отъ притѣсненія, обуздать честолюбиваго, обезпечить защиту то, что у него есть. Вмѣсто того, чтобы обращать наши силы противъ насъ самихъ, соберемъ ихъ въ одну высшую силу, которая будетъ управлять нами по мудрымъ законамъ, защищать и охранять всѣхъ членовъ нашего соединенія, разгонять общихъ враговъ, держать насъ въ вѣчномъ согласіи» (стр. 107). Всѣ

соглашаются. Выгода кажется несомнѣнной. «У людей еще не было достаточно проницательности, чтобы предвидѣть опасность».

Эта мысль, а вовсе не право завоеванія, была «началомъ общества и законовъ, которые наложили новыя оковы на бѣдняковъ, придали новое могущество богачамъ, и, ради выгодъ немногихъ алчныхъ и честолюбивыхъ людей, съ тѣхъ поръ обрекли человѣчество на тяжелый трудъ, рабство и нищету, безъ всякой надежды выйти изъ такого положенія». «Эти соединенія скоро распространились по всей землѣ, потому что одно соединеніе необходимо обусловливало другое». «Каково же было состояніе этихъ самыхъ соединеній? Люди слишкомъ скоро увидѣли, что масса сама по себѣ даетъ мало силы и прочности законамъ. Должно было рѣшиться довѣрить отдѣльнымъ лицамъ опасную должность общественной власти, чтобы совѣщанія и рѣшенія отдѣльныхъ лицъ исполнялись безпрепятственно. Такъ произошло правительство. Оно поставлено было защищать свободу, а не уничтожать ее. Поэтому, когда государи, сдѣлавшись наслѣдственными, стали смотрѣть на свою должность, какъ на семейную собственность, это было смертельнымъ ударомъ для назначенія государства».

Итакъ, «слѣдя за успѣхами неравенства, мы находимъ, что первымъ шагомъ было установленіе закона и права собственности; вторымъ—назначеніе начальства; третьимъ и послѣднимъ—переходъ законной власти въ произвольную. Первый шагъ основалъ различіе между богатыми и бѣдными; второй—различіе между сильными и слабыми; третій—различіе между господиномъ и рабомъ. Это послѣднее есть высшая степень неравенства».

«Законамъ природы, заключаетъ Руссо свое разсужденіе, очевидно, противорѣчитъ то, что ребенокъ повелѣваетъ старику, глупецъ управляетъ мудрымъ, и что небольшая часть людей утопаетъ въ изобиліи въ то время, какъ голодная масса нуждается въ самомъ необходимомъ». (De l'inég. стр. 108, 112, 113, 124, 136).

Итакъ, мы видимъ, что идеалъ Руссо—это естественный человѣкъ,—«дикарь, блуждающій въ лѣсахъ, безъ дѣятельности, безъ языка, безъ жилища, безъ борьбы и безъ друзей, безъ влеченія къ другимъ людямъ, довольствующійся самимъ собой (стр. 78). «Если природа назначила намъ быть здоровыми, говоритъ Руссо, то я почти рѣшаюсь утверждать, что состояніе рефлексіи есть состояніе противоестественное, что человѣкъ мыслящій есть существо испорченное—un animal dépravé». (Тамъ же, стр. 45).

«Пресыщеніе наслажденіями культуры должно было быть очень сильнымъ въ парижскомъ обществѣ», говоритъ Блунчли, «если оно подобное

низведеніе человѣческой природы на степень животнаго находило прекраснымъ и вѣрнымъ. Нѣтъ, человѣкъ именно потому стоитъ *выше животнаго*, что онъ получилъ въ даръ отъ Бога *способность къ развитію* своей природы вмѣстѣ съ самою этою природою. *Самоусовершенствованіе* есть его нравственная обязанность и самое богоподобное свойство. Лишь исполняя эту обязанность, человѣкъ обнаруживаетъ превосходство своей природы. Человѣческое развитіе есть дѣйствіе человѣческой природы, какъ причины. Нелогично хвалить послѣднюю и осуждать первое и нелѣпо отвергать вмѣстѣ съ злоупотребленіемъ человѣческихъ силъ также и употребленіе оныхъ, вмѣстѣ съ заблужденіями человѣческаго ума—его пріобрѣтенія и успѣхи. Предпочитать культурѣ грубость, цивилизаціи—дикость, это близко граничитъ съ сумасшествіемъ» (Блунчли, 266—267).

Вольтеръ, которому Руссо послалъ свое сочиненіе, отвѣчалъ ему со свойственнымъ ему тонкимъ остроуміемъ: «никогда еще не было потрачено столько ума, чтобы сдѣлать изъ насъ животныхъ; такъ и хочется побѣжать на четверенькахъ».

Вольтеръ прибавляетъ, что «онъ искренно сожалѣетъ, что не могъ посѣтить канадскихъ дикарей, но что это для него невозможно, во первыхъ потому, что болѣзнь, на которую онъ обреченъ, дѣлаетъ для него необходимымъ европейскаго врача, во вторыхъ, въ этой странѣ идетъ война, такъ какъ постыдный примѣръ образованныхъ народовъ сдѣлалъ дикарей почти такими же злыми, какъ будто это были мы сами».

Переходя къ критикѣ этой диссертаціи надо замѣтить, что прежде всего въ ней «нѣтъ указанія на то, о какомъ неравенствѣ идетъ рѣчь. Есть ли это неравенство въ матеріальномъ отношеніи или неравенство въ политическихъ правахъ?» Руссо смѣшиваетъ ихъ подъ однимъ названіемъ.

Далѣе, онъ говоритъ, что неравенство произошло съ появленіемъ понятія о собственности. Такимъ образомъ, Руссо разсматриваетъ собственность не какъ достояніе человѣческой образованности, а какъ причину общественныхъ золъ (Блунчли, стр. 267).

Онъ говоритъ, что съ появленіемъ собственности погибло высшее благо—свобода. Но свобода, какъ ее понимаетъ Руссо, говоритъ Блунчли, есть лишь свобода дикихъ звѣрей въ лѣсу, не нравственно человѣческая свобода, которая именно и проявляется въ развитіи естественныхъ силъ человѣка (ibid.).

Затѣмъ, говоря о всеобщемъ стремленіи къ неравенству, какъ къ крайнему предѣлу, къ которому люди рано или поздно приходятъ, онъ не разъясняетъ, какъ ослабить это стремленіе.

«Нельзя», говоритъ Морлей, «какъ это дѣлаетъ Руссо, считать не подлежащимъ сомнѣнію, что когда то существовало натуральное состояніе въ нормальномъ и организованномъ видѣ, точно такъ, какъ и въ наше время нѣтъ никакого нормальнаго и типическаго общественнаго состоянія. Есть безконечно разнообразные виды общественнаго состоянія и, вѣроятно, существовали такіе же разнообразные виды натуральнаго состоянія. Затѣмъ, слѣдуетъ указать и на то, что онъ считаетъ не требующей доказательствъ ту мысль, что способъ приближенія къ соціальному состоянію всегда былъ одинаковъ. Напротивъ, есть доказательства того, что цивилизація видоизмѣнялась въ своемъ развитіи и происхожденіи сообразно съ расой и другими условіями» (Морлей, 117—118).

Еще больше возраженій можно сдѣлать, прибѣгнувъ къ историческимъ фактамъ, прямо опровергающимъ многое, высказанное въ диссертаціи; но такая мѣрка прямо не приложима къ этому историческому разсужденію, имѣвшему цѣлью не столько раскрытіе дѣйствительнаго происхожденія вещей, сколько «уясненіе ихъ природы» (см. Алексѣевъ, т. II, стр. 100).

Хотя основная мысль этого сочиненія въ высшей степени превратна, тѣмъ не менѣе, по выраженію Шлоссера, этотъ «страстный, быстро распространившійся между всѣми образованными людьми манифестъ противъ всего существующаго общественнаго порядка, нашелъ громадное одобреніе, именно, благодаря этой тенденціи».

Лессингъ слѣдующими словами говоритъ объ этомъ сочиненіи: «Руссо вездѣ смѣлый мудрецъ, не принимающій никакихъ предразсудковъ, хотя бы они находили самое всеобщее одобреніе, но идущій прямымъ путемъ къ истинѣ, не заботясь о мнимыхъ истинахъ, которыми онъ на каждомъ шагу долженъ ей жертвовать; его сердце участвовало при этомъ во всѣхъ его спекулятивныхъ разсужденіяхъ и потому онъ говоритъ совершенно другимъ тономъ, чѣмъ говоритъ обыкновенно продажный софистъ, котораго своекорыстіе или хвастовство дѣлаютъ учителемъ мудрости» (цит. у Геттнера т. II, стр. 329).

Сочиненіе это не было увѣнчано преміей, но когда оно было напечатано, слава Руссо еще болѣе увеличилась: въ переписчикѣ нотъ всѣ стали цѣнить первокласснаго представителя французскаго языка, страстнаго краснорѣчиваго защитника народа, независимаго проповѣдника справедливости и гуманности.

Морлей, говоря о значеніи этой диссертаціи, замѣчаетъ, что вліяніе ея, если и не было главной причиной американской революціи и вспыхнувшей черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ того французской рево-

люціи, то всетаки нельзя отвергать того, что оно наложило на эти перевороты глубокій и рѣзкій отпечатокъ. Наконецъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ упомянуть и о томъ важномъ фактѣ, что появленіе диссертаціи Руссо послужило сигналомъ для реакціи противъ того историческаго способа изслѣдовать положеніе обществъ, который былъ введенъ въ употребленіе сочиненіями Монтескье» (Морлей, 121—122).

Нельзя не остановиться еще на одной замѣчательной сторонѣ этой диссертаціи. Въ ней выразились соціалистическія воззрѣнія Руссо, получившія столь громадное развитіе и значеніе въ новѣйшее время.

Но говоря о соціалистическихъ воззрѣніяхъ Руссо, надо сдѣлать оговорку, что онъ не былъ соціалистомъ въ томъ смыслѣ, какъ это теперь понимаютъ, ибо онъ требовалъ, какъ это мы увидимъ, только равенства въ политической ассоціаціи, не вводя этотъ принципъ въ экономическую дѣятельность. Поэтому напрасно было бы считать его основателемъ и, еще менѣе, послѣдователемъ какой нибудь соціалистической школы.

Но достойно вниманія то, что всѣ почти послѣдующія школы соціалистовъ какъ бы исходятъ отъ него.

Такъ Руссо на столѣтіе раньше (Прудона) провозгласилъ знаменитую формулу прудоновскихъ ученій: «плоды принадлежатъ всѣмъ, земля—никому».

Руссо, восхищаясь природой и естественнымъ состояніемъ доисторическихъ временъ, видѣлъ золотой вѣкъ не впереди, а позади себя, какъ это позже дѣлалъ С. Симонъ.

Бабефъ въ 1795 году, опубликовывая свою программу, ссылался на Руссо, говоря: «Руссо формулировалъ тотъ же принципъ, когда утверждалъ, что государство можетъ быть совершенно, когда всѣ имѣютъ достаточно и никто слишкомъ много».

«Любопытно, замѣчаетъ Fabre des Essart, говоря о соціализмѣ Руссо, что Руссо и гармонисты, исходя изъ двухъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія, приходятъ, что касается семьи, къ одному требованію, т. е. ея уничтоженію».

Руссо считалъ семейное соединеніе противнымъ природѣ; въ установленіи семьи онъ видѣлъ первый шагъ къ неравенству. Фурье же для достиженія гармоніи требуетъ также уничтоженія семьи, говоря: il faut la grande famille, il faut le groupement sociétaire.

Въ виду всего этого, Руссо смѣло можетъ быть названъ предшественникомъ всѣхъ соціалистовъ.

Въ заключеніе разбора этого разсужденія укажемъ на ту связь, въ которой вторая диссертація Руссо стоитъ съ первой. Оба разсужденія

были отвѣтами на вопросы, затрогивавшіе наиболѣе возмущавшія его язвы общества. Въ обоихъ отвѣтахъ онъ одинаково приносилъ въ жертву теоретическую сторону практическимъ тенденціямъ.

Какъ въ своемъ первомъ разсужденіи Руссо не столько хотѣлъ доказать вредъ науки, сколько то ненормальное положеніе, при которомъ литературные интересы поглощаютъ интересы нравственности, точно такъ же и второе разсужденіе Руссо пишетъ не для того, чтобы изслѣдовать причины неравенства, а чтобы своей серьезной проповѣдью обратить вниманіе общества на недостатки его политическаго строя.

Задаваясь цѣлью произвести сильное впечатлѣніе, онъ сгущаетъ мрачныя краски и вырываетъ изъ исторіи описываемыхъ имъ явленій свѣтлыя страницы, чѣмъ и впадаетъ въ крайнюю односторонность.

Какъ въ первой, такъ и во второй диссертаціи онъ только критикуетъ и осуждаетъ, но не даетъ никакого выхода изъ того положенія, которое онъ такъ бичуетъ (см. Алексѣевъ, т. II, стр. 101—108).

Александръ Острогорскій.

ДОРЕФОРМЕННАЯ ЮСТИЦІЯ.

Изъ недавняго прошлаго юстиціи въ Архангельской губерніи.

I.

Въ пестрой картинѣ, которую представляетъ въ настоящее время судоустройство и судопроизводство Россіи, Архангельская губ. занимаетъ особое мѣсто. Въ то время, когда судебное право большей части Европейской Россіи до введенія земскихъ начальниковъ нормировалось судебными уставами, цѣльнымъ и единымъ кодексомъ, оставшимся такимъ не смотря даже на многочисленныя измѣненія и урѣзки, въ то время на окраинахъ его развитіе шло своимъ особеннымъ порядкомъ. Поэтому, не говоря уже о Польшѣ и Остзейскомъ краѣ,—Сѣверный Кавказъ, Закавказье, Сибирь, Туркестанъ, Уральская и Тургайская области, Юго-Восточныя губерніи Европейской Россіи (Астраханская, Оренбургская и Уфимская) и, наконецъ, Архангельская губ.—всѣ имѣютъ свои собственные суды, имѣющіе много общаго между собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ существенно отличающіеся другъ отъ друга. Если къ этому прибавить, что и земская Россія теперь дѣлится на мѣстности, гдѣ еще не введены земскіе начальники, и мѣстности, гдѣ они введены; что въ этихъ послѣднихъ въ городахъ кое гдѣ сохранены мировые судьи, въ другихъ же они замѣнены городскими,—то станетъ очевиднымъ полное несоотвѣтствіе этого судебнаго сепаратизма съ централизованнымъ государственнымъ и административнымъ строемъ Россійской Имперіи.

Въ противоположность судебнымъ уставамъ, «законы о судопроизводствѣ», дѣйствующіе въ большей части окраинъ, представляютъ изъ себя конгломератъ плохо согласованныхъ между собою постановленій, въ которыхъ рельефно вырисовываются отложенія трехъ раз-

личныхъ историческихъ эпохъ—мрачной эпохи правды бумажной съ ея предпочтительнымъ довѣріемъ знатному передъ незнатнымъ и богатому передъ бѣднымъ; затѣмъ эпохи, когда, по выраженію А. Ѳ. Кони, на нашемъ общественномъ небосклонѣ ярко засіяло солнце судебныхъ уставовъ, не озарившее, правда, окраинъ, но все же освѣтившее ихъ отраженнымъ свѣтомъ, и наконецъ послѣдней эпохи, когда подъ напоромъ неблагопріятныхъ жизненныхъ явленій солнечный свѣтъ застлали грозовыя тучи, бросившія свою тѣнь даже туда, куда раньше проникло всего нѣсколько дрожащихъ лучей. Нельзя понять непослѣдовательной, полной внутреннихъ противорѣчій, нынѣшней организаціи судовъ въ дореформенной области, не бросивъ взгляда на процессъ ихъ развитія.

Для уголовныхъ дѣлъ «законами о судопроизводствѣ» (т. XV, ч. 2, изд. 1876 г.) и «губернскимъ учрежденіемъ» (т. II, изд. 1876 г.) было установлено три судебныхъ мѣста: уѣздный судъ, палата уголовнаго и гражданскаго суда, и наконецъ сенатъ; въ первомъ дѣйствующими лицами были уѣздный судья съ 4 засѣдателями (впослѣдствіи двумя. См. II т., ч. 1, ст. 1755, изд. 1876 и прод. 86), во второй—предсѣдатель съ товарищемъ, засѣдателемъ и совѣтникомъ; при ней состояли губернскій прокуроръ, губернскій стряпчій, уѣздные стряпчіе, судебные слѣдователи и секретари. Каждое высшее судебное мѣсто являлось во 1) апелляціонной инстанціей для низшаго, во 2) первой инстанціей для отнесенныхъ въ ея вѣдомство дѣлъ. Уѣздному суду были подсудны преступленія, не влекущія пораженія правъ; остальныя—палатѣ. Сенатъ разбиралъ дѣла, изъятыя изъ вѣдомства низшихъ судовъ, напримѣръ, нѣкоторыя преступленія должности, преступленія государственныя и еще кое-какія. Однако изъ этого распредѣленія было сдѣлано множество исключеній. Такъ, въ вѣдомство военнаго суда отнесены самыя разнообразныя преступленія, совершенныя не только военными, но и «лицами гражданскаго вѣдомства»; напримѣръ, ограбленіе почты, послабленія «въ допущеніи побѣговъ и преступленій арестантовъ» со стороны тюремныхъ смотрителей, противозаконное добываніе, развозъ и продажа соли, произведенные вооруженной рукой [1]) и пр. Всѣ мелкіе проступки, влекущіе за собою штрафъ не свыше 15 руб., а также столь частыя въ Архангельской губ. лѣсныя порубки на сумму до 15 р. были совсѣмъ изъяты изъ вѣдѣнія суда и предоставлены, по выраженію закона (ст. 758 и 782 т. XV, ч. 2), «полицейской расправѣ»; причемъ для самыхъ мелкихъ изъ нихъ (штрафъ не свыше 5 р.) становой приставъ, для остальныхъ—полицейское управленіе являлись безапелляціонной инстанціей.

Поводы къ начатію слѣдствія по «законамъ о судопроизводствѣ» сравнительно мало отличаются отъ поводовъ по судебнымъ уставамъ; самое важное различіе въ томъ, что первые въ качествѣ поводовъ допускаютъ доносъ въ широкихъ размѣрахъ, предписывая даже совершенно бездоказательные доносы, «основанные на однихъ слухахъ и подозрѣніяхъ», «записывать въ протоколъ для вѣдома впредь» (ст. 107); въ тоже время, вѣроятно изъ опасенія бунтовъ и ради сохраненія авторитета власти, «законы» запрещаютъ принимать доносы, поданные сразу многими лицами («скопомъ», ст. 95), а также приказчиками на хозяевъ и дѣтьми на родителей, не говоря уже о доносахъ, поданныхъ людьми, лишенными правъ состоянія (ст. 94 и 96). «Законы» такъ дорожатъ доносителями, что предписываютъ, въ случаѣ ихъ желанія, сохраненіе въ тайнѣ ихъ именъ, допуская ея нарушеніе только при необходимости очной ставки и при ложности доноса (ст. 81); въ дѣлахъ же о поддѣлкѣ монеты или ассигнацій тайна вмѣстѣ съ безнаказанностью въ награду за доносъ распространялась даже на соучастниковъ въ преступленіи (ст. 105). Послѣднее постановленіе не осталось, впрочемъ, удѣломъ однихъ «законовъ о судопроизводствѣ», а перешло въ уложеніе о наказаніяхъ (ст. 559 и 573), гдѣ красуется и понынѣ.

Нѣтъ ничего особенно своеобразнаго и въ «порядкѣ призыва и взятія нужныхъ къ слѣдствію лицъ», за исключеніемъ ст. 133, которая требуетъ отъ всѣхъ частныхъ лицъ помощи полиціи при арестѣ обвиняемыхъ, грозя за неисполненіе этого уголовною карою на основаніи ст. 452 улож. о наказ.

Серьезныя отличія порядка судопроизводства «законовъ» отъ порядка «уставовъ» начинаются со слѣдствія. Слѣдователю даны самыя точныя предписанія, кого, въ какомъ порядкѣ и какъ допрашивать; указаны даже вопросы, которые нужно задавать. Сперва надлежитъ допрашивать свидѣтелей доносителя, потомъ свидѣтелей обвиняемаго, каждаго порознь (ст. 278 и 280); допросъ начинать «увѣщаніемъ свидѣтеля, дабы онъ, помня долгъ присяги, говорилъ сущую правду, воздержался въ показаніяхъ своихъ отъ всякаго пристрастія, не увеличивалъ и не уменьшалъ извѣстныя ему обстоятельства, но какъ случилось, такъ бы и показывалъ» (ст. 281). «Свидѣтеля надлежитъ допрашивать: 1) отъ кого и какимъ образомъ о томъ дѣлѣ... учинился онъ извѣстенъ и 2) не уговорилъ ли его кто къ свидѣтельству». Если свидѣтель покажетъ, что онъ о чемъ либо знаетъ по наслышкѣ, то надлежитъ развѣдать, отъ кого онъ о томъ слышалъ, и допросить также и сего послѣдняго. «Свидѣтеля надлежитъ допрашивать объ отношеніяхъ его къ прикосновеннымъ къ дѣлу лицамъ

и вообще надлежитъ привесть въ извѣстность» (какимъ способомъ?) «всѣ тѣ обстоятельства, кои могутъ удостовѣрить справедливость его показанія» (ст. 286—288) и т. д. въ томъ же родѣ. Въ особенности точны предписанія для производства слѣдствія по государственнымъ преступленіямъ. «При учиненіи доноса лицомъ низшаго состоянія спрашивать, вѣдаетъ ли онъ прямую силу преступленій государственныхъ... и буде найдется, что не вѣдаетъ, и важнымъ дѣломъ почелъ другое,... такого отнюдь не наказывать, но отпустить и велѣть ему, чтобы онъ по своему дѣлу тамъ доносилъ, гдѣ оное принадлежитъ, ибо тѣмъ доносомъ онъ вреда никому не учинилъ; притомъ же легко случиться можетъ, что дѣйствительно какое либо судебное дѣло почелъ онъ отъ невѣдѣнія и неразумѣнія дѣломъ важнымъ и принадлежащимъ къ государственнымъ преступленіямъ. Если же при первомъ допросѣ найдется, что доноситель низшаго состоянія силу преступленій... вѣдаетъ, и объявитъ, что доносъ его прямо до сихъ преступленій принадлежитъ, такого тотчасъ спрашивать, въ чемъ самое дѣло состоитъ. Когда же онъ объявитъ, но... доказательствъ не представитъ, то его увѣщевать: не напрасно ли и не по злобѣ ли на кого и мщенію доносъ затѣялъ. Буде доноситель... не отречется, тогда посадить его на два дня подъ крѣпкій караулъ и оставить ему сіе время на размышленіе; по прошествіи же сихъ дней спрашивать съ увѣщаніемъ, истиненъ ли его доносъ, не затѣялъ ли напрасно; и буде тогда утвердится,... въ такомъ случаѣ доносителя подъ крѣпкимъ карауломъ отсылать въ ближайшее судебное мѣсто» (ст. 595—596). Тутъ предусмотрѣны не только вопросы слѣдователя, но и отвѣты на нихъ свидѣтелей и сообразно съ ними предписано дальнѣйшее поведеніе слѣдователя. При допросѣ свидѣтелей обвиняемому даютъ право по уважительнымъ причинамъ и доказательствамъ отвести свидѣтеля отъ присяги (ст. 260, 262, 263); отводъ послѣ приведенія къ присягѣ уже не имѣетъ силы, однако «прилагается къ дѣлу для соображеній» (ст. 264). Институтъ отвода отъ присяги, не играющій замѣтной роли въ уставахъ, въ «законахъ» получилъ широкое распространеніе въ виду того громаднаго, почти рѣшающаго значенія, которое придавалось присяжнымъ показаніямъ. Безъ присяги допрашиваются между прочимъ всѣ лишенные правъ состоянія, явные прелюбодѣи, не бывшіе никогда у Св. Причастія, свидѣтельствующіе лишь на основаніи слуховъ, и даже всѣ иностранцы, коихъ поведеніе неизвѣстно; лица, прикосновенныя къ дѣлу, состоящія въ родствѣ, дружбѣ или когда-либо состоявшія во враждѣ съ подсудимымъ, хотя бы потомъ они и примирились; дѣти противъ родителей,

жены противъ мужей и люди подкупленные (sic) (ст. 248 — 249). Раскольники въ дѣлахъ правовѣрныхъ (т. е. православныхъ?) и евреи въ дѣлахъ о христіанахъ не допускаются къ присягѣ; для послѣднихъ, впрочемъ, сдѣлано исключеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ достаточнаго числа свидѣтелей изъ христіанъ. Допрашивать при дознаніи и при слѣдствіи (ст. 33 и 66) дозволяется всѣхъ безъ изъятія, въ томъ числѣ и лицъ, не имѣющихъ «всѣхъ качествъ достовѣрнаго свидѣтеля» (т. е. не допускаемыхъ до присяги), но для суда ихъ показанія почти не имѣютъ значенія.

Изъ другихъ способовъ изслѣдованія преступленія (выемки, обыски и проч.) нѣкоторыя своеобразныя черты заключаютъ въ себѣ «повальный обыскъ» и очная ставка. Въ судебныхъ уставахъ сохранилось «дознаніе черезъ окольныхъ людей», производимое тогда, когда надо собрать свѣдѣнія объ образѣ жизни, характерѣ, связяхъ и занятіяхъ подсудимаго; въ такомъ случаѣ составляется списокъ мѣстныхъ жителей, по жребію избирается изъ него не менѣе 6 человѣкъ, причемъ сторонамъ въ очень широкихъ размѣрахъ предоставляется право отвода, и избранные такимъ образомъ люди допрашиваются подъ присягой, какъ свидѣтели. Форма эта, разумѣется, крайне неудобная и опасная; но иногда она можетъ оказаться полезной. Въ «законахъ о судопроизводствѣ» дознаніе черезъ окольныхъ людей сохранило старинную форму повальнаго обыска, своего рода suffrage universel, которымъ постановляется приговоръ о нравственности подсудимаго. Допрашиваются съ увѣщаніемъ и подъ присягой сплошь всѣ ближніе и дальніе окольные люди безъ права отвода; въ случаѣ разногласія большинство голосовъ даетъ перевѣсъ, но «если опороченный большею половиною обыскныхъ людей представлять будетъ, что большая половина учинила лживое показаніе, а меньшая сказала правду» (а дѣлать это онъ конечно будетъ почти всегда), «то надлежитъ взять изъ обѣихъ половинъ лучшихъ, изъ ста двухъ, гдѣ же менѣе ста, то по одному изъ каждой, и, поставивъ ихъ съ очей на очи, изслѣдовать, чье показаніе справедливѣе» (стр. 297 — 310). Уже изъ этого видно, какое значеніе придавало старое судопроизводство очной ставкѣ; если можно было ставить «съ очей на очи» просто «лучшихъ» людей, совсѣмъ не причастныхъ къ преступленію, и надѣяться такимъ образомъ добиться истины, то тѣмъ паче можно было разсчитывать на очную ставку сторонъ и настоящихъ свидѣтелей. Очная ставка дается подсудимому со свидѣтелемъ, до приведенія этого послѣдняго къ присягѣ (стр. 260), дается она и свидѣтелямъ между собою въ случаѣ ихъ противорѣчія (стр. 289).

По окончаніи слѣдствія вся масса бумаги, протоколы осмотровъ,

допросовъ свидѣтелей и сторонъ, всевозможныя заключенія, все это въ видѣ слѣдственнаго дѣла, надлежащимъ образомъ перенумерованное и подшитое, поступало на разсмотрѣніе уѣзднаго суда, или, смотря по роду дѣла, палаты, и судъ уже имѣлъ дѣло только или почти только съ этой массой.

«Судъ первой степени, говорятъ «законы», (стр. 325) обязанъ доставить подсудимому» (судъ второй степени очевидно уже не обязанъ) «всѣ возможныя средства къ его оправданію». Статья эта въ нѣсколько измѣненномъ видѣ перешла и въ судебные уставы, (ст. 612 у. у. с.) но тамъ она обставлена рядомъ другихъ, точно и ясно опредѣляющихъ эти средства. Здѣсь же она остается благимъ, но совершенно безплоднымъ пожеланіемъ, такъ какъ подсудимому не предоставлено даже такого элементарнаго средства къ защитѣ, какъ право присутствовать при судебномъ разбирательствѣ. Впрочемъ, если онъ самъ являлся на судъ, то ему давали возможность высказываться (ст. 390), но когда онъ былъ подъ стражей, т. е. во всѣхъ наиболѣе важныхъ дѣлахъ, то только судъ могъ вызвать его, если считалъ его присутствіе «необходимо нужнымъ для разрѣшенія дѣла» (ст. 325); однако такая необходимость могла представиться только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ центръ тяжести лежалъ не въ личномъ допросѣ, а въ разсмотрѣніи бумагъ слѣдствія; поэтому судили и засуживали людей по большей части въ ихъ отсутствіи. Мы знаемъ случай, когда одинъ уѣздный стряпчій Архангельской губ. попробовалъ самъ систематически препровождать въ Архангельскъ всѣхъ подсудимыхъ по наиболѣе важнымъ дѣламъ, но палата сдѣлала ему внушеніе, чтобы онъ дѣлалъ это лишь въ случаѣ ея требованій.

Другаго важнаго средства къ оправданію—защитника тоже не полагалось; для судопроизводства онъ былъ также мало нуженъ, какъ свидѣтели, какъ самъ подсудимый, или потерпѣвшій отъ преступленія. Кромѣ бумаги судъ не чувствовалъ нужды ни въ чемъ. Гарантіей точности протоколовъ служила подписка, отобранная у подсудимаго особымъ присутствіемъ въ томъ, что ему при производствѣ слѣдствія пристрастныхъ допросовъ чинимо не было; присутствіе составлялось изъ лицъ, для которыхъ и подсудимый, и его дѣло должны были быть чѣмъ-то совершенно чуждымъ, а обязанность отбирать подписку лишней обузой—изъ мѣстнаго городскаго головы, директора тюремнаго комитета и только лицо прокурорскаго надзора являлось заинтересованнымъ въ извѣстномъ направленіи дѣла. Такъ какъ эти лица видѣли подсудимаго въ первый и вѣроятно въ послѣдній разъ, то у нихъ при всемъ ихъ желаніи отнестись добросовѣстно къ

своей обязанности, не было возможности провѣрить, не приказано ли заранѣе безгласному подсудимому дать подписку въ чемъ угодно; всѣмъ извѣстна формула, къ которой любили прибѣгать слѣдователи: «если покажешь, да не докажешь, то смотри, что тебѣ будетъ»;—за симъ слѣдовало указаніе на статью о ложномъ доносѣ. А гдѣ же возможность у подсудимаго доказать пристрастность слѣдователя? Если же пристрастіе сказалось въ допросѣ не подсудимаго, а свидѣтелей, или иномъ актѣ слѣдственной власти, то подсудимый не только не можетъ доказать его, но онъ никогда и не узнаетъ о немъ: свидѣтелей допрашиваютъ въ его отсутствіе порознь (ст. 280), и протоколовъ допроса ему не предъявляютъ. Правда, подсудимые, гласитъ ст. 388, «допускаются къ разсмотрѣнію въ канцеляріи суда подъ наблюденіемъ дѣлопроизводителя подлиннаго по дѣлу производства», но если подсудимый сидитъ въ мезенскомъ или кемскомъ замкѣ, а канцелярія суда помѣщается въ Архангельскѣ, то это допущеніе является совершенно фиктивнымъ.

Такимъ образомъ не соблюдены самыя элементарныя гарантіи для подсудимаго, а между тѣмъ объ немъ еще «законы» нѣсколько позаботились; о потерпѣвшемъ же отъ преступленія «законы» словно совсѣмъ забыли. Слѣдователю, заинтересованному почему либо въ оправданіи подсудимаго, предоставленъ полный просторъ; отъ потерпѣвшаго отъ преступленія не отбирается никакой подписки. Ему оставлена одна важная гарантія, право разсматривать дѣло въ канцеляріи суда и право присутствовать на судѣ не только лично, но и черезъ представителя (388 и 390); но на практикѣ при громадныхъ разстояніяхъ окраинныхъ губерній и при отсутствіи присяжной адвокатуры это право оказывается обыкновенно тоже фиктивнымъ.

Другою гарантіею была допущенная въ 1865 г. (т. е. непосредственно послѣ опубликованія судебныхъ уставовъ) гласность судопроизводства въ тѣхъ ограниченныхъ размѣрахъ, въ какихъ она возможна при бумажной процедурѣ: при докладѣ дѣла допускается посторонняя публика. (Пол. собр. зак. 1865 г., № 42548 и «законы» 1876 г. ст. 391). Все остальное, всѣ слѣдственныя дѣйствія, тѣ матеріалы, на основаніи которыхъ составлялся докладъ, были скрыты отъ посторонних глазъ, и потому такая гласность не имѣла никакого значенія. Такъ смотрѣла и публика, такъ что залы старыхъ судовъ, насколько мы знаемъ, почти всегда пустовали.

Была и еще одна гарантія безпристрастія, предоставленная подсудимому, и въ которой почему то было отказано противной сторонѣ: право «отводить судей по подозрѣнію отъ сужденія» (ст. 333). «При-

чины отвода судьи допускаются токмо слѣдующія», говорится въ ст. 334 и затѣмъ приводится 7 случаевъ; сюда относится родство или какія либо личныя отношенія судьи съ однимъ изъ участвующихъ въ дѣлѣ. Надо замѣтить, что эта статья, восходящая еще къ эпохѣ уложенія царя Алексѣя Михайловича, редактирована въ «законахъ» особенно плохо, хуже даже, чѣмъ въ Уложеніи 1649 года. Тамъ (гл. X, ст. 3) сдѣлано широкое и общее постановленіе: «А будетъ который судья истцу будетъ недругъ, а отвѣтчику другъ или свой,... также будетъ... истцу.., судья другъ или свой, и тѣхъ истца и отвѣтчика тому судьѣ, на кого будетъ такое челобитье, не судити, а судити ихъ иному судьѣ, кому Государь укажетъ». Постановленіе это, пройдя въ теченіи 200 лѣтъ черезъ новоуказныя статьи, воинскій уставъ и другіе законодательные памятники, потеряло свою первоначальную краткость и ясность и приняло мелочную, крайне запутанную и полную внутреннихъ противорѣчій формулировку. По пункту 2 ст. 334 отводится судья—родственникъ, свойственникъ или другъ истца или доносителя; а также судья, воспитанный («вскормленный», какъ выражаются «законы») или служившій у нихъ; родство же и дружба съ подсудимымъ права на отводъ не даютъ; за то даетъ его «приказная вражда, собственная своя, или родителей своихъ, жены и дѣтей съ подсудимымъ. Вражда или тяжба, примиреніемъ оконченная, въ уваженіе не пріемлется». Любопытно, что примиреніе не лишаетъ подсудимаго права отвести свидѣтеля (ст. 249), но лишаетъ его права отвести судью (ст. 333), какъ будто пристрастіе свидѣтеля опаснѣе для правосудія, чѣмъ пристрастіе судьи. Вражда же или тяжба съ истцомъ права на отводъ не даютъ. Его даютъ собственное участіе судьи въ дѣлѣ (но не жены его, не родителей или дѣтей) и почему то случай, «когда судья самъ имѣетъ въ другомъ судебномъ мѣстѣ дѣло, однородное съ тѣмъ, которое подлежитъ его сужденію». Наконецъ, «когда ясно доказано будетъ, что судья взялъ или договаривался взять посулы или когда доказано будетъ, что судья въ дѣлѣ находилъ свою пользу», и даже «когда судья, находясь часто въ обществѣ съ доносителемъ, имѣетъ тайное съ нимъ обхожденіе, или когда видѣли его часто шептавшагося съ доносителемъ на ухо». Слѣдующая, 335 ст., въ совершенное противорѣчіе съ предъидущей, въ которой говорилось «токмо» о семи причинахъ, предоставляющихъ право отвода, при томъ только подсудимому, прибавляетъ, что «сверхъ означенныхъ причинъ подозрѣнія, подсудимые и участвующіе въ дѣлѣ могутъ приводить и другія, о которыхъ разумный судья самъ разсудить можетъ», а ст. 338 добавляетъ, что судья, состоящій въ род-

ствѣ или свойствѣ съ одною изъ сторонъ долженъ самъ себя устранить. Однако послѣдствія нарушенія имъ этой статьи въ «законахъ» не указаны; повидимому никакихъ послѣдствій и не полагается, также какъ не полагается наказанія и за взятку; иначе оно естественно влекло бы за собой устраненіе судьи отъ сужденія, и не было бы надобности предоставлять въ такомъ случаѣ право отвода подсудимому, которымъ тотъ по незнанію закона или иной причинѣ можетъ и не воспользоваться.

На практикѣ право отвода оказывалось фиктивнымъ не менѣе, чѣмъ другія права подсудимаго, такъ какъ составъ суда, если дѣло происходило далеко отъ мѣста его нахожденія, бывалъ ему обыкновенно неизвѣстенъ. Отводъ послѣ постановленія приговора разумѣется не допускался (ст. 333).

Когда масса бумаги, составляющая «дѣло» поступала въ судъ, то судъ прежде всего разсматривалъ, правильно ли учинено слѣдствіе, не упущены ли какія либо обстоятельства; само собою разумѣется, что если бумаги были правильно перенумерованы, и если въ нихъ не было сдѣлано прямыхъ указаній на какихъ нибудь недопрошенныхъ свидѣтелей или чего нибудь подобнаго, то судъ не имѣлъ ни малѣйшей возможности замѣтить упущенія и неправильности. Затѣмъ онъ учинялъ справки о званіи, службѣ, заслугахъ, порокахъ (sic) подсудимыхъ и взысканіяхъ, которымъ они подвергались; производилъ выписки изъ «приличныхъ» законовъ; разсматривалъ жалобы (ст. 324 и 329); въ случаяхъ, когда находилъ нужнымъ, учинялъ вторичные допросы подсудимому, но никогда противной сторонѣ или свидѣтелямъ, никогда не производилъ самъ какихъ нибудь осмотровъ или освидѣтельствованій; въ случаѣ нужды требовалъ дополнительнаго слѣдствія, и наконецъ приступалъ къ разбору дѣла.

Весь разборъ состоялъ въ томъ, что одинъ изъ членовъ суда или даже секретарь (по назначенію предсѣдателя) докладывалъ дѣло изустно или въ нѣкоторыхъ случаяхъ письменно, при чемъ «акты и документы, имѣющіе существенное значеніе въ дѣлѣ», прочитывались въ подлинникѣ (ст. 386 и 389). «Находящіеся на лицо подсудимые и участвующіе въ дѣлѣ или ихъ повѣренные имѣютъ право... по окончаніи доклада, обращать вниманіе суда на тѣ обстоятельства дѣла и документы, которые, по ихъ убѣжденію, служатъ къ ихъ оправданію или къ уменьшенію ихъ вины и сіи объясненія ихъ принимаются въ соображеніе при рѣшеніи дѣла» (ст. 390). На основаніи доклада, и, на практикѣ почти невозможныхъ, замѣчаній сторонъ, судъ по большинству голосовъ постановлялъ свой вердиктъ. И такъ съ дѣломъ

знакомился не судъ, а только одинъ его членъ или даже секретарь, онъ же производилъ выборъ для прочтенія документовъ, «имѣющихъ существенное значеніе въ дѣлѣ», и такимъ образомъ часто, по крайней мѣрѣ при отсутствіи сторонъ (вспомнимъ, что въ важнѣйшихъ дѣлахъ подсудимые отсутствовали почти всегда) отъ единоличнаго произвола секретаря, на котораго не распространялось даже право отвода, зависѣло все рѣшеніе дѣла. «Коллежское» начало, на которое возлагалъ такія надежды Петръ Великій, оказывалось пустой формальностью.

Но если бы даже судъ захотѣлъ разобрать дѣло независимо отъ докладчика, то до нельзя стѣсненный своимъ матеріаломъ, онъ не могъ этого сдѣлать. Кромѣ недостаточности и односторонности матеріала на пути ему становились еще строго предписанныя формы обращенія съ нимъ. Вердикты должны основываться «на существѣ доказательствъ и на точномъ разумѣ законовъ», а «не на одномъ лишь судейскомъ разсужденіи» (ст. 395). Поэтому было точно опредѣлено кому и чему вѣрить, кому не вѣрить.

Доказательства, говорятъ законы (ст. 339), суть двухъ родовъ: совершенныя и несовершенныя. Изъ дальнѣйшаго текста оказывается, впрочемъ, что бываютъ еще доказательства половинныя (ст. 358).

340 ст. «Доказательства виновности почитаются совершенными, когда они исключаютъ всякую возможность къ показанію невинности подсудимаго».

341 ст. «Одного совершеннаго доказательства достаточно для признанія осужденія несомнительнымъ».

342 ст. «Доказательства виновности почитаются несовершенными, когда они не исключаютъ возможности къ показанію невинности подсудимаго».

343 ст. «Одно несовершенное доказательство виновности вмѣняется только въ подозрѣніе; нѣсколько несовершенныхъ доказательствъ, совокупно взятыхъ, могутъ составить совершенное доказательство, когда они исключаютъ возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго».

344 ст. «При сужденіи о томъ, составляютъ ли доказательства несовершенныя, совокупно взятыя, доказательство совершенное, надлежитъ имѣть въ виду: зависитъ ли достовѣрность многихъ доказательствъ отъ несомнѣнности одного, или нѣтъ; въ первомъ случаѣ число всѣхъ ихъ не умножаетъ и не уменьшаетъ вѣроятности дѣйствія, поелику съ опроверженіемъ одного уничтожились бы и всѣ прочія; во второмъ же случаѣ вѣроятность дѣйствія умножается съ числомъ доказательствъ, поелику недѣйствительность одного не вле-

четъ за собою недѣйствительности другихъ». «Лучшее свидѣтельство всего свѣта» есть собственное признаніе подсудимаго,—это правило, освѣщенное вѣками дыбы и кнута, остается въ полной силѣ и въ «законахъ»; вслѣдъ за нимъ невольно ищешь предписаній о примѣненіи пытки, но къ счастію напрасно: пристрастные допросы, жестокости и истязанія въ «законахъ» уже запрещены; къ сознанію предписывается приводить, «уликами», а «въ случаѣ явнаго запирательства», «увѣщаніемъ священника» (ст. 327 и 213) вообще «болѣе кротостью и увѣщаніемъ, нежели строгостью» (ст. 212), но не домогаться онаго, «какъ единственнаго способа къ обвиненію» (ст. 354); однако подсудимому ставится на видъ, что «упорство и ослушаніе дать отвѣты вмѣняется (ему) въ вину» (ст. 326) и даже «прилагаются къ винѣ» при сужденіи о преступленіи (ст. 223).

Письменные документы являются совершенными доказательствами только тогда, когда ихъ дѣйствительность признана тѣмъ, противъ кого они представлены (ст. 359); другими словами значеніе ихъ сведено почти къ нулю. Далѣе въ качествѣ доказательствъ идутъ показанія сторонъ и свидѣтелей, повальный обыскъ, очистительная присяга и разныя косвенныя улики; всѣ эти доказательства значительно разнствуютъ въ своей силѣ: одни совершенныя, другія несовершенныя, третьи половинныя и т. д. Согласное показаніе двухъ достовѣрныхъ (т. е. не отведенныхъ по законнымъ причинамъ отъ присяги) свидѣтелей признается доказательствомъ совершеннымъ, слѣдовательно исключающимъ всякую возможность къ показанію невинности подсудимаго (если оно направлено противъ него), съ одною только оговоркой: если противъ онаго не будетъ представлено достаточныхъ опроверженій; оговоркой совершенно безплодной, такъ какъ достаточныя опроверженія образуются тѣмъ же способомъ, какъ и совершенныя доказательства. Таковымъ же является показаніе даже одного свидѣтеля, когда на него учинена общая ссылка. Слѣдовательно если при совершеніи преступленія, хотя бы грабежа или покушенія на убійство, будетъ одинъ свидѣтель, и на него укажетъ потерпѣвшій, какъ на таковаго, то его показаніе будетъ рѣшающимъ и можетъ даже обратить потерпѣвшаго въ обвиняемаго и обвиненнаго; для этого нужно только, чтобы истинный преступникъ успѣлъ во время подкупить или уговорить свидѣтеля. Такую же непререкаемую силу имѣютъ показанія родителей противъ дѣтей (ст. 365). Показаніе же, учиненное безъ присяги «вовсе не имѣетъ силы доказательства» (ст. 369). Поэтому въ практикѣ дореформенныхъ судовъ возможны были такіе случаи: нѣкто, учинившій правонарушеніе въ присутствіи

двухъ свидѣтелей, преспокойно подходитъ къ нимъ, даетъ по пощечинѣ, и затѣмъ извиняется: извините, господа, я долженъ былъ сдѣлать это, теперь вы не свидѣтели,—и дѣйствительно достигаетъ своей цѣли [2]). Возможенъ и такой фактъ: кто либо врывается въ еврейскую синагогу во время богослуженія и совершаетъ поруганіе; на слѣдствіи онъ запирается, а показанія евреевъ въ дѣлахъ христіанъ за достовѣрныя не признаются,—и виновный избѣгаетъ наказанія [3]).

Въ случаѣ противорѣчія законныхъ (т. е. опять-таки не отведенныхъ) свидѣтелей при равной степени ихъ достовѣрности, дается преимущество: «мужчинѣ передъ женщиною, знатному передъ незнатнымъ, ученому передъ неученымъ, духовному передъ свѣтскимъ» (ст. 368). Очистительная присяга признается за вполнѣ достаточное доказательство, но въ приводѣ къ ней «надлежитъ быть весьма осторожнымъ»; такъ «если судъ усмотритъ, что подсудимый преступленіе клятвы учинить намѣренъ, а совершеннаго доказательства не имѣетъ, дабы его въ томъ обличить, тогда дѣло предавать волѣ Божіей, пока оно само собою объяснится» (ст. 382).

Таковы доказательства совершенныя, несовершенными же или косвенными уликами являются дружба или вражда, «связи сообщества» съ другими преступниками, случаи «когда подсудимаго видѣли во время совершенія преступленія на томъ мѣстѣ, гдѣ оно совершено», «гласъ народа» («причемъ наблюдать надлежитъ, что бы тотъ слухъ былъ правдѣ подобенъ, не вымышленъ изъ злаго умысла, вражды, ненависти или мщенія»), возможное полученіе выгоды обвиняемымъ отъ преступленія и пр. и пр. Замѣчательно, что даже поимка съ поличнымъ признается только косвенной уликой, т. е. далеко не равняющейся свидѣтельскому показанію, (ст. 378). Собственное признаніе подсудимаго, учиненное внѣ суда (ст. 358), т. е. внѣ слѣдствія (слово судъ употреблено здѣсь очевидно въ широкомъ смыслѣ) признается доказательствомъ половиннымъ [4]).

Судъ долженъ внѣ эти данныя вычислить, одно приложить, другое вычесть, все взвѣсить, избѣгая «обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій» [5]), основываясь лишь на «точномъ разумѣ законовъ», (ст. 395) и сдѣлать выводъ. Въ результатѣ такихъ вычисленій могутъ быть, конечно, самыя различныя суммы; два достовѣрныхъ и совершенно согласныхъ свидѣтеля являются рѣдко (вспомнимъ, какая масса людей не имѣетъ качествъ достовѣрнаго свидѣтеля), слѣдовательно доказать какъ виновность, такъ и невинность не удается почти никогда. Суду остается одно прибѣжище—оставленіе въ подозрѣніи, и къ нему онъ прибѣгаетъ весьма охотно, со спокой-

ной совѣстью пятная человѣка въ силу половинныхъ и иныхъ дробныхъ доказательствъ этимъ чрезвычайно удобнымъ клеймомъ, почти несмываемымъ и очень часто губительнымъ;—одни ограниченія въ служебныхъ правахъ, которыя сопровождали и даже до сихъ поръ сопровождаютъ оставленіе въ подозрѣніи (даже въ судебныхъ уставахъ, напримѣръ, 21 ст. п. I, у. с. у. и мн. др.) приносили многимъ несчастіе всей жизни. Несмотря на это прибѣжище, «законы» допускаютъ однако обвинительный приговоръ иногда даже при не вполнѣ достаточныхъ уликахъ; они требуютъ только извѣстной градаціи: «*чѣмъ* болѣе тяжко обвиненіе, *тѣмъ* сильнѣе должны быть и доказательства» (ст. 345). Итакъ, хотя въ «законахъ» и красуется петровское правило: лучше оправдать 10 виновныхъ, чѣмъ приговорить одного невиннаго (ст. 346), но, оказывается, полной увѣренности въ виновности все таки не нужно, чтобы засадить человѣка въ тюрьму за неособенно тяжкое преступленіе. За то она требуется въ особенной степени «при сужденіи объ изнасилованіи». Чтобы осудить за него, нужны свидѣтели, «что изнасилованная крикомъ своимъ призывала на помощь постороннихъ»; нужно, чтобы у нея или у обвиняемаго остались «кровавые знаки, синія пятна или изорванное платье, свидѣтельствующіе о сопротивленіи», и сверхъ всего этого, чтобы «объявленіе о томъ подано было тотчасъ или до истеченія дня» (ст. 347). «Законы» видимо боялись шантажа со стороны женщины, и потому предпочли оставить ея честь вовсе безъ уголовной защиты, такъ какъ ясно, что изнасилованіе не производится при посторонникъ свидѣтеляхъ, и послѣ него женщина рѣдко имѣетъ достаточно силы, чтобы немедленно бѣжать съ жалобой къ уѣздному стряпчему, — «взыскателю наказанія и защитнику невинности». Но не одно изнасилованіе оставалось такимъ образомъ безъ наказанія; мы видѣли требованія, предъявляемыя суду для признанія достовѣрности, и легко поймемъ, что попадаться могли только очень неловкіе преступники. Этимъ и объясняется тотъ давно установленный въ литературѣ фактъ, что старые суды, вопреки сложившемуся предразсудку, обвиняли весьма небольшой процентъ подсудимыхъ, гораздо меньшій, чѣмъ нынѣшніе; за то у нихъ была возможность оставить въ подозрѣніи или еще раньше измочалить душу подсудимаго своей многолѣтней волокитой;— и то и другое стоило судебной кары.

Волокита старыхъ судовъ вошла въ пословицу; извѣстны случаи, когда дѣла въ нихъ тянулись по десятку лѣтъ. А между тѣмъ, «законы» чуть не въ каждой статьѣ предписываютъ соблюдать въ дѣлахъ возможную скорость и не допускать ни малѣйшей остановки

(ст. 332); они указываютъ даже мѣсячный срокъ для окончанія слѣдствія, но тутъ же прибавляютъ: «исключаются тѣ случаи, когда встрѣтятся особенно уважительныя препятствія». (ст. 51) Такъ какъ не выясненно, какія препятствія считать особенно уважительными, то требованіе скорости теряетъ всякій практическій смыслъ, какой имѣютъ сроки «уставовъ», и обращается въ одно изъ благихъ пожеланій, какими полны «законы».

Пересмотръ дѣлъ въ апелляціонномъ порядкѣ въ старыхъ судахъ допускался въ предѣлахъ, значительно съуженныхъ сравнительно съ новыми. Кассаціи не было вовсе; но за то существовалъ, во первыхъ, особый ревизіонный порядокъ, во вторыхъ, допускались частныя жалобы на судебные приговоры, и въ третьихъ въ очень широкихъ размѣрахъ существовало утвержденіе судебныхъ приговоровъ административною властью. Ревизія, по опредѣленію ст. 442, «есть прилежное во всей подробности разсмотрѣніе, произведено ли дѣло порядочно и сходственно съ законами, сколь для оправданія невинности, столь и для приведенія въ ясность преступленія и обличенія преступника», другими словами это есть провѣрка высшею инстанціею, вѣрно ли подведенъ низшею итогъ изъ совершенныхъ, половинныхъ и несовершенныхъ доказательствъ, дѣлаемая на основаніи матеріаловъ, доставленныхъ ею же. Апелляціонный порядокъ почти не отличался отъ ревизіоннаго, такъ какъ пересмотръ производился на основаніи тѣхъ же самыхъ бумагъ; провѣрка же данныхъ допускалась лишь въ тѣхъ ограниченныхъ размѣрахъ, въ какихъ вообще она была доступна суду.

Частная жалоба на приговоръ есть форма обжалованія, совершенно исчезнувшая изъ судебныхъ уставовъ. Ее приносятъ на приговоры палатъ подсудимые когда угодно, т. е. даже много времени спустя послѣ вступленія приговора въ законную силу. Такія жалобы не останавливаютъ исполненія приговора, но вызываютъ новый пересмотръ дѣла, ничѣмъ по формѣ не отличающійся отъ ревизіоннаго (ст. 481 и слѣд.); если жалоба будетъ найдена основательною, то сенатъ опредѣляетъ «мѣру вознагражденія понесшему невинное (sic) наказаніе и мѣру взысканія съ лицъ, постановившихъ несправедливый приговоръ». Изъ этого видно отличіе частной жалобы на приговоръ отъ апелляціоннаго отзыва или кассаціонной жалобы: во второмъ случаѣ подсудимый обращается къ высшей юридической опытности для исправленія сдѣланной ошибки, въ первомъ онъ приноситъ жалобу на явное и намѣренное пристрастіе; отсюда же видно и отличіе ея отъ просьбы о возобновленіи дѣла по судебнымъ уставамъ, приносимой не только подсу-

димыми, но и его родственниками, даже свойственниками безъ ограниченій степеней родства, а также лицами прокурорскаго надзора, но лишь въ случаѣ открытія совершенно новыхъ доказательствъ, которыхъ не было въ распоряженіи суда при первомъ разборѣ дѣла, при чемъ вовсе не требуется полной невинности подсудимаго, а достаточно «понесенія имъ наказанія по судебной ошибкѣ свыше мѣры содѣяннаго» (у. у. с. ст. 935). Возобновленіе дѣлъ допускается и «законами о судопроизводствѣ» (ст. 425), но не по просьбамъ заинтересованныхъ лицъ, а по иниціативѣ сената или властей, и не иначе какъ съ Высочайшаго соизволенія, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда «само собою обнаружилось», когда «открылось», когда сенатъ «случайно» (при разсмотрѣніи какого-либо другаго дѣла) усмотрѣлъ какое-либо нарушеніе законовъ палатою, непремѣнно только нарушеніе законовъ, а не какой нибудь новый, неизвѣстный палатѣ фактъ.

Наконецъ, цѣлый рядъ приговоровъ поступаетъ къ исполненію лишь по утвержденіи ихъ губернаторомъ. Губернаторъ имѣетъ право требовать на свое личное разсмотрѣніе всѣ дѣла, но ему рекомендуется «обращать свое вниманіе на дѣла особенной важности». При утвержденіи дѣла губернаторъ получаетъ всѣ права судебной инстанціи: производить дополнительныя изслѣдованія, допросы и пр. (ст. 415 и слѣд.). Зависимость суда отъ администраціи сказывалась не только въ утвержденіи наказаній, но и при рѣшеніи вопроса о подсудности: въ случаяхъ пререканій о ней между судами высшею инстанціей являлось губернское правленіе (ст. 20).

Само собою разумѣется, что ни мертвенный ревизіонный пересмотръ, ни частная жалоба на совершенное судомъ преступленіе, ни подчиненіе суда власти губернатора, заваленнаго и своей работой и потому не имѣющаго возможности входить въ разсмотрѣніе судебныхъ приговоровъ, не могутъ замѣнить отсутствующей кассаціи, и сильно ограниченной апелляціи.

Апелляція допускалась на всѣ приговоры уѣздныхъ судовъ; на приговоры палатъ апеллировать могли кромѣ казенныхъ управленій лишь привилегированные подсудимые: (дворяне, чиновники, священнослужители, канцелярскіе служители, но не изъ крестьянъ), присужденные къ лишенію всѣхъ или всѣхъ особенныхъ правъ состоянія, исключенію со службы или отрѣшенію отъ должности, и прокуроры по тѣмъ же дѣламъ. Тотъ же сословный характеръ сохраненъ и за ревизіоннымъ пересмотромъ (442 и 444). Его нѣтъ только за пересмотромъ по жалобамъ, но онъ (какъ и апелляція и ревизія) возможенъ лишь въ случаѣ болѣе тяжкихъ наказаній (не ниже арестантскихъ отдѣленій).

Такимъ образомъ подсудимый, обвиняемый въ первой кражѣ въ уѣздномъ судѣ имѣетъ право на переносъ дѣла въ высшую инстанцію, но обвиняемый въ третьей кражѣ на сумму свыше 300 р., если только онъ не дворянинъ, не чиновникъ, не канцелярскій служитель изъ купеческихъ или мѣщанскихъ дѣтей, обязанъ удовлетвориться приговоромъ одной инстанціи. Болѣе того, если судилась въ палатѣ, напримѣръ, шайка воровъ, то приговоръ—обвинительный и оправдательный одинаково—можетъ быть отмѣненъ въ апелляціонномъ порядкѣ сенатомъ по отношенію къ подсудимымъ канцелярскимъ служителямъ изъ мѣщанъ и долженъ остаться въ силѣ по отношенію къ канцелярскимъ служителямъ изъ крестьянъ.

Если палата, признавъ уменьшающія вину обстоятельства, приговорила ихъ къ тюрьмѣ вмѣсто арестантскихъ отдѣленій, то этимъ они лишаются права даже въ случаѣ прямаго неправосудія принести частную жалобу, тогда какъ ихъ товарищи, хотя бы тоже непривилегированные, но приговоренные къ болѣе суровой карѣ, сохраняютъ это право. Ревизія для нихъ не существуетъ; надежда на губернатора тоже очень слаба, такъ какъ онъ «не долженъ обременять себя разсмотрѣніемъ дѣлъ обыкновенныхъ», и имъ остается только разсчитывать на «случай», который откроетъ сенату ихъ невинность.

Двѣнадцать группъ уголовныхъ дѣлъ, выдѣляющихся частью по субъекту, частью по объекту преступленія, разбираются особеннымъ порядкомъ судопроизводства. Сюда относятся и особо важныя преступленія (государственныя, религіозныя, должностныя и т. д.), и изъятыя изъ вѣдомства общихъ судовъ по ихъ незначительности, и многія другія. Если въ дѣлахъ, разбираемыхъ въ общемъ порядкѣ, формальныя требованія связываютъ судъ по рукамъ и по ногамъ, то здѣсь и подавно. Такъ, напримѣръ, суды не должны вѣрить скопцамъ, когда они показываютъ, что «оскоплены неизвѣстными имъ людьми, или тѣми, кои уже умерли,... (или же) въ младенчествѣ, такъ что они не помнятъ кѣмъ»,... и даже тому, что они оскоплены въ недавнемъ времени хотя бы и людьми, которыхъ они могутъ назвать (ст. 576); если же скопецъ показываетъ что нибудь иное, то вѣрить ему можно. Особенно настойчиво стремясь въ этихъ случаяхъ къ отысканію истины, «законы» опредѣляютъ «за справедливый доносъ» «смотря по важности дѣла, достойное награжденіе. Ложные же и въ томъ обличенные доносители должны наказаны быть по всей строгости законовъ. Однакожъ надлежитъ различіе дѣлать, особенно для людей низшаго состоянія, чтобы тотъ, кто съ перваго увѣщанія повинился въ ложномъ доносѣ, наказанъ былъ легче, нежели тотъ, который по-

каялся, имѣвъ два дня къ размышленію; равно какъ сей послѣдній долженъ получить нѣкоторое облегченіе передъ тѣмъ, который, презрѣвъ всѣ увѣщанія и бывъ отосланъ въ судебное мѣсто, тамъ принесъ покаяніе» (ст. 604). Въ наиболѣе важныхъ случаяхъ предписывается какъ преступниковъ, «такъ и доносителя и свидѣтелей (!) и участвующихъ въ преступленіи» препровождать за крѣпкимъ карауломъ въ надлежащее судебное мѣсто (ст. 600).

Особое мѣсто занимаетъ «совѣстное разбирательство», примѣняемое въ дѣлахъ о малолѣтнихъ, безумныхъ, глухонѣмыхъ, колдунахъ, «поелику въ оныхъ заключается глупость, обманъ и невѣжество», въ дѣлахъ объ оскорбленіи родительскихъ правъ дѣтьми, хотя бы и взрослыми, и въ дѣлахъ о преступникахъ, впавшихъ «въ прегрѣшенія» «болѣе по несчастному какому либо приключенію, либо по стеченію различныхъ обстоятельствъ» (?) (ст. 694). Собственно по порядку разбирательства эти дѣла ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ другихъ (ст. 697 и 706); нѣкоторое отличіе есть только въ порядкѣ возбужденія преслѣдованія (ст. 697) и объявленія приговоровъ (ст. 709 и сл.); но они отличаются нѣкоторыми характерными предписаніями; таковы, напримѣръ: «какъ судъ совѣстный установленъ быть оградою частной безопасности, и ему ввѣренъ совѣстный разборъ и милосердое окончаніе дѣлъ, то посему правила сего суда во всѣхъ случаяхъ должны быть: 1) человѣколюбіе вообще, 2) почтеніе къ особѣ ближняго, яко человѣку, 3) отвращеніе отъ угнетенія и притѣсненія человѣчества» (ст. 697). Въ другихъ случаяхъ, человѣколюбіе, отвращеніе отъ угнетенія человѣчества, почтеніе къ особѣ ближняго, не обязательны ни для суда, ни для слѣдственной власти; трудно думать, чтобы они вообще были доступны судамъ, привыкшимъ вѣрить знатному предпочтительно передъ незнатнымъ, мужчинѣ передъ женщиною и препровождать свидѣтелей за крѣпкимъ карауломъ.

Благими пожеланіями, въ родѣ предписанія о человѣколюбіи, полны «законы». Они предписываютъ слѣдователю при повальномъ обыскѣ «обыскивать въ правду, другу не дружить, недругу не мстить», «не давать обыскнымъ людямъ образцовыхъ писемъ, т. е. указаній о томъ, что именно они должны говорить и строго наблюдать, чтобы другіе таковыхъ имъ не давали» (ст. 305), не полагаться на слухи, выдуманные изъ мести, ненависти, злаго умысла (ст. 89); не производить слѣдствія, если извѣщеніе о преступленіи «найдено будетъ вовсе не основательнымъ» (ст. 88); вѣроятными признавать оговоры подсудимыхъ только тогда, «когда нѣтъ причины предполагать умыселъ оклe-

ветать» (ст. 233); не брать невинныхъ вмѣсто неотысканныхъ виноватыхъ (ст. 127); производить слѣдствіе «безъ притѣсненій невинности» и «послабленія преступленіямъ» (ст. 84). Слѣдствіемъ приводить обстоятельства дѣла въ достаточную ясность и полноту (ст. 52) (суду тоже предписывается приговоры писать ясными словами (ст. 397); улики разсматривать со всевозможною осмотрительностью (ст. 124), при арестѣ людей избѣгать «по возможности драки» (ст. 137), невѣдѣніе свидѣтелей въ вину имъ не ставить (ст. 284 и 309), пристрастныхъ допросовъ не чинить, приводить къ сознанію кротостью и увѣщаніемъ (ст. 212); съ обвиняемыми обходиться какъ съ людьми, кои еще не осуждены и могутъ быть найдены невиновными» (ст. 150).

Во всѣхъ этихъ предписаніяхъ сказывается одна общая черта, проходящая красной нитью черезъ всѣ «законы»: полное недовѣріе къ слѣдователю и къ судьямъ; законы не довѣряютъ ни ихъ честности, ни ихъ здравому смыслу; для гарантіи первой они обставили ихъ дѣятельность правомъ безконечныхъ жалобъ на ихъ пристрастіе и строжайшимъ надзоромъ за ихъ дѣятельностью со стороны совершенно чуждыхъ юстиціи властей; для гарантіи второй они снабдили ихъ безчисленнымъ множествомъ, частью совершенно произвольныхъ, презумпцій, которыя возвели на степень обязательныхъ логическихъ законовъ. Впрочемъ, рядомъ съ многочисленными предписаніями избѣгать обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій, изрѣдка встрѣчаются указанія на случаи, «о которыхъ разумный судья самъ разсудить можетъ»,—и это именно тѣ случаи, когда судья всего болѣе нуждается въ точномъ указаніи закона. Сверхъ того «законы» пропитаны крайнимъ сословнымъ духомъ, гарантируя знатнымъ значительно большую возможность добиться правосудія и довѣряя имъ больше, чѣмъ не знатнымъ, когда они являются доносителями или свидѣтелями. Ко всему этому надо прибавить крайне сбивчивую редакцію и невозможный канцелярскій языкъ, которымъ написаны «законы»; образцы его мы уже видѣли, а ниже поговоримъ объ этомъ поподробнѣе.

Однако скажутъ намъ, къ чему вспоминать объ этомъ мрачномъ наслѣдіи эпохи кнута и застѣнка, давнымъ давно канувшемъ въ вѣчность? Въ свое время, когда создавались судебные уставы, старыя формы судопроизводства не сдались сразу; у нихъ нашлись защитники, и онѣ подверглись обстоятельной критикѣ. Теперь же онѣ сномъ вѣковѣчнымъ спятъ, и вспоминать о нихъ нѣтъ повода.

Не совсѣмъ такъ. Во первыхъ, современное поколѣніе юристовъ,

выросшее на судебныхъ уставахъ, за рѣдкими исключеніями не знаетъ о той эпохѣ, когда Россія, по словамъ поэта, была

Въ судахъ черна неправдой черной
И рабства игомъ клеймена,

ничего или почти ничего; между тѣмъ для правильной оцѣнки современнаго судебнаго права очень не мѣшаетъ сравнить его съ тѣмъ, мѣсто котораго оно заняло; не мѣшаетъ въ особенности теперь, когда новые суды подвергаются ожесточеннымъ нападкамъ и частью даже ломкѣ; къ тому же, и это, во вторыхъ, мы все время говорили вовсе не о какой нибудь сѣдой старинѣ, а о судопроизводствѣ, совершающемся на основаніи XV тома, изданія 1876 года, гдѣ оно является уже въ значительно измѣненномъ и смягченномъ видѣ сравнительно хотя бы съ XV томомъ 1857 года. Духъ судебныхъ уставовъ отразился на «законахъ» весьма значительно; такъ, напримѣръ, безконечное разнообразіе судебныхъ инстанцій обратилось въ сравнительно стройную систему трехъ инстанцій; стороны получили право являться на судъ (по большей части, какъ мы видѣли, фиктивное), предварительно знакомиться съ дѣломъ въ канцеляріи суда; на разборъ дѣла въ судъ стали допускать публику и т. д., и т. д. Благодаря этому вліянію, порядокъ судопроизводства сталъ человѣчнѣе, мягче, хотя едва ли сталъ значительно цѣлесообразнѣе и во всякомъ случаѣ сталъ еще непослѣдовательнѣе, чѣмъ былъ даже по своду 1857 года. Формальная теорія доказательствъ могла имѣть нѣкоторое основаніе, когда у судьи была въ рукахъ пытка, сильное средство, чтобы вынудить «лучшее свидѣтельство всего свѣта»; но когда она исчезла, то старое судопроизводство повисло въ воздухѣ. Еще съ большимъ правомъ можно сказать это о судопроизводствѣ, когда въ немъ появились нѣкоторая гласность, самозащита на судѣ и пр.; будучи слишкомъ ограниченными и потому почти никогда не достигая цѣли, онѣ являлись прямымъ противорѣчіемъ всѣмъ принципамъ, лежащимъ въ основѣ судопроизводства: строго канцелярскому порядку разбора дѣлъ, подчиненію правосудія администраціи и т. д. Наконецъ, въ третьихъ, хотя многія особенно устарѣлыя статьи «законовъ» (въ родѣ формальной теоріи доказательствъ) были отмѣнены послѣ 1876 г., но тѣмъ не менѣе 2 часть XV т. и понынѣ является не историческимъ фактомъ только, а дѣйствующимъ кодексомъ, притомъ въ томъ же изданіи 1876 г., на разсмотрѣніи котораго мы остановились, лишь съ продолженіемъ 1890 года, и это конечно должно вызывать особый интересъ къ ней.

II.

До 1884 года «законы о судопроизводствѣ» оставались почти неприкосновенными; единственное сколько нибудь замѣтное измѣненіе въ нихъ внесъ законъ 3 мая 1883 г. о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ, допустившій ихъ къ свидѣтельству въ дѣлахъ о «правовѣрныхъ», притомъ запретившій принуждать къ присягѣ духоборцевъ (ст. 250 и 265 по прод. 1883), слѣдовательно допустившій принужденіе по отношенію къ раскольникамъ другихъ толковъ; закономъ 1 мая 1884 г. (ст. 265 по прод. 1886) запрещеніе было распространено и на нихъ.

Болѣе или менѣе серьезныя измѣненія въ законахъ начались съ 1884 года. Нужно замѣтить, что мысль о полнѣйшей нецѣлесообразности дореформенныхъ судебныхъ порядковъ была господствующей съ 60-хъ годовъ какъ въ обществѣ, такъ и въ правительствѣ.

Въ указѣ, которымъ въ 1868 г. [6]) вводились мировыя судебныя установленія въ Олонецкой, Казанской, Костромской, Вятской и многихъ другихъ губерніяхъ, говорилось: «судебныя установленія, образованныя на основаніи... уставовъ 1864 г. оправдали наши ожиданія, доставивъ народу скорый, правильный и пользующійся общимъ довѣріемъ судъ. Желая въ ближайшемъ будущемъ распространить благотворное дѣйствіе новаго порядка судопроизводства и на прочія части нашей Имперіи, Мы нашли нужнымъ предварительно ввести мировые суды отдѣльно отъ общихъ въ названныхъ губерніяхъ». (На всѣхъ нихъ, кромѣ Олонецкой, было впослѣдствіи распространено дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ полномъ объемѣ). Потомъ къ нимъ присоединились Астраханская, Оренбургская и др., и только одна Архангельская (изъ управляемыхъ по общему губ. учреж.) оставалась долгое время незатронутой вовсе судебной реформой 1864 г.

Мысль о реорганизаціи архангельскихъ судовъ возникла еще при министрѣ Замятнинѣ; какъ сообщаетъ Я. Лудмеръ [7]), уже давно было оффиціально признано, что «дальнѣйшее оставленіе судебной части въ Архангельской губерніи въ теперешнемъ положеніи оказывается рѣшительно невозможнымъ, такъ какъ современное состояніе этой части сводится въ сущности къ отсутствію мѣстнаго суда и расправы»; возникали разныя коммиссіи, занимавшіяся этимъ вопросомъ, но дѣло постоянно откладывалось въ долгій ящикъ по разнымъ причинамъ, въ особенности по недостатку средствъ, потребныхъ на введеніе мироваго института.

Въ 1884 г. было издано распоряженіе «объ измѣненіяхъ въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ Архангельской губерніи» [8]).

Эти измѣненія касались главнымъ образомъ штатовъ служащихъ по судебному вѣдомству. Прежніе штаты дѣйствительно были крайне скудны: отъ 16 руб. въ мѣсяцъ, назначенныхъ секретарямъ уѣздныхъ судовъ, или 350 р. въ годъ, которыми оплачивались засѣдатели, до 1759—жалованья предсѣдателя палаты; такимъ содержаніемъ объяснялся отчасти неудачный составъ служащихъ, впрочемъ вполнѣ соотвѣтствовавшій тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляютъ судьямъ законы о судопроизводствѣ [9]). Съ 1884 г. предсѣдатель палаты сталъ получать 3,000; секретари уѣздныхъ судовъ по 570; соотвѣтственно съ этимъ повышено содержаніе и другихъ служащихъ, такъ что въ общемъ расходы на судебную часть въ Архангельской губерніи возрасли съ 33,761 р. 33 к. до 59,720 р. Впослѣдствіи, именно въ 1888 г. жалованье предсѣдателю было снова увеличено на 500 р., членовъ на 1,000 р. каждому [10]).

Тѣмъ же постановленіемъ 1884 г. должность губернскаго стряпчаго, состоявшаго до сихъ поръ при губернскомъ прокурорѣ «для совѣта и помощи» (II т., ч. I изд. 1876 г. ст. 1231. Ср. съ прод. 1886 г.), т. е. бывшаго старшимъ товарищемъ прокурора, упразднена, уѣздные стряпчіе переименованы въ товарищей прокурора, товарищъ предсѣдателя, засѣдатель и совѣтникъ палаты сдѣлались членами и сравнены относительно содержанія. Все это преобразованіе не пошло однако дальше перемѣны въ названіяхъ, такъ какъ прежде обязанности засѣдателя и совѣтника, да и товарища предсѣдателя при наличности самого предсѣдателя ничѣмъ не отличались другъ отъ друга, и новые товарищи прокурора остались въ сущности прежними стряпчими — «защитниками невинности» и вмѣстѣ съ тѣмъ «взыскателями наказанія по преступленіямъ», удостовѣреннымъ двумя законными свидѣтелями, такъ какъ измѣненіе круга ихъ дѣйствій крайне ничтожно [11]). Оно сводится къ слѣдующему:

Прокуроръ и стряпчіе до 1884 г. имѣли «единственнымъ предметомъ своихъ дѣйствій непосредственный надзоръ за порядкомъ производства дѣлъ въ мѣстахъ губернскихъ» (т. II, ч. I, ст. 1231 и 1795); другими словами: 1) «охраненіе общаго благоустройства въ Имперіи, 2) надзоръ по казенному управленію, 3) надзоръ по суду и расправѣ» (ст. 1233). Такимъ образомъ надзоръ за судами поставленъ въ рядъ съ надзоромъ за всѣми губернскими мѣстами, такъ что прокуратура является скорѣе административнымъ, чѣмъ судебнымъ установленіемъ и этимъ она, въ связи съ независимостью

отъ мѣстъ губернскихъ, сближается съ жандармеріей. Прокуроры и стряпчіе присутствуютъ въ различныхъ присутствіяхъ, гдѣ имѣютъ свой стулъ (ст. 1247), представляютъ свои заключенія, просматриваютъ постановленія. Совершенно такія же права и обязанности они имѣютъ по надзору за отправленіемъ правосудія: они обязаны обнаруживать всѣ «доходящія до ихъ свѣдѣнія уголовныя преступленія, особенно безгласныя, въ коихъ нѣтъ истца», (ст. 81 зак. о суд.), надзирать за быстротой и безпристрастіемъ слѣдствій («чтобы не происходило... пристрастныхъ допросовъ, истязаній и притѣсненій невинности,... чтобы не было упущенія и послабленія преступленіямъ, а наипаче сокрытія злодѣяній», ст. 84), однако фактической возможности для этого имъ не дано; самое дѣло поступаетъ къ нимъ лишь по окончаніи съ приговоромъ «въ видѣ судейскаго опредѣленія» и черезъ 3 дня они должны возвратить его съ замѣчаніями; судъ можетъ согласиться съ ними и перемѣнить приговоръ, но можетъ и не согласиться; въ такомъ случаѣ дѣло идетъ въ апелляціонномъ порядкѣ въ высшую инстанцію, но только тогда, когда это допускается, т. е. когда подсудимый принадлежитъ къ привилегированнымъ классамъ и обвиняется въ тяжкомъ преступленіи (ст. 409 и 410 законовъ о суд.; послѣдней нѣсколько противорѣчитъ ст. 444).

Въ губерніяхъ, гдѣ введены мировые суды, прокурорамъ и ихъ товарищамъ (тамъ не было стряпчихъ) присвоены нѣкоторыя права и обязанности прокуроровъ судебныхъ уставовъ (ст. 84); въ томъ числѣ они вносятъ дѣла въ палату при своемъ заключеніи, соотвѣтствующемъ обвинительному акту уставовъ, и затѣмъ на судѣ публично поддерживаютъ обвиненіе (ст. 321 и 393). Реформа 1884 г. состоитъ въ распространеніи этого права и на Архангельскую губернію, гдѣ мировыхъ судовъ въ то время еще не было.

Публичное обвиненіе неизбѣжно влечетъ за собою и защиту, и потому тѣмъ же постановленіемъ объ «измѣненіяхъ въ судоустройствѣ Архангельской губерніи» подсудимому предоставлено право избирать себѣ защитника, но исключительно по дѣламъ, подвергающимъ каторгѣ или поселенію; если же подсудимый этого не дѣлаетъ, то защитникъ назначается предсѣдателемъ суда изъ мѣстныхъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства (ст. 324 по изд. 1876 г. и прод. 1886 г.). Объ адвокатурѣ тутъ нѣтъ и помину; назначенный защитникъ не заинтересованъ въ оправданіи подсудимаго; напротивъ, онъ является лицомъ слишкомъ зависимымъ. Всего страннѣе, что «законы», даже назначая защитника, всетаки не позаботились о личной явкѣ подсудимаго на судъ.

Кромѣ вышеизложеннаго правила 1884 г. внесли нѣкоторыя несу-

щественныя измѣненія въ производство слѣдствій и, оставляя неизмѣнной область апелляціоннаго пересмотра, распространили право подачи частныхъ жалобъ въ сенатъ на подсудимыхъ, приговоренныхъ къ лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (ст. 444 по прод. 1886 г.).

Въ слѣдующемъ, 1885 г. (25 февраля, собр. узак., 236 «объ измѣненіяхъ по судебной части въ губерніяхъ Тобольской, Томской, В. Сибири и Приморскомъ краѣ») большая часть этихъ мѣръ была распространена на всю Сибирь, и такимъ образомъ вошла во 2 часть XV т. въ видѣ общихъ постановленій.

Наконецъ въ 1886 г. появилось (собр. узак., № 817) постановленіе «объ устройствѣ управленія въ Туркестанскомъ краѣ», которое коснулось и судопроизводства. Оно отказалось совершенно отъ формальной системы доказательствъ, ввело приговоры, основанные «на точномъ разумѣ законовъ и на существѣ собранныхъ по дѣлу доказательствъ или уликъ, сила и значеніе коихъ опредѣляется по внутреннему убѣжденію судей» (Собр. узак. 1886 г., 12 іюня, № 817, XII) и отмѣнило оставленіе въ подозрѣніи (ibid.). Сначала возникало недоразумѣніе: касается ли эта мѣра одного Туркестанскаго края, или всей дореформенной области, но вскорѣ сенатъ разъяснилъ общій ея характеръ и принятыя «постановленіемъ» измѣненія, какъ общія, вошли въ Прод. 1886 г. къ XV т. 2 ч. (ст. 395).

На этомъ пока кончилось реформированіе дореформенныхъ «законовъ о судопроизводствѣ». Едва ли они стали лучше отъ этихъ реформъ, не смотря даже на отмѣну системы формальныхъ доказательствъ, наиболѣе грубаго осколка старины. Какъ прежде эта система висѣла въ воздухѣ, не имѣя подъ собой своего естественнаго фундамента, пытки, съ помощью которой можно было добывать «лучшее свидѣтельство всего свѣта», такъ теперь «внутреннее убѣжденіе судей» оказалось совершенно несогласованнымъ ни съ точно опредѣленными правилами о томъ, кого, какъ, въ какомъ порядкѣ допрашивать, какіе вопросы задавать, какимъ отвѣтамъ вѣрить и какимъ не вѣрить (отвѣтамъ скопцовъ, напримѣръ); ни съ отправкой на судъ свидѣтелей за крѣпкимъ карауломъ; ни съ отводомъ судьи, шептавшагося у знакомыхъ на ухо съ доносителемъ, въ то же время безъ кары судьѣ-взяточнику; ни съ бумажною процедурою слѣдствія; ни съ отсутствіемъ сторонъ на судѣ, и со всѣми прочими основными элементами стараго судопроизводства.

Механически склееные изъ самыхъ различныхъ элементовъ «законы о судопроизводствѣ» послѣ 1886 г. представляли пеструю смѣсь, не-

послѣдовательную по существу и непослѣдовательную по формѣ; въ нихъ чуть не къ каждой статьѣ сдѣлано по нѣскольку ограничительныхъ примѣчаній. Редакція «законовъ» и прежде, въ изданіи 1876 г., была крайне плоха. Такъ, напримѣръ,—мы уже видѣли это, — одна статья (334) говорила о семи «токмо» случаяхъ, дающихъ право отвода судьи, а слѣдующая за нею признавала и иные, весьма неопредѣленные случаи, «о которыхъ разумный судья самъ разсудить можетъ». Эта статья противорѣчила къ тому же не одной предыдущей, а всему духу законовъ, смертельно боявшихся «судейскаго разсужденія». Точно также «законы» допускали апелляцію лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, а между тѣмъ статья 410 была составлена такъ, какъ будто прокуроръ могъ обжаловать въ сенатъ каждый приговоръ палаты. Какъ образецъ языка, на которомъ написаны «законы», можно привести статью 174: «Когда ополиченный приведенъ не самимъ хозяиномъ поличнаго, а за его отсутствіемъ его родственниками или знакомыми, и сіи объявятъ, что, не сославшись съ прямымъ истцомъ, они не могутъ доказать, что поличное принадлежитъ ему, то надлежитъ назначить имъ поверстный, смотря по мѣсту пребыванія истца, срокъ; по миновании же сего срока, поступать по изложенному въ предшедшей (173) статьѣ правилу».

Есть совершенно ненужная непослѣдовательность даже въ терминологіи; такъ въ Олонецкой губерніи и западныхъ вторая инстанція называется соединенною палатою уголовнаго и гражданскаго суда (1191 ст. т. II), въ Архангельской, Астраханской и Уфимской — просто палатой уголовнаго и гражданскаго суда (ст. 1218), а въ Оренбургской даже судебной палатой (ibid.), хотя эти палаты ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются. Нерѣдко одна статья повторяетъ безъ всякой надобности другую, такъ ст. 415 повторена въ 1210 ст. II т. 1 ч. (губ. учрежд.), гдѣ ей совсѣмъ не мѣсто; въ самихъ «законахъ» встрѣчается масса ненужнаго многословія, образцы котораго мы уже видѣли. Укажемъ для примѣра на ст. 81 съ примѣчаніями и 103, которыя слѣдовало бы соединить въ одну.

Теперь, послѣ реформъ 1883—86 г. такихъ неточныхъ, неполныхъ, неясныхъ статей оказывается даже больше, чѣмъ прежде; статьи попадаютъ совсѣмъ не въ тѣ отдѣлы, гдѣ имъ быть надлежитъ (примѣръ: примѣчаніе 2 къ статьѣ 444, добавленное въ продолженіи 1886 г., говоритъ о частныхъ жалобахъ, тогда какъ самая статья 444 въ изданіи 1876 года говоритъ объ апелляціи, а частнымъ жалобамъ посвящена статья 481); о безчисленныхъ повтореніяхъ не стоитъ и говорить; примѣромъ можетъ служить тоже 2 примѣчаніе

къ 444 ст. и примѣчаніе къ 481 ст. (по продолженію 1886 года), повторяющія одно и то же постановленіе, но одно въ примѣненіи къ Сибири, другое—къ Архангельской губерніи. Никакія частичныя починки, очевидно не могли сдѣлать несчастные «законы» пригодными для водворенія правосудія въ краѣ. Слѣдовало, окончательно отмѣнивъ ихъ, ввести въ дѣйствіе судебные уставы, быть можетъ съ нѣкоторыми измѣненіями, необходимыми по мѣстнымъ особенностямъ; такъ, напр., громадныя разстоянія нереформированнаго края естественно вызываютъ измѣненіе сроковъ, расширеніе компетенціи низшихъ судовъ, съ облегчительными правилами относительно явки свидѣтелей и проч.;—кое для чего были даже прецеденты.

Между тѣмъ въ 80-хъ годахъ окрѣпло движеніе, повидимому готовое даже реформированную Россію вернуть къ той эпохѣ, когда въ ней отправляли правосудіе стряпчіе, уѣздные судьи, всевозможные засѣдатели и совѣтники, опираясь на тѣ «законы», о которыхъ мы только что говорили. Это движеніе не могло не затормазить дѣла судебнаго преобразованія и на окраинахъ.

12 декабря 1888 года появились «временныя правила объ устройствѣ мировыхъ судебныхъ установленій въ Архангельской губерніи» (собраніе узаконеній 1889 г. № 2), вошедшія съ редакціонными измѣненіями въ продолженіе 1889 г. къ судебнымъ уставамъ (и потомъ въ сводное продолженіе 1890 года); этими «правилами» были отмѣнены уѣздные суды въ Архангельской губ., окончательно отошедшіе такимъ образомъ въ вѣчность. Мировые судьи отдѣльно отъ общихъ судебныхъ установленій, какъ мы уже говорили, не явились какою нибудь новинкою; но въ другихъ губерніяхъ, гдѣ они вводились (по крайней мѣрѣ въ губерніяхъ, управляемыхъ по общему губернскому учрежденію), они ничѣмъ или почти ничѣмъ не отличались отъ мировыхъ судей судебныхъ уставовъ (за исключеніемъ системы назначенія, замѣнявшей выборное начало). Но теперь эта мѣра была проведена при особенно неблагопріятныхъ условіяхъ: какъ разъ въ это время вырабатывалось «положеніе о земскихъ начальникахъ», отмѣнившее мировые суды въ реформированной Россіи, и подготовлялось значительное ограниченіе суда присяжныхъ; поэтому отъ мировыхъ судей судебныхъ уставовъ въ Архангельской губерніи осталось почти только одно названіе.

Прежде всего мировые судьи здѣсь не выборные, а назначаемые министромъ юстиціи; это впрочемъ не можетъ считаться нововведеніемъ, такъ какъ таковыми же они являются на Кавказѣ, въ Туркестанѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Имѣя свою невыгодную сто-

рону, назначеніе освобождаетъ судей отъ имущественнаго ценза, придававшаго имъ въ земскихъ губерніяхъ нѣсколько сословный характеръ. Но за то оно лишаетъ ихъ той независимости, какую даетъ система выборовъ. Назначеніе примѣняется къ судьямъ въ томъ обычномъ порядкѣ, какъ и ко всѣмъ чиновникамъ, такъ что здѣсь нѣтъ уже и рѣчи о ихъ несмѣняемости. Надзоръ за ними предоставленъ архангельской палатѣ, вовсе не затронутой реформой. Суду предаются они за преступленія должности не по сенатскимъ постановленіямъ, какъ остальные судьи, не исключая и новообразованныхъ городскихъ (ст. 1080 устава уголовнаго судопроизводства по продолженію 1890 г.), а на подобіе туркестанскихъ судей по постановленіямъ особой консультаціи, учрежденной при министерствѣ юстиціи спеціально для надзора за ними (ibid.), органа чисто административнаго. Компетенція ихъ значительно расширена и сравнена съ компетенціей закавказскихъ мировыхъ судей; т. е. въ нее входятъ всѣ преступленія (за исключеніемъ весьма немногихъ), за которыя полагается наказаніе, не соединенное съ пораженіемъ правъ, или взысканіе не свыше 600 руб. (въ совокупности съ искомъ о вознагражденіи за вредъ 2000 руб.), тогда какъ власть мировыхъ судей судебныхъ уставовъ ограничена 300 рублевымъ взысканіемъ и $1^1/_2$ годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Мировыхъ съѣздовъ нѣтъ; ихъ замѣняетъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи все та же архангельская палата. Апелляціонный пересмотръ дѣлъ нѣсколько съуженъ, какъ сравнительно съ мировыми судьями уставовъ (за исключеніемъ кавказскихъ) и земскими начальниками, такъ и со старыми уѣздными судами. А именно окончательными считаются ихъ приговоры, когда они подвергаютъ аресту не свыше 3 дней и денежному взысканію (вмѣстѣ съ вознагражденіемъ) не свыше 100 рублей. Эта мѣра объясняется конечно громадными разстояніями Архангельской губерніи, крайне затрудняющими обращеніе къ высшему суду, отстоящему за многія сотни верстъ по непроѣзднымъ дорогамъ. Являясь такимъ образомъ необходимостью, это расширеніе власти не представляло бы большой бѣды, если бы вмѣстѣ съ нимъ былъ введенъ кассаціонный пересмотръ. Онъ и введенъ, но только въ одномъ случаѣ: именно въ случаѣ «нарушенія предѣловъ вѣдомства или власти, предоставленной имъ (судьямъ) закономъ», другими словами, когда судья приметъ къ разбору неподсудное ему дѣло (что разумѣется даже въ Архангельской губ. почти никогда не случается) [12]).

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, когда судья по невѣдѣнію или по

недобросовѣстности неправильно толкуетъ законъ, стороны не имѣютъ возможности прибѣгнуть къ болѣе авторитетному истолкователю закона, и такимъ образомъ судьѣ предоставлено право и возможность сколько угодно извращать его, лишь не выходя изъ предѣловъ своей компетенціи. Кассаціи приносятся на приговоры судей—палатѣ, на приговоры, постановленные ею «въ качествѣ мироваго съѣзда» (подлинное выраженіе закона),—сенату, при томъ не кассаціоннымъ его департаментамъ, а старымъ, такъ называемымъ, судебнымъ.

Наконецъ—и это можетъ считаться однимъ изъ наиболѣе важныхъ отличій архангельскихъ судей отъ мировыхъ судей уставовъ,—они соединяютъ въ своемъ лицѣ двѣ довольно трудно совмѣстимыя должности: собственно мироваго судьи и судебнаго слѣдователя. Это тоже не нововведеніе: въ Закавказьѣ существуетъ тоже самое, но съ однимъ важнымъ отличіемъ: тамъ при каждомъ судьѣ состоятъ помощники (учр. суд. уст. статья 446), и они то на практикѣ являются слѣдователями. Практика привела до нѣкоторой степени къ тому же и въ Архангельской губ., а именно двухъ добавочныхъ мировыхъ судей, назначенныхъ по штату и обязанныхъ по закону (статья 3 «временныхъ правилъ объ устройствѣ мировыхъ судебныхъ установленій въ Архангельской губ.») замѣщать участковыхъ въ случаяхъ болѣзни или отсутствія, архангельская палата прикомандировала къ производству слѣдствій въ Архангельскѣ, такъ что въ случаяхъ отпуска какого-либо участковаго судьи его обязанности возлагаются не на добавочнаго, занятаго своимъ дѣломъ, а на судью сосѣдняго участка. Такъ было, напримѣръ, въ Шенкурскомъ уѣздѣ въ 1890 году. Однако число добавочныхъ судей крайне ограничено (всего 2), и потому раздѣленіе обязанностей оказалось возможнымъ лишь въ самомъ г. Архангельскѣ.

А между тѣмъ отъ этого совмѣщенія происходятъ довольно непріятныя послѣдствія. Такъ, напримѣръ, судья назначаетъ въ мѣстѣ своего пребыванія разборъ опредѣленныхъ дѣлъ на извѣстное число. Наканунѣ происходитъ убійство за сто верстъ отъ камеры. Полиція вызываетъ судью, и онъ ѣдетъ на слѣдствіе; между тѣмъ являются стороны, являются свидѣтели изъ-за десятковъ верстъ, и находятъ двери суда запертыми. Сторона, приговоренная къ уплатѣ судебныхъ издержекъ, или въ случаѣ ея несостоятельности казна, платятъ ихъ въ двойномъ размѣрѣ; свидѣтели тоже страдаютъ, такъ какъ поверстныя и поденныя не оплачиваютъ въ достаточной мѣрѣ потерянныхъ рабочихъ дней и назначаются только тѣмъ, которые являются болѣе чѣмъ изъ-за 15 верстъ. Подобныхъ случаевъ мы знаемъ довольно много.

Быть можетъ, такое совмѣщеніе вызывается стремленіемъ къ экономіи? Назначить 7 лишнихъ слѣдователей на 7 уѣздовъ Архангельской губ. [13]) значило бы чрезмѣрно увеличить расходы на юстицію въ краѣ, а съэкономить, сокративъ число мировыхъ участковъ, немыслимо, такъ какъ и теперь они тянутся на сотни верстъ.

Это возраженіе справедливо, но дѣло въ томъ, что въ Архангельской губерніи, кромѣ губернскаго прокурора, существуетъ 7 его товарищей, — должность послѣ преобразованія оказавшаяся весьма мало полезной. По судебнымъ уставамъ товарищи прокурора исполняютъ нѣкоторыя обязанности при мировыхъ съѣздахъ; здѣсь мировыхъ съѣздовъ нѣтъ, а для палаты вполнѣ хватаетъ одного губернскаго прокурора съ однимъ товарищемъ. Въ уѣздахъ же, послѣ отмѣны уѣздныхъ судовъ, имъ положительно нечего дѣлать какъ потому, что обязанности ихъ по надзору за производствомъ слѣдствій крайне ничтожны, такъ и потому, что самое число слѣдствій въ Архангельской губерніи не велико [14]). Такъ, напримѣръ, (по полученнымъ нами частнымъ образомъ свѣдѣніямъ), черезъ руки мироваго судьи 1 участка Шенкурскаго уѣзда въ 1890 г. прошло 95 слѣдственныхъ дѣлъ; предполагая, что и во 2 участкѣ должно быть, приблизительно, столько же, мы получимъ около 200 дѣлъ на уѣздъ. Число вовсе не большое; однако же эти дѣла сильно затрудняютъ мироваго судью. Если бы вмѣсто отмѣны судебныхъ слѣдователей «временныя правила» отмѣнили товарищей прокурора въ уѣздахъ, то, не увеличивая этимъ расходовъ на юстицію въ краѣ, не измѣняя принципамъ, положеннымъ въ основу этихъ правилъ, они все-таки нѣсколько улучшили бы судопроизводство.

Кое въ какихъ мелочахъ «временныя правила» представляютъ, впрочемъ, нѣкоторыя улучшенія даже сравнительно съ судебными уставами; таковыми, по нашему мнѣнію, являются постановленія, что стороны извѣщаются о времени разбирательства дѣлъ въ палатѣ въ качествѣ мироваго съѣзда, что отсутствовавшимъ обвиняемымъ присылаются копіи съ таковыхъ ея приговоровъ; что началомъ срока для ихъ обжалованія считается день, когда они сдѣлались извѣстными лицу, принесшему жалобу. Правило устава уголовнаго судопроизводства, по которому срокъ обжалованія считался со дня постановленія приговора, дѣлало обжалованіе совсѣмъ невозможнымъ для обвиняемыхъ, живущихъ далеко отъ суда; для Архангельской губерніи это неудобство устранено, но только для приговоровъ 2 инстанціи, на которые могутъ быть приносимы лишь кассаціонные отзывы, притомъ, какъ мы видѣли, въ крайне рѣдкихъ случаяхъ; на неокончательные же приговоры мировыхъ судей оно почему-то не распространяется, хотя въ Архангель-

ской губерніи оно было бы особенно важно. Въ этомъ отношеніи положеніе о земскихъ начальникахъ поступило правильнѣе, распространивъ его и на неокончательные приговоры (ст. 220 «правилъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ»).

Извѣщеніе сторонъ о разбирательствѣ дѣлъ во 2 инстанціи приняло и «положеніе о земскихъ начальникахъ» (ст. 225 ibid.), а высылкою копій отсутствующимъ подсудимымъ архангельская палата «въ качествѣ мироваго съѣзда» выгодно отличается какъ отъ настоящихъ мировыхъ съѣздовъ, такъ и отъ уѣздныхъ съѣздовъ (ст. 233 ibid.).

Что же дала Архангельской губерніи реформа 1888 г., если не считать нѣсколькихъ перечисленныхъ выше частностей? Во 1-хъ она дала судъ устный вмѣсто суда бумажнаго,—судъ доступный и понятный всякому, и одно это безспорное завоеваніе судебныхъ уставовъ, непоколебленное даже положеніемъ о земскихъ начальникахъ, имѣетъ громадное значеніе. Во 2-хъ она нѣсколько расширила гласность судопроизводства, допущенную, какъ мы видѣли уже въ 1865 году. Вотъ двѣ безспорныя заслуги реформы. Но она не дала выборнаго начала, сближающаго судъ съ народонаселеніемъ данной мѣстности, она сохранила судей-чиновниковъ, вполнѣ подчиненныхъ администраціи; она отказалась даровать краю судъ подзаконный, лучшимъ выраженіемъ котораго является кассаціонный пересмотръ, и вмѣсто того широко открыла двери судейскому произволу.

Но, можетъ быть, всего хуже то, что она дала все это лишь для менѣе важныхъ дѣлъ, оставивъ совершенно неприкосновенною всю организацію судопроизводства по дѣламъ важнѣйшимъ, и создавъ такимъ образомъ странныя противорѣчія. Для всѣхъ преступленій, влекущихъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ, остался въ прежней силѣ бумажный порядокъ; попрежнему придается громадное значеніе доносу и очной ставкѣ; за первый попрежнему выдается «достойное» награжденіе (ст. 604); повальный обыскъ допускается въ старинной формѣ; попрежнему люди раздѣляются на имѣющихъ качества достовѣрныхъ свидѣтелей и не имѣющихъ таковыхъ (ст. 66, 219, 246, и др.), хотя это различеніе не имѣетъ уже практическаго значенія; попрежнему упорство въ отвѣтахъ прилагается къ винѣ; попрежнему слѣдователю строго и точно предписанъ порядокъ, въ коемъ надлежитъ допрашивать; попрежнему указано, что вѣрить показанію слѣдуетъ лишь тогда, «когда нѣтъ причины предполагать умысла оклеветать» и указаны случаи, когда «надлежитъ невѣроятнымъ почитать оговоръ» (ст. 233); попрежнему запрещено вѣрить

показаніямъ скопцовъ (ст. 576); попрежнему при начатіи слѣдствія преимущественное вниманіе обращается на форму доноса, а не на его содержаніе (ст. 108), и такъ далѣе безъ конца,—и все это, не смотря на то, что въ текстъ «законовъ» внесено правило, что «сила и значеніе доказательствъ опредѣляется по внутреннему убѣжденію судей» (395 по прод.). Попрежнему судъ разбираетъ дѣла въ отсутствіи подсудимыхъ; попрежнему отводятся совершенно одинаково какъ судьи, шептавшіеся у знакомыхъ на ухо съ доносителемъ, такъ и судьи, относительно которыхъ «ясно доказанъ будетъ» подкупъ (ст. 334), попрежнему сохраняется въ силѣ различіе между дворянами и крестьянами относительно ихъ права подавать апелляціонныя и частныя жалобы, и даже пересмотръ дѣлъ въ ревизіонномъ порядкѣ попрежнему не распространяется на послѣднихъ, хотя и отмѣнено различеніе силы ихъ показаній. Попрежнему свидѣтели препровождаются къ мѣсту суда подъ крѣпкимъ карауломъ; попрежнему для дѣлъ о колдовствѣ, въ коихъ «заключается глупость, обманъ и невѣжество» и тому подобныхъ, оставленъ особый совѣстный порядокъ разбирательства, для коего правилами должны быть: «1) человѣколюбіе вообще, 2) почтеніе къ особѣ ближняго яко человѣку, 3) отвращеніе отъ угнетенія и притѣсненія человѣчества» (694, 697, и сл.). Все это ни мало не затронуто реформой. И вотъ, мировой судья, который въ качествѣ мироваго судьи обязанъ руководствоваться судебными уставами съ нѣкоторыми измѣненіями, въ качествѣ судебнаго слѣдователя подчиненъ все тѣмъ же «законамъ о судопроизводствѣ», все въ томъ же изданіи 1876 г., дополняемомъ лишь своднымъ продолженіемъ 1890 года [15]), но, какъ мы видимъ, по существу не измѣненномъ вовсе. Точно также палата, дѣйствуя, по выраженію временныхъ правилъ, «въ качествѣ мироваго съѣзда», обязана руководствоваться судебными уставами, а оставаясь попрежнему тѣмъ, что она и есть въ дѣйствительности, т. е. палатой гражданскаго и уголовнаго суда, неизмѣнно подчиняться «законамъ». Такимъ образомъ, одни и тѣ же люди, одни и тѣ же учрежденія обязаны въ разныхъ случаяхъ своей жизни ставить: то содержаніе выше формы, духъ закона выше его буквы, интересы правосудія выше правильной нумераціи бумагъ, то обратно.

«Судъ хуже безсудья», такъ закончилъ восемь лѣтъ тому назадъ свою статью объ архангельской юстиціи Я. Лудмеръ, служившій въ Архангельскѣ секретаремъ статистическаго комитета и имѣвшій возможность основательно ознакомиться съ мѣстной жизнью. «Составъ судебныхъ дѣятелей въ губерніи, по его словамъ, до нельзя простъ: всѣ дворянскіе засѣдатели суть обыкновенные канцелярскіе служители, протер-

шіе не одинъ стулъ въ разныхъ присутствіяхъ и канцеляріяхъ; они съ трудомъ отличаютъ уголовныя дѣла отъ гражданскихъ и никакими познаніями въ законахъ не обременены. Уѣздные судьи... тѣ въ другомъ родѣ: претензій у нихъ больше, но умственный и нравственный уровень ничѣмъ не выше засѣдательскаго; изъ семи такихъ судей въ губерніи—одинъ изъ урядниковъ, другой—изъ пономарей, третій изъ квартальныхъ, а остальные изъ бывшихъ засѣдателей; образованнѣйшіе изъ этихъ судей кончили приходскую школу и только.

«Нужно ли говорить, что въ общемъ дѣятельность уѣздныхъ судовъ носитъ характеръ правильно организованнаго грабежа, безконечнаго вымогательства и лихоимства, что населеніе стонетъ подъ игомъ этой грубой орды подъячихъ XIX вѣка.

«Соединенная палата» въ сущности тотъ же уѣздный судъ, только въ большихъ размѣрахъ: совѣтники палаты—тѣ же канцеляристы, и только изрѣдка назначается предсѣдателемъ человѣкъ съ высшимъ образованіемъ. Въ настоящее время Архангельску повезло: даже товарищъ предсѣдателя съ высшимъ образовательнымъ цензомъ—онъ, именно, кончилъ полный курсъ наукъ въ петровской земледѣльческой академіи. Самымъ вліятельнымъ лицомъ въ палатѣ, какъ и во времена Гоголя, секретарь; къ нему являются на поклонъ, а ужъ онъ «оборудываетъ» дѣла. Въ послѣднее время газеты полны были корреспонденціями о продѣлкахъ этого, казалось бы, незначительнаго чиновника, разоблачались возмутительнѣйшія плутни, но все ему сходило съ рукъ».

Фактъ этотъ Лудмеръ объяснялъ крайне мизернымъ содержаніемъ, назначавшимся, до 1884 г., чинамъ судебнаго вѣдомства. Безъ всякаго сомнѣнія, объясненіе это недостаточно; стоитъ бѣгло ознакомиться съ «законами о судопроизводствѣ», чтобы убѣдиться, что составъ судовъ, описанный Лудмеромъ, вполнѣ подходитъ къ духу законодательства: полное недовѣріе къ судьѣ, стѣсненіе на каждомъ шагу его совѣсти и логики, подчиненіе его не судебной власти, все это, помимо жалованья, не могло создать дѣятелей, преданныхъ своему дѣлу, свободныхъ сердцемъ и умомъ; знакомство съ наукой права было для нихъ тоже излишнимъ, если не вреднымъ, такъ какъ «законы о судопроизводствѣ» были и кодексомъ, и всеобъемлющимъ учебникомъ.

Значительно ли измѣнилась къ лучшему архангельская юстиція послѣ дважды состоявшагося увеличенія жалованья и реформъ 1884, 1886 и 1888 годовъ? Нѣтъ, смѣло отвѣтимъ мы; исчезла возмутительная формальная теорія доказательствъ, обновился до нѣкоторой степени составъ судовъ, мы не знаемъ больше фактовъ такого грубаго взято-

чничества, о какихъ разсказываетъ Лудмеръ (хотя законы, снисходительно отводящіе получившаго взятку судью отъ сужденія по данному дѣлу, заставляютъ вѣрить въ ихъ полную возможность), но тѣмъ не менѣе судъ остается попрежнему или почти попрежнему хуже безсудья. У насъ въ рукахъ имѣется одно «дѣло». Интересное въ догматическомъ отношеніи, оно, кромѣ того, хорошо характеризуетъ разрѣшавшіе его архангельскіе суды; мы изложили его въ статьѣ: «Дѣло о самовольной отлучкѣ» (см. «Юрид. Вѣстн.», 1892, № 2). А теперь скажемъ нѣсколько словъ объ архангельскомъ безсудьѣ въ полномъ смыслѣ этого слова, продолжавшемся нѣсколько мѣсяцевъ въ 1889 году.

На основаніи «временныхъ правилъ» 12 декабря 1888 года старый судъ долженъ былъ 1 апрѣля 1889 г. уступить мѣсто новому, послѣ чего ему слѣдовало въ теченіе 2 мѣсяцевъ закончить начатыя ранѣе дѣла. 1 апрѣля въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» появилась передовая статья, начинающаяся словами: «сегодня открываются въ предѣлахъ Архангельской губерніи мировыя судебныя учрежденія согласно законоположенію 12 декабря 1888 г.»... Такъ должно было бы быть, но вышло иначе, и статья «Русскихъ Вѣдомостей» была для Архангельской губ. горькою первоапрѣльскою шуткой. Назначенія на новыя должности были опубликованы лишь въ самомъ концѣ марта, и уже поэтому мировой судъ не могъ открыться въ назначенный день. Тѣмъ не менѣе старые суды 1 апрѣля не принимали дѣлъ къ разсмотрѣнію, но оффиціально закрыты они были позже: въ Пинегѣ 1 мая, въ Шенкурскѣ 12, и т. д.; послѣ этого они еще сдавали свои дѣла. Но мировой судъ нигдѣ не открылся ранѣе конца іюня, даже тамъ, гдѣ, какъ въ Шенкурскѣ, на должность судьи были назначены мѣстные жители (въ Шенкурскѣ бывшій товарищъ прокурора), бывшіе поэтому на мѣстѣ уже къ апрѣлю. Объяснялось это крайне страннымъ явленіемъ: мировые судьи не получали долгое время знаковъ своего достоинства—цѣпей и печатей; не имѣя ихъ, они не могли приступить къ исполненію своихъ обязанностей. Первыя же засѣданія мировыхъ судей произошли: въ Холмогорахъ 28 іюня, въ Пинегѣ и Шенкурскѣ—въ началѣ іюля, въ иныхъ мѣстахъ еще позже; въ теченіе же 3 мѣсяцевъ были судьи, но не было суда [16]). Еще хуже дѣло обстояло съ нотаріальными обязанностями судей (за отсутствіемъ нотаріусовъ ихъ обязанности въ Архангельской губерніи исполняютъ судьи): до декабря судьи не получали нужныхъ книгъ, такъ что съ 1 апрѣля 1889 года по 1 января въ Архангельской губ. нельзя было совершить ни одного крѣпостнаго акта, опротестовать векселя и проч.; дома и

земли, которые собственники хотѣли продать, оставались непроданными, договоры не заключенными.

Къ 1890 году безсудье окончилось,—судьи стали свидѣтельствовать акты, и торговый оборотъ могъ возобновиться съ прежнею силою; жизнь вступила въ обычную колею. Но правильнаго правосудія несчастная окраина не видитъ и до сихъ поръ, да врядъ ли и увидитъ скоро.

---

1) Любопытно, что этотъ пунктъ (5 ст. 12, „законовъ о судопр.“, т. XV, ч. 2 изд. 1876) не отмѣненъ и до нынѣ, хотя очевидно онъ потерялъ всякій смыслъ послѣ отмѣны солянаго акциза.

2) Спасовичъ. Соч., т. IV, стр. 209.

3) Ibid.

4) По Своду законовъ 1832 г. такое же половинное значеніе имѣли показанія свидѣтелей изъ мусульманъ, но это постановленіе исчезло даже изъ Свода 1857 года. (См. Стояновскій, Уголовное Судопроизводство. Изд. 2, 1858 года Ч. I, стр. 72).

5) Выраженіе Основныхъ Законовъ, ст. 65 (заимствованное изъ наказа Екатерины II).

6) П. С. З, 1868, № 46061.

7) Я. Лудмеръ. Улучшеніе дореформенной юстиціи. Юрид. Вѣст. 1884. 8, стр. 616.

8) Собр. Узак. 1884, 8 мая, № 453.

9) См. Лудмеръ l. c. стр. 611. — Онъ же. Тюрьмы, ссылка, преступленія и юстиція на Сѣверѣ. Ю. В. 1883 г., № 10, стр. 341 сл.

10) Собр. Узак. 1889, № 2.

11) Собр. Узак. 1884, № 453. Ср. ст. 1792—1816 Общ. Губерн. учр. (т. II, ч. I) по изд. 1876 г. съ тѣми же статьями по прод. 1886 г.

12) Въ гражданскихъ дѣлахъ кассація не допускается вовсе.

13) Прежде въ губерніи было 15 слѣдователей, но теперь съ изъятіемъ изъ ихъ вѣдомства всѣхъ дѣлъ мировой юстиціи, въ такомъ числѣ нѣтъ болѣе надобности. Да и прежде это число могло считаться слишкомъ большимъ: справляются же теперь 20 судей со всѣми обязанностями 15 слѣдователей и 6 уѣздныхъ судовъ съ ихъ засѣдателями и секретарями.

14) Полныхъ цифръ въ доказательство этого положенія мы не имѣемъ, такъ какъ отчетъ архангельскаго статистическаго комитета за 1890 годъ еще не вышелъ, а въ отчетахъ за предъидущіе годы число дѣлъ и обвиняемыхъ показано безъ раздѣленія по судамъ, въ которыхъ они судились; изъ такихъ данныхъ не видно, по какому количеству дѣлъ приходится производить слѣдствія. Впрочемъ изъ нихъ видно, что число преступленій, совершаемыхъ въ архангельской губерніи, вообще не велико;

	Въ палатѣ и уѣздныхъ судахъ.	Въ полицейскихъ управленіяхъ.	Число преступленій.	Число обвиняемыхъ.	Число обвиненныхъ.	Число оставленныхъ въ подозрѣніи.
1885 г.	I	—	2561	3694	1612	57
	—	II	348	498	467	—
1886 г.	I	—	2211	3435	1785	62
	—	II	221	410	334	2
1887 г.	I	—	2796	4688	2253	—
	—	II	272	579	441	1
1888 г.	I	—	2183	3503	1642	14
	—	II	294	488	433	—

Для 1889 г. въ отчетѣ показаны вмѣстѣ дѣла, разобранныя въ палатѣ за весь годъ и въ уѣздныхъ судахъ въ первые мѣсяцы года до ихъ закрытія, и особо дѣла мировыхъ судовъ, дѣйствовавшихъ лишь послѣдніе мѣсяцы года, такъ что эти цифры, какъ не полныя, не имѣютъ для насъ большой цѣнности. При этомъ для палаты показано число разобранныхъ дѣлъ и не показано число обвиняемыхъ, а для мировой юстиціи обратно:

		Число прест.	Число обвиняем.	Число обвинен.
1889 г. I.	Въ палатѣ за годъ и уѣздн. судахъ до 1 апрѣля	1446	неизв.	1072
II.	Въ мировыхъ судахъ съ мая	неизв.	3137	1699

Изъ этихъ цифръ мы видимъ, что число обвинительныхъ приговоровъ въ мировыхъ судахъ сразу увеличилось, хотя и не особенно замѣтно, сравнительно съ обвинительными приговорами старыхъ судовъ, что объясняется конечно большею легкостью добиться истины при устномъ, чѣмъ при бумажномъ разбирательствѣ. Съ другой стороны эти цифры обнаруживаютъ крайне странное, даже непонятное явленіе: оказывается, что суды оставляли въ подозрѣніи даже черезъ 2 года послѣ того, какъ этотъ видъ приговора исчезъ изъ законодательства.

[15]) Оставляя въ сторонѣ болѣе существенныя измѣненія, кодификаціонный отдѣлъ сдѣлалъ бы очень хорошо, если бы озаботился переизданіемъ этого страннаго памятника нашего законодательства, включивъ въ него позднѣйшія измѣненія, выкинувъ явно непримѣнимыя и никогда не примѣняемыя статьи, измѣнивъ языкъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ, устранивъ слишкомъ явныя противорѣчія, правильнѣе расположивъ статьи и проч.; сдѣлать это было бы вовсе не трудно. Если же сдѣлать даже это оказывается почему нибудь неудобнымъ, то слѣдовало бы издать хотя „законы о судопроизводствѣ 1876 г. со включеніемъ статей по продолженію 1890 г.“, какъ это было сдѣлано въ 1886 г. съ судебными уставами; не внеся никакихъ улучшеній по существу, такое изданіе облегчитъ по крайней мѣрѣ практику; къ тому же отмѣненныя, но тѣмъ

не менѣе нынѣ красующіяся еще въ дѣйствующемъ кодексѣ статьи о предпочтеніи знатнаго передъ незнатнымъ перестанутъ тогда слишкомъ живо напоминать дыбу и кнутъ и вдохновлять дѣятелей юстиціи.

16) Въ свое время исторія введенія мировыхъ судовъ въ архангельской губ. была разсказана мною въ двухъ корреспонденціяхъ въ „Недѣлѣ“ (1889 г., №№ 24 и 45); см. также „Русскія Вѣдом.“ и другія газеты.

В. Водовозовъ.

БУМАГИ НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ.

Н. О. Нерсесовъ. О бумагахъ на предъявителя съ точки зрѣнія гражданскаго права. Историко-догматическое изслѣдованіе. Москва. 1889 г.

Бумаги на предъявителя, Inhaberpapiere, les titres au porteur [1]), представляютъ собою одинъ изъ видовъ цѣнныхъ (процентныхъ) бумагъ; цѣнныя же бумаги, по наиболѣе распространенному опредѣленію, суть воплощенное въ документѣ обязательство. Такимъ опредѣленіемъ имѣютъ въ виду указать на тѣсную связь права съ документомъ, на существенное значеніе сего послѣдняго для права, изъ документа вытекающаго, такъ что владѣлецъ документа можетъ требовать отъ выдавателя бумаги (должника) осуществленія его обѣщанія (обязательства). Этимъ цѣнныя бумаги и бумаги на предъявителя отличаются отъ бумажныхъ денегъ, которыя суть вещи—res, представляющія собою общепризнанное мѣрило цѣнности, средство платежа, тогда какъ первыя основаны на обязательствѣ; бумажныя деньги входятъ въ область публичнаго права, а цѣнныя бумаги, какъ обязательства, относятся къ сферѣ частнаго права. Цѣнныя бумаги возникаютъ въ интересахъ *облегченія передаваемости* или осуществленія права. Поэтому самый существенный признакъ ихъ состоитъ въ томъ, что всякій добросовѣстный владѣлецъ документа почитается собственникомъ его. Добросовѣстность владѣнія является здѣсь неопровержимымъ *предположеніемъ* права собственности (praesumptio juris et de jure). Должникъ, исполняя обязательство въ пользу владѣльца документа, освобождается отъ лежавшей на немъ обязанности, хотя бы впослѣдствіи оказалось, что документъ перешолъ къ владѣльцу не отъ собственника. Этотъ послѣдній имѣетъ только *личный* искъ къ непосредственному нарушителю его права. Право требованія по бумагѣ на предъявителя принадлежитъ не тому или другому опредѣленному лицу, зара-

[1]) Виды ихъ: коносаментъ или грузовое свидѣтельство, фактура или накладная, варрантъ или доковое свидѣтельство, облигаціи, билеты, акціи (бываютъ и именныя), векселя (съ бланковою надписью), чеки, и проч.

нѣе обозначенному въ самомъ документѣ, а всякому *предъявителю*. Право на такой документъ пріобрѣтается простой передачей онаго данному лицу, которое не обязано доказывать основаніе своего права, а достаточно легитимируется однимъ фактомъ владѣнія документомъ. Съ другой стороны и должникъ не имѣетъ ни права, ни обязанности требовать отъ владѣльца, предъявителя документа, удостовѣренія личности и доказательства того юридическаго отношенія, въ силу котораго документъ перешелъ къ предъявителю; онъ обязанъ удовлетворить предъявителя документа и этимъ освобождается отъ своего обязательства. Такимъ образомъ, бумаги на предъявителя циркулируютъ въ имущественномъ оборотѣ на подобіе реальныхъ цѣнностей, денежныхъ вещей.

I.

Весьма любопытнымъ представляется у автора «историческое изслѣдованіе» появленія въ Европѣ бумагъ на предъявителя, ибо результатъ историческаго процесса заключаетъ въ себѣ, повидимому, и оправданіе необходимости самаго существованія этихъ бумагъ. Во Франціи несовершенныя формы бумагъ на предъявителя, т. е. такія, гдѣ рядомъ съ опредѣленнымъ кредиторомъ есть предъявительская оговорка («я обязанъ уплатить NN, или тому, кто предъявитъ мнѣ настоящій документъ») возникаютъ къ концу XIII в. Ближайшимъ поводомъ къ ихъ появленію была, по автору, невозможность, во всякомъ случаѣ трудность свободной передачи правъ требованія по обязательствамъ; обязательства съ предъявительской формой возникли какъ средство, *замѣняющее представительство на судѣ*, которое не допускалось по законамъ того времени или значительно ограничивалось. Чтобы избѣжать затрудненій, сопряженныхъ съ представительствомъ на судѣ, кредиторы стали требовать, чтобы должники обязывались произвести уплату лично имъ, или же предъявителю долговаго документа, каковой предъявитель дѣйствовалъ въ судебномъ процессѣ противъ должника въ качествѣ самостоятельнаго взыскателя, а не въ качествѣ повѣреннаго. Съ теченіемъ времени форма обязательства съ предъявительской оговоркой оказалась выгодной и какъ способъ облегченія *передаваемости* обязательствъ. Съ первой половины XVII в. она начала примѣняться во Франціи въ векселяхъ по приказу («платите NN или его приказу»), посредствомъ надписи на оборотѣ (dos) самаго векселя (endossement); путемъ индоссамента вексель передавался безъ особаго документа объ уступкѣ.—Въ собственномъ смыслѣ бумаги на предъявителя, billets au porteur явились во Франціи, а по ея примѣру, и въ Германіи въ томъ же XVII в. послѣ запрещенія правительствомъ billets en blanc [2]), какъ вызывавшихъ разныя злоупотребленія.

---

[2]) Это долговые документы, въ которыхъ оставлялось свободное (бѣлое) мѣсто; они переходили изъ рукъ въ руки посредствомъ простой передачи, и

Billets au porteur выдавались уже прямо на имя предъявителя, безъ указанія имени первоначальнаго кредитора. Вызваны они были къ жизни *потребностями торговаго оборота*, именно необходимостью все той же легкой передаваемости документовъ, «стремленіемъ къ упрощенію способовъ передачи обязательствъ». Законодательное признаніе billets au porteur получили въ 1673 г. Въ 1716 г. они были запрещены въ интересахъ извѣстнаго Ло, тѣмъ не менѣе косвенно были терпимы и вновь возстановлены въ 1721 г., опять запрещены въ 1792 г. и снова дозволены въ 1795 г. Послѣдующее законодательство признаетъ дѣйствительными бумаги на предъявителя, хотя не даетъ о нихъ подробныхъ постановленій. Кодексъ Наполеона I (Code de commerce), въ ст. 35 и 281, говоритъ, что акція можетъ быть именная и на предъявителя и что коносаментъ (грузовая роспись) можетъ быть выдана и на предъявителя. Судебная практика расширила понятіе бумагъ на предъявителя, приравнивая ихъ къ движимымъ вещамъ. Окончательное регулированіе бумаги на предъявителя получили въ законѣ 15 іюня 1872 г. (см. ниже); такъ что, «несмотря на враждебное отношеніе законодательства къ описываемой формѣ обязательствъ, оно въ концѣ концовъ должно было дать ей свою санкцію и признать то, что давно было освящено дѣйствительной жизнью».

Въ Италіи и Голландіи бумаги на предъявителя появились въ XVII и XVIII вв.

Въ Германіи несовершенная форма бумагъ на предъявителя (бумаги съ предъявительской оговоркой) встрѣчается въ концѣ XIII и началѣ XIV в. Настоящія бумаги на предъявителя, вызванныя нуждами развитаго торговаго оборота, появляются въ Германіи въ XVII и главнымъ образомъ въ XVIII в. (обычай пользованія этими бумагами перешелъ, вѣроятно, изъ Франціи), и именно прежде всего въ Саксоніи (государственные займы), потомъ въ Пруссіи (страховые полисы, закладные листы, банкноты)...

Австрійское законодательство только въ законахъ 1803 г., отъ 28 марта и 26 апрѣля, упоминаетъ о бумагахъ на предъявителя. Дѣйствующее австрійское гражд. уложеніе (ср. § 393, 371 и законъ 3 мая 1868 года объ амортизаціи цѣнныхъ бумагъ) признаетъ эти обязательства дѣйствительными, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ.

Словомъ, всюду въ Западной Европѣ мотивы появленія бумагъ на предъявителя сходны съ тѣми, какіе приведены выше по поводу французскаго законодательства.

Въ Россіи такъ же, какъ и у другихъ народовъ, вначалѣ не допускалось свободное судебное представительство; тяжущійся, вообще говоря, долженъ былъ являться на судъ лично. Но стѣсненія процессуальнаго пред-

---

послѣдній держатель, желавшій осуществить свое право требованія, ставилъ на пустомъ мѣстѣ свое имя.

ставительства не вызвали у насъ особенныхъ формъ письменныхъ документовъ, какъ это было въ западной Европѣ, потому что письменная форма юридическихъ актовъ появилась въ Россіи довольно поздно; въ первое время, какъ сдѣлки между частными лицами, такъ и судебный процессъ совершались устно. Но въ эпоху господства Псковской и Новогородской судныхъ грамотъ начинаетъ преобладать письменная форма юридическихъ сдѣлокъ. Изъ письменныхъ актовъ того времени, заемныя *кабалы* имѣютъ нѣкоторыя свойства современныхъ цѣнныхъ бумагъ; исполненіе по этимъ формальнымъ документамъ обусловливалось владѣніемъ оными и возвращеніемъ ихъ должнику; дѣйствіе кабалы прекращается съ возвращеніемъ ея тому, кто ее выдалъ. Извѣстенъ затѣмъ случай изъ конца XIV в., гдѣ великій князь, посылая своихъ пословъ въ Константинополь, даетъ имъ *бѣлыя хартіи* съ привѣшанной великокняжеской печатью, чтобы въ случаѣ надобности написать на нихъ кабалы. Посланцы, благодаря этому, совершали займы у италіянскихъ и восточныхъ купцовъ. Въ XVI в. встрѣчаются такъ называемыя *вѣрчія кабалы*. Стороны выдаютъ ихъ третейскому судьѣ, съ тѣмъ, чтобы послѣдній по рѣшеніи дѣла далъ бы кабалу на виноватаго. Такъ какъ обязательство въ кабалѣ неразрывно связано съ документомъ, то всякій владѣлецъ кабалы можетъ явиться въ судъ и потребовать уплаты по ней. «А кто съ кабалой въ судъ станетъ, тотъ истецъ», сказано въ одномъ юридическомъ актѣ 1678 г. Тѣмъ не менѣе, продолжаетъ почтенный авторъ, кабалы, имѣя многіе существенные признаки бумагъ на предъявителя, встрѣчаются *только* въ формѣ именной, хотя не было принципіальнаго препятствія и для облеченія ихъ въ форму безъименную, какъ это мы видимъ относительно бѣлыхъ хартій. Отсутствіе несовершенныхъ бумагъ на предъявителя въ Россіи авторъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что письменная форма актовъ получила широкое примѣненіе въ то время, когда было уже допущено (хотя и съ ограниченіями) судебное представительство. *Употребленіе настоящихъ бумагъ на предъявителя перешло въ Россію изъ западной Европы;* онѣ были вводимы у насъ распоряженіями государственной власти для цѣлей государственныхъ и ипотечныхъ займовъ (1797 г.—билеты на предъявителя вспомогательнаго банка для выдачи ссудъ подъ залогъ помѣщичьихъ имѣній, 1817 г.—безсрочные государственные займы, 1831 г.—займы срочные, 1836 г.—законъ объ акціонерныхъ обществахъ, 1859 г.—учрежденіе коммерческаго банка, 1860 г.—учрежденіе государственнаго банка, выпускъ 5% банковыхъ билетовъ, 1861 г.—учрежденіе городскаго кредитнаго общества въ С.-Петербургѣ и другихъ городахъ—облигаціи, учрежденіе затѣмъ поземельныхъ банковъ—закладные листы). Облигаціи почти всегда бываютъ на предъявителя; акціи по закону—ст. 2160 т. X ч. 1—должны быть именныя, но по отдѣльнымъ уставамъ акціонерныхъ обществъ, составляющимъ для нихъ спеціальный законъ, акціи могутъ быть выпускаемы и на предъявителя. Въ настоящее время въ Россіи существуютъ

тѣ же формы бумагъ на предъявителя, что и въ другихъ государствахъ Западной Европы, какъ то: билеты государственныхъ займовъ, банковые билеты, серіи, облигаціи желѣзныхъ дорогъ, закладные листы, облигаціи, акціи, чеки, векселя съ бланковымъ индоссаментомъ.

II.

Таковъ въ краткихъ чертахъ историческій очеркъ развитія бумагъ на предъявителя въ названномъ сочиненіи. Изложивъ затѣмъ мнѣнія различныхъ нѣмецкихъ юристовъ о юридическомъ основаніи отвѣтственности, вытекающей изъ цѣнныхъ бумагъ, именно изъ бумагъ на предъявителя, проф. Нерсесовъ, въ догматическомъ очеркѣ ученія объ этихъ бумагахъ, опредѣляетъ *мѣсто*, занимаемое ими въ *системѣ гражданскаго права*, такимъ образомъ, что бумаги на предъявителя стоятъ на рубежѣ вещнаго и обязательнаго права. Въ конечныхъ моментахъ возникновенія и удовлетворенія бумаги на предъявителя примыкаютъ къ обязательственному праву, выражаютъ собою обязательственныя отношенія; въ среднемъ же моментѣ имущественнаго оборота (циркуляціи, негоціи) эти бумаги относятся къ вещному праву, являются реальными предметами, на подобіе всякой res, могутъ быть предметомъ собственности, владѣнія, залога, какъ всякое движимое имущество. Собственность здѣсь предполагается уже въ добросовѣстномъ владѣніи (praesumptio juris et de jure). Эта двойственность юридическаго значенія бумагъ на предъявителя выражается въ формулѣ: *право на документъ и право изъ документа;* первое (вещное право) обусловливается добросовѣстнымъ пріобрѣтеніемъ документа, второе (обязательственное) — простымъ, фактическимъ владѣніемъ. Болѣе подробно *юридическія свойства* бумагъ на предъявителя авторъ резюмируетъ въ слѣдующемъ положеніи: *бумаги на предъявителя суть односторонніе формальныя обязательства, циркулирующія въ оборотѣ на подобіе реальныхъ вещей.*

Терминомъ «*односторонность*» авторъ выражаетъ то, что по вопросу объ основаніи юридической отвѣтственности по бумагамъ на предъявителя онъ придерживается теоріи односторонняго обѣщанія выдавателя бумаги (Kreationstheorie), а не теоріи предполагаемаго договора между выдавателемъ бумаги и ея пріобрѣтателемъ, который въ моментъ возникновенія документа еще и не извѣстенъ. Отсюда вытекаютъ слѣдующія логическія послѣдствія: выдаватель документа долженъ быть право-и-дѣеспособенъ, документъ долженъ имѣть его дѣйствительную подпись, дѣйствительность документа не зависитъ отъ факта принятія (акцепта) его другимъ лицомъ, выдаватель-должникъ по безъименному документу обязанъ, при наступленіи срока, принятое на себя обязательство исполнить въ пользу всякаго владѣльца документа, слѣдовательно, даже и недобросовѣстнаго.

Подъ *формальностью* бумагъ на предъявителя слѣдуетъ разумѣть

отвлеченіе сдѣлки отъ ея побудительной причины—индивидуальной causa, что вызвано желаніемъ облегчить доказательства легитимаціи по нимъ: для пріобрѣтенія и осуществленія права по бумагѣ на предъявителя достаточнымъ основаніемъ служитъ фактъ владѣнія.

Третья составная часть приведеннаго опредѣленія та, что бумаги на предъявителя переходятъ въ гражданскомъ оборотѣ изъ рукъ въ руки подобно другимъ реальнымъ предметамъ, т. е. посредствомъ простой традиціи, traditio.

На основаніи изложеннаго авторъ отличаетъ слѣдующіе *характерные признаки* бумагъ на предъявителя.

Всѣ безъ исключенія бумаги на предъявителя относятся къ *легитимаціоннымъ* бумагамъ, т. е. легатимаціонныя доказательства какъ для кредитора, такъ и для должника облегчены въ нихъ до крайней возможности, что̀ опять (см. выше — формальность) достигается отвлеченіемъ этихъ бумагъ отъ кавзальнаго момента обязательства. Въ противоположность общимъ началамъ гражданскаго права, въ бумагахъ на предъявителя простой *фактъ* владѣнія считается достаточной легитимаціей (правильность держательства) какъ для кредитора, такъ и для должника и должникъ, исполнившій обязательство въ лицѣ *предъявителя* бумаги на предъявителя, освобождается окончательно и безусловно отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности.

Другимъ характернымъ признакомъ бумагъ на предъявителя является то, что онѣ служатъ преимущественно интересамъ *общественнаго довѣрія*— Werthpapiere öffentlichen Glaubens; это значитъ, говоритъ авторъ, что права, возникающія изъ (подобнаго) документа принадлежатъ добросовѣстному владѣльцу безъ всякаго отношенія къ правамъ предшественника. Лицо, пріобрѣтающее bona fide цѣнную бумагу, пріобрѣтаетъ безповоротно права, связанныя съ нею согласно буквальному содержанію ея. Если окажется, что аукторъ не былъ правомѣрнымъ владѣльцемъ бумаги, или causa promittendi обязательства не была выполнена первоначальнымъ пріобрѣтателемъ документа, то это не вліяетъ на права послѣдующаго добросовѣстнаго владѣльца. Слѣдовательно, если при выдачѣ документа валюта не была получена, то должникъ (выдаватель) тѣмъ не менѣе не вправѣ дѣлать возраженія о безденежности выданнаго имъ документа по отношенію къ послѣдующему владѣльцу; подобное возраженіе можетъ имѣть мѣсто лишь между первоначальными, непосредственными соучастниками обязательства. Или, если предшествующій владѣлецъ (auctor) бумаги пріобрѣлъ ее незаконными способами, то отъ этого не страдаютъ права послѣдующаго добросовѣстнаго пріобрѣтателя; должникъ имѣетъ личный искъ противъ непосредственнаго нарушителя его правъ, добросовѣстный же пріобрѣтатель основываетъ свои права на владѣніи документомъ и на его содержаніи. Поэтому правило: nemo plus juris in alium transferre potest, quam ipse habet не примѣнимо къ безъименнымъ бумагамъ, установленнымъ въ интересахъ общественнаго довѣрія; добросовѣстный вла-

дѣлецъ цѣнной бумаги становится собственникомъ ея и въ томъ случаѣ, когда предшественникъ его не былъ таковымъ.

Указанное свойство бумагъ на предъявителя вызвано циркуляціонными функціями ихъ. При самомъ установленіи подобныхъ бумагъ имѣется въ виду, что онѣ не будутъ ограничены интересами первыхъ участниковъ, а, освободившись отъ строго-личныхъ отношеній ихъ, станутъ достояніемъ всего оборота. Преимущество безповоротности, легитимаціонности правъ изъ бумаги на предъявителя дается *послѣдующему* добросовѣстному владѣльцу ея въ виду требованій промышленнаго оборота. Совершенно иное положеніе должника по отношенію къ первому кредитору; противъ сего послѣдняго должникъ можетъ выставить всякаго рода возраженія. Слѣдовательно, взаимныя отношенія *первыхъ* участниковъ документа не могутъ быть опредѣляемы по принципу общественнаго довѣрія, а устанавливаются съ точки зрѣнія исключительно личныхъ отношеній.

Третій характерный признакъ бумагъ на предъявителя тотъ, что бумаги эти принадлежатъ къ категоріи *Presentationspapiere*, т. е. удовлетвореніе по нимъ обусловливается непремѣнно предъявленіемъ документа; должникъ обязанъ удовлетворить кредитора лишь при условіи доставленія ему документа, въ обмѣнъ на самый документъ, слѣдовательно, должникъ не можетъ защищаться противъ требованія предъявителя платежной квитанціей. Такъ какъ держатель бумаги на предъявителя обязанъ показать ее должнику, другими словами долженъ явиться къ должнику за полученіемъ платежа, то нѣмецкіе юристы очень удачно называютъ долгъ, вытекающій изъ цѣнныхъ бумагъ,—Holschuld, въ противоположность общегражданскому документу, долгъ по которому должникъ обязанъ доставить кредитору въ мѣстѣ его жительства,—Bringschuld.

III.

Вотъ существенныя черты бумагъ на предъявителя. Уже изъ вышеизложеннаго можно заключить, что бумаги эти примѣнимы къ такимъ лишь гражданскимъ правамъ, которыя способны къ легкому циркулированію въ оборотѣ. Прежде всего и преимущественно предъявительская форма примѣняется къ *правамъ по обязательствамъ*. Таковы, изъ обязательствъ dare: денежныя обязательства объ уплатѣ извѣстной денежной суммы, въ извѣстный срокъ (чекъ, облигація, банкнотъ); изъ обязательствъ facere: билеты на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ, на театральныя представленія, обѣденныя марки; изъ обязательствъ по договору товарищества: акціи въ акціонерныхъ компаніяхъ и въ товариществахъ на вѣрѣ—коммандитахъ — съ раздѣленіемъ участія товарищей на акціи (эта форма нашимъ проектомъ объ акціонерныхъ обществахъ не допускается).

Но форма на предъявителя можетъ имѣть примѣненіе и къ вещнымъ правоотношеніямъ. Сюда относятся: лотерейные билеты, коносаментъ, фак-

тура, варрантъ; владѣлецъ этихъ документовъ считается собственникомъ вещи, или товара, представителемъ котораго является документъ. Возможно облечь въ предъявительскую форму и закладное право, если нѣтъ спеціальныхъ запрещеній въ законѣ. Примѣрами безъименнаго закладнаго свидѣтельства могутъ служить билеты, выдаваемые изъ ссудной казны императорскаго воспитательнаго дома и изъ частныхъ ломбардовъ на заложенныя въ нихъ вещи; право выкупа заложеннаго имущества принадлежитъ *предъявителю* ломбарднаго билета. Точно также нѣтъ теоретическаго препятствія для облеченія въ предъявительскую форму и закладнаго свидѣтельства, выдаваемаго изъ товарныхъ складовъ; всякій владѣлецъ подобнаго свидѣтельства имѣетъ право, въ случаѣ неисправности должника, просить о публичной продажѣ имущества, находящагося на храненіи въ товарныхъ складахъ.

Что же касается *реальныхъ правъ* на недвижимое имущество, то они не могутъ быть облечены въ форму бумагъ на предъявителя, потому что какъ установленіе вещныхъ правъ на недвижимость, такъ и переходъ ихъ обставлены извѣстными формальностями, несовмѣстимыми съ предъявительской формой. Подобныя формальности вызваны экономическимъ и политическимъ значеніемъ недвижимаго имущества въ жизни народовъ. Сомнѣніе возникаетъ лишь относительно передачи *залоговаго права* (ипотека) на недвижимость. Противники облегченія такой передачи указывали, что оно поведетъ къ мобилизаціи и раздробленію частнаго землевладѣнія, которыя вредно отразятся на народномъ хозяйствѣ, содѣйствуя появленію сельскаго пролетаріата, хотя, съ другой стороны, по мнѣнію самаго автора, облегченіе передачи залоговаго права должно вести къ удешевленію поземельнаго кредита, уменьшая размѣръ процента. На практикѣ, передача ипотеки посредствомъ индоссамента допускается во Франціи, Пруссіи, Сѣверной Америкѣ. Наше законодательство безусловно запрещаетъ передачу закладныхъ на недвижимое имущество по надписи (ст. 1653 т. X, ч. 1, свод. гражд. зак.); поэтому при всякой такой передачѣ необходимо предварительное уничтоженіе прежней закладной и составленіе новаго акта. Остается только возможность перехода залоговаго права въ порядкѣ наслѣдственнаго преемства.

IV.

Указавъ такимъ образомъ, какія гражданскія права могутъ быть облечены въ форму бумагъ на предъявителя, проф. Нерсесовъ вслѣдъ за симъ исчисляетъ *виды бумагъ на предъявителя*, раздѣляя ихъ, по самому содержанію бумагъ, на двѣ большія группы: бумаги, владѣлецъ которыхъ имѣетъ *право требованія* (по обязательству) отъ должника, — *обязательственныя бумаги*, и бумаги, по которымъ владѣльцу предоставляются *какія либо другія права*.

Къ первой группѣ относятся, прежде всего, *денежныя бумаги на*

предъявителя (dare), въ которыхъ обязательство должника выражено въ денежной суммѣ. Большинство бумагъ на предъявителя суть денежныя обязательства. Въ частности къ нимъ принадлежатъ:

1) *Чеки*, вообще приказы на выдачу по предъявленію предъявителю опредѣленной денежной суммы, находящейся на вкладѣ у третьяго лица (банкира). Чекъ является средствомъ зачета (уплаты). Онъ давно употребляется въ Англіи, во Франціи—съ 1865 г. У насъ закона о чекахъ нѣтъ. На практикѣ у насъ право полученія по чеку ограничено трехдневнымъ срокомъ со времени выдачи его, французскій законъ установилъ срокъ отъ 5 до 8 дней. Чекъ свободно переходитъ изъ рукъ въ руки, а должникъ (банкиръ), уплачивая предъявителю чека, освобождается отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности. Чекъ имѣетъ большое сходство съ переводнымъ векселемъ, будучи для трассанта средствомъ обратнаго полученія въ свою или чужую пользу вкладовъ, оставленныхъ у трассата. Въ началѣ и вексель былъ средствомъ уплаты, переводомъ денегъ съ одного мѣста въ другое, коимъ въ средніе вѣка пользовались въ виду опасности пересылки наличныхъ денегъ или нахожденія ихъ у путешествующаго. Въ настоящее время вексель служитъ по преимуществу орудіемъ кредита. *Векселя не* могутъ быть выданы на предъявителя по постановленію всѣхъ положительныхъ законодательствъ европейскихъ народовъ, за исключеніемъ англійскаго, которое допускаетъ векселя на предъявителя. Впрочемъ, прибавляетъ авторъ, векселя съ бланковою надписью *приближаются* къ бумагамъ на предъявителя, потому что правомѣрнымъ кредиторомъ по нимъ считается всякій векселедержатель, такъ какъ невозможно провѣрить правомочіе такого владѣльца по непрерывнымъ, послѣдовательнымъ передаточнымъ надписямъ.

Чеки и векселя суть денежныя бумаги на предъявителя, выпускаемыя частными лицами.

2) *Банкноты*, банковые билеты. Это суть безпроцентныя денежныя обязательства на предъявителя и по предъявленію, выпускаемыя банками съ цѣлью обращенія ихъ въ качествѣ денежныхъ знаковъ. Съ точки зрѣнія происхожденія или возникновенія, банкноты суть, въ отличіе отъ денегъ, частно-правовыя обязательства лица, ихъ выдавшаго, подлежащія реализаціи должникомъ по первому требованію кредитора, не имѣющія принудительнаго курса, который можетъ быть имъ приданъ спеціальнымъ распоряженіемъ правительства. Съ точки зрѣнія экономическо-практической банкноты обращаются *на подобіе* денежныхъ знаковъ, служа орудіемъ мѣны и средствомъ платежа. Добросовѣстный владѣлецъ банкнотъ гарантированъ противъ виндикаціоннаго иска собственника; въ случаѣ гибели или безусловной потери ихъ, банкъ освобождается отъ отвѣтственности по нимъ. Фактъ владѣнія и предъявленія банкнота служитъ единственнымъ легитимаціоннымъ основаніемъ для права требованія по банкнотамъ. Въ Россіи само государство оставляетъ за собой исключительное право выпуска банкнотовъ, которые посему имѣютъ характеръ бумаж-

ныхъ денегъ. Во Франціи, Швеціи, Норвегіи, Даніи и Голландіи существуетъ концессіонная система, по которой выпускъ банкнотовъ предоставляется исключительно одному привилегированному учрежденію; въ нѣкоторыхъ государствахъ — Германіи, Англіи, Италіи, Бельгіи — кромѣ одного привилегированнаго, банкноты выпускаютъ и другія учрежденія. Въ обоихъ случаяхъ выпускъ банкнотовъ въ обращеніе находится подъ контролемъ правительственной власти, въ виду большаго сходства банкнотовъ съ бумажными деньгами.

3) *Облигаціи*. Онѣ выпускаются какъ частными товариществами, такъ и общественными союзами и государствомъ, и представляютъ собою долгосрочный процентный заемъ, срокъ и порядокъ уплаты по которому — погашеніе — заранѣе установлены. Облигаціи, вышедшія (по жребію) въ тиражъ должны быть представлены въ кассу должника для полученія по нимъ денегъ. Обыкновенно въ уставахъ акціонерныхъ компаній, имѣющихъ право выпуска облигаціоннаго займа, говорится, что обезпеченіемъ выпускаемыхъ облигацій служитъ имущество компаній. Такія облигаціи называются пріоритетами, или пріоритетъ—облигаціями. Но тутъ нѣтъ залоговаго права, и такія облигаціи не имѣютъ никакого преимущества при несостоятельности компаніи.

4) *Закладные листы*, Pfandbriefe, Hypothekenbriefe, obligations foncières, выпускаемые поземельными обществами въ размѣрѣ ссудъ, выданныхъ подъ залогъ имущества. По существу они мало отличаются отъ предыдущей категоріи; владѣльцы листовъ имѣютъ лишь обязательственное отношеніе къ банку, ихъ выдавшему; между ними и собственникомъ имущества, въ размѣрѣ стоимости котораго выпущены закладные листы, не существуетъ никакихъ юридическихъ отношеній.

5) *Купоны, дивидендные листы*. Подъ ними разумѣются отдѣльные документы о процентахъ, соединенные съ главнымъ. Если цѣнная бумага приноситъ опредѣленные проценты, то такой придаточный документъ называется купономъ; если же величина процента зависитъ отъ успѣха предпріятія, напр., въ акціи, то документъ называется дивиднымъ купономъ. Купонъ всегда бываетъ на предъявителя, хотя бы главный документъ былъ именной. Это дѣлается въ видахъ облегченія права реализаціи; въ противномъ случаѣ, всякій владѣлецъ главнаго документа долженъ былъ бы лично явиться къ должнику за полученіемъ слѣдующихъ ему процентовъ, или же прибѣгать къ стѣснительнымъ формамъ гражданскаго представительства.

6) *Лотерейные билеты*, именно тѣ, по которымъ обѣщается выигравшему денежная сумма, а не какая либо другая индивидуально-опредѣленная вещь. Право на выигрышъ опредѣляется жребіемъ.

Къ обязательственнымъ бумагамъ на предъявителя, содержащимъ какое либо другое право (facere), а не денежное требованіе, относятся:

1) *Талонъ*. Это добавочный къ главному денежному документу листъ, по которому можно требовать новый купонный или дивидендный листъ,

когда старый уже исчерпанъ. Въ большинствѣ случаевъ представляется должнику талонъ, а не главный документъ, и онъ, не требуя доказательствъ легитимаціи предъявителя, выдаетъ новый процентный листъ. Но если предъявляются одновременно двумя разными лицами талонъ и главный документъ для полученія процентнаго листа, то должникъ обязанъ выдать таковой предъявителю главнаго документа, такъ какъ талонъ, въ качествѣ res accessoria, долженъ слѣдовать судьбѣ главнаго документа; съ погашеніемъ, или прекращеніемъ главнаго обязательства теряетъ юридическую силу и талонъ, который по цѣли своего возникновенія не предназначенъ къ циркуляціи въ промышленномъ оборотѣ, а только замѣняетъ предъявленіе главнаго документа.

2) *Билетъ на проѣздъ* по сухопутнымъ (желѣзнымъ, желѣзно-коннымъ) или водянымъ сообщеніямъ; билеты эти въ рукахъ владѣльца имѣютъ значеніе квитанціи въ учиненіи платежа, и въ то же время съ ними связано право требованія исполненія опредѣленнаго дѣйствія отъ должника.

3) *Билеты*, дающіе право *на входъ* въ общественные суды, музеи, театры....

4) *Билеты*, *марки или карты*, встрѣчаемыя въ обыденной жизни, каковы: обѣденныя марки, билеты на пользованіе ваннами, купальней и т. п.

Бумаги, перечисленныя въ пп. 2, 3 и 4 суть легитимаціонныя въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. предъявительская форма ихъ установлена въ интересахъ облегченія доказательства легитимаціи. Эти билеты, хотя и отличаются отъ настоящихъ бумагъ на предъявителя, но обсуживаются по однѣмъ и тѣмъ же юридическимъ нормамъ.

5) *Традиціонныя бумаги*, т. е. коносаментъ, фактура и варрантъ, иначе называемыя *товаро-распорядительными* и причисляемыя къ обязательственнымъ бумагамъ на предъявителя, поскольку онѣ разсматриваются съ точки зрѣнія отношеній между непосредственными участниками, т. е. исполненія обязательства, принятаго на себя должникомъ, ибо съ точки зрѣнія права владѣльца на цѣнности, представляемыя документомъ, онѣ могутъ быть причислены къ реально-правовымъ бумагамъ; см. ниже.

6) *Страховые полисы*. Подъ страхованіемъ понимается обязательство, принимаемое одной стороной, страховщикомъ, вознаградить другую—страхователя за ущербъ, который можетъ послѣдовать отъ какого либо несчастнаго случая. Законодательства европейскихъ народовъ считаютъ договоръ страхованія именнымъ; въ частности имена страховщика и страхователя должны быть указаны въ договорѣ морскаго страхованія; страхованіе недвижимаго имущества не можетъ быть облечено въ предъявительскую форму; въ нашей судебной практикѣ установилось такое положеніе, что даже передача страховыхъ полисовъ безъ особаго согласія страховщика (Общества) недѣйствительна, такъ какъ страховой договоръ основанъ на личномъ довѣріи органовъ страховаго Общества къ страхователю и къ его заботливости объ отданномъ на страхъ и находящемся въ его владѣ-

ніи имуществѣ. Но *полисы морскаго страхованія* могутъ быть передаваемы изъ рукъ въ руки по надписямъ (и слѣдовательно могутъ быть обращены въ предъявительскія бумаги), такъ какъ при морскомъ страхованіи не можетъ быть рѣчи о заботливости страхователя объ отданномъ на страхъ имуществѣ (товарѣ), находящемся въ движеніи (на морѣ), при чемъ продолжительность страхованія ограничивается временемъ доставленія застрахованнаго товара въ данное мѣсто. Въ то же время законодательства дозволяютъ *страховать товаръ* какъ за свой счетъ, такъ и за счетъ другаго лица—коммитента, препоручителя, личность коего можетъ быть въ договорѣ и не опредѣлена, такъ что страховые убытки будутъ выданы тому, кто явится законнымъ держателемъ коносамента. Наконецъ, могутъ быть выданы на предъявителя и *полисы страхованія жизни*. Въ этомъ страхованіи одна сторона, страховщикъ, обязывается уплачивать опредѣленную сумму денегъ по смерти страхователя другому лицу, которое обыкновенно указывается въ текстѣ полиса самимъ страхователемъ. Но если въ текстѣ страхованія не указана личность выгодопріобрѣтателя и на полисѣ учинена простая бланковая надпись страхователя, то уплата по такому страхованію производится лицу, представившему полисъ, при чемъ Общество не обязано требовать отъ предъявителя полиса удостовѣренія личности. Въ такой формѣ полисъ является бумагой на предъявителя, предназначенной не къ циркулированію въ оборотѣ, а лишь къ облегченію доказательствъ легитимаціи.

7) *Билеты на закладъ движимаго имущества*. Таковы билеты, выдаваемые изъ ссудной казны Императорскаго воспитательнаго дома подъ закладъ цѣнныхъ вещей, билеты, выдаваемые частными ломбардами, ссудными кассами, и т. п. Билеты эти—безъименные, но по желанію закладодателя могутъ быть и именными. Безъименные билеты передаются изъ рукъ въ руки безъ всякихъ формальностей и могутъ быть предметомъ купли-продажи, даренія, заклада и т. п.

8) *Книжки сберегательной кассы*. По нашему закону онѣ именныя, но въ нѣкоторыхъ странахъ Европы ссудосберегательныя книжки обозначаются нумерами, хотя имя перваго взносчика и записывается въ особой книгѣ правленія кассы. Въ такой формѣ книжки становятся безъименнымъ документомъ; всякій предъявитель книжки долженъ быть разсматриваемъ какъ правомѣрный кредиторъ.

Вторая группа бумагъ на предъявителя будетъ та, гдѣ содержаніемъ документа является не право требованія по обязательству, а какое либо другое право. Бумаги этой группы можно раздѣлить на двѣ категоріи: цѣнныя бумаги, содержаніе которыхъ составляютъ права корпоративныя (акціи) и содержаніе которыхъ суть реальныя права.

Первая категорія. Подъ *акціей* понимается воплощенное въ документѣ право участія въ товарищескомъ предпріятіи. Акціонерная форма считается излюбленной и преобладающей въ современной промышленной жизни. Удобства ея заключаются въ томъ, что съ небольшими средствами можно участ-

вовать въ выгодахъ крупнаго предпріятія, при чемъ по первому желанію можно выступить изъ общаго дѣла, посредствомъ продажи имѣющихся въ рукахъ акцій, такъ какъ отвѣтственность каждаго участника за обязательства компаніи ограничивается опредѣленнымъ вкладомъ (акціями) и не распространяется на другое имущество его. Форма товарищества съ ограниченной отвѣтственностью отдѣльныхъ участниковъ очень пригодна въ такихъ предпріятіяхъ, въ коихъ рискъ не по средствамъ единичныхъ предпринимателей.

Возникновеніе первыхъ акціонерныхъ компаній можно отнести къ началу XVII в. (остъ-индская компанія въ Голландіи 1602 г., знаменитая англійская остъ-индская компанія 1613 г. и другія). Акціи ихъ были именныя. Впервые появились акціи на предъявителя съ учрежденіемъ *Джономъ Ло* учетнаго банка во Франціи въ 1716 г.

Предъявительская форма акцій имѣетъ и свои невыгодныя стороны, а именно: она даетъ богатую пищу биржевой игрѣ. Чтобы препятствовать, по возможности, биржевой игрѣ съ акціями, дѣйствующія законодательства опредѣляютъ минимальную стоимость акціи (въ Германіи — 1,000 марокъ, въ исключительныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія союзнаго совѣта — не менѣе 200 марокъ (именныя), во Франціи отъ 100 до 500 франковъ).

Въ каждой акціи необходимо обозначить величину основнаго капитала, номинальную стоимость акціи, цѣль и форму предпріятія. Документъ долженъ быть подписанъ представителемъ компаніи, согласно уставу.

Акція существенно отличается отъ облигаціи. Первая есть доля участія въ товарищескомъ предпріятіи, вторая есть долгосрочный заемъ компаніи. Акція даетъ лишь право на дивидендъ, величина котораго колеблется въ зависимости отъ успѣха акціонернаго предпріятія, а облигація даетъ владѣльцу заранѣе опредѣленный процентъ. Акціонеръ, какъ хозяинъ предпріятія, участвуетъ въ управленіи дѣлами компаніи посредствомъ участія въ общихъ собраніяхъ; облигаціонеръ же, какъ кредиторъ, какъ лицо постороннее, обыкновенно правомъ голоса въ общихъ собраніяхъ не пользуется.

Временныя свидѣтельства или росписки (Promessen, Interimsscheine, récépissé de souscription), выдаваемыя до полнаго взноса подписной суммы на акціи, бываютъ только именныя, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, многіе, подписываясь на акціи, не имѣли бы серьезнаго намѣренія помѣщать свои сбереженія въ данное предпріятіе, а руководствовались бы спекулятивными цѣлями; акціи выдаются подписчику лишь послѣ внесенія всей подписной суммы.

По нашему законодательству — ст. 2163, т. X, ч. I — безъименныя денежныя свидѣтельства запрещаются. Наше законодательство не знаетъ и акцій на предъявителя; акціи могутъ быть только именныя—ст. 2160, т. X, ч. I; но изъ этого правила, какъ выше сказано, допущены изъятія отдѣльными уставами акціонерныхъ компаній.

Вторая категорія. Къ бумагамъ на предъявителя, содержаніе которыхъ составляетъ какое либо вещное право, относятся уже упомянутыя выше *традиціонныя бумаги*, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія документовъ на право распоряженія обозначенными въ нихъ товарами. Владѣніе и передача этихъ бумагъ равносильны владѣнію и передачѣ товара, въ нихъ обозначеннаго; благодаря имъ, облегчается возможность обращенія товаровъ, находящихся въ движеніи, на пути или на храненіи въ товарныхъ складахъ; иногда совершаются различныя сдѣлки между лицами, вовсе не видавшими товара, а дѣйствующими лишь на основаніи тѣхъ свѣдѣній, кои заключаются въ распорядительныхъ бумагахъ. Къ традиціоннымъ бумагамъ относятся:

1) *Накладная*, lettre de voiture, Ladeschein. Подъ накладной разумѣется письменный документъ, по которому одна сторона принимаетъ на себя обязанность доставить товаръ въ опредѣленный пунктъ сухимъ путемъ или по внутреннимъ водянымъ сообщеніямъ [3]). Изъ этого документа возникаютъ отношенія между тремя лицами: отправителемъ товара (экспедиторомъ), перевозчикомъ (фрахтовщикомъ) и получателемъ товара (дестинатаріемъ, адрессатомъ). Отправитель можетъ быть въ то же время и получателемъ. Отправитель можетъ быть собственникомъ товара, коммиссіонеромъ или приказчикомъ другаго; получатель можетъ быть также коммиссіонеромъ или повѣреннымъ отправителя. Все это не вліяетъ на внутреннія правоотношенія сторонъ, вытекающія изъ документа, т. е. на право распоряженія отправленнымъ съ накладной товаромъ. Перевозчикъ обязанъ сдать кладь въ цѣлости и сохранности адрессату при условіи возвращенія ему накладной. Для перевозчика законный владѣлецъ накладной есть и правомѣрный распорядитель клади, хозяинъ ея.

По постановленію положительныхъ законодательствъ накладная есть именная бумага; въ ней должны быть обозначены имена отправителя и получателя. Слѣдовательно, передача накладной происходитъ посредствомъ cessio; но она можетъ быть и въ формѣ ордерной бумаги («такому-то или по *его приказу*»); тогда накладная переходитъ по передаточной надписи (полной или бланковой); и уполномоченнымъ на полученіе товара считается тотъ, кому накладная передана по надписи. Далѣе, по теоріи нѣтъ препятствій къ тому, чтобы адрессатъ былъ означенъ въ формѣ предъявителя; въ такомъ случаѣ накладная будетъ переходить не посредствомъ cessio или индоссамента, а простой передачей, и уполномоченнымъ будетъ считаться всякій предъявитель накладной. По своей экономической и юридической природѣ накладная сходна съ коносаментомъ, который можетъ быть въ формѣ на предъявителя. Ст. 57 и ст.

---

3) Обыкновенно отправитель выдаетъ перевозчику накладную за своею подписью и получаетъ дубликатъ ея за подписью перевозчика. Въ общ. уст. рос. ж. д., ст. 62, 78, второй экземпляръ накладной называется дубликатомъ, а въ уставахъ транспортныхъ конторъ онъ именуется квитанціей.

78 и 4 общ. уст. рос. ж. д. признаетъ двѣ формы накладной: именную и на предъявителя.

2) *Коносаментъ* или грузовая роспись, Konossement, le connaissement отличается отъ накладной тѣмъ, что предметъ обязательства есть перевозка товара моремъ. Здѣсь также участвуютъ три лица: отправитель товара (которымъ можетъ быть и не хозяинъ его), шкиперъ корабля и получатель. Послѣдній, имѣя въ рукахъ коносаментъ, считается не простымъ повѣреннымъ отправителя, а самостоятельнымъ управомоченнымъ по документу. Передача коносамента производитъ тѣ же юридическія послѣдствія, какъ передача самаго товара, обозначеннаго въ немъ. Коносаментъ, по нѣкоторымъ законодательствамъ (германскому и русскому—ст. 328, 336 уст. т.), можетъ быть только именной бумагой (въ формѣ простой именной или ордерной); французскій же code de commerce, ст. 281, признаетъ три вида коносамента: à ordre, au porteur et à personne dénommée.

3) *Складочное свидѣтельство,* warrant, Lagerschein, есть документъ, удостовѣряющій принятіе товара на храненіе, съ тѣмъ чтобы выдать его правомѣрному владѣльцу документа. Учрежденіе товарныхъ складовъ, Lagerhaus, magasins généraux, въ западной Европѣ относится къ концу прошлаго столѣтія, но получило законодательную регламентацію въ нынѣшнемъ. У насъ положеніе о товарныхъ складахъ появилось лишь по закону 30 марта 1888 г. Свидѣтельства о пріемѣ товаровъ на храненіе бываютъ или простыя въ одномъ экземплярѣ (Англія, Голландія, Австрія, Испанія) или двойныя (Германія, Франція, Италія, Бельгія).

Двойное свидѣтельство состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ документовъ: *складочнаго свидѣтельства,* Lagerschein, récépissé, fede di deposito, предоставляющаго владѣльцу право собственности на данный товаръ, и *закладнаго свидѣтельства,* Lagerpfandschein, warrant или cédul, fede di pegno, предоставляющаго владѣльцу право заклада на товаръ. Удобство двойнаго свидѣтельства заключается въ томъ, что оба документа могутъ циркулировать по разнымъ рукамъ. Если за полученіемъ товара явится владѣлецъ складочнаго свидѣтельства, не имѣющаго въ рукахъ закладнаго свидѣтельства, то товаръ выдается не иначе, какъ получивъ отъ него обезпеченіе на удовлетвореніе владѣльца закладнаго свидѣтельства; если же явится владѣлецъ закладнаго свидѣтельства, не получившій въ срокъ удовлетворенія по главному обязательству, то товаръ подвергается публичной продажѣ для его удовлетворенія, и сумма, оставшаяся за удовлетвореніемъ, сохраняется въ кассѣ общества для врученія по принадлежности владѣльцу складочнаго свидѣтельства.

Какъ простое, такъ и двойное складочное свидѣтельство можетъ быть именное, притомъ въ формѣ ордерной бумаги или же на предъявителя. У насъ по положенію о товарныхъ складахъ только простое свидѣтельство можетъ быть въ формѣ бумаги на предъявителя, двойное же должно быть именнымъ (ст. 42 полож.).

Варрантъ, по аналогіи съ коносаментомъ и накладной, предоставляетъ владѣльцу распоряженіе даннымъ товаромъ на правахъ собственника. Обязанность выдачи товара, находящагося на храненіи, существуетъ лишь при условіи предъявленія документа; слѣдовательно, какъ самое право собственности, такъ и передача онаго неразрывно связаны съ владѣніемъ документомъ.

Промышленный оборотъ знаетъ и нѣкоторые другіе виды бумагъ на предъявителя, съ владѣніемъ которыми связывается какое либо вещное право; таковы, наприм., *багажная квитанція* на отправленный по желѣзнымъ дорогамъ багажъ, *приказъ на отпускъ или выдачу извѣстнаго товара*, Waarenanweisung, и т. п.

V.

Право выдачи бумагъ на предъявителя есть важнѣйшій юридико-догматическій вопросъ изъ всѣхъ вопросовъ, коими занимается сочиненіе проф. Нерсесова. Бумаги на предъявителя выдаются частными лицами, товариществами, общественными союзами. Вопросъ возникаетъ именно относительно права *частныхъ лицъ* выпускать въ обращеніе бумаги на предъявителя. Авторъ обозрѣваетъ постановленія положительныхъ законодательствъ относительно этого вопроса, изъ чего оказывается слѣдующее:

Во Франціи кодексъ Наполеона (ст. 1121 и 1165) *повидимому*, какъ говоритъ авторъ, признаетъ недѣйствительными выданныя частными лицами обязательства на предъявителя. Въ то же время тамъ существуетъ законъ, воспрещающій пускать въ обращеніе лишь такіе билеты на предъявителя, которые имѣютъ цѣлью замѣнять деньги (монету). Относительно Германіи авторъ придерживается мнѣнія тѣхъ юристовъ, которые признаютъ за частными лицами право выдавать бумаги на предъявителя, если только нѣтъ спеціальнаго законодательнаго запрещенія относительно извѣстныхъ бумагъ или если такое ихъ запрещеніе не вытекаетъ изъ существа самаго обязательства. Изъ этого рода запрещеній, существующихъ въ Пруссіи, Саксоніи и Австріи, авторъ выводитъ недѣйствительность обязательствъ на предъявителя съ обѣщаніемъ опредѣленной денежной суммы; другими словами, частнымъ лицамъ воспрещается только выдача *денежныхъ безыменныхъ бумагъ*, для которыхъ, по мнѣнію Унгера, требуется правительственное разрѣшеніе. Всякія же другія бумаги на предъявителя, выданныя частными лицами, должны быть признаны дѣйствительными по общегражданскому праву (стр. 129). Никакихъ сомнѣній не возбуждаетъ только Англія и Сѣверная Америка, въ которыхъ законодательство дозволяетъ *векселя на предъявителя*, а слѣдовательно тамъ существуетъ свобода въ выдачѣ частными лицами бумагъ на предъявителя,—форма, извѣстная въ Англіи съ начала XVIII в. Но и въ Англіи, въ виду появленія въ предъявительской формѣ множе-

ства цѣнныхъ бумагъ на мелкія суммы, законъ 1808 г. объявилъ недѣйствительными векселя и другіе долговые документы на сумму менѣе 20 шиллинговъ. Проектъ общегерманскаго гражданскаго уложенія признаетъ, какъ общее правило, свободный выпускъ частными лицами безъименныхъ бумагъ, за исключеніемъ тѣхъ, содержаніе которыхъ составляетъ обѣщаніе уплаты опредѣленной денежной суммы. Къ этому же сводится приводимое авторомъ мнѣніе Побѣдоносцева (Курсъ гражд. пр. ч. III, стр. 247), по которому ограниченіе свободы частныхъ лицъ въ выпускѣ бумагъ на предъявителя можетъ имѣть мѣсто лишь относительно денежныхъ бумагъ на предъявителя, которыя выпускаются съ цѣлью функціонированія въ качествѣ денежныхъ знаковъ, каковое ограниченіе оправдывается финансовыми соображеніями государственной власти. Опираясь на мнѣніе Побѣдоносцева, авторъ дѣлаетъ выводъ, что за частнымъ лицомъ остается право выпуска всякихъ другихъ бумагъ на предъявителя, не подходящихъ подъ понятіе денежныхъ знаковъ.

Опасеніемъ конкурренціи частныхъ безъименныхъ кредитныхъ бумагъ съ государственными бумажными деньгами и могущаго произойти отсюда колебанія въ публичномъ экономическомъ оборотѣ объясняется изданный у насъ 23 ноября 1870 г. законъ, вошедшій въ видѣ дополненія къ ст. 1150 ул. о нак. (ст. 1150[1]), слѣдующаго содержанія: «частнымъ лицамъ и обществамъ воспрещается выпускать безъименные денежные знаки въ видѣ марокъ, квитанцій, ярлыковъ и всякихъ другихъ знаковъ или обязательствъ на предъявителя, содержащіе въ себѣ обѣщаніе опредѣленной суммы деньгами, припасами или *другими предметами*. Изъ сего исключаются чеки, вклады, банковые билеты и всякія обязательства, выпускаемыя обществами, товариществами и тому подобными учрежденіями на точномъ основаніи ихъ уставовъ».

Приведя текстъ этого постановленія по полному собранію законовъ, авторъ говоритъ, что, судя по первымъ словамъ закона, имѣлось въ виду запретить только такія денежныя безъименныя бумаги, которыя выпускаются частными лицами въ видѣ денежныхъ знаковъ. Но по неопредѣленности и неточности редакціи всего закона вытекаетъ, что всякіе документы на предъявителя, выдаваемые частными лицами, недѣйствительны. Такой выводъ не оправдывается ни мотивомъ закона, ни условіями дѣйствительной жизни, въ которой безпрепятственно циркулируетъ масса чисто-легитимаціонныхъ безъименныхъ документовъ въ видѣ билетовъ, марокъ, приказовъ и т. п. (стр. 134). Дѣйствительно, недоразумѣніе возникаетъ, если имѣть въ виду текстъ статьи по полному собранію законовъ. Между тѣмъ, по изданію 1885 г. ул. о нак. ст. 1150[1] читается такъ: виновный въ противозаконномъ выпускѣ въ обращеніе безъименныхъ денежныхъ знаковъ, независимо отъ обязанности немедленнаго, по предъявленію, обмѣна оныхъ на наличныя деньги и вознагражденія за причиненные симъ выпускомъ убытки, подвергается.... Если денежные знаки выпущены товариществомъ или обществомъ, то личной отвѣтственности

подвергаются управляющіе дѣлами того товарищества или общества, а имущественная отвѣтственность падаетъ на цѣлый составъ послѣдняго и т. д. Въ этой редакціи о *припасахъ и другихъ предметахъ* уже не упоминается, и недоразумѣнію, слѣдовательно, нѣтъ мѣста.

VI.

Характерныя особенности бумаги на предъявителя сказываются не столько въ созданіи ея, creatio, а въ ея *обращеніи*, циркуляціи, гдѣ бумага на предъявителя разсматривается не какъ обязательство, а какъ вещь, переходъ которой изъ рукъ въ руки облегченъ во всѣхъ отношеніяхъ: это есть нѣчто хотя «цѣнное», но до крайности подвижное, летучее. Въ самомъ дѣлѣ, только первый кредиторъ пріобрѣтаетъ бумагу на предъявителя по титулу собственности; послѣдующіе же пріобрѣтатели становятся хозяевами бумаги на основаніи добросовѣстнаго владѣнія, которое *исключаетъ* собственность, такъ сказать беретъ верхъ надъ ней: кто пріобрѣтаетъ бумагу bona fide и не отъ собственника становится тѣмъ не менѣе безповоротнымъ распорядителемъ документа, и всѣ существовавшія до него вещныя права, неизвѣстныя добросовѣстному пріобрѣтателю, не имѣютъ для него юридической силы. *Добросовѣстное владѣніе*—вотъ то юридическое основаніе, которое опредѣляетъ отношенія контрагентовъ при переходахъ бумагъ на предъявителя изъ рукъ въ руки.

Цѣнныя бумаги на предъявителя, въ своемъ обращеніи, могутъ быть предметомъ различныхъ гражданскихъ сдѣлокъ, на основаніи которыхъ переносится или право окончательнаго распоряженія бумагой на другое лицо или же только право временнаго владѣнія и пользованія.

1) Право собственности на цѣнныя бумаги пріобрѣтается посредствомъ продажи, дара и наслѣдованія. Чаще всего встрѣчается купля—продажа. Какъ уже сказано, здѣсь защищается на первомъ планѣ принципъ добросовѣстнаго владѣнія. Покупщикъ становится собственникомъ бумаги не съ момента соглашенія о покупкѣ, а съ момента *врученія* цѣнной бумаги. Вообще, отношенія покупщика и продавца цѣнной бумаги обсуживаются по договору купли—продажи движимыхъ вещей (генерическихъ, опредѣляемыхъ родомъ, количествомъ и качествомъ). Продавецъ отвѣчаетъ за скрытые пороки, напр., если передается цѣнная бумага подложная или вышедшая въ тиражъ; договоръ можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ на основаніи error in rem. За гибель или потерю цѣнной бумаги, если предметъ и цѣна договора индивидуализированы, напр., если обозначена цѣна и нумера бумагъ (посланъ счетъ на проданныя бумаги съ обозначеніемъ нумеровъ, а самыя бумаги, отправленныя по почтѣ, утеряны) отвѣтственность несетъ покупщикъ, хотя бы передача бумагъ еще и не произошла; въ противномъ случаѣ рискъ падаетъ на продавца, и только съ момента передачи предмета сдѣлки договоръ считается совершеннымъ.

2) Бумаги на предъявителя могутъ быть предметомъ *узуфрукта*, т. е. пользованія бумагой, съ обязательствомъ salva rei substantia. На вопросъ, имѣетъ ли право узуфруктуарій на выигрышъ, если таковой выпадетъ на цѣнную бумагу, находящуюся въ его пользованіи, авторъ отвѣчаетъ утвердительно. Узуфруктъ есть возможно полная форма пользованія чужой вещью, съ обязательствомъ лишь сохраненія существа вещи, такъ что у собственника остается nuda proprietas; слѣдовательно, онъ распространяется и на всякаго рода выгоды, на которыя годна данная вещь, какъ на естественные, такъ и на юридическіе плоды вещи. Право выигрыша или преміи, тѣсно связанное съ документомъ, и составляетъ подобіе такихъ fructus civiles.

3) Цѣнныя бумаги на предъявителя могутъ быть предметомъ *заклада*, который установляется посредствомъ неформальнаго договора между закладодателемъ и закладопринимателемъ и врученіемъ первымъ послѣднему самой бумаги. Общее правило, что закладывать можетъ только собственникъ вещи, видоизмѣнилось въ области торговаго права, которое имѣетъ своей главной цѣлью не столько защиту собственности въ ея формально-логической конструкціи, сколько защиту интересовъ кредита, добросовѣстности. Кто добросовѣстно беретъ чужой товаръ въ закладъ, тотъ пріобрѣтаетъ на него исключительное право, безъ всякаго отношенія къ праву предшественника. Если даже товаръ прежде былъ заложенъ другому, но не переданъ, то это обстоятельство не вліяетъ на право втораго кредитора, которому заложенный товаръ врученъ. Это видоизмѣненіе идетъ еще дальше въ дѣлѣ бумагъ на предъявителя, относительно которыхъ въ общегерм. торг. уложеніи, ст. 307, прямо сказано, что защита добросовѣстнаго пріобрѣтателя примѣняется къ бумагамъ на «предъявителя» и въ томъ случаѣ, если эти бумаги отчуждены или заложены лицомъ, не занимающимся въ видѣ промысла торговлею, а равно если онѣ украдены или утеряны.

4) Цѣнныя бумаги могутъ быть предметомъ *ссуды* (безвозмездное пользованіе), напр., при договорахъ подряда и поставки,

5) *найма* за опредѣленную плату — при тѣхъ же договорахъ, при биржевыхъ операціяхъ или для пріобрѣтенія большаго числа голосовъ на общихъ собраніяхъ акціонеровъ (стр. 146).

Наконецъ 6) онѣ могутъ быть предметомъ *поклажи*, при чемъ должны быть, конечно, обозначены всѣ признаки этихъ бумагъ.

Такъ какъ по бумагѣ на предъявителя должникъ обязался исполнить обѣщаніе всякому предъявителю документа, то для *осуществленія* права по бумагѣ на предъявителя—взыскателя достаточно управомочиваетъ голый фактъ владѣнія документомъ; должникъ не имѣетъ ни права, ни обязанности требовать отъ предъявителя бумаги доказательства легитимаціи, такъ что можетъ случиться, что взыскатель по предъявительской бумагѣ не будетъ ни настоящимъ кредиторомъ, ни его уполномоченнымъ. Доказательствомъ исполненія по бумагѣ на предъявителя служитъ только воз-

вращеніе бумаги въ руки должника или надпись на самой бумагѣ. Возраженія возможны противъ перваго кредитора, но не противъ послѣдующихъ пріобрѣтателей. Но если должнику извѣстно незаконное владѣніе предъявителя, то онъ вправѣ и обязанъ уклониться отъ исполненія, въ противномъ случаѣ онъ отвѣчаетъ передъ законнымъ владѣльцемъ за mala fides.

VII.

Прекращеніе. Естественный способъ прекращенія правъ, вытекающихъ изъ бумагъ на предъявителя, есть *исполненіе* обязательства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *уничтоженіе* самаго документа или по крайней мѣрѣ надпись о платежѣ, въ противномъ случаѣ предъявитель вправѣ требовать вновь удовлетворенія по документу.

Къ способамъ прекращенія принадлежитъ и *давность* (исковая),—у насъ десятилѣтняя, а по иностраннымъ законодательствамъ, относительно осуществленія правъ по бумагѣ на предъявителя — 30-лѣтняя, относительно же срочныхъ процентовъ или дивидендовъ—отъ 3 до 5 лѣтъ.

Изъ того, что право кредитора по бумагѣ на предъявителя опредѣляется фактомъ добросовѣстнаго владѣнія документомъ, каковой фактъ беретъ верхъ даже надъ притязаніями собственника, вытекаетъ заключеніе, не благопріятное для сего послѣдняго: дѣйствительный собственникъ, лишившійся принадлежащихъ ему цѣнныхъ бумагъ вслѣдствіе потери, воровства, обмана, непреодолимой силы (пожара, наводненія и проч.), теряетъ безповоротно и право, неразрывно связанное съ даннымъ документомъ. Но положительныя законодательства смягчаютъ ригоризмъ этого положенія, допуская въ нѣкоторыхъ случаяхъ *виндикацію*, а при совершенной потерѣ цѣнныхъ бумагъ и *амортизацію* ихъ.

VIII.

Примѣненіе *виндикаціи* къ цѣннымъ бумагамъ, какъ къ обыкновеннымъ движимымъ вещамъ, противорѣчитъ интересамъ добросовѣстнаго владѣнія и оборота; полное же исключеніе виндикаціи безъименныхъ бумагъ, какъ необходимое послѣдствіе ихъ природы, идетъ въ разрѣзъ съ интересами собственника, быть можетъ помѣстившаго въ этихъ бумагахъ свои послѣднія сбереженія. Эта дилемма удачнѣе всего разрѣшена французскимъ закономъ 15 іюля 1872 г., толчекъ къ изданію котораго былъ данъ въ особенности инсуррекціоннымъ движеніемъ парижской коммуны 1871 г., когда возникло множество случаевъ лишенія собственниковъ принадлежащихъ имъ цѣнныхъ бумагъ.

Законъ 15 іюля даетъ защиту собственнику не только въ случаяхъ воровства или потери, какъ это имѣло мѣсто по ст. 2279 и 2280 code civ., но и въ случаяхъ обмана, мошенничества, злоупотребленія довѣріемъ и т. п.

Формальности, требуемыя новымъ закономъ, имѣютъ въ виду: во 1-хъ, остановить выдачу должникомъ дивиденда по данной бумагѣ, а также и капитала, если требованіе таковаго возможно, и во 2-хъ, препятствовать дальнѣйшему обращенію спорныхъ бумагъ въ промышленномъ оборотѣ. Съ этой двоякой цѣлью собственникъ дѣлаетъ два самостоятельныя заявленія чрезъ посредство судебнаго пристава (huissier): одно должнику и другое синдикату фондовыхъ маклеровъ въ Парижѣ (agents de change). Въ заявленіяхъ указываются: a) время и способъ пріобрѣтенія права собственности на бумаги, b) время и мѣсто полученія въ послѣдній разъ дивиденда по нимъ и c) обстоятельства, при которыхъ собственникъ лишился владѣнія ими. Синдикатъ маклеровъ, по полученіи заявленія, немедленно публикуетъ нумера спорныхъ цѣнныхъ бумагъ въ спеціальной для этой цѣли газетѣ—Bulletin officiel des oppositions sur les titres au porteur. Эта газета получается обязательно на всѣхъ французскихъ биржахъ, такъ что всякому маклеру легко навести немедленную справку о бумагахъ на предъявителя, порученныхъ ему для продажи.

Должникъ, по полученіи заявленія отъ собственника, не вправѣ выдавать стороннему предъявителю спорной бумаги ни дивиденда, ни бумаги. При исполненіи извѣстныхъ условій, собственнику можетъ быть выданъ какъ капиталъ, такъ и проценты, а равно дубликатъ бумаги въ случаѣ совершеннаго ея уничтоженія.

Таковы вкратцѣ постановленія закона 15 іюля 1872 г. объ отношеніи собственника къ должнику, выпустившему бумаги на предъявителя. По отношенію къ недобросовѣстному владѣльцу собственникъ имѣетъ какъ личный, такъ и виндикаціонный искъ въ теченіи 30 лѣтъ. Что касается добросовѣстнаго владѣнія бумагами на предъявителя, то покупатель ихъ,—если въ промежутокъ времени между заключеніемъ сдѣлки и передачей спорныхъ бумагъ были публикованы нумера таковыхъ, — вправѣ отказаться отъ полученія ихъ. Въ противномъ случаѣ онъ совершаетъ неосторожность и обязанъ возвратить бумаги собственнику, учинившему заявленіе, безъ права требовать эквивалентъ. Бумаги, купленныя послѣ публикаціи нумеровъ ихъ, подлежатъ, конечно, безусловной виндикаціи со стороны собственника.

Въ законѣ 1872 года установлены также соотвѣтствующія правила объ отвѣтственности посредничающихъ обыкновенно при сдѣлкахъ фондовыхъ маклеровъ,—опять въ зависимости отъ публикаціи въ Bulletin officiel и передачи или непередачи бумагъ; судебная же практика правила эти распространила на банкировъ, мѣнялъ и т. п. лицъ.

По отношенію къ билетамъ французскаго банка (банкноты) виндикація не допускается, такъ какъ банкноты замѣняютъ собою металлическія деньги.

Въ германскомъ законодательствѣ не существуетъ подробныхъ правилъ о виндикаціи, подобныхъ французскому закону 1872 г. Такъ, прусское

земское уложеніе (ч. I, тит. 15, § 47) вообще исключаетъ виндикацію бумагъ и документовъ на предъявителя, пока они не превращены въ именныя. То же дѣлаютъ австрійское, саксонское, баварское законодательства. Большею опредѣленностію и точностію отличается ст. 307 общегерм. торг. ул., приведенная выше, принципъ коей вошелъ и въ проектъ общегерм. гражд. улож., а именно: что отъ добросовѣстнаго владѣльца не могутъ быть отбираемы безъименныя бумаги, хотя бы онѣ были краденыя (§ 879).

IX.

Амортизація или мортификація безъименныхъ бумагъ (погашеніе, умерщвленіе). Когда безъименный документъ безусловно потерянъ или уничтоженъ вслѣдствіе несчастнаго случая, то послѣдній владѣлецъ его подаетъ въ судъ заявленіе съ просьбою о признаніи этихъ бумагъ амортизированными. Въ заявленіи необходимо по возможности указать индивидуальные признаки документа (нумеръ серіи и т. п.), доказать, что проситель былъ послѣднимъ владѣльцемъ, и привести обстоятельства, подтверждающія погибель документа. Понятно, нельзя доказывать до *очевидности,* достаточно доказательства до степени *вѣроятности.* Послѣ этого дѣлается публикація въ вѣдомостяхъ, и если по истеченіи опредѣленнаго времени не поступило отъ третьяго лица какое либо заявленіе (при поступленіи заявленія стороны должны доказывать свое право исковымъ порядкомъ), то судъ постановляетъ опредѣленіе о признаніи данныхъ бумагъ амортизированными, которое влечетъ за собою слѣдующія послѣдствія:

1) Проситель не вправѣ требовать отъ должника дубликатъ бумаги, новый купонный листъ или талонъ. Вслѣдствіе амортизаціи, добросовѣстный держатель, въ руки котораго можетъ попасть документъ, теряетъ право кредитора по иску, и должникъ не долженъ производить уплату и по документу (Zahlungssperre, задержаніе удовлетворенія).

2) Проситель можетъ требовать отъ должника срочные проценты или срочную премію.

3) Въ срокъ документа проситель вправѣ получить капиталъ безъ представленія какого либо обезпеченія.

4) По документамъ безсрочнымъ иногда выдается дубликатъ погашенной бумаги.

5) Во все время судебнаго производства пріостанавливается теченіе исковой давности.

X.

У насъ распространеніе бумагъ на предъявителя усилилось въ особенности со второй половины 50 годовъ. Спеціальнаго законоположенія

о виндикаціи утерянныхъ или похищенныхъ бумагъ у насъ нѣтъ. Практика руководствуется ст. 534 и 1512, а также 609 и 1664 зак. гр. X т., I ч., согласно которымъ цѣнныя бумаги, какъ движимыя вещи, подлежатъ виндикаціи по иску собственника, не обращая вниманія на то, какимъ способомъ (добросовѣстно или нѣтъ) пріобрѣтено владѣніе отвѣтчика.

Такой характеръ нашего законодательства противорѣчитъ, говоритъ авторъ, экономической природѣ безъименныхъ бумагъ и крайне стѣснителенъ для оборота. Опасность, тяготѣющая надъ добросовѣстнымъ пріобрѣтателемъ безъименныхъ бумагъ, будетъ смертельнымъ ударомъ, по вѣрному (какъ признаетъ авторъ) замѣчанію проф. Цитовича, для публичнаго кредита, въ цѣляхъ котораго по преимуществу создаются бумаги на предъявителя.

Но, не смотря на существованіе вышеприведенныхъ постановленій гражданскаго законодательства, не благопріятныхъ для добросовѣстнаго владѣльца безъименныхъ бумагъ, интересы оборота мало по малу стали находить защиту и въ нашемъ законодательствѣ. Такъ, съ выпускомъ (13 ноября 1864 г.) 1 внутр. съ выиграшами займа въ 100 милліон. руб. въ 5% безъименныхъ билетахъ, увеличился на фондовомъ рынкѣ наплывъ бумагъ на предъявителя. Съ тѣмъ вмѣстѣ потребность оградить довѣріе публики къ новымъ знакамъ кредита, посредствомъ обезпеченія права добросовѣстнаго пріобрѣтателя ихъ, сдѣлалась насущной. И вотъ законъ 17 мая 1865 г. постановилъ: 1) билеты безъименные передаются изъ рукъ въ руки; владѣльцемъ ихъ считается держатель билета; 2) объявленія объ утратѣ купоновъ или купонныхъ листовъ, принадлежащихъ къ государственнымъ процентнымъ банковымъ билетамъ, вовсе не принимаются. Какъ самъ авторъ излагаемаго сочиненія, такъ и позднѣйшая (съ 1880 г.) кассаціонная практика толкуютъ этотъ отличающійся неточностью и темнотою законъ въ томъ смыслѣ, что держатели безъименныхъ билетовъ считаются ихъ собственниками, свободными отъ чьего либо вещнаго иска, и что подъ терминомъ «держатель» слѣдуетъ понимать добросовѣстнаго владѣльца, когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ между нимъ и собственникомъ, и простаго детентора, когда имѣется въ виду отношеніе его къ должнику.

Наше законодательство не даетъ общихъ постановленій и на случай уничтоженія, истребленія и вообще пропажи безъименныхъ бумагъ. Существуютъ только въ отдѣльныхъ уставахъ спеціальныя правила о возможности полученія капитальнаго долга или новаго безъименнаго билета въ случаяхъ уничтоженія оригинала, если до истеченія срока публикаціи никто не предъявитъ утраченнаго документа.

При массѣ циркулирующихъ въ жизни бумажныхъ цѣнностей, такъ заканчиваетъ авторъ свое изслѣдованіе, вопросъ о законодательномъ регулированіи ихъ является настоятельнымъ; съ одной стороны, необходимо содѣйствовать безпрепятственному обращенію бумагъ на предъявителя

огражденіемъ правъ добросовѣстнаго владѣльца, съ другой стороны нужно дать цѣлесообразныя средства для защиты интересовъ собственника въ случаяхъ похищенія, потери и истребленія принадлежащихъ ему бумагъ.

X.

Въ предъидущей передачѣ книги проф. Нерсесова я желалъ представить, хотя вкратцѣ, возможно полно ея содержаніе. Интересъ этого послѣдняго и сжатость изложенія автора книги являются причиною того, что моя передача приняла довольно большіе размѣры: многія страницы означеннаго сочиненія съ трудомъ поддавались сокращенію безъ опасенія нарушить присущую книгѣ ясность положеній.

Что касается самаго содержанія тѣхъ научныхъ взглядовъ, которые высказываетъ почтенный авторъ книги, то, по моему мнѣнію, характерныя черты бумагъ на предъявителя, какъ цѣнныхъ бумагъ, заключаются въ томъ, что онѣ циркулируютъ на подобіе денегъ и служатъ интересамъ общественнаго довѣрія въ собственномъ смыслѣ (см. стран. 50 книги), а не интересамъ частнаго, индивидуальнаго кредита ближайшимъ образомъ. Въ этомъ строгомъ смыслѣ бумаги на предъявителя могутъ быть выпускаемы только государствомъ или, съ его разрѣшенія, извѣстными общественными учрежденіями. Онѣ носятъ на себѣ общественный характеръ потому, что, выпуская ихъ, государство или общественное учрежденіе обращается къ массѣ подписчиковъ, къ публикѣ вообще, а не къ отдѣльнымъ лицамъ, какъ таковымъ, и кредитъ дается публикой предпріятію выгодному въ экономическомъ отношеніи — прежде всего, а затѣмъ уже лицамъ, какъ органамъ предпріятія. Да и въ послѣднемъ отношеніи главное значеніе для подписчиковъ, для публики, имѣетъ все таки контроль и надзоръ государства; другими словами, никто другой, а именно творчество государственной власти, и создаетъ, и поддерживаетъ самую цѣнность этихъ бумагъ, которыя, уже по ихъ массѣ, было бы затруднительно дѣлать именными; да это, по идеѣ бумагъ на предъявителя, и не требуется. Но едва ли вексель, хотя бы съ бланковою надписью или чекъ, можно признавать цѣнной бумагой, т. е. бумагой на предъявителя, какъ цѣнной бумагой. Вексель служитъ прежде всего интересамъ личнаго кредита, и если можно говорить о цѣнности векселя, то непремѣнно въ смыслѣ указанія на имущественную состоятельность конкретной личности. Въ этомъ смыслѣ, мнѣ кажется, и пользуется векселями, какъ цѣнностями, торговля и промышленность; въ торговыхъ сдѣлкахъ нормально всегда извѣстны не только личность должника, но и личность владѣльца векселя—перваго векселедержателя. Настоящія бумаги на предъявителя суть таковыя съ самаго начала, векселя же по всѣмъ законодательствамъ (за исключеніемъ англійскаго и сѣверо-американскаго) пишутся на чье либо имя. Дѣйствительно, въ практической жизни, въ торговыхъ сдѣлкахъ и вообще въ имущественномъ оборотѣ, гдѣ не играютъ

на разность, а имѣютъ въ виду обмѣнивать товары или услуги, важно знать не только имя должника, эмитента (выпустившаго бумагу), но и личность ея держателя, надписателя и лица, протестовавшаго вексель. Относительно денегъ или суррогата ихъ — цѣнныхъ бумагъ на предъявителя съ самаго начала извѣстно, что онѣ передаются простымъ врученіемъ, traditio, и держатель ихъ есть собственникъ ихъ: онѣ сами по себѣ суть цѣнность (положимъ, не абсолютная, но условная), служащая удобной формой для помѣщенія капиталовъ. Характеръ вексельнаго документа иной; онъ носитъ на себѣ отпечатокъ индивидуальныхъ отношеній и личный элементъ играетъ большую роль при ихъ развязкѣ. Поэтому въ дѣлахъ о несостоятельности важно бываетъ «распознать *личность* предъявителя», дисконтера, возможность полученія или неполученія отъ него должникомъ валюты, важно имѣть «матеріальный слѣдъ» предъявителя; а такъ какъ передача бумагъ на предъявителя путемъ простаго врученія «не оставляетъ по себѣ никакихъ видимыхъ послѣдствій», то при помощи такихъ бумагъ, буде въ ихъ одежду станутъ облекаться и векселя, очень легко утаивать имущество на случай несостоятельности, о чемъ упоминается и у автора. Самъ авторъ (стр. 133) того мнѣнія, что собственно за частными лицами остается лишь право выпуска всякихъ *другихъ* бумагъ на предъявителя, не подходящихъ подъ понятіе денежныхъ знаковъ; а такъ какъ подъ это понятіе не подходятъ векселя, то слѣдовательно, они не могутъ фигурировать въ сонмѣ бумагъ на предъявителя, какъ цѣнныхъ бумагъ, тѣмъ болѣе, что относительно векселей всегда есть юридическая возможность, путемъ иска, доказывать неправильность ихъ удержательства или отсутствіе долга по нимъ.

Правда, существуютъ несомнѣнныя бумаги на предъявителя, выпускаемыя частными лицами (а также и общественными учрежденіями), какъ напримѣръ: билеты на проѣздъ, на зрѣлища, обѣденныя марки, билеты на закладъ вещей и др. Но все это, мнѣ кажется, суть *какъ-бы* бумаги на предъявителя, ибо онѣ тѣсно связаны или съ извѣстными реальными правами или съ услугами, имѣютъ незначительную сравнительно цѣнность и не фигурируютъ въ промышленномъ оборотѣ на рынкѣ подобно цѣннымъ бумагамъ въ строгомъ смыслѣ; роль этихъ не настоящихъ бумагъ на предъявителя кончается съ исполненіемъ услугъ или съ осуществленіемъ правъ, представителями коихъ онѣ являются. Такъ что если нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ и выдаются по необходимости на предъявителя (багажная квитанція и т. п.), то это есть чисто внѣшній признакъ, по которому бумаги эти стоятъ въ ряду предъявительскихъ документовъ; того же общественнаго значенія въ техническомъ смыслѣ, какое присуще настоящимъ бумагамъ на предъявителя, они не имѣютъ и широкой обращаемостью не пользуются.

Мы закончимъ настоящую статью замѣчаніемъ, что сочиненіе проф. Нерсесова представляетъ солидный вкладъ въ литературу торговаго права и заслуживаетъ подробнаго изученія.

Н. И. Ржондковскій.

ОЧЕРКИ СИБИРСКОЙ ЖИЗНИ И ПОЛОЖЕНІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ НА АЛТАѢ.

I.

Въ переселенческомъ дѣлѣ вопросъ о положеніи переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ ихъ поселенія слишкомъ мало разработанъ по недостаточности матеріала. Вопросъ о причинахъ переселеній, о преобладающемъ элементѣ въ переселенческомъ движеніи, о значеніи, наконецъ, переселенія для губерній, откуда идутъ переселенцы, уже достаточно выясненъ благодаря богатому статистическому матеріалу земскихъ бюро и отдѣльныхъ изслѣдователей. Благодаря вниманію русской печати, а также ежегоднымъ отчетамъ переселенческихъ комитетовъ, преимущественно Тюменскаго и Томскаго можно считать достаточно извѣстнымъ и положеніе переселенцевъ на пути ихъ долгаго странствованія на лошадяхъ, пароходахъ и по желѣзной дорогѣ. Русская публика хорошо знакома со всѣми перепетіями переселенческаго скитанія и въ такихъ центральныхъ пунктахъ скопленія переселенцевъ, какъ Тюмень и Томскъ, откуда они расползаются не широкими потоками по необозримымъ пространствамъ Западной и Восточной Сибири. Благодаря русской печати, постоянно указывавшей на бѣдственное положеніе переселенцевъ во время ихъ пути, на недостатокъ пищи, болѣзни, отъ которыхъ погибали сотнями и дѣти и взрослые особенно въ пунктахъ скрещиванія переселенческихъ трактовъ, нынѣ положеніе переселенцевъ въ пути сдѣлалось если не сноснымъ, то уже далеко не похожимъ на прежнее.

На помощь переселенцамъ уже около 10 лѣтъ явилось и правительство и русское общество, первое—учредивъ, въ главныхъ пунктахъ скрещиванія переселенческихъ трактовъ, особыхъ переселенческихъ чиновниковъ (Тюмень, Томскъ), а общество какъ этихъ, такъ и другихъ городовъ учредило особые переселенческіе комитеты для матеріальной помощи проходящимъ партіямъ переселенцевъ. Только благодаря этимъ двумъ-тремъ переселенческимъ чиновникамъ цѣлыя тысячи переселенцевъ, двинувшихся со своихъ насижен-

ныхъ мѣстъ куда глаза глядятъ, были спасены отъ безплоднаго скитанія, и получивъ вполнѣ точныя указанія какъ о новыхъ мѣстахъ, такъ и о порядкѣ причисленія, могли прямо ѣхать на новыя мѣста и приняться за свои крестьянскія работы. Точно также, только благодаря переселенческимъ комитетамъ, продовольствующимъ и оказывающимъ медицинскую помощь переселенцамъ, спасены цѣлые десятки тысячъ переселенцевъ отъ голода и еще болѣе отъ повальныхъ болѣзней. Стоитъ только припомнить прошлогодніе изъ Томска и нынѣшніе корреспонденціи изъ Тюмени о скученности переселенцевъ, прибывавшихъ цѣлыми тысячами въ одну недѣлю, а также сообщенія о голодѣ, тифахъ, оспѣ, дифтеритѣ, уносившихъ переселенцевъ въ могилу цѣлыми сотнями, чтобы понять громадное значеніе даже и этой скромной ленты, которую нынѣ государство и общество даютъ въ видѣ особыхъ чиновниковъ и комитетовъ переселенцамъ.

Не знакомо русское общество лишь съ положеніемъ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Объ этомъ появляются крайне рѣдкія и при томъ чрезвычайно отрывочныя свѣдѣнія и то чаще въ мѣстной сибирской прессѣ. Изслѣдованій о переселенцахъ подобно земско-статистическимъ въ Сибири, куда направляется главная масса русскихъ переселенцевъ, нѣтъ и не можетъ быть. Двѣ экскурсіи С. Чудновскаго въ 1884 и 1885 гг. на Алтай по порученію Западно-Сибирскаго отдѣла Рус. Геор. Общества для изслѣдованія быта новоселовъ являются пока единственнымъ опытомъ въ этомъ родѣ. Не смотря на тщательность произведеннаго Чудновскимъ изслѣдованія, оно все таки далеко не можетъ быть сравниваемо съ подобными изслѣдованіями земскихъ статистиковъ. Объектомъ изслѣдованія Чудновскаго были лишь три волости: Смоленская, Змѣиногорская и Алтайская изъ 60 всѣхъ волостей Алтайскаго горнаго округа, уже давно составляющаго главный пунктъ, куда устремляется переселенческая волна изъ Россіи, да и изъ другихъ частей Сибири, въ особенности изъ Тобольской губерніи. Другихъ не только изслѣдованій, а хотя бы и несистематическихъ описаній быта переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ ихъ водворенія въ Сибири до сихъ поръ никѣмъ не производилось.

Мало этого, здѣсь нѣтъ даже сколько нибудь удовлетворительной статистики переселенія. Губернскій статистическій комитетъ даже Томской губерніи, гдѣ находится излюбленный переселенцами Алтайскій округъ, свѣдѣнія о переселенцахъ до назначенія въ 1883 г. переселенческаго чиновника получалъ лишь изъ казенной палаты; но эти свѣдѣнія, касаясь лишь числа перечисленныхъ въ окладъ переселенцевъ, не только не выражали собою всего переселенческаго движенія за каждый годъ, но не показывали даже точнаго числа душъ муж. пол., перечисленныхъ изъ русскихъ губерній. Палата давала свѣдѣнія лишь о причисленіи окладныхъ, т. е. однихъ ревизскихъ душъ м. п.; а такъ какъ самое причисленіе совершалось не тотчасъ по приходѣ всѣхъ переселенцевъ,—одни перечислялись безъ задержекъ въ первый же годъ, а перечисленіе другихъ затягивалось часто на 5 — 8 лѣтъ, то по ежегоднымъ спискамъ

казенной палаты нельзя заключать даже объ относительномъ движеніи переселенцевъ за различные годы.

Нѣкоторое понятіе о переселеніи начали давать лишь ежегодные отчеты съ 1883 г. переселенческихъ чиновниковъ и 1884 г.—отчеты земельной части главнаго алтайскаго управленія. Съ 1884 г. даются свѣдѣнія о прибывшихъ въ Алтайскій округъ переселенцахъ уже по мѣсту ихъ выхода изъ каждой губерніи отдѣльно. Съ этихъ поръ относительно Алтайскаго округа переселенческая статистика можетъ быть признана сколько нибудь удовлетворительной, хотя и далеко не точной. Въ списки управленія попадаютъ лишь тѣ изъ переселенцевъ, которые, придя въ Алтайскій округъ, лично сами или чрезъ повѣренныхъ испрашиваютъ и получаютъ отъ главнаго алтайскаго управленія въ Барнаулѣ разрѣшеніе на поселеніе или въ новый участокъ или въ селеніе старожиловъ. Нужно замѣтить, что право на поселеніе на Алтаѣ должно испрашиваться, кромѣ казенной палаты, вѣдающей лишь формальную сторону переселенія (ст. 130 общ. пол. о крестьянахъ) еще у алтайскаго управленія и у сельскихъ обществъ, если переселенецъ причисляется въ общество старожиловъ, или у одного алтайскаго управленія, если мѣстомъ поселенія избранъ новый участокъ на земляхъ алтайскаго горнаго вѣдомства. Не всѣ переселенцы тотчасъ же послѣ своего прихода испрашиваютъ у алтайскаго управленія разрѣшеніе, а многіе изъ нихъ прежде, чѣмъ избрать опредѣленное мѣсто и испросить право поселенія на него, скитаются по Алтаю по нѣсколько лѣтъ, проживая по паспортамъ, выданнымъ изъ мѣстъ старой приписки. Такимъ образомъ, ежегодно составляемые управленіемъ списки переселенцевъ о числѣ семей и въ нихъ душъ мужск. и женск. пола, а также о числѣ ревизскихъ и неревизскихъ работниковъ отдѣльно по губерніямъ, изъ которыхъ вышли, — далеко не точны. Но мы уже сказали, что это пока единственно удовлетворительная статистика, которой пользуются всѣ вѣдомства.

Наиболѣе точными и полными статистическія свѣдѣнія алтайскаго управленія нужно считать за 1882 г., когда Высочайше назначенная для ревизіи Алтая коммиссія произвела вмѣстѣ съ хозяйственнымъ описаніемъ населенія всего Алтайскаго округа и статистическое описаніе по волостямъ переселенцевъ, какъ уже причисленныхъ къ этому времени (1 іюля 1882 г.), такъ и не причисленныхъ, но проживающихъ по паспортамъ съ родины. Эта статистика велась чрезъ волостныя правленія и относительно причисленныхъ къ волостямъ переселенцевъ можетъ считаться довольно точною.

Однако, всѣ эти статистическія описанія, касаясь лишь численнаго состава переселенцевъ, не имѣютъ никакихъ данныхъ для характеристики экономическаго положенія переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Первая попытка въ этомъ отношеніи оффиціальныхъ учрежденій, кромѣ частнаго изслѣдованія С. Чудновскаго, была предпринята въ 1887 г. Томскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, когда на должность секретаря

его былъ назначенъ бывшій редакторъ закрытой нынѣ «Сибирской Газеты» А. В. Адріановъ. При немъ статистическій комитетъ предпринялъ рядъ серьезныхъ работъ по изученію своей губерніи во всѣхъ отношеніяхъ; самимъ секретаремъ было предпринято путешествіе въ Нарымскій край съ цѣлями научнаго и административнаго изслѣдованія быта инородцевъ (остяковъ). Для ознакомленія съ экономическимъ положеніемъ, съ развитіемъ крупной и мелкой (кустарной) промышленности губерніи были затребованы чрезъ волостныя правленія довольно подробныя свѣдѣнія по однороднымъ бланкамъ относительно каждаго селенія волости отдѣльно, предпринято изученіе и городскаго хозяйства и дѣятельности городскихъ думъ. Подобныя свѣдѣнія прежде комитетомъ собирались прямо отъ исправниковъ, и они не касались отдѣльно каждой волости, не говоря уже каждаго селенія. Теперь самый порядокъ собиранія свѣдѣній отдѣльно по селеніямъ въ значительной степени гарантировалъ уже ихъ достовѣрность. Въ общеэкономической и поселенческой бланкѣ было отведено мѣсто и переселенческому вопросу, но въ первый 1887 годъ полученные отвѣты не были удовлетворительны, благодаря не ясно формулированнымъ вопросамъ о переселенцахъ. На слѣдующій 1888 г. вопросныя бланки были составлены болѣе подробно и съ большимъ знаніемъ переселенческаго дѣла; по этимъ бланкамъ свѣдѣнія собирались и въ 1889 г. Полученный по нимъ матеріалъ крайне интересенъ.

Помимо статистики населенія по составу его, помимо обще-экономическихъ свѣдѣній о главныхъ занятіяхъ и побочныхъ промыслахъ населенія, о платежахъ и пр., въ доставленныхъ волостными правленіями свѣдѣніяхъ находится и экономическая статистика переселенцевъ и любопытные о нихъ отзывы и характеристики правленій. Эти отзывы, какъ составленные въ большинствѣ случаевъ старожилами, представляютъ интересный матеріалъ для характеристики взгляда старожиловъ на переселеніе вообще и въ частности на переселенца, съ приходомъ котораго сибирякъ принужденъ тѣсниться на прежнемъ своемъ раздольѣ, долженъ волей неволей подчиняться чуждымъ для него привычкамъ и обычаямъ. Иные отзывы дѣлаютъ сравненіе между хозяйственною способностью старожила и переселенца, другіе касаются даже нравственной характеристики переселяющихся къ нимъ россійцевъ. Въ общемъ отзывы, не смотря на ихъ краткость и въ нѣкоторыхъ случаяхъ оффиціальность, все же представляютъ цѣнный матеріалъ уже по одному тому, что касаются всѣхъ 60 волостей горнаго округа. Съ выходомъ Адріанова изъ секретарей статистическаго комитета нѣтъ надежды, чтобы матеріалъ получилъ обработку и появился въ печати. Между тѣмъ въ виду все возрастающаго интереса къ переселенческому дѣлу и въ виду того, что настоящій матеріалъ является единственнымъ для болѣе или менѣе полной характеристики переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ по всему Алтаю, было бы крайне желательно появленіе его въ печати.

II.

Прежде чѣмъ заняться характеристикой положенія переселенцевъ на Алтаѣ и отзывами о нихъ волостныхъ правленій, мы считаемъ необходимымъ ознакомить читателя хотя бы кратко съ ходомъ переселенческаго дѣла на Алтаѣ, послѣ того, какъ этотъ послѣдній въ 1865 г. былъ открытъ для свободнаго переселенія во всѣ его пункты. До 1865 года Алтай былъ закрытъ для переселенцевъ; лишь одна Смоленская волость, населеніе которой состояло изъ государственныхъ крестьянъ, а не изъ крѣпостныхъ, какъ въ прочихъ селеніяхъ округа, была открыта для переселенцевъ. Несмотря на запрещеніе переселяться, однако, уже во многихъ волостяхъ Алтая къ этому времени скопилась масса новоселовъ, жившихъ по нѣсколько лѣтъ безъ приписки. Когда въ 1865 г. главное алтайское управленіе подняло вопросъ объ открытіи всего Алтайскаго округа для свободнаго переселенія, то въ округѣ уже жило безъ перечисленія 4,368 д. м. п. По представленію кабинета Его Величества государственный совѣтъ, разрѣшивъ въ этомъ году свободное переселеніе на земли кабинета, опредѣлилъ въ главныхъ чертахъ и условія приписки на новыя мѣста переселенцевъ, а именно: поселяющіеся на новыхъ участкахъ получаютъ 15—18 десятинный надѣлъ на каждую наличную душу муж. пола, а въ мѣстностяхъ многоземельныхъ и больше того; поселяющіеся въ обществахъ старожиловъ надѣлъ получаютъ по соглашенію съ обществомъ, но только въ предѣлахъ поселенческихъ граней, и новой прирѣзки изъ свободныхъ земель такимъ обществомъ уже не дѣлается. Лѣсомъ всѣ переселенцы надѣляются безплатно какъ на первоначальныя постройки, ремонтъ, такъ и на топливо. Смотря по богатству въ лѣсѣ, имъ выдается на первоначальное домообзаводство изъ кабинетскихъ боровъ отъ 50 до 150 бревенъ, а затѣмъ на ремонтъ по 4—7 бревенъ и по нѣсколько жердей и кольевъ на дворъ; на топливо ежегодно каждый дворъ получаетъ до 5 куб. саж. дровъ. Эти же условія лѣсопользованія и для старожиловъ; за безплатный лѣсъ какъ новоселы, такъ и старожилы несутъ натуральную повинность опалки кабинетскихъ боровъ. И относительно другихъ повинностей и платежей новоселы уравнены вполнѣ со старожилами: кромѣ государственныхъ податей, натуральныхъ повинностей и мірскихъ сборовъ, одинаковыхъ съ общими платежами и повинностями, новоселы наравнѣ съ этими послѣдними платятъ въ доходъ кабинета шестирублевый оброкъ съ рев. души. Оброкъ этотъ установленъ съ бывшихъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ послѣ выхода ихъ на волю въ замѣнъ прежнихъ обязательныхъ ихъ работъ для заводовъ.

Мы уже говорили, что переселенческая статистика не полна и не однородна; съ 1866 до 84 г. имѣются лишь свѣдѣнія казенной палаты о числѣ причисляемыхъ ежегодно изъ мѣстъ старой приписки въ сельскія общества на Алтаѣ. Разумѣется, цифры приписываемыхъ далеки отъ дѣй-

ствительнаго ежегоднаго наплыва переселенцевъ; такъ по свѣдѣніямъ казенной палаты къ 1 января 1884 г., съ самаго начала открытія Алтайскаго округа для переселенцевъ, было причислено 17,706 д. м. п., между тѣмъ какъ къ этому же времени волостными правленіями насчитывалось 11737 рев. д. или 30544 д. об. п., не причисленныхъ и жившихъ по паспортамъ.

Однако и по этому матеріалу ежегоднаго причисленія можно нарисовать себѣ характеристическія черты переселенческаго движенія, весьма близкія къ дѣйствительности. На сколько можно судить по ежегоднымъ таблицамъ о перечисленіи, въ первое пятилѣтіе оно шло довольно тихо: съ 382 оно дошло въ 1870 г. до 648 д. м. п.; въ слѣдующее четырехлѣтіе съ 1871—74 г. оно быстро подвинулось: 1,295 д. въ 1871 г. и 1,124 д.—въ 1874 г. Затѣмъ идетъ трехлѣтіе, давшее ничтожное число причисленныхъ переселенцевъ, а именно: въ 1875 году 262 д., а въ 1877 г. даже 145 д. Здѣсь, вѣроятно, отразились наши общерусскія затрудненія въ русско-турецкую войну. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что послѣ окончанія войны перечисленіе быстро возрастаетъ; уже въ 1878 г. было причислено 1,483 д. м. п. и далѣе съ незамѣтными колебаніями оно увеличивается, доходя въ 1883 г. до 1,976 д. м. п. Съ этого времени однородность нашего статистическаго матеріала нарушается, и мы имѣемъ свѣдѣнія, весьма близкія уже къ дѣйствительному переселенческому движенію [1]).

Въ 80-хъ годахъ переселеніе на Алтай принимаетъ уже громадные размѣры; въ 1884 г. въ главномъ алтайскомъ управленіи было выдано разрѣшеній на переселеніе въ округъ 12,101 д. об. п.; въ слѣдующемъ году уже 16,890 д., въ 1888—18,031 и въ 1889 г.—17,296 душ. об. п. Въ нынѣшнемъ году послѣ прошлогодняго закона, требующаго отъ переселенцевъ, идущихъ на казенныя земли, исполненія стѣснительныхъ формальностей предварительнаго разрѣшенія отъ министра, переселеніе на Алтай, незахваченный этимъ закономъ, конечно, должно увеличиться въ громадной степени.

Главными піонерами переселенцами въ первое 5-лѣтіе были пермяки, тамбовцы, вятичи, тоболяки; изъ этихъ губерній было болѣе всего переселенцевъ, хотя на Алтаѣ въ это время были выходцы уже 20 губерній слишкомъ. Съ 1871 г. къ упомянутымъ губерніямъ присоединяется Воронежская, ставшая за это время во главѣ движенія; изъ нея одной число приписанныхъ переселенцевъ достигало 402 д.; въ слѣдующіе годы къ этимъ присоединилась по числу высылавшихъ переселенцевъ Самарская губ. Въ первое пятилѣтіе Курская губернія, сдѣлавшаяся съ 1886 г.

---

[1]) До 1878 г. цифровой матеріалъ нами взятъ изъ книги Ядринцева „Сибирь какъ колонія“; за слѣдующее шестилѣтіе—изъ книги Чудновскаго „Переселенческое дѣло на Алтаѣ“, а за позднѣйшее время съ 1884 года изъ вѣдомостей алтайскаго управленія.

первою по числу высылаемыхъ переселенцевъ, едва упоминается; совсѣмъ теряется она среди другихъ губерній и въ слѣдующія два пятилѣтія; то же нужно сказать и относительно Рязанской губерніи, занимающей теперь пятое или шестое мѣсто.

Имѣющійся у насъ матеріалъ не объясняетъ причинъ преобладанія въ переселенческомъ движеніи той или иной губерніи. Объясненій этому явленію нужно искать въ трудахъ земской статистики. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ переселеніе есть одинъ изъ главнѣйшихъ показателей ненормально тяжелыхъ условій экономическаго положенія населенія тѣхъ губерній, откуда выходятъ переселенцы, то нужно думать, что Курская, Тамбовская, Воронежская, Тобольская, Пермская и Рязанская губерніи принадлежатъ именно къ числу такихъ, гдѣ тяжесть этихъ условій дошла до maximum'a. Далѣе, когда будемъ разсматривать отзывы волостныхъ правленій, мы коснемся этихъ условій, лежащихъ въ основѣ переселенія.

До 1884 г. переселенческимъ дѣломъ на Алтаѣ совсѣмъ не руководили; оно было предоставлено самому себѣ; незнакомые ни съ территоріей, ни съ мѣстными условіями края переселенцы предоставлены были здѣсь на произволъ судьбы, случаю и слухамъ, циркулировавшимъ въ ихъ средѣ. Почти всѣ шли на угадъ, рѣдкіе по вызову родственниковъ и знакомыхъ. Вслѣдствіе этого очень многіе, прежде чѣмъ осѣсть окончательно, бродили по обширному пространству Алтая нѣсколько лѣтъ, растрачивая въ безполезныхъ поискахъ не только послѣдніе свои достатки, но даже и силы. Эта неопредѣленность и скитальничество, вызванное ею, главнымъ образомъ и являлось причиной обратныхъ переселеній.

Съ 1884 г., благодаря заботамъ покойнаго начальника земельнаго отдѣленія въ главномъ алтайскомъ управленіи А. А. Ваганова, все переселенческое дѣло на Алтаѣ измѣняетъ свой характеръ: переселенцамъ оказываются всевозможное вниманіе и заботы. Обширныя незаселенныя пространства кабинетскихъ земель приводятся въ нѣкоторую извѣстность; мѣстности, наиболѣе подходящія для заселенія, обмежевываются и опредѣляются со стороны сельско-хозяйственныхъ условій; нарѣзываются участки для устройства новыхъ поселеній и водворенія на нихъ переселенцевъ. Селенія старожиловъ приводятся въ извѣстность со стороны землепользованія и земельныхъ надѣловъ, чтобы имѣть возможность *остерегать* переселенцевъ отъ поселенія въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ по планамъ обозначается уже недостатокъ земли или даже прямо малоземелье; съ другой стороны, указываются тѣ волости и селенія, которыя владѣютъ огромными пространствами земельныхъ угодій, далеко превосходящими нормальный, здѣсь 15—18 десятинный надѣлъ.

Главное алтайское управленіе имѣетъ право не только *предостерегать*, но и прямо воспрещать поселеніе въ тѣхъ или иныхъ селеніяхъ старожиловъ, если по мнѣнію его земельные надѣлы здѣсь уже недостаточны; но управленіе рѣшило держаться въ этомъ случаѣ весьма мудрой политики невмѣшательства въ дѣла сельскихъ обществъ и предостав-

ляетъ послѣднимъ полную свободу отказывать или принимать къ себѣ переселенцевъ, и такимъ образомъ, исключительно на нихъ самихъ возлагаетъ всѣ послѣдствія, могущія произойти отъ неразсчетливаго пріема лишнихъ членовъ. Впрочемъ, необходимость этой разумной политики вытекаетъ изъ того, что существующіе и дѣйствующіе нынѣ земельные планы, въ большинствѣ случаевъ составленные еще въ 20 и 30 годахъ, далеки отъ дѣйствительнаго землевладѣнія. Опредѣляя и обмежевывая новые участки, земельное отдѣленіе алтайскаго управленія ежегодно печатаетъ списки ихъ съ указаніемъ ихъ размѣровъ и сельско-хозяйственныхъ условій, а также дорогъ, ведущихъ къ нимъ. Эти списки съ напечатанными на нихъ довольно подробными правилами, вполнѣ понятными для крестьянъ, раздаются и въ Томскѣ и въ Барнаулѣ всѣмъ желающимъ поселиться на новые участки. Такимъ образомъ переселенцы уже не вынуждены блуждать по прежнему для отысканія удобныхъ новыхъ мѣстъ поселенія. Еще отъ большихъ хлопотъ и безпокойствъ избавляетъ переселенцевъ нынѣ главное управленіе Алтая, взявъ на себя трудъ сноситься со всѣми учрежденіями и лицами по поводу приписки переселенцевъ на Алтаѣ.

Относительно разселенія по Алтаю прежде не было ни порядка, ни указаній; всѣ шли на угадъ. При такомъ положеніи дѣла однѣ волости переполнялись переселенцами, другія были пусты и неизвѣстны для нихъ. Мы уже говорили, что еще до 1865 г., до открытія Алтая для свободнаго переселенія одна изъ его волостей Смоленская, изъ которой въ 1874 г. было образовано двѣ слишкомъ волости, все таки была уже извѣстна русскимъ переселенцамъ, которые могли здѣсь приписываться къ обществамъ государственныхъ крестьянъ, какимъ то чудомъ не приписаннымъ къ заводамъ и не несшимъ обязательныхъ заводскихъ работъ. Эта волость находится въ центрѣ Бійскаго округа, а Смоленское село находится въ 30 вер. къ югу отъ г. Бійска. Такимъ образомъ, направленіе всѣхъ переселенческихъ партій вначалѣ долго шло по одному пути на Бійскъ и первоначальнымъ лозунгомъ переселенцевъ было «на Бейскъ». Смоленская, а затѣмъ и сосѣднія съ нею волости были скоро заселены и теперь здѣсь уже начинаетъ ощущаться тѣснота. Громадный алтайскій окр. (болѣе 382 тыс. кв. в.) по своимъ природнымъ условіямъ слишкомъ разнообразенъ. Югъ и востокъ его составляютъ дикія алтайскія горы съ ихъ отрогами, покрытыми лѣсами; западъ и юго-западъ представляетъ степь, кой гдѣ поросшую рѣдкимъ березнякомъ, а на юго-западѣ совсѣмъ переходящую въ солончаки; сѣверъ—лѣсная равнина. Безъ предварительнаго знакомства съ характеромъ мѣстности и ея природными условіями трудно бываетъ переселенцу избрать съ перваго же раза подходящее мѣсто. Многіе переселенцы чаще уже на пути, при случайныхъ встрѣчахъ и разсказахъ узнаютъ кое что о той или иной мѣстности. Въ этихъ разсказахъ всегда преобладаетъ субъективный элементъ. Если одинъ хвалитъ какую нибудь мѣстность, то онъ уже

хвалитъ здѣсь все, про что ни спросятъ его; тоже и въ порицаніяхъ. Такимъ образомъ выходецъ изъ сѣверныхъ губерній Россіи расхваливаетъ и приглашаетъ селиться въ лѣсныя мѣста Кузнецкаго и Томскаго окр., которыя совсѣмъ не соотвѣтствуютъ характеру южанъ; вслѣдствіе чего эти послѣдніе, попавъ сюда по слухамъ, бѣгутъ скоро отсюда на новыя мѣста. Тоже происходитъ съ сѣверянами, попадающими опять по слухамъ въ юго-западныя степи.

Въ общемъ разселеніе шло такимъ путемъ: въ первое 20-лѣтіе главная волна переселенцевъ оставалась въ Бійскомъ окр.; еще въ 1884 г. на этотъ округъ приходилось болѣе половины (55%) всѣхъ переселенцевъ, направившихся въ Алтай, въ Барнаульскій — 36% и почти поровну въ Кузнецкій и Томскій. Теперь большая часть волостей Бійскаго округа уже переполнена; во многихъ селеніяхъ здѣсь уже совсѣмъ не принимаютъ переселенцевъ, въ другихъ хотя и принимаютъ, но за высокую пріемную плату иногда за 50—75 и даже 100 руб. съ ревизской души. Главная масса переселенцевъ теперь направляется уже въ Барнаульскій окр., западныя и юго-западныя волости котораго (Лялинская, Ординская, Карасукская, Верхне и Нижне-Кулундинскія, Малышевская) еще и до сихъ поръ представляютъ незаселенныя степи, хотя и вполнѣ удобныя для сельскаго хозяйства, въ особенности же для скотоводства. Въ эти и сосѣднія съ ними (въ особенности Космалинскую) и направляется нынѣ главная переселенческая волна, руководимая уже болѣе правильными и вѣрными указаніями алтайскаго управленія. Такимъ образомъ относительно размѣщенія переселенцевъ главные округа Алтая нынѣ совсѣмъ помѣнялись ролями; въ 1888 г. въ Бійскій округъ осѣло уже только 34%, а въ Барнаульскій 61,$_4$% всѣхъ явившихся тогда переселенцевъ.

III.

Теперь обратимся къ характеристикѣ положенія переселенцевъ на новосельи, на сколько это выясняется главнымъ образомъ изъ отзывовъ волостныхъ правленій, а также и изъ сопоставленія имѣющихся у насъ статистическихъ данныхъ объ алтайскихъ переселенцахъ. Изъ всѣхъ 60 волостей никакихъ отзывовъ о переселенцахъ не дали лишь 10; изъ нихъ Сузунская, Павловская, Салаирская, Риддерская, Колыванская, какъ волости преимущественно изъ горнозаводскихъ селеній, не упоминали о переселенцахъ потому, что съ 1879 г. въ эти селенія пріемъ переселенцевъ воспрещенъ; изъ крестьянскихъ волостей Владимірская, Верхъ-Бухтарминская, Убинская, Кузнецкая и Малышевская не касались вопроса о переселенцахъ потому, что послѣдніе сюда или вовсе не идутъ или идутъ, но очень мало. Первыя четыре изъ этихъ волостей обѣгаются переселенцами потому, что онѣ гористы, а Малышевская—за свой степной характеръ.

Въ изложеніи отзывовъ и характеристики положенія переселенцевъ мы

будемъ держаться того же самаго порядка, въ какомъ они дѣлались волостными правленіями, согласно вопроснымъ пунктамъ губернскаго статистическаго комитета.

Почему переселенцы покинули старыя мѣста, сколько изъ нихъ прибыло на угадъ безъ разрѣшенія на переселеніе?

Отзывы всѣхъ безъ исключенія волостныхъ правленій вполнѣ подтверждаютъ уже доказанную русскою печатью причину переселенія. «По малоземелью», «по малоземельности», «по недостаточности земельныхъ и лѣсныхъ угодій»—вотъ общій отвѣтъ. «Переселенцы вообще имѣютъ отзывъ, пишетъ Бѣлоярское волостное правленіе, что они покинули старыя мѣста по случаю утѣсненія всѣми угодьями, какъ то: хлѣбопашествомъ, сѣнокосными участками, скотскимъ выгономъ и вообще по разнымъ причинамъ, относящимся къ неудобству въ хозяйствѣ». Алейское правленіе говоритъ: «переселенцы по ихъ объясненію покинули старыя мѣста нѣкоторые по малоземелью, нѣкоторые же вслѣдствіе бывшихъ у нихъ частовременныхъ неурожаевъ». Кривощаковское правленіе къ этому добавляетъ: «по безплодности и плохому качеству земель», а Боровлянское правленіе: «и по дешевизнѣ здѣсь (въ Сибири) содержанія». Другія правленія, какъ напримѣръ, Бухтарминское, въ особенности подчеркиваютъ отсутствіе на старыхъ мѣстахъ у переселенцевъ лѣса. Такъ единодушны отзывы почти всѣхъ волостныхъ правленій и притомъ относительно переселенцевъ, идущихъ къ нимъ изъ самыхъ различныхъ губерній Россіи и даже изъ Сибири.

Относительно же того, съ разрѣшенія или безъ него пришли переселенцы, получился также общій отзывъ «безъ предварительнаго разрѣшенія со стороны алтайскаго управленія». Подъ этимъ разрѣшеніемъ волостныя правленія понимаютъ тѣ предварительныя сношенія переселенцевъ съ главнымъ алтайскимъ управленіемъ, которыя начались съ 1884 г. при покойномъ А. А. Вагановѣ. Мы уже говорили, что этотъ послѣдній для облегченія переселенцевъ началъ заранѣе подготовлять новые участки для поселенія и ежегодно печатать о нихъ свѣдѣнія съ указаніемъ правилъ перечисленія какъ въ новые участки, такъ и въ старыя селенія, кромѣ того, съ него же начало алтайское управленіе брать на себя трудъ сношенія со всѣми учрежденіями по припискѣ переселенцевъ на новыя мѣста. Всѣ, задумавшіе переселяться, могли предварительно получать изъ Алтайскаго управленія всевозможныя справки и указанія,—что совсѣмъ измѣняетъ хаотическій порядокъ, существующій до сихъ поръ въ переселенческомъ дѣлѣ. Однако, про эти мѣры въ Россіи повидимому ничего неизвѣстно, такъ какъ о предварительныхъ сношеніяхъ переселенцевъ въ отзывахъ волостныхъ правленій упоминается, кажется, всего разъ или два, и, какъ сообщаетъ большинство правленій, до сихъ поръ переселеніе идетъ еще на угадъ. Локтевское волостное правленіе говоритъ, что всѣ 370 семей за послѣднее трехлѣтіе пришли на угадъ. Нѣкоторые пишутъ, что въ началѣ переселенцы шли на угадъ, а потомъ уже по

письмамъ родственниковъ и знакомыхъ, ранѣе поселившихся здѣсь. Многіе пришли «по наслышкѣ», «по слухамъ», раза 2—3 упоминается про ходоковъ, заранѣе осматривавшихъ мѣста.

Изъ всѣхъ этихъ отзывовъ видно, что въ общемъ переселенческое движеніе еще слишкомъ безпорядочно, въ большинствѣ случаевъ идутъ безъ заранѣе намѣченныхъ пунктовъ и безъ какихъ нибудь опредѣленныхъ указаній. Намъ лично приходилось слышать отъ многихъ переселенцевъ, что они, отправившись вначалѣ въ опредѣленный пунктъ, часто къ своимъ родственникамъ, уже на дорогѣ измѣняли первоначальное направленіе, услышавъ отъ случайно встрѣтившагося на пути какого нибудь ходока про новыя болѣе подходящія мѣста. Ходоки постоянно идутъ на Алтай, но по сравненію съ тѣми тысячами ежегодно переселяющихся, число ихъ слишкомъ ничтожно и о нихъ лишь два — три волостныхъ правленія упоминаютъ въ своихъ отзывахъ. Главными указателями и маршрутами переселенцамъ до сихъ поръ служатъ неопредѣленные и сбивчивые слухи, распространяемые безграмотными и малотолковыми письмами переселенцевъ на родину. Это обстоятельство, между прочимъ, является главной причиной того, что наряду съ усиливающейся ежегодно иммиграціей на Алтай идетъ постоянная съ него и эмиграція. Впрочемъ, о послѣдней мы будемъ говорить далѣе.

IV.

Что больше предпочитаютъ переселенцы, селиться ли среди старожиловъ или образовывать новыя селенія? Охотно ли принимаютъ переселенцевъ старожилы, и если не охотно, то почему?

Разсматривая вопросъ о поселеніи въ старые или новые заселки въ зависимости только отъ удобствъ самихъ переселенцевъ, большинство волостныхъ правленій безъ всякихъ колебаній высказываетъ мнѣнія переселенцевъ о безусловномъ предпочтеніи старыхъ селеній. Ужъ если новое домообзаводство среди людей, среди сложившейся общественной жизни представляется вообще дѣломъ не легкимъ, особенно за нѣсколько тысячъ верстъ отъ родины, то во сколько же разъ это дѣло становится труднѣе, когда его приходится начинать гдѣ нибудь или въ глухомъ лѣсу или въ степи, вдали не только отъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, а и вообще отъ людей; во сколько разъ оно должно сдѣлаться труднѣе, если вмѣстѣ съ устройствомъ собственнаго гнѣзда переселенцы тотчасъ же принуждены класть основаніе общественной жизни, мірскимъ дѣламъ?

Разсматривая вопросъ съ этой стороны, Нижне-Чарышское волостное правленіе и говоритъ: «переселенцы предпочитаютъ по прибытіи въ Сибирь селиться въ устроенныя уже селенія, такъ какъ обзаводиться на новомъ мѣстѣ сразу всѣмъ гораздо труднѣе, чѣмъ постепенно, проживая на квартирѣ и занимаясь работой по найму болѣе или менѣе продолжительное время. Этимъ путемъ они обзаводятся хлѣбопашествомъ, выря-

живая за свою работу посѣвъ, затѣмъ—избу. Въ этомъ случаѣ помощь оказывается и старожилами и причислившимися ранѣе переселенцами, которые уже прежде оказанія помощи вновь прибывшимъ извлекаютъ свою выгоду». Александровское волостное правленіе, кромѣ этихъ, указываетъ еще и другую выгоду отъ поселенія къ старожиламъ: «Старожилы выдѣляютъ переселенцамъ земельныя угодья, уже разработанныя». И это, конечно, далеко не всѣ выгоды отъ поселенія въ общества старожиловъ. Кривощековское волостное правленіе въ этомъ случаѣ входитъ еще въ большія подробности: «Переселенцы предпочитаютъ селиться среди старожиловъ, говоритъ оно. Главной причиной этого предпочтенія то, что, поселившись среди старожиловъ, они на первое время могутъ безъ особенныхъ затратъ пріискать себѣ квартиру, купить хлѣба и корму для скота, затѣмъ имѣетъ въ виду ближе ознакомиться съ мѣстнымъ населеніемъ и порядками здѣшняго крестьянскаго хозяйства, скорѣе, а въ большинствѣ заблаговременно и далеко до перечисленія получить въ пользованіе какъ для пашни, такъ и для сѣнокошенія землю, спеціально для этого предназначенную и подготовленную». Енисейское волостное правленіе находитъ и еще одну выгоду, съ виду пустую, но для переселенца, вѣроятно, имѣющую серьезное значеніе вдали отъ родины: «они предпочитаютъ селиться еще потому въ старыя селенія, что здѣсь находятъ родственниковъ или знакомыхъ, ранѣе вышедшихъ». «Новые же заселки строитъ избѣгаютъ, такъ какъ открытіе таковыхъ всегда сопряжено съ хлопотами».

Говорящіе о выгодахъ поселенія въ старыхъ деревняхъ не забываютъ выгодъ образованія и новыхъ заселковъ, но для этого, оказывается, нужны нѣкоторыя благопріятныя условія; на одно изъ такихъ условій—переселеніе большими партіями — и указываетъ николаевское волостное правленіе: «Прибывшіе большими партіями переселенцы предпочли заселиться особыми селеніями въ разсчетѣ имѣть свой отдѣльный земельный надѣлъ, чтобы избѣжать споровъ о земляхъ со смежными старожилами; прибывшіе же немногими семьями или по одной семьѣ поселились въ деревняхъ старожиловъ, дабы воспользоваться тотчасъ же выпускомъ въ готовой поскотинной городьбѣ, имѣть болѣе возможности немедленно заняться работою у старожиловъ и тѣмъ ускорить обзаводство своимъ хозяйствомъ».

Однако, не смотря на эти очевидныя для всѣхъ выгоды выбора старыхъ селеній предъ заведеніемъ новыхъ, дѣйствительное положеніе дѣлъ идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что нужно было бы ожидать. Заведенная Вагановымъ болѣе точная статистика переселенія съ 1884 г. говоритъ слѣдующее: въ этомъ году изъ всѣхъ 12 тыс. явившихся на Алтай переселенцевъ 84% избрали общество старожиловъ, и уже 16% образовали новые заселки. Быть можетъ, осѣсть на новые участки пожелало бы и большее число переселенцевъ, чѣмъ 1,838 душъ, но къ этому времени такихъ участковъ было готово всего лишь четыре. Къ слѣдующему году всѣхъ участковъ съ 4 прежними было уже 12, и тогда изъ

всѣхъ 16,890 душъ вновь явившихся на Алтай переселенцевъ уже 6,646 д., или около 40%, осѣли на новые участки! Такъ дѣло шло и далѣе. Къ началу 1889 г. всѣхъ участковъ было намежевано съ прежними 62, а къ 1890 г.—69, и число переселенцевъ, избиравшихъ новые участки, было уже въ 1888 г. 53%, а въ прошломъ 1889 г.— даже 56%; т. е. болѣе половины ежегодно являющихся на Алтай!

Гдѣ искать объясненія этому противорѣчію съ указанными выше выгодами?

«Въ первые годы переселеній, говоритъ николаевское волостное правленіе, новоселовъ принимали охотно и за небольшую плату, но съ теченіемъ времени, при большомъ наплывѣ, плату за пріемъ стали требовать высокую (до 40 руб. съ семьи), а затѣмъ, теперь почти уже и вовсе не принимаютъ, чтобы не имѣть стѣсненія въ землепользованіи». Или: «старожилы и устроившіеся ранѣе переселенцы въ послѣдніе годы принимаютъ переселенцевъ въ свою среду неохотно, даже и тѣхъ, которые уже нѣсколько лѣтъ живутъ осѣдло, но безъ причисленія,—принимаютъ съ большимъ разборомъ, при чемъ не маловажное значеніе имѣетъ размѣръ денежной платы за выдачу пріемнаго приговора. *Нѣкоторыя селенія не принимаютъ переселенцевъ безусловно*.. Главной причиной непринятія переселенцевъ можно считать излишнее стѣсненіе въ землепользованіи».

Такимъ образомъ, тутъ не «предпочтеніе» и не свободный выборъ старыхъ селеній или новыхъ участковъ, а вынужденное положеніе выбирать лишь одно—новые участки. Всего лучше это вынужденное предпочтеніе рисуется Чумышскимъ волостнымъ правленіемъ: «Переселенцы предпочитаютъ болѣе образовывать новыя селенія, и потому всѣ пустолежащія мѣста, находившіяся въ вѣдѣніи волости, въ настоящее время заняты ими подъ селенія; *предпочитается* же это ими въ виду меньшихъ расходовъ въ сравненіи съ обществами старожиловъ, требующими за пропускъ въ селенія условленное вознагражденіе, котораго часто переселенцы по бѣдности уплатить не могутъ. Старожилы, обладающіе значительнымъ числомъ угодій, переселенцевъ принимаютъ охотно; въ тѣ же селенія, гдѣ угодій мало, переселенцы сами не идутъ».

Въ старыя деревни не пускаютъ, а если и пускаютъ, то за плату, которую переселенцы *часто* не въ состояніи уплачивать, и послѣ всего этого они «предпочитаютъ» новые участки! Нелогичность выраженія «предпочитаютъ» здѣсь видна сама собой, и это слово въ данномъ случаѣ скорѣе всего должно быть замѣнено словомъ «вынуждены». Въ отзывахъ нѣкоторыхъ волостныхъ правленій эта наивная нелогичность близка къ ироніи надъ переселенцами. Такъ Чарышское волостное правленіе говоритъ: «Старожилы многихъ селеній волости переселенцевъ вовсе не принимаютъ по неимѣнію въ избыткѣ удобныхъ земель и по ихъ нерасторопности и несогласію въ общественныхъ дѣлахъ. *И переселенцы предпочитаютъ больше образовывать новыя селенія* (но что же имъ

оставалось бы кромѣ этого? А дальнѣйше разсужденіе волостнаго правленія составляетъ уже положительную иронію въ родѣ эзоповской басни «Лисица и Виноградъ»), потому что они селятся вольно по своему усмотрѣнію и подлѣ своей избы устраиваютъ огороды и рядомъ же пашутъ пашни по малости лошадей, необходимыхъ для поѣздки на пашни, отстоящія въ дальнемъ разстояніи отъ селеній, какъ это существуетъ у старожиловъ». Очевидно, что какъ бы волостное правленіе не расписывало выгоды устройства новыхъ заселковъ, но для переселенцевъ въ большинствѣ волостей они являются уже единственнымъ выходомъ при нынѣшнихъ притѣсненіяхъ старожиловъ.

Форма, въ которой выражаются эти притѣсненія — это плата за пріемные приговоры. Старыя селенія, куда началось впервые переселеніе, уже давно подняли эту плату до неслыханныхъ размѣровъ. Алтайское волостное правленіе еще въ 1882 г. сообщало, что нѣкоторыя селенія этой волости взимали по 75 руб. съ рев. души новоселовъ. Чудновскій приводитъ нѣсколько примѣровъ того, какъ пріемная плата быстро прогрессируетъ, такъ въ с. Айскомъ въ 1865 г. пили только съ переселенцевъ «изъ чести вино»; въ 1871 г. взимали уже по 10 р. съ души; въ с. Верхъ-Апуйскомъ въ 1872—3 гг. брали 3—5 руб.; въ 1876 г.—12—13 р., въ 1878—80 гг.—12—15 р.; въ 1881 г.15—40 р.; въ д. Карасукѣ въ 1871 г. брали 4 р., въ 1876 г. 8—12 р., 1879 г.—25 р., въ 1881—2 г. 12—40 руб. и пр. При этомъ во вниманіе принимается зажиточность переселенцевъ: съ богатыхъ — больше, съ бѣдныхъ—меньше. Погоня за платой доходитъ до того, что сельскія общества позволяютъ себѣ иногда ломать заборы и крыши домовъ у тѣхъ переселенцевъ, которые по нѣскольку лѣтъ прожили у нихъ въ селеніи, успѣли обзавестись хозяйствомъ и домами.

Чѣмъ объясняется такой поворотъ въ отношеніяхъ старожиловъ къ переселенцамъ, которыхъ въ первое время почти вездѣ принимали съ охотой и любовью?

«Старожилы, говоритъ Бійское волостное правленіе, принимали къ себѣ переселенцевъ охотно до тѣхъ поръ, пока сознали, что населеніе сдѣлалось густо: 149,635 десятинъ удоб. земли на 6,231 годнаго работника отъ 15 до 60 л.». Или: «Старожилы принимаютъ переселенцевъ не особенно охотно вслѣдствіе отсутствія свободныхъ земель и увеличенія своего народонаселенія», говоритъ Бобровское волостное правленіе. Эти и предыдущіе отзывы о неохотномъ пріемѣ старожилами переселенцевъ довольно ясно указываютъ коренную причину происшедшаго измѣненія въ отношеніяхъ между старожилами и переселенцами.

Боязнь малоземелья—вотъ главная причина недружелюбнаго пріема переселенцевъ. Этой боязни пока не высказываютъ многоземельныя степныя волости Барнаульскаго окр. (Лялинская, Карасунская, Ординская, Верхне и Нижне-Кулундинскія и отчасти Касмалинская), куда переселеніе началось лишь за послѣдніе годы, а также всѣ волости Кузнецкаго, Томскаго

окр., куда переселеніе идетъ слишкомъ медленно. Эти волости представляютъ еще громадный запасъ незаселенныхъ земель для будущей колонизаціи. Въ тѣхъ же волостяхъ, куда направлялись первыя волны переселенческаго движенія, уже во многихъ обществахъ дѣйствительно переполнены, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже средній душевой надѣлъ ниже нормальнаго: 15—18 дес. на наличную душу. Въ самомъ дѣлѣ, еще въ 1882 г. на наличную муж. душу въ среднемъ приходилось по Алтайской волости $10_{,8}$ дес., въ Апуйской—$12_{,5}$ дес., Бобровской—$9_{,5}$ дес., Бійской—11, Бухтарминской—$10_{,8}$, Смоленской—$10_{,4}$, Сростинской—10, Устькаменогорской—14 дес. Эти надѣлы въ крестьянскихъ волостяхъ; въ горнозаводскихъ же они еще меньше, такъ какъ по положенію 8 марта 1861 г. бывшіе мастеровые получили всего по 1 дес. пашни. Въ крестьянскихъ волостяхъ есть много селеній, гдѣ душевой надѣлъ далеко ниже среднихъ поволостныхъ. Такъ 5 дес. надѣлъ въ с. Верхъ-Иковскомъ, Николаевской волости, и Шебалихѣ, Алтайской волости, въ д. Чесновкѣ и Телѣжной, Нижне-Чарышской волости, и пр.; по 3 дес. въ д. Сибирячихѣ Апуйской волости, по 2 дес. въ д. Поперешной, Риддерской волости и пр. [2]). Послѣ 1882 года деревень съ такими надѣлами теперь, конечно, прибавилось въ значительной степени вслѣдствіе наплыва переселенцевъ за это 8-лѣтіе.

Кромѣ боязни предъ малоземельемъ, есть и другая не менѣе серьезная причина для старожиловъ не пускать къ себѣ переселенцевъ. Въ отзывѣ Ояшинскаго волостнаго правленія, между прочимъ, сказано: «Переселенцы предпочитаютъ селиться въ селеніяхъ переселенцевъ же и только отчасти между старожилами, которые охотно принимаютъ ихъ въ свою среду (это многоземельная еще волость), *особенно тѣхъ изъ нихъ, кои не обременены ревизскими душами,* а располагаютъ годными работниками, родившимися послѣ X ревизіи». Подчеркнутыя нами слова объясняютъ другую причину неохотнаго пріема переселенцевъ въ общества старожиловъ. Дѣло въ томъ, что съ пріемами къ себѣ новаго члена сельскія общества не только терпятъ въ землепользованіи (душевые надѣлы ихъ уменьшатся, такъ какъ съ пріемомъ новыхъ членовъ количество земли у общества не увеличивается), но кромѣ того получаютъ новую платежную обузу по числу вновь принятыхъ ревизскихъ душъ. Наиболѣе значительными платежами являются оброчные въ доходъ Кабинета: они взимаются съ ревизскихъ душъ (по 6 р.) и остаются постоянными для многоземельныхъ и малоземельныхъ сельскихъ обществъ. Съ причисленіемъ новыхъ ревизскихъ душъ платежныя тягости общества увеличиваются, а между тѣмъ душевой надѣлъ уменьшается. *Платежи оброчной подати, разъ начисленные на общество, уже не снимаются съ него, если даже число членовъ его и уменьшится чрезъ обратное отъ него переселеніе.* Кабинетскій оброкъ не снимается, если общественники перечисляются куда

[2]) См. „Землевладѣніе“ въ нашемъ сборникѣ „Алтай“. Томскъ. 1890 г.

нибудь внѣ Алтайскаго округа, а также если перечисляются въ мѣщане алтайскихъ городовъ. Въ одномъ случаѣ онъ можетъ быть снятъ съ общества, если выходящій изъ общества перечисляется въ одно изъ алтайскихъ же сельскихъ обществъ.

Эта довольно странная податная система на Алтаѣ служитъ причиной различныхъ недостатковъ въ сельской жизни на Алтаѣ. Это же играетъ значительную роль въ постановленіяхъ сельскихъ обществъ при пріемѣ новыхъ членовъ.

Кромѣ этихъ главныхъ причинъ антогонизма между старожилами и переселенцами, въ нѣкоторыхъ уже приведенныхъ нами отзывахъ высказываются и другія; такъ въ отзывѣ Чарышскаго волостнаго правленія говорится, что переселенцы не принимаются, между прочимъ, «по ихъ нерасторопности и несогласію въ общественныхъ дѣлахъ». То же говорится въ отзывѣ Чингинскаго волостнаго правленія: «На принятіе переселенцевъ старожилы соглашаются не совсѣмъ охотно, такъ какъ переселенцы въ большинствѣ случаевъ не подчиняются мѣстнымъ обычаямъ какъ въ дѣлахъ сельскаго управленія, такъ и частныхъ».

Культурныя различія, лежащія въ характерѣ тѣхъ и другихъ, повидимому играютъ немаловажную роль въ установленіи взаимныхъ отношеній. А что различія между сибиряками и русскими переселенцами существуютъ уже довольно глубокія, это несомнѣнно, и они сказываются какъ во внѣшнемъ обиходѣ, такъ и во внутреннемъ складѣ жизни. Вотъ, напримѣръ, рѣзкій отзывъ сибиряка относительно домашняго обихода переселенца. «Разницы въ хозяйствахъ переселенцевъ между собою изъ различныхъ губерній, а также разницы въ хозяйствахъ между переселенцами и старожилами нѣтъ, говоритъ Ординское волостное правленіе: но въ домашнемъ обиходѣ старожилы съ переселенцами имѣютъ большой контрастъ въ слѣдующемъ: старожилы весьма аккуратно ведутъ чистоту въ домахъ и домашней утвари, а переселенцы этого не дѣлаютъ, напримѣръ: взять Курской, Вологодской, Вятской, Полтавской, Казанской, Рязанской, Пензенской и частію Оренбургской губерній переселенцевъ; зайдя къ нимъ въ хаты, вдругъ видите въ загородкѣ животныхъ: свинью, теленка, овцу; половъ нѣтъ, грязь, срамъ, запахъ кислорода (?), выдыхающійся животными; посуда: кадочки, ведра и проч., употребляющіяся для людей, тотчасъ же ставятся животнымъ съ пойломъ. Такая картина для сибирскихъ жителей является удивительнымъ зрѣлищемъ, такъ что ни одинъ сибирякъ не рѣшается ѣсть и пить у невзыскательныхъ переселенцевъ. Переселенцы же Пермской и Тобольской губерній сходны въ домашнемъ обиходѣ со старожилами». Подъ сгущенными красками этого отзыва скрывается много справедливаго. Дѣйствительно, много встрѣтить можно деревень, гдѣ старожилы и переселенцы вслѣдствіе этихъ внѣшнихъ различій въ домашнемъ обиходѣ не живутъ вмѣстѣ, а разселяются— одни на одномъ концѣ, другіе на другомъ, или одни по одну сторону, другіе по другую одной и той же околицы. Есть нѣсколько случаевъ,

когда старожилы и переселенцы послѣ нѣсколькихъ лѣтъ совмѣстной жизни раздѣлились на два поселка, оставаясь административно въ одномъ и томъ же сельскомъ обществѣ. Смѣшеніе русскихъ съ сибиряками чрезъ браки происходитъ также очень туго. Сибирякъ сторонится русскаго переселенца. И это раздѣленіе происходитъ исключительно подъ вліяніемъ рѣзкихъ культурныхъ особенностей.

Во внутреннемъ складѣ характера русскаго и сибиряка несомнѣнно также существуютъ рѣзкія различія, только въ изображеніи этихъ различій волостныя правленія едва ли могутъ считаться компетентными. Однако, одинъ изъ такихъ отзывовъ Кривощековскаго правленія и притомъ самый рѣзкій не въ пользу русскихъ переселенцевъ мы приведемъ цѣликомъ. «Старожилы принимаютъ переселенцевъ въ свою среду малоохотно, потому что большинство ихъ народъ бѣдный, не такъ способный на первыхъ порахъ къ крестьянскому хозяйству по мѣстнымъ здѣшнимъ условіямъ, въ особенности по обработкѣ земли, сравнительно не выносливый работникъ и, будучи пріученъ къ извѣстнаго рода порядку хозяйства, но оторвавшись отъ него и отъ роднаго своего гнѣзда, привыкъ переходить съ одного мѣста на другое, подыскивать новыя подходящія къ его привычкамъ и способностямъ по хозяйству (мѣста), а потому неустойчивый въ осѣдлости и не совсѣмъ надежный членъ общества по платежу податей и повинностей. Кромѣ того, народъ этотъ, занимаясь въ прежнемъ мѣстѣ крестьянскимъ хозяйствомъ, сравнительно въ тѣсныхъ рамкахъ и привыкнувъ поэтому въ большинствѣ случаевъ оспаривать и отстаивать себѣ самыя мелкія вещи, и здѣсь онъ является больше склоннымъ къ спорамъ и тяжбамъ, а потому и слишкомъ мелочнымъ и вздорнымъ какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни, — въ глазахъ старожиловъ всегда имѣвшихъ и имѣющихъ возможность заниматься хозяйствомъ болѣе свободно, а потому и не привыкшихъ къ частымъ спорамъ и тяжбамъ (? вотъ уже именно, чѣмъ отличается по преимуществу сибирякъ), тѣмъ болѣе что приноситъ съ собой разсказы о всемъ болѣе и лучше устроенномъ на прежнемъ мѣстѣ, но между прочимъ мало и рѣдко его оправдываетъ и доказываетъ на дѣлѣ». Еще рѣзче, въ особенности по своей категоричности, отзывъ о переселенцахъ дало Нижне-Чарышское волостное правленіе. «Новыхъ порядковъ въ общественной жизни, говоритъ оно, переселенцы не завели, кромѣ развѣ неуваженія чужой собственности, проявляя это захватомъ земли у сосѣднихъ селеній или другъ у друга и окончаніемъ общественныхъ дѣлъ, а также и частныхъ сдѣлокъ выпивкой вина, чего между старожилами ранѣе не было (?)».

Раздраженіе между старожилами и переселенцами, оказывается, достигло того, что оно изъ области повседневныхъ частныхъ отношеній невольно передается въ оффиціальную переписку. Въ приведенныхъ нами отзывахъ Кривощековскаго и Нижне-Чарышскаго вол. правленій этотъ субъективизмъ, осложненный личнымъ раздраженіемъ, сказался очень ясно. Мы не займемся разборомъ и опроверженіемъ этихъ мнѣній под-

робно, а лишь приведемъ и отзывы о переселенцахъ изъ другихъ волостей, составленные также сибиряками, но, повидимому, относящимися болѣе спокойно къ натянутымъ отношеніямъ между старожилами и переселенцами. Кривощековское правленіе характеризуетъ русскихъ переселенцевъ какъ неспособныхъ даже къ сельскому хозяйству! На это можно привести мнѣніе Локтевскаго волостнаго правленія: «разницы въ хозяйствахъ между переселенцами никакой нѣтъ, а въ отношеніи разницы въ хозяйствахъ переселенцевъ и старожиловъ замѣчается то, что трудолюбіе, умѣніе и способности переселенцевъ способствуютъ къ скорому возстановленію хозяйства, а неспособность, безпечность къ труду старожиловъ нисколько не ставитъ ихъ на степень развитія своего хозяйства или какой нибудь промышленности» (?). Даже Нижне-Чарышское волостное правленіе, совсѣмъ не расположенное въ пользу переселенцевъ, обвиняя ихъ, какъ мы видѣли выше, въ неуваженіи къ чужой собственности,—даже и оно несогласно съ Кривощековскимъ относительно обвиненія переселенцевъ въ неумѣньи и неспособности къ хозяйству. Коснувшись вопроса о разницѣ въ хозяйствахъ старожиловъ и переселенцевъ, оно говоритъ: «разницы... не замѣчается, кромѣ того развѣ, что предпріимчивостью переселенцевъ здѣсь вводятся все въ большее и большее употребленіе молотилки, вѣялки, мукомольныя вѣтренныя о 2-хъ и 3-хъ поставахъ мельницы, крупенныя рушки, маслобойные заводы и проч.». А на обвиненіе Кривощековскимъ правленіемъ переселенцевъ въ мелочности и вздорности можно привести отзывъ Апуйскаго волостнаго правленія: «Въ сельской общественной жизни отъ старожиловъ переселенцы отличаются тѣмъ, что живутъ между собою миролюбивѣе, болѣе охотно отзываются на пожертвованія и построеніе храмовъ, усердно исполняя религіозныя обязанности, не избѣгая и предметовъ роскоши. Населеніе старожиловъ Апуйской волости, придерживающееся раскола, не охотно уплачиваетъ сборы на церкви, не заботится объ украшеніи таковыхъ, избѣгая всѣхъ предметовъ роскоши, употребляя все собственнаго изобрѣтенія». Въ этихъ темноватыхъ писарскихъ аттестаціяхъ во всякомъ случаѣ уже не кроется и тѣни раздраженія, такъ ясно просвѣчивающаго въ отзывѣ Кривощековскаго волостнаго правленія. А въ отзывѣ Боровлянскаго волостнаго правленія за 1887 г., въ которомъ въ свою очередь приведено мнѣніе и переселенцевъ о старожилахъ, положеніе сторонъ рисуется уже въ иномъ свѣтѣ. «Старожилы относятся къ переселенцамъ дружелюбно и охотно принимаютъ ихъ на заработки, новоселы же не особенно довѣрчивы къ сибирякамъ, относятся отчасти какъ бы къ лицамъ ниже ихъ по совѣсти и чести, и къ образу дѣйствій ихъ относятся какъ бы критически».

Вынужденное образованіе новыхъ селеній, однако, имѣетъ для переселенцевъ и хорошія стороны. «Новые участки предпочитаются потому, что переселенцы могутъ свободно по заселеніи занимать новыя, невыдержанныя земли вблизи образованнаго заселка при новоустроенномъ хо-

зяйствѣ, чрезъ что болѣе имѣется удобствъ расширять таковое, при свободныхъ и незанятыхъ никѣмъ земляхъ. Есть немногіе переселенцы, поселившіеся къ старожиламъ, которые приняли ихъ безпрепятственно, но таковые сами болѣе охотно заселяются на новые участки по выясненнымъ причинамъ и потому, что болѣе влекутъ туда ихъ поселившіеся тамъ односельчане и родственники». Впрочемъ, едва ли это наиболѣе важное изъ удобствъ новаго поселенія. Повидимому наибольшая цѣна новымъ поселкамъ въ глазахъ переселенца заключается въ томъ, что здѣсь ими не помыкаютъ, ихъ не давятъ на міру, здѣсь они, будучи полными хозяевами насаждаютъ ту культуру, съ которой сроднились, а быть можетъ и осуществляютъ то, что и на родинѣ для нихъ представлялось лишь въ области недосягаемыхъ мечтаній. Во всякомъ случаѣ, стремленіе не попускаться своими взглядами и обычаями у нихъ на столько сильно, что они иногда только изъ за этого расходятся со старожилами, охотно ихъ пріютившими. Карасунское волостное правленіе прямо говоритъ: «больше переселенцы предпочитаютъ селиться на новыя образовываемыя селенія, каковое переселеніе предпочитается для нихъ удобнымъ потому, что въ новыхъ заселкахъ переселенцы усвоиваютъ свои прежніе обычаи и порядки, хотя старожилы въ среду свою принимаютъ ихъ охотно». То же высказывалось и въ нѣкоторыхъ уже приведенныхъ нами отзывахъ, напр., Чингинскаго правленія, а также проскальзываетъ и въ отзывѣ Боровлянскаго волостнаго правленія: «Переселенцы предпочитаютъ селиться на свободныхъ участкахъ, чѣмъ въ среду старожиловъ; для этого у нихъ на первомъ планѣ денежный разсчетъ: часто старожилы берутъ за пріемъ съ новоселовъ деньги, и затѣмъ на первый разъ нужно къ порядкамъ присматриваться и голосъ новосела не сразу получаетъ должное значеніе; въ своемъ же поселкѣ удобства несравненны: совершенное отсутствіе платы за пріемъ, порядокъ одинаковый съ родиной и вѣсъ въ обществѣ прежніе». Приведены еще нѣсколько отзывовъ, характеризующихъ неподатливость и желаніе переселенцевъ быть самостоятельными. Въ 1887 г. Чингинское волостное правленіе писало: «отношенія въ большинствѣ случаевъ плохія, въ чемъ виноваты сами же переселенцы, которые во всемъ несогласны со старожилами, какъ въ общественныхъ, такъ и въ частныхъ дѣлахъ, повидимому изъ за нежеланія подчиняться мѣстнымъ обычаямъ». А Енисейское волостное правленіе въ томъ же году писало: «въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ преобладаетъ переселенческій элементъ, старожилы и переселенцы дѣлятся въ общественной жизни на двѣ партіи и обсуждаютъ дѣла каждая по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ».

На этомъ вопросѣ мы остановились долго потому, что въ переселенческомъ дѣлѣ Алтая въ настоящее время онъ составляетъ злобу дня. Вслѣдствіе обострившихся отношеній между старожилами и переселенцами особенно плачевна судьба непричисленныхъ переселенцевъ, которые составляютъ громадный контингентъ въ переселенческомъ населеніи Алтая.

Старожилы часто ихъ обманомъ завлекаютъ къ себѣ селиться и когда тѣ обзаводятся хозяйствомъ, начинаютъ ихъ притѣснять, налагая на нихъ чрезмѣрные платежи, заставляя ихъ выполнять наравнѣ съ собою натуральныя повинности, совершенно игнорируя то, что они, живя по паспортамъ, несутъ эти же платежи и повинности и на родинѣ. Нижне-Чарышское волостное правленіе говоритъ: «обложеніе непричисленныхъ переселенцевъ денежнымъ сборомъ за землю въ пользу общества часто порождаетъ споры съ той и другой стороны». Бѣда была бы не велика, если бы эти споры и кончались спорами, но нерѣдко они кончаются совершеннымъ выдвореніемъ непричисленныхъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили нѣсколько лѣтъ и завелись домами. Въ виду этихъ случаевъ главное алтайское управленіе въ ежегодно печатаемыхъ спискахъ новыхъ участковъ постоянно предупреждаетъ переселенцевъ не заводиться осѣдлостью, пока они не будутъ причислены къ избраннымъ ими селеніямъ. Чтобы вывести изъ тяжелаго положенія этотъ контингентъ переселенцевъ то же управленіе нынѣ, послѣ переселенческаго закона 13 іюля 1889 г., ходатайствуетъ о распространеніи и на алтайскихъ переселенцевъ той статьи закона, которая касается причисленія безъ согласія сельскихъ обществъ всѣхъ тѣхъ непричисленныхъ переселенцевъ на казенныхъ земляхъ, которые жили въ этихъ обществахъ до изданія закона. Прослышавъ объ этомъ ходатайствѣ, старожилы стали еще сильнѣе тѣснить живущихъ у нихъ безъ причисленія переселенцевъ, но эти въ свою очередь упорнѣе отказываются отъ платежа имъ пріемныхъ денегъ.

V.

Кто больше переселяется со старыхъ мѣстъ—зажиточные или бѣдняки, и привозятъ ли они съ собой на новыя мѣста средства для обзаведенія?

Волостныя правленія не дѣлали, конечно, спеціальныхъ опросовъ переселенцамъ и въ своихъ отвѣтахъ руководствовались, какъ и въ большинствѣ другихъ вопросовъ, общимъ впечатлѣніемъ, которое и передавали въ формѣ краткихъ заявленій. Однако и изъ нихъ можно составить вполнѣ опредѣленное представленіе о средствахъ переселенцевъ. Изъ 45 волостныхъ правленій, отвѣчавшихъ на этотъ вопросъ, болѣе 20 отвѣчали категорически: «переселяются больше бѣдняки», другіе ограничивались неопредѣленной фразой: «и тѣ и другіе» Для примѣра приведемъ нѣкоторые изъ этихъ отвѣтовъ. Легостаевское волостное правленіе говоритъ: «Изъ переселенцевъ прибыли въ здѣшнюю волость преимущественно бѣдняки, развѣ $^1/_{10}$ изъ нихъ зажиточные и то только съ денежными средствами, скота же, кромѣ тѣхъ, на которыхъ ѣдутъ и прочаго имущества, кромѣ одежныхъ вещей, не привозятъ. Бѣдняки устраиваются посредствомъ отдачи своихъ членовъ въ батраки къ старожи-

ламъ». Ординское волостное правленіе относительно привозимыхъ переселенцами средствъ говоритъ еще опредѣленнѣе: «переселяются преимущественно бѣдняки, которые съ собой на новыя мѣста привозятъ средства очень ничтожныя, напримѣръ, отъ 5 до 25 р., вырученныхъ отъ продажи домовъ и прочаго имущества на старыхъ мѣстахъ».

Нѣкоторыя волостныя правленія рисуютъ первоначальную обстановку переселенцевъ въ нѣсколько розовомъ свѣтѣ. Барнаульское правленіе хотя и говоритъ, что «переселяются и богатые и бѣдные», но при этомъ добавляетъ: «почти каждый изъ переселенцевъ приноситъ свои средства на первое домообзаводство», а Косьминское къ этому прибавляетъ «и отъ казны себѣ пособія не просили». Это указаніе совершенно излишне, такъ какъ нынѣ всѣ переселенцы еще на родинѣ хорошо знаютъ, что здѣсь никакихъ казенныхъ пособій никогда не было. Иныя правленія еще прямѣе высказываются о достаточности привозимыхъ переселенцами средствахъ. Боровлянское волостное правленіе говоритъ: «больше селятся малосостоятельные, но на первый разъ для обзаводства необходимымъ имѣетъ средства почти каждая семья и совершенныхъ бѣдняковъ не болѣе 3 на 100; и такія семьи размѣщаются на первый разъ на квартирахъ, годные работники идутъ въ батраки». Чаусское волостное правленіе въ этомъ смыслѣ выражается еще категоричнѣе: «такихъ переселенцевъ, которые, прибывъ для водворенія, вовсе не имѣли бы къ тому никакихъ средствъ, — не было». Впрочемъ, этотъ оптимизмъ ступевывается въ отзывахъ тѣхъ же волостныхъ правленій, когда они описываютъ первое время устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, о чемъ мы будемъ говорить ниже.

Краткіе отзывы о несостоятельности главной массы переселенцевъ вполнѣ подтверждаются и выводами Григорьева для Рязанской губерніи и опросами Чудновскаго, производившаго изслѣдованія о переселенцахъ Алтая въ 1884 и 5 гг. Изъ 435 домохозяевъ, опрошенныхъ имъ, при отправкѣ въ Сибирь вовсе не имѣли скота на родинѣ 10%, имѣли по одной штукѣ—60%. Изъ его же опросовъ 1089 домохозяевъ оказалось, что 3% пошли въ путь совсѣмъ безъ средствъ, 13% взяли на дорогу съ собой менѣе 50 руб.; 17% взяли отъ 50 до 100 руб. на семью, 14%—отъ 100 до 150 р., 10% — отъ 150 до 200 р., 14% имѣли отъ 200 до 300 руб. и т. д. Словомъ, большинство взяло на дорогу столько, сколько при самой тщательной экономіи требовалось лишь на одну дорогу и, стало быть, на первоначальное домообзаводство или совсѣмъ ничего не оставалось, или оставалось, какъ указываетъ Ординское волостное правленіе, рублей 5—25.

Относительно того, изъ какихъ губерній идутъ наиболѣе зажиточные, и изъ какихъ несостоятельные переселенцы, дали отзывъ лишь два правленія. Уксунайское волостное правленіе говоритъ: «больше бѣдняковъ пріѣзжаетъ изъ Вятской и Пермской губ.; многіе изъ нихъ почти безъ всякихъ средствъ, съ одной или двумя лошадью». Верхъ-Томское волост-

ное правленіе въ этомъ отношеніи дѣлаетъ даже нѣкоторое обобщеніе: «изъ губерній ближе къ сѣверу—Вологодской и Пермской (уѣзды Усть-Сысольскій, Соликамскій, Чердынскій и др.) переселенцы являются большею частію бѣдняками, изъ губерній южнѣе и западнѣе переселенцы являются частію зажиточными». Впрочемъ, это же правленіе, говоря ранѣе вообще о переселенцахъ, указываетъ, что «со старыхъ мѣстъ большею частію переселяются бѣдные переселенцы и съ собой привозятъ только частію домашнюю утварь и то въ маломъ числѣ». Просматривая отзывъ Верхъ-Томскаго правленія въ цѣломъ, трудно рѣшить, о какихъ юго-западныхъ губерніяхъ оно говоритъ, откуда по его мнѣнію выселяются болѣе зажиточные переселенцы, чѣмъ изъ Пермской и Вологодской губ. Въ своемъ отзывѣ оно не перечисляетъ губерній, откуда пришли къ нимъ въ волость переселенцы, какъ дѣлаютъ это другія правленія, и только въ одномъ мѣстѣ случайно упоминаетъ о выходцахъ изъ Пензенской губерніи.

Слѣдуя же отзывамъ переселенческихъ чиновниковъ Тюмени и Томска, мимо которыхъ проходитъ едва не весь переселенческій потокъ въ Сибирь, а также наблюдая переселенцевъ лично, можно прійти къ тому заключенію, что въ послѣднее время наиболѣе необезпеченными являются выходцы среднихъ губерній Курской, Тульской, Рязанской. Особенною бѣдностью и, можно сказать, безпомощностію поражаютъ каждаго куряне. Курская губернія съ 1887 г. по числу ежегодно выпускающихъ на Алтай переселенцевъ стоитъ далеко впереди всѣхъ остальныхъ, и при этомъ изъ нея идетъ поразительная бѣднота. Громадное большинство изъ нихъ уже въ Тюмень и Томскъ являются безъ средствъ къ дальнѣйшему путешествію на Алтай и осаждаютъ здѣшнихъ переселенческихъ чиновниковъ и комитеты просьбами о помощи. Очень многихъ изъ нихъ приходится не только пересылать на пособія этихъ учрежденій, но даже и продовольствовать во время пути. Томскъ и Барнаулъ, чрезъ которые проходитъ большая часть переселенческихъ партій на Алтай, хорошо знакомы съ переселенцами, просящими ради Христа даже кусокъ хлѣба. И большинство этихъ нищихъ выходцы Курской губерніи, которые во время пути успѣваютъ издержать все, что удается имъ собрать на родинѣ отъ продажи незатѣйливаго хозяйства.

Нѣсколько сдержанные отзывы волостныхъ правленій, которые были приведены нами выше о состоятельности переселяющихся, мало согласуются съ извѣстіями изъ другихъ источниковъ, рисующихъ бѣдственное положеніе переселенцевъ въ пути по истинѣ ужасными красками. Всѣмъ памятны еще корреспонденціи въ «Рус. Вѣд.» за 1889 г. о переполненіи переселенцами устроенныхъ для нихъ бараковъ въ Томскѣ, о голодѣ, о развитіи среди нихъ повальныхъ болѣзней, между которыми голодный тифъ занимаетъ выдающееся мѣсто,—корреспонденціи, которыя вызвали въ Томскѣ образованіе переселенческаго комитета, а среди русскаго общества энергичный сборъ въ пользу переселенцевъ. Извѣстія объ ужасномъ

положеніи переселенцевъ въ пути заносятся и въ оффиціальные источники. Въ обзорѣ за 1883 г. Томскаго губернатора мы читаемъ между прочимъ: «Въ кондѣ іюля прибыло на буксированной пароходомъ «Ершъ» баржѣ «Тура» огромная партія переселенцевъ въ 2,500 чел., втиснутыхъ въ пространство, на которомъ едва бы могло помѣститься 800 человѣкъ. Подвергаясь всякаго рода притѣсненіямъ со стороны пароходовладѣльца *и, главное, терпя недостатокъ въ продовольствіи*, партія эта привезла съ собою 80 дѣтей больныхъ скарлатиной, корью, дифтеритомъ и кровавымъ поносомъ. На самой баржѣ найдено 5 труповъ, въ первые сутки по прибытіи умерло 9 дѣтей, а по разсказамъ крестьянъ во время перехода было еще 20 умершихъ. Изнуренные такими лишеніями люди, очевидно, не могутъ устроить себѣ на зиму сносныя избы».

Такое безотрадное положеніе переселенцевъ въ пути въ рядъ ли могло бы быть, если бы не только всѣ, какъ говоритъ, напримѣръ, Локтевское волостное правленіе, а хотя бы только половина ихъ привозила съ собою достаточныя средства съ родины. Впрочемъ, въ дальнѣйшихъ отзывахъ тѣхъ же волостныхъ правленій о положеніи переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, объ устройствѣ ихъ хозяйствъ, о батрачествѣ у старожиловъ и пр. сглаживается этотъ нѣсколько оптимистическій взглядъ волостныхъ правленій на вывезенныя переселенцами средства съ родины.

VI.

Скоро ли устраиваются полнымъ хозяйствомъ переселенцы; какъ устраиваются тѣ, кто является на новое мѣсто безъ средствъ? Разница въ хозяйствахъ старожиловъ и переселенцевъ и у послѣднихъ между собою.

Изъ предыдущихъ хотя бы и краткихъ отзывовъ волостныхъ правленій можно было видѣть, что большинство переселенцевъ является на Алтай съ ничтожными средствами. А быстрота устройства на новыхъ мѣстахъ, конечно, прежде всего зависитъ отъ привезенныхъ ими средствъ и затѣмъ уже отъ тѣхъ природныхъ и общехозяйственныхъ новыхъ условій, на которыя съ такою беззавѣтностію они рѣшаются промѣнять свое незавидное положеніе на родинѣ. Характеръ первоначальнаго осѣданія на новыхъ мѣстахъ въ большинствѣ случаевъ вездѣ одинаковъ, въ особенности для являющихся безъ средствъ.

Тальменское волостное правленіе такъ рисуетъ первые шаги переселенца на новой родинѣ. «Устройство переселенца на новомъ мѣстѣ вообще бываетъ такое: если переселенецъ принадлежитъ къ числу зажиточныхъ лицъ, то по прибытіи въ деревню или село онъ покупаетъ себѣ избу въ первую же зиму или лѣто и затѣмъ ходатайствуетъ о приписке его на новое мѣсто и въ то же время обзаводится самостоятельно хозяйствомъ. Если переселенецъ человѣкъ бѣдный, не имѣющій средствъ

для существованія, онъ первымъ дѣломъ ищетъ со своей семьей квартиру и, найдя себѣ какой нибудь бѣдный пріютъ, начинаетъ работать у старожиловъ. Сбившись чрезъ заработокъ небольшими средствами, онъ на второй или третій годъ покупаетъ себѣ избу, большею частію на половину въ долгъ. Вообще изъ переселяющихся $^3/_4$ бѣдныхъ семей безъ денегъ и имѣющихъ не болѣе 1—2 рабочихъ лошадей». То же съ нѣкоторыми подробностями говоритъ Ординское волостное правленіе: «кто является безъ средствъ, сначала поступаютъ въ домовые годовые работники, а женщины въ услуженіе при домашнихъ работахъ къ зажиточнымъ старожиламъ; получая годовую плату, стараются приряживать десятину или болѣе, сѣять разнаго хлѣба для сѣмянъ, отъ которыхъ начинаютъ хлѣбопашество, а на выряженныя деньги, оставшіяся отъ расходовъ, пріобрѣтаютъ маленькія избушки — хаты и домашняго скота, тѣмъ и начинаютъ свое отдѣльное самостоятельное хозяйство». Приведемъ еще нѣсколько такихъ отзывовъ. Чарышское волостное правленіе говоритъ: «Всѣ переселенцы состоятъ изъ крестьянъ Тамбовской, частію Воронежской, а преимущественно Курской губерній; переселяются преимущественно бѣдняки, не имѣющіе для обзаведенія почти никакихъ средствъ. По прибытіи на новое мѣсто устраиваютъ по большей части землянки и затѣмъ чрезъ заработки у старожиловъ у нихъ же покупаютъ скота и запахиваютъ пашни». Алтайское вол. правленіе быстроту домообзаводства переселенцевъ ставитъ въ зависимость отъ количественнаго состава работниковъ въ ихъ семьяхъ. «Переселенцы, имѣющіе въ семьѣ не менѣе трехъ работниковъ, устраиваются скоро, заводя прочное хозяйство; а семьи при одномъ работникѣ, въ особенности не знающія никакого ремесла, несутъ нужду, устраиваясь съ большимъ трудомъ чрезъ много лѣтъ; имъ помогаютъ въ немногихъ случаяхъ ранѣе переселившіеся. Переселяются со старыхъ мѣстъ больше бѣдняки; со средствами мало. Кто явился на новое мѣсто безъ средствъ, 3—4 года живетъ въ работникахъ у старожила или добываетъ средство поденной работой и затѣмъ переходитъ на свое хозяйство. Скорѣе устраиваются полнымъ хозяйствомъ самарцы, орловцы, куряне, воронежцы и тамбовцы, потому что они прилежно занимаются хлѣбопашествомъ и лучше умѣютъ обрабатывать землю; вятичи и пермяки же плохіе хозяева и потому позже устраиваются на новомъ мѣстѣ. Изъ этихъ двухъ губерній большинство мастеровъ: кузнецы, столяры, плотники, пильщики и пр., а изъ Самарской и Орловской губ.—плотники и пильщики». Приведемъ еще одинъ отзывъ, характеризующій тяжелое положеніе тѣхъ, которые являются на новыя мѣста со скудными средствами. «Устраиваются полнымъ хозяйствомъ переселенцы, говоритъ Кулундинское волостное правленіе, не очень успѣшно, за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ; помощи имъ въ этомъ ни отъ кого нѣтъ. Переселяются со старыхъ мѣстъ болѣе бѣдняки; средства для обзаведенія привозятъ съ собой весьма скудныя. А тѣ, которые совершенно не имѣютъ средствъ устраиваются посредствомъ заработковъ

въ страдное время на полевыхъ работахъ, а зимой нанимаются сами и отдаютъ дѣтей къ крестьянамъ въ услуженіе въ годовые работники. Переселенцы всѣхъ губерній, кромѣ Пермской, живутъ неопрятно, строятъ избы безъ половъ, вмѣсто которыхъ настилаютъ солому, теплыхъ дворовъ, и хлѣвовъ для мелкаго скота нѣтъ, а держатъ таковой зимой вмѣстѣ съ собою въ избахъ, отчего и заражаются болѣзнями. Пермяки противъ другихъ устраиваются полнымъ хозяйствомъ скорѣе, потому что привозятъ съ собою болѣе средствъ и по трудолюбію и еще потому, что Пермская губернія противъ тѣхъ находится гораздо ближе къ Сибири».

Таковые отзывы о первоначальномъ устройствѣ переселенцевъ идутъ почти ото всѣхъ волостныхъ правленій; лишь тѣ, которыя признавали, что большинство переселенцевъ является съ достаточными средствами, высказали и въ настоящемъ случаѣ болѣе оптимистическій взглядъ. Такъ Енисейское волостное правленіе высказываетъ, что «старожилы всегда охотно принимаютъ на жительство переселенцевъ, которые по прибытіи въ первый же годъ обзаводятся хозяйствомъ, по большей части небольшимъ, въ чемъ содѣйствіе оказываютъ старожилы и тутъ живущіе ихъ земляки. Въ большинствѣ случаевъ изъ старыхъ мѣстъ переселяются зажиточные и на новыхъ мѣстахъ обзаводятся хозяйствомъ на собственныя средства. Бываютъ рѣдкіе случаи, что кто нибудь является безъ средствъ, то такія семьи первое время находятъ себѣ работу у тѣхъ же старожиловъ или переселенцевъ своихъ земляковъ и, проживъ такимъ образомъ въ услуженіи года 2 — 3, обзаводятся своими хозяйствами». Едва не то же говоритъ и Локтевское волостное правленіе: «переселенцы со средствами устраиваются полнымъ хозяйствомъ скоро, такъ какъ со стороны главнаго управленія (Алтая) на устройство усадебъ имъ отпускается лѣсъ безпрепятственно, а заручныя средства позволяютъ на скорую обстановку полнаго хозяйства... Всѣ переселенцы являются въ большинствѣ со средствами, дающими возможность на скорое устройство ихъ хозяйствъ; являющіеся же безъ средствъ на первое время поступаютъ въ заработки, и при томъ усиленномъ трудѣ, который присущъ ихъ рассѣ (?), также постепенно возстановляютъ свое хозяйство». Или Нарымское волостное правленіе категорически заявляетъ: «полнымъ хозяйствомъ переселенцы устраиваются скоро, потому что большею частію — ремесленники».

Изъ всѣхъ этихъ отзывовъ можно вывести довольно опредѣленное общее заключеніе о первоначальномъ устройствѣ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Во всѣхъ отзывахъ можно подмѣтить прежде всего общую черту всѣхъ переселенцевъ стремленіе къ самостоятельному хозяйству, стремленіе во что бы то ни стало къ собственному домообзаводству. Объ этомъ въ нѣкоторыхъ отзывахъ прямо указывается; такъ Касмалинское волостное правленіе, высказавъ, что въ ихъ волости въ большинствѣ случаевъ селятся переселенцы «бѣднаго состоянія», прибавляетъ далѣе: «прибывъ на новыя мѣста вообще стараются обзавестись на первый разъ хотя не-

большимъ, но собственнымъ хозяйствомъ». Являющіеся на новые участки въ первое же лѣто и осень, по словамъ Косьминскаго правленія, устраиваютъ уже себѣ небольшіе домики или землянки, не успѣвъ даже сдѣлать посѣва къ будущему лѣту. Стремленіе къ собственному гнѣзду до того сильно, что, по словамъ Тальменскаго правленія, они пріобрѣтаютъ дома даже ранѣе приписки, т. е. ранѣе полученія пріемнаго приговора или разрѣшенія Алтайскаго управленія на ихъ поселеніе. При обостряющихся отношеніяхъ между старожилами и переселенцами это даетъ возможность старожиламъ дѣлать всевозможныя притѣсненія новоселамъ, вымогать отъ нихъ высокую плату за пріемный приговоръ или даже за простое пользованіе мірскими земельными угодьями. Мы уже говорили, что Алтайское управленіе старается и личными совѣтами, и чрезъ ежегодно печатаемыя при спискахъ новыхъ участковъ правила о переселеніи предупреждать переселенцевъ отъ такой поспѣшности къ домообзаводству.

Изъ приведенныхъ же отзывовъ для насъ выясняется и самый существенный въ переселенческомъ дѣлѣ вопросъ о времени полнаго устройства новоселовъ на Алтаѣ; почти всѣ отзывы одинаково говорятъ, что являющіеся со средствами успѣваютъ чрезъ годъ или два обзаводиться едва не полнымъ самостоятельнымъ хозяйствомъ; для новоселовъ же малосостоятельныхъ или являющихся сюда совсѣмъ безъ средствъ этотъ срокъ для устройства самостоятельнаго хозяйства едва не всѣ волостныя правленія опредѣляютъ въ 2—3 или 3—5 лѣтъ. Однообразіе отвѣтовъ въ этомъ отношеніи довольно замѣчательно; на этотъ срокъ указываютъ одинаково и степныя и лѣсныя волости. Для выходцевъ изъ тѣхъ или иныхъ губерній въ этомъ отношеніи признаютъ различія весьма немногія волостныя правленія. Если нѣкоторыя и указываютъ на выдающуюся способность къ успѣшному домообзаводству пермяковъ и вятичей предъ выходцами изъ другихъ губерній, то это ставятъ преимущественно въ зависимость отъ наибольшей способности этихъ къ ремесламъ. «Ремесленники устраиваются вообще скорѣе», говоритъ Тарсминское волостное правленіе. Впрочемъ, нѣкоторыя, какъ напримѣръ, приведенный уже нами отзывъ Алтайскаго волостнаго правленія, ремесленниковъ считаетъ, повидимому, менѣе способными къ домообзаводству, и предпочтеніе въ этомъ случаѣ отдается хлѣбопашцамъ другихъ губерній.

Изъ тѣхъ же отзывовъ довольно рельефно выступаетъ и вопросъ о временномъ батрачествѣ переселенцевъ у старожиловъ. Для приходящихъ безъ средствъ батрачество въ настоящее время составляетъ единственный путь прицѣпиться на новомъ мѣстѣ и добиться самостоятельности. Въ батракахъ перебиваются иногда цѣлыми семьями и не рѣдко по нѣсколько лѣтъ. Продолжительность батрачества зависитъ отъ различнаго рода бѣдствій—неурожаевъ, падежей скота. Бійское волостное правленіе говоритъ: «Незначительнѣйшая часть переселенцевъ изъ состоятельныхъ обзавелась хорошимъ хозяйствомъ, а бывшая часть—плохимъ и живетъ крайне бѣдно, а особенно въ послѣднее время, вслѣдствіе упадка рогатаго скота въ

1884 г. и плохихъ урожаевъ хлѣба въ 1884, 5, 6 и 8 годахъ. Переселились почти исключительно бѣдные. Никто переселенцамъ при обзаведеніи ихъ не помогаетъ, а устраиваются они на свои средства, какъ могутъ; многіе изъ нихъ живутъ и до сихъ поръ по квартирамъ и нищенствуютъ».

Изъ другихъ отзывовъ мы видѣли, что батраками состоятъ и такіе, которые успѣли пріобрѣсть даже и собственныя домишки; часть семьи должна идти въ батраки особенно по зимамъ не только для заработковъ, но часто и только для того, чтобы прокормиться. Старожилы да и наиболѣе счастливые изъ переселенцевъ умѣютъ пользоваться безвыходнымъ положеніемъ новоселовъ. Все болѣе и болѣе возростающее переселеніе на Алтай дало возможность старожиламъ до нѣкоторой степени организовать наемъ въ батрачество. Съ открытіемъ переселенческаго сезона нѣкоторые изъ нихъ навѣдываются въ главные пункты высадки переселенцевъ съ парохода, Барнаулъ, Томскъ и, смотря по сказывающейся нуждѣ у переселенцевъ въ средствахъ, нанимаютъ ихъ тутъ же на полевыя работы цѣлыми семьями. Нѣкоторые въ самую страду нарочно ѣдутъ съ какимъ нибудь извозомъ въ Барнаулъ или Томскъ, чтобы здѣсь захватить съ собою въ обратный путь нѣсколько семей переселенцевъ, наиболѣе нуждающихся, и отвести ихъ домой на лѣтнія работы, суля имъ всевозможныя блага, а чаще прельщая ихъ дешевизной проѣзда. Въ такихъ случаяхъ часто нѣкоторые переселенцы попадаютъ совсѣмъ не въ ту сторону, куда они первоначально стремились. При этомъ не обходится иногда дѣло и безъ обмана; слишкомъ довѣрчивымъ обѣщаютъ большія льготы по припискѣ въ своихъ обществахъ и высокія платы за полевыя работы.

Что переселенцы составляютъ довольно выгодную статью въ хозяйствѣ и предметъ эксплоатаціи для старожиловъ, объ этомъ весьма не двусмысленно выражаются и волостныя правленія. Такъ алтайское волостное правленіе говоритъ: «Ранѣе старожилы принимали къ себѣ переселенцевъ съ большой охотой, потому что до устройства своего хозяйства послѣдніе работали на старожиловъ за дешевую плату; съ переходомъ же на свое хозяйство плата за трудъ измѣняется въ пользу переселенцевъ, и, кромѣ того, имъ потребовались земельныя угодья, въ которыхъ оказывается недостатокъ, а потому въ настоящее время переселенцы принимаются неохотно; нѣкоторыя же общества и вовсе ихъ не принимаютъ». Локтевское волостное правленіе по этому поводу выражается уже яснѣе, говоря: «старожилы принимаютъ на постоянное жительство лишь тѣхъ переселенцевъ, которые по своимъ скуднымъ средствамъ не могутъ устроиться хозяйствомъ самостоятельно и составляютъ необходимыя рабочія руки во время сѣнокоса и уборки хлѣба». А принимая къ себѣ новоселовъ, они уже, помимо взимаемыхъ съ нихъ денегъ за приписку, извлекаютъ изъ нихъ выгоду чрезъ батрачество, о чемъ довольно прозрачно намекаетъ Нижне-Чарышское волостное правленіе, когда говоритъ, что переселенцы постепенно обзаводятся хозяйствомъ, проживая въ началѣ на квартирѣ и

занимаясь работой по найму болѣе или менѣе продолжительное время. «Въ этомъ случаѣ помощь (?) оказывается и старожилами и переселенцами, которые уже прежде оказанія помощи вновь прибывшимъ извлекаютъ свою выгоду».

Переселенцы являются находкой и для возникающихъ въ послѣднее время частныхъ хозяйствъ на Алтаѣ. Эти хозяйства явились весьма недавно, но уже теперь они считаются, пожалуй, сотнями. За сельское хозяйство взялись купцы, кабатчики, волостные писаря, даже чиновники. Запашекъ по 50, по 100 десятинъ можно насчитать массу. Есть запашки по 200—300 и даже 500 дес. Такія хозяйства, какъ Удоновское въ Павловскомъ заводѣ, Отянковское и Ѳедуловское около Барнаула ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ экономій средней руки; они пользуются, какъ и многіе мелкіе хозяева, усовершенствованными орудіями. Для такихъ хозяйствъ переселенцы являются настоящимъ кладомъ, являясь съ одной стороны дешевыми, а съ другой—наиболѣе привычными и умѣлыми рабочими.

И запашки многихъ крестьянъ достигаютъ громадныхъ размѣровъ. По свѣдѣніямъ волостныхъ правленій за 1887 г., maximum и minimum посѣвовъ на каждый дворъ колебался, напримѣръ, такимъ образомъ: по Барнаульскому округу въ Боровлянской волости отъ 1 до 30 дес., въ Карасукской отъ 12 до 40 дес., Верхъ-Чумышской отъ 2 до 40 дес. въ Николаевской отъ 3 до 74 дес. По Бійскому округу размѣры запашекъ на дворъ были въ Сростинской, Смоленской и Колыванской отъ 2 до 70 дес., Апуйской и Чарышской отъ 5 до 50 дес. Алейской отъ $^1/_2$ до 80 дес.; а въ Верхъ-Томской волости, Кузнецкаго окр., отъ 5 до 100 дес. Такія крестьянскія запашки требуютъ очевидно значительнаго количества наемныхъ рабочихъ.

По заявленію самихъ старожиловъ, такіе размѣры хлѣбопашество приняло только въ послѣднее время, и учителями въ этомъ отношеніи они, не скрывая, признаютъ исключительно переселенцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имъ приписываютъ самое начало и возникновеніе хлѣбопашества. Такъ Ояшинское волостное правленіе, говоря о сокращеніи въ 1888 г. размѣра запашекъ по волости вслѣдствіе неурожая въ этомъ году, высказываетъ между прочимъ слѣдующее: «Неурожай хлѣба навлекъ на населеніе бѣдность и недостатокъ работъ на мѣстѣ. Упадокъ въ хозяйствѣ также замѣчался по случаю неурожая, почему жители, особенно изъ старожиловъ, охладѣли къ хлѣбопашеству, которымъ безъ того стали заниматься не съ давняго времени, а именно *хлѣбопашество укоренилось лишь со времени наплыва переселенцевъ изъ другихъ губерній, которые и послужили примѣромъ къ трудолюбію*. Съ подобнаго рода заявленіями мы встрѣтимся еще не разъ, когда будемъ разсматривать вліяніе и значеніе переселенія для культуры Алтая.

Уже а ргіогі можно заключить, что съ теченіемъ времени отъ наплыва переселенцевъ положеніе батраковъ на Алтаѣ должно все болѣе и болѣе ухудшаться. Размѣры запашекъ не могутъ расти соотвѣтственно росту

населенія, увеличивающагося здѣсь наплывомъ переселенцевъ, достигающимъ въ послѣднее 5-лѣтіе въ среднемъ около 16 тыс. человѣкъ ежегодно. Какъ бы искусственно не расширялись запашки, ростъ населенія всетаки обгонитъ ихъ, и однимъ изъ результатовъ этого должно явиться пониженіе рабочихъ платъ. О колебаніи платы сельскимъ рабочимъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по губернаторскимъ обзорамъ за два имѣющіеся у насъ года, 1881 и 1887 г. Платы послѣ 1881 г. понизились; такъ, годовой рабочій получалъ до 60 р., а въ 1887 г. до 50 р. Поденная плата пѣшему рабочему, на хозяйскомъ содержаніи, при посѣвѣ въ 1881 г. была отъ 30 до 60 к. и въ 1887 г. отъ 30 до 40 коп., при сѣнокосѣ отъ 60 до 70 к. и отъ 50 до 60 к., при уборкѣ хлѣба отъ 55—75 к., а въ 1887 г.—отъ 50 до 65 к., почти въ такой же степени уменьшилась и плата конному рабочему и работницѣ. Пониженіе рабочихъ платъ въ 1887 г. не могло быть вызвано случайностью въ родѣ недорода хлѣбовъ или сильнаго падежа скота; въ этомъ отношеніи 1887 годъ находился въ благопріятныхъ условіяхъ: урожай его былъ выше предыдущихъ лѣтъ и точно также свирѣпствовавшая до того чума рогатаго скота почти прекратилась къ этому времени. Словомъ, наличность сельско-хозяйственныхъ условій была такова, что во всѣхъ другихъ мѣстахъ въ такихъ случаяхъ заработная плата повышается. А если она не только не повысилась, но даже понизилась противъ 1881 г., то здѣсь, очевидно, играли роль уже другія условія, вліяніе которыхъ пересилило даже коренныя причины экономической жизни. Этими новыми условіями здѣсь является прогрессивный ростъ населенія.

Теперь постараемся провѣрить голословные отзывы волостныхъ правленій данными болѣе объективнаго характера. Вмѣстѣ съ этими отзывами волостныя правленія даютъ и статистическія данныя о положеніи переселенцевъ. Однимъ изъ критеріевъ при опредѣленіи хозяйственной способности переселенцевъ могутъ служить весьма интересныя данныя о бездомовыхъ переселенцахъ. Въ 1883 г. эти данныя были собраны лишь о непричисленныхъ переселенцахъ, а за два послѣдніе года, 1888 и 1889, они относятся ко всѣмъ вообще переселенцамъ. Въ 1883 году бездомовыхъ числилось 6,921 чел. лишь на 30,544 чел. неприписанныхъ, а въ 1888 г. ихъ было 9,623 чел. или 1,833 семьи, и въ 1889 г. — 12,077 чел., или 2,361 семья на все число переселенцевъ—и приписанныхъ и неприписанныхъ. Если даже все число бездомовыхъ за эти два года отнести лишь къ непричисленнымъ переселенцамъ, которыхъ было въ 1888 г.—29,791, а въ 1889 г.—34,815 чел., то и тогда мы невольно должны будемъ признать чрезвычайную умѣлость и способность переселенцевъ къ быстрому домообзаводству на новыхъ мѣстахъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ всей массы переселившихся на Алтай съ 1865 г. (во всякомъ случаѣ не менѣе 150—200 тыс. чел.) къ началу 1890 г. бездомовыхъ числится всего 12,077 чел. Эти бездомовые набираются изъ переселенцевъ, пришедшихъ въ самое послѣднее время; допустимъ даже,

что въ числѣ ихъ нѣтъ уже такихъ, которые пришли ранѣе 5 лѣтъ тому назадъ; иначе сказать, что всѣ, явившіеся сюда до 1885 г., успѣли уже обзавестись домами и что въ числѣ 12,077 бездомовыхъ фигурируютъ лишь тѣ, которые явились съ 1885 г. За это время (1885—89) общее число переселенцевъ—и причисленныхъ и непричисленныхъ—опредѣляется въ 84,320 чел.; по отношенію къ нимъ число бездомовыхъ опредѣлится въ $13,_3\%$. Но эта цифра сама по себѣ еще ничего не говоритъ о дѣйствительной способности переселенцевъ къ домообзаводству. Въ своихъ отзывахъ волостныя правленія почти единодушно опредѣляютъ время полнаго хозяйственнаго устройства переселенцевъ чрезъ 1—2 года для состоятельныхъ и чрезъ 3—5 или 2—3 года для несостоятельныхъ. Уже изъ приведеннаго нами указанія о числѣ всѣхъ бездомовыхъ и числѣ всѣхъ переселенцевъ за 5 лѣтъ можно видѣть, что этотъ срокъ для домообзаводства правленіями не сокращенъ, а скорѣе увеличенъ, или по крайней мѣрѣ, онъ является для самаго незначительнаго числа переселенцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, за послѣднее время ежегодно приходитъ переселенцевъ по 16—18 тыс. чел., и съ другой стороны, общее число бездомовыхъ, образовавшихся изъ пришельцевъ за все время переселенія, не превосходитъ $12^1/_2$ тыс. чел. Какимъ же образомъ это происходитъ? Зная, что всего труднѣе обзаводиться домами въ первые же годы по приходѣ, потому что много времени уходитъ на одинъ выборъ мѣста, на ознакомленіе съ мѣстными условіями и въ особенности на полученіе пріемныхъ приговоровъ, нужно бы думать, что изъ числа вновь прибывающихъ устраивается домами самая незначительная часть, въ родѣ $^1/_4$, $^1/_5$ и т. д. Но если допустить это, то мы получили бы, напримѣръ, для 1888 г., когда вновь пришло болѣе 18 тыс. переселенцевъ, что бездомовыхъ тогда было бы отъ однихъ новичковъ отъ $13^1/_2$ — $14^1/_2$ тыс. челов. Между тѣмъ въ этомъ году общее число бездомовыхъ не достигало и 10 тыс. и, въ числѣ ихъ, конечно, нужно допустить еще изъ тѣхъ, которые пришли ранѣе 1888 г., т. е. такихъ, которые не успѣли устроиться домами, какъ говорятъ волостныя правленія, въ продолженіе 2—3 лѣтъ.

Вѣрнѣе всего допустить, что болѣе половины бездомовыхъ 1888 г., а именно около $^2/_3$ или $^3/_4$, приходится на пришедшихъ въ 1888 г., а остальные должны приходиться на явившихся еще въ предыдущіе годы. Въ распредѣленіи этихъ послѣднихъ по годамъ должны опять допустить тѣ же предположенія, т. е. что $^2/_3$ или $^3/_4$ этихъ остальныхъ должны падать на явившихся въ 1887 г., а остальные—на предыдущіе годы. Такъ распредѣленіе продолжать на столько лѣтъ, на сколько это указываютъ волостныя правленія, т. е. самое большее на 5 лѣтъ.

При такомъ болѣе чѣмъ вѣроятномъ распредѣленіи бездомовыхъ переселенцевъ, голословныя заявленія волостныхъ правленій о времени домообзаводства переселенцевъ примутъ болѣе опредѣленную форму. Пусть изъ всѣхъ бездомовыхъ 1888 г. $^2/_3$ (или 6,423) приходится на вновь

пришедшихъ переселенцевъ; тогда, слѣдовательно, нужно будетъ допустить, что изъ всѣхъ 18 тыс. вновь явившихся въ этомъ году переселенцевъ болѣе $11^1/_2$ тыс. устроилось своими домами уже въ первый годъ. Изъ оставшихся 3,200 бездомовыхъ опять нужно признать $^2/_3$ (или 2,000) такихъ, которые приходятся на выходцевъ 1887 г., или такихъ, которые не могли обзавестись чрезъ годъ по приходѣ. Оставшіеся 1,200 бездомовыхъ также распредѣлятся между предшествующими годами, а именно: 800 чел. на пришедшихъ въ 1886 г. и не успѣвшихъ обзавестись домами чрезъ 2 года; 300 чел. на 1885 г. и 100 чел.—на 1884 г. или такихъ, которые не успѣли обзавестись чрезъ 4 года.

При иномъ распредѣленіи бездомовыхъ (въ отношеніи 1 : 3) разница получится ничтожная; на 1888 г., первый по приходѣ переселенцевъ, изъ 9,623 бездомовыхъ придется около 7,200 челов., на 1887 годъ—1,800 чел., на 1886 г.—450 чел., на 1885 г.—330 чел. и 120 чел. на 1884 г. Словомъ, при какомъ угодно распредѣленіи,—соблюдая лишь условіе, что въ общей суммѣ бездомовыхъ большая часть всегда должна приходиться на явившихся переселенцевъ въ ближайшее къ разсматриваемому время, — мы получимъ весьма интересный выводъ, а именно: громадное большинство переселенцевъ устраиваются своими домами уже въ первый или второй по приходѣ годъ, а такіе, которые остаются бездомовыми чрезъ 2—3 года, насчитываются лишь сотнями изъ всей массы въ 16 — 18 тыс. ежегодно вновь являющихся переселенцевъ; бездомовыхъ же чрезъ 4 — 5 лѣтъ остается и еще менѣе. Чаусское волостное правленіе подтверждаетъ это, говоря: «всѣ они одинаково спѣшатъ скорѣе построить себѣ свои избы и на квартирахъ остаются не долго».

Этотъ выводъ, являющійся уже не изъ голословныхъ отзывовъ волостныхъ правленій, а какъ результатъ весьма близкихъ къ дѣйствительности статистическихъ данныхъ [1]), въ высшей степени благопріятно характеризуетъ способность русскихъ къ новоселью и устройству новыхъ хозяйствъ. Этотъ интересный выводъ не только подтверждается, но еще болѣе усиливается другими подробностями о положеніи переселенцевъ.

Въ общемъ числѣ изслѣдуемыхъ нами бездомовыхъ (9,623 чел.—въ 1888 г. и 12,077 чел.—1889 г.) заключаются не только всѣ переселенцы, не имѣющіе своихъ хозяйствъ и живущіе наймомъ, но здѣсь также рѣчь идетъ и о всѣхъ переселенцахъ, ведущихъ собственное хозяйство, но только живущихъ по квартирамъ. И этихъ послѣднихъ оказывается значительно болѣе, чѣмъ первыхъ. Мы уже говорили, что первоначальное проживаніе на квартирахъ, особенно для непричисленныхъ переселенцевъ, не можетъ характеризовать еще ихъ хозяйственной неспособности; скорѣе это является результатомъ благоразумія въ виду усиливающихся враждебныхъ отношеній старожиловъ къ переселенцамъ. И

---

[1]) Эти статистическія данныя представлены правленіями не огульно по цѣлой волости, а для каждаго въ отдѣльности селенія.

если съ этой стороны мы разсмотримъ статистическія данныя о хозяйныхъ и безхозяйныхъ переселенцахъ, то нашъ выводъ о способности русскихъ къ новоселью пріобрѣтетъ несомнѣнность факта.

По свѣдѣніямъ волостныхъ правленій, изъ всей массы бездомовыхъ 1,833 семей въ 1888 г. было лишь 610 (около 3,200 чел.), жившихъ по найму, а въ 1889 г. изъ 2,361 семьи бездомовыхъ жили по найму въ услуженіи 861 семья (4,520 чел.); остальные хотя и жили на квартирахъ, но вели свое хозяйство. Эти числа совсѣмъ измѣняютъ даже и прежній благопріятный выводъ еще больше въ пользу переселенцевъ. По этимъ даннымъ почти невѣроятно допустить, чтобы хоть сколько нибудь замѣтная часть переселенцевъ была въ батракахъ долѣе 1—2 лѣтъ. Если и къ этой категоріи безхозяйныхъ переселенцевъ примѣнить тѣ же разсужденія относительно ихъ распредѣленія по годамъ, то окажется, что въ 1888 г. батрачествовало приблизительно отъ 406 до 460 семей изъ пришедшихъ въ этомъ году, а на выходцевъ предшествующаго года падаетъ отъ 114 до 130 семей, а на такихъ которые бы батрачествовали долѣе 2 лѣтъ падаетъ отъ 35 до 70 семей. Но нужно помнить, что это число совершенно безхозяйныхъ выдѣляется изъ 3 — $3^1/_2$ тыс. семей, ежегодно приходящихъ новоселовъ. Разумѣется, при малѣйшей первоначальной помощи для переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ не было бы и этихъ печальныхъ исключеній.

Свѣдѣнія о батракахъ у насъ имѣются лишь за два и притомъ сосѣднихъ года—1888 и 1889, въ виду этого трудно сдѣлать болѣе или менѣе вѣроятное заключеніе о быстротѣ роста этого печальнаго явленія. А имѣющіяся свѣдѣнія не даютъ утѣшительныхъ выводовъ; по нимъ видно, что за одинъ годъ батрачество возрасло на $8_{,3}\%$; послѣ 1888 г., когда батраковъ было 610 семей, на слѣдующій годъ ихъ число дошло до 861 семьи. Причиной этому могла быть не одна бѣдность этихъ семей, а также и мѣстныя условія—неурожай 1888 г., вслѣдствіе чего произошло значительное паденіе заработковъ вообще и самой платы—въ особенности. Эти условія, если и вынуждаютъ старожиловъ къ большей сговорчивости при пріемѣ переселенцевъ, то съ другой стороны и не защищаютъ этихъ послѣднихъ отъ эксплоататорскихъ наклонностей старожиловъ. Барнаульское волостное правленіе говоритъ: «старожилы переселенцевъ принимаютъ на жительство неохотно, но нынѣ, вслѣдствіе неурожаевъ и обѣдненія въ виду даваемыхъ переселенцами за пріемные приговоры денегъ, стали принимать охотнѣе.... Явившіеся безъ своихъ средствъ устраиваются при помощи заработковъ у старожиловъ». Отъ этихъ заработковъ, конечно, выигрываютъ больше старожилы, чѣмъ новоселы. Мы уже приводили нѣкоторые отзывы, гдѣ намеки на эксплоатацію переселенцевъ старожилами довольно не двусмысленны. А Ординское волостное правленіе говоритъ по этому поводу: «переселенцамъ помогаютъ старожилы, которые даютъ имъ подъ работы страднія, подъ поставку сѣна, подъ хлѣбъ и скоромное масло, *конечно, не безъ личныхъ выгодъ въ своихъ*

интересахъ за болѣе удешевленную цѣну». А изъ отзывовъ Алтайскаго и Локтевскаго правленій видѣли, что въ видахъ этихъ «своихъ личныхъ интересовъ и выгодъ» старожилы предпочитаютъ принимать къ себѣ даже нарочно наиболѣе бѣдныхъ переселенцевъ.

Разсматривая отдѣльные отзывы правленій о числѣ переселенцевъ, живущихъ по найму, можно прослѣдить, куда болѣе въ послѣднее время направляются переселенцы. Въ 1888 г. батраковъ болѣе всего приходилось на слѣдующія волости: Карасукскую (121 семья), Алтайскую (77), Барнаульскую (73), Локтевскую (66), Нижне-Кулундинскую (54) и пр. Въ 1889 г. по количеству батраковъ волости шли уже въ такомъ порядкѣ: Бійская (89 семей), Ординская (71), Бурлинская (69), Касмалинская (66), Карасукская (59), Чарышская (57) и пр. По этимъ даннымъ можно безошибочно считать, что означенныя волости служили и главными пунктами въ послѣдніе 2 года для переселенческаго притока. Въ этихъ же волостяхъ больше всего встрѣчается и переселенцевъ съ неполнымъ хозяйствомъ, т. е. такихъ, которые имѣютъ уже собственное полеводство, но не имѣютъ еще домовъ. Такихъ въ 1888 г. больше всего приходилось на Касмалинскую волость (178 семей), Нижне-Кулундинскую (172), Локтевскую (137), Ново-Алейскую (103) и пр., а въ 1889 г.—на Касмалинскую (227), Локтевскую (170), Ординскую (139), Бурлинскую (102) и пр.

Само собой разумѣется, что большая часть и тѣхъ переселенцевъ, которые въ волостной статистикѣ фигурируютъ въ числѣ ведущихъ собственное хозяйство, должна значительно отличаться по размѣрамъ его отъ старожиловъ и переселенцевъ. Лялинское правленіе по этому поводу говоритъ: «хозяйство переселенцы ведутъ противъ старожиловъ много слабѣе; преимущественно оно состоитъ у нихъ изъ одной избы, крытой соломой, амбара и двора, — не исключая тѣхъ, которые причислены прежде». Относительно разницы въ хозяйствѣ между переселенцами и старожилами высказаны довольно разнорѣчивые отзывы. Многія правленія не видятъ никакой разницы, другія, подобно Лялинскому правленію, хозяйства переселенцевъ считаютъ слабѣе и хуже; большинство дѣлаетъ эту оцѣнку съ внѣшней стороны, подчеркивая преимущественно нечистоту и грязь въ переселенческихъ домахъ. Касмалинское вол. правленіе, напримѣръ, говоритъ: «между переселенцами и старожилами является въ хозяйствѣ единственная разница, что первые болѣе соблюдаютъ въ хозяйствѣ чистоту и опрятность, а послѣдніе ко всему этому относятся съ пренебреженіемъ и не стараются подражать примѣру старожиловъ». Тоже говорятъ уже цитированные нами отзывы Ординскаго и Кулундинскаго правленій; тоже повторяютъ и нѣсколько другихъ волостныхъ правленій. Боровлянское правленіе по этому поводу выражаетъ удивленіе: «замѣчательно то, что всѣ новоселы неопрятны, одежду и бѣлье почти постоянно носятъ грязныя и въ домахъ ихъ чистоты тоже не видно»? Болѣе существенныхъ различій въ хозяйствахъ старожиловъ и переселенцевъ никто не указываетъ.

Есть, однако, нѣсколько отзывовъ, ставящихъ переселенцевъ, если не выше, то не ниже старожиловъ въ хозяйствѣ. «Всѣ переселенцы, исключая нѣкоторыхъ на новомъ мѣстѣ причисленія, обзавелись хозяйствомъ, нѣкоторые даже лучше старожиловъ, говоритъ Сростинское волостное правленіе, а другіе, болѣе изъ бѣдныхъ, причислившіеся въ 1887 и 1888 гг., имѣютъ лишь только одну избушку». Апуйское волостное правленіе уже совсѣмъ отдаетъ предпочтеніе переселенцамъ: «отъ старожилъ переселенцы отличаются тѣмъ, что болѣе умѣло ведутъ свое хозяйство, выказывая сильнѣе трудолюбіе къ таковому». Еще болѣе рѣзкій въ пользу переселенцевъ мы привели отзывъ локтевскаго волостнаго правленія, когда говорили объ отношеніяхъ старожиловъ и переселенцевъ. О выдающемся трудолюбіи переселенцевъ говорятъ многія волостныя правленія. Николаевское указываетъ, «что переселенцы менѣе проводятъ время въ праздности и даже во многіе праздники, послѣ бытности при богослуженіяхъ, принимаются за работы». Конечно, только такому выдающемуся трудолюбію и хозяйственнымъ способностямъ переселенцы обязаны тѣмъ, что они, въ большинствѣ случаевъ малосостоятельные, уже черезъ 1—2 г. успѣваютъ заводиться довольно сноснымъ хозяйствомъ, которое у ранѣе пришедшихъ новоселовъ превосходитъ даже хозяйство старожиловъ.

Весьма близко къ этимъ оптимистическимъ выводамъ подошелъ и Чудновскій, сравнивая экономическое положеніе старожиловъ и новоселовъ въ пяти подробно обслѣдованныхъ имъ селеніяхъ съ преобладающимъ переселенческимъ элементомъ. За критерій обезпеченности двора онъ принялъ количество скота и посѣва—отдѣльно у старожиловъ и новоселовъ. Его данныя мы сгруппировали въ таблицу. На одинъ дворъ приходилось:

	Лошадей.		Рог. скота.		Овецъ.		Посѣва десятинъ.	
	У стар.	У нов.	У стар.	У нов.	У стар.	У нов.	У стар.	У нов.
С. Сростинское 185 двор. (79 нов. 106 ст.) . . .	6,5	3	7,9	3,3	4,5	2,5	5	6,8
С. Старо-Тырышкино 283 д. (205 нов. 78 ст.) . . .	6,4	3,9	3,7	2,4	11,2	6,4	9,8	8,9
Д. Усть-Апуйская 341 дв. (217 нов. 124 ст.). . .	7,7	4,9	10	5,6	7,3	7,1	6,6	5,6
С. Ярки 215 дв. (168 нов. 47 ст.)	6,4	9,6	4	10	9,6	24,9	10,5	17,3
С. Смоленское 742 двор. (567 нов. 175 ст.) . . .	4,6	7	5	7,9	7,7	13,2	12,2	9,5

Въ первыхъ трехъ селеніяхъ экономическое положеніе переселенцевъ значительно уступаетъ положенію старожиловъ. Разница получается еще болѣе не въ пользу переселенцевъ отъ того, что въ каждомъ переселен-

ческомъ дворѣ число душъ замѣтно болѣе, чѣмъ у старожиловъ и, слѣдовательно, если распредѣленіе дѣлать по душамъ, то зажиточность переселенцевъ с. Сростинскаго, Старо-Тырышкина и д. Усть-Апуйской будетъ еще болѣе уступать зажиточности старожиловъ. Это обстоятельство Чудновскій объясняетъ тѣмъ, что въ первыхъ трехъ селеніяхъ среди переселенцевъ было много изъ недавно пришедшихъ и даже непричисленныхъ. Совсѣмъ иная картина экономическаго положенія переселенцевъ въ с. Яркахъ и Смоленскомъ. Здѣсь старожилы уже значительно уступаютъ переселенцамъ въ обширности своихъ хозяйствъ.

У того же Чудновскаго есть выводы изъ опроса 514 — 616 домохозяевъ о сравнительной состоятельности переселенцевъ на мѣстѣ прежняго и новаго ихъ жительства. Эти данныя показываютъ громадный шагъ впередъ въ экономической обезпеченности переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. У однихъ и тѣхъ же домохозяевъ въ среднемъ на каждый дворъ приходилось:

	Въ Россіи.		На Алтаѣ.
Лошадей	$2_{,3}$		$4_{,4}$
Рогатаго скота	$1_{,3}$		$5_{,2}$
Надѣлъ на рев. душу	2—3 дес.	Посѣвъ на дворъ	$6_{,9}$

Остановимся нѣсколько на характеристикѣ хозяйственной способности переселенцевъ различныхъ губерній. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ отзывы волостныхъ правленій выдѣляютъ изъ всей массы переселенцевъ — вятичей, пермяковъ, отчасти тамбовцевъ, оренбуржцевъ и самарцевъ. По мнѣнію волостныхъ правленій, эти переселенцы скорѣе другихъ устраиваются на новыхъ мѣстахъ, и причину этого многія видятъ въ способности вятичей и пермяковъ къ ремесламъ. Почти вездѣ, гдѣ говорится о переселенцахъ-ремесленникахъ, вятичи и пермяки между ними занимаютъ первое мѣсто. Вятичи преимущественно плотники, пимокаты, пильщики, пермяки—кузнецы, слесаря, столяры и сапожники. Одно Алтайское волостное правленіе, какъ видѣли мы ранѣе, хозяйство выходцевъ этихъ двухъ губерній ставитъ значительно ниже переселенческихъ хозяйствъ прочихъ губерній, и причину этой разницы едва ли не видитъ именно въ томъ, что, по словамъ другихъ правленій, такъ выдѣляетъ ихъ хозяйства отъ прочихъ (ремесленность ихъ). Громадное же большинство остальныхъ правленій признаютъ, что вятичи и пермяки устраиваются предъ другими скорѣе и въ большинствѣ случаевъ это ставятъ въ прямую зависимость отъ ихъ ремесленности. Такъ, Локтевское волостное правленіе говоритъ: «скорѣе всего устраиваются на новыхъ мѣстахъ изъ переселенцевъ пермяки, вятичи и тамбовцы, какъ народъ ремесленный и трудолюбивый; между ними замѣчаются плотники, столяры, пильщики, пимокаты и сапожники». Тоже говоритъ Николаевское волостное правленіе: «полнымъ хозяйствомъ устраиваются скорѣе большинство вятичей,

по ихъ трудолюбію, изъ нихъ же больше и ремесленниковъ-плотниковъ». Или Легостаевское волостное правленіе: «скорѣе устраиваются замѣтно переселенцы, прибывшіе изъ Вятской и Тамбовской губерніи, какъ по зажиточности, такъ и по трудолюбію и, кромѣ того, вятскіе еще и потому, что обладаютъ плотническими ремеслами. Кромѣ нихъ, курскіе—каменьщики». Впрочемъ, ремесленниковъ указываютъ и изъ другихъ губерній; такъ, Ординское волостное правленіе, кромѣ вятичей—плотниковъ, указываетъ на тюменцевъ-экипажниковъ. Смоленское правленіе говоритъ: «мастера: гончары, пимокаты, плотники, бондари и сапожники изъ Вятской и Пермской губ., а кузнецы, столяры, слесаря—частію изъ тѣхъ же губерній, а частію изъ Тамбовской, Орловской и Самарской губ.».

У Чудновскаго относительно хозяйственной способности выходцевъ различныхъ губерній мы находимъ слѣдующія статистическія данныя. Въ с. Яркахъ, гдѣ хозяйство переселенцевъ вообще выше, чѣмъ хозяйство старожиловъ по количеству скота и запашекъ, на первомъ мѣстѣ стоятъ тамбовцы, у которыхъ на каждый дворъ приходится $10,_{7}$ лошадей, $11,_{4}$ рогатаго скота, $20,_{8}$ дес. посѣва, что значительно выше средняго вообще переселенческаго двора. За ними идутъ пермяки и тоболяки. Всѣхъ хуже устроились самарцы и пензяки, среднія хозяйства которыхъ значительно ниже даже среднихъ хозяйствъ старожиловъ. Въ с. Смоленскомъ картина нѣсколько иная; здѣсь по величинѣ хозяйства идутъ переселенцы въ такомъ порядкѣ: тамбовцы, самарцы, тоболяки, ихъ хозяйства выше среднихъ переселенческихъ; за ними идутъ пензяки, воронежцы, новгородцы, у которыхъ средній дворъ хотя и ниже средняго обще-переселенческаго въ селѣ, но всетаки незначительно уступаетъ новоселамъ первыхъ трехъ губерній. За то ниже другихъ здѣсь стоятъ хозяйства пермяковъ, туляковъ, рязанцевъ. У Чудновскаго, впрочемъ, есть и болѣе общіе выводы, касающіеся всѣхъ опрошенныхъ имъ новоселовъ (1,188 дворовъ) въ его экспедиціи на Алтай. Въ этой общей оцѣнкѣ ему критеріемъ служило количество скота. По среднему количеству лошадей и рогатаго скота на дворъ переселенцы распредѣляются у него въ такомъ порядкѣ:

	Среднее количество лошадей на дворъ.	% безлошадныхъ.	Рогат. скота на дворъ.	% безъ скота.
Самарцы.	$3,_{8}$	$4,_{35}$	$2,_{2}$	—
Тоболяки	$3,_{4}$	$4,_{08}$	$2,_{4}$	$11,_{8}$
Оренбуржцы.	$3,_{1}$	—	$2,_{5}$	$33,_{3}$
Пермяки.	$2,_{5}$	$4,_{84}$	$2,_{3}$	—
Орловцы	$2,_{3}$	$4,_{10}$	$1,_{3}$	$14,_{9}$
Воронежцы	$2,_{3}$	$6,_{35}$	$1,_{8}$	$2,_{7}$
Тамбовцы.	$2,_{3}$	$6,_{18}$	$1,_{3}$	$10,_{9}$
Рязанцы.	$2,_{2}$	$11,_{26}$	$1,_{2}$	$14,_{3}$

	Среднее количество лошадей на дворъ.	% безлошадныхъ.	Рогат. скота на дворъ.	% безъ скота.
Харьковцы.	2,1	—	?	?
Вологодцы.	1,3	28,36	1,8	—
Вятичи	1,6	8,33	1,5	—
Туляки	1,5	—	?	?
Симбирцы	1,5	20	1	66,67
Куряне	1,4	—	1	33,33
Уфимцы.	1,3	—	1,5	—
Пензенцы	1	83,33	?	?

Эти наиболѣе точныя свѣдѣнія о положеніи переселенцевъ, какъ относящіяся къ 4 волостямъ (Смоленской и Зиминогорской въ полномъ ихъ составѣ, Алтайской и Сростинской—для 3 обществъ въ каждой), не согласуются съ большинствомъ другихъ отзывовъ, но весьма близки съ отзывами, данными смоленскимъ и алтайскимъ волостными правленіями. Первое изъ нихъ лучшими хозяевами считаетъ: самарцевъ, тамбовцевъ, орловцевъ, вятичей и пермяковъ, а второе, вмѣсто вятичей и пермяковъ, къ этимъ добавляетъ воронежцевъ и курянъ.

VII.

Теперь обратимся къ отзывамъ волостныхъ правленій о той культурной роли, которую они признаютъ за переселенцами для края. Губернскимъ статистическимъ комитетомъ въ этомъ смыслѣ былъ заданъ слѣдующій вопросъ:

Не завезли ли переселенцы новыхъ обычаевъ и порядковъ въ пользованіи землей, въ обработкѣ ея и, наконецъ, въ сельской общественной жизни.

Многія изъ волостныхъ правленій отнеслись къ этому очень важному вопросу, какъ и ко многимъ другимъ, слишкомъ поверхностно и отвѣчали больше для соблюденія формальности въ родѣ слѣдующаго: «переселенцами ничего не завезено». Однако, изъ отзывовъ тѣхъ немногихъ волостныхъ правленій, которыя отнеслись къ вопросу внимательнѣе, а также изъ статистическаго матеріала о развитіи промысловъ на Алтаѣ [2]), можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о роли переселенцевъ въ культурной жизни Алтая.

Мы приводили уже мнѣніе Ояшинскаго волостнаго правленія, которое прямо заявляетъ, что «хлѣбопашество укоренилось лишь со времени наплыва переселенцевъ изъ другихъ губерній, которые и послужили при-

2) См. нашъ сборникъ „Алтай“, Томскъ. 1890 г.

мѣромъ (старожиламъ) къ трудолюбію». А Зыряновское волостное правленіе писало въ 1887 г. «старожилы часто прибѣгаютъ къ опытности и знанію переселенцевъ по земледѣльческимъ и хозяйственнымъ дѣламъ и вопросамъ». Апуйское волостное правленіе приписываетъ переселенцамъ замѣну сохи плугомъ. «Всѣ они занимаются хлѣбопашествомъ, говоритъ оно, съ каждымъ годомъ развивая таковое до болѣе широкихъ размѣровъ, и улучшивъ при обработкѣ земель тотъ способъ, что въ замѣнъ сохи, употребляемой для пахоты крестьянами-старожилами, примѣнили плугъ, которымъ далеко лучше обрабатывается земля, а при уборкѣ хлѣба — молотилки и вѣялки, кои много сокращаютъ рабочихъ рукъ и времени; послѣднія заведены во многихъ селеніяхъ и старожилами, болѣе для того, что хлѣбъ провѣянный на нихъ, очищается отъ сорныхъ травъ, сортируясь на 3 части: главный, средній и охвосье». Боровлянское волостное правленіе хотя и сдержанно, но признаетъ за новоселами нѣкоторыя улучшенія: «переселенцы, говоритъ оно, новыхъ порядковъ и обычаевъ не вводятъ, потому что старожиловъ преобладаетъ численность, или они находятъ существующій порядокъ лучшимъ; въ пользованіи и обработкѣ земель улучшенія тоже нѣтъ; къ переселенцамъ ли отнести вошедшій въ употребленіе порядокъ кошенія литовками низкорослыхъ хлѣбовъ, преимущественно овса, а не серпами, какъ это было встарь, или дошли до этого сами старожилы,—добраться трудно; а изъ земледѣльческихъ орудій съ пріѣздомъ новоселовъ входятъ въ употребленіе вѣялки, и онѣ уже въ рѣдкость устраиваются не все россійскими новоселами, а частію и старожилами». Изъ Нижне-Чарышской волости еще въ 1887 г. сообщалось: «съ собой переселенцы ничего не привезли, но при ихъ предпріимчивости здѣсь ввелись въ употребленіе машины: молотилки, вѣялки, шерстобитки, мукомольныя мельницы—вѣтрянки о 3 и 2 поставахъ, мельницы конныя, крупянныя, рѣзчики, маслобойни и др.; ввелось въ употребленіе скашиваніе хлѣба косою съ граблями, вмѣсто серпа. Хлѣбопашество увеличилось». Зыряновскимъ волостнымъ правленіемъ сообщалось о введеніи переселенцами плуговъ и посѣва бѣлотурки. Въ Алтайской волости сибирская соха начала съ приходомъ переселенцевъ также замѣняться плугомъ, переселенцы вводятъ и молотилки и вѣялки; въ Барнаульской съ переселенцами началъ вводиться плугъ—сабанъ. О введеніи машинъ сообщается и изъ Чаусской и Смоленской волостей. Волостное правленіе послѣдней въ 1887 г. писало: «За послѣдніе 10 лѣтъ переселенцы не мало привезли въ Сибирь новыхъ орудій хлѣбопашества, какъ напримѣръ, плуги, молотилки, вѣялки и т. п. Въ прежнее время этихъ орудій въ Сибири не было, употреблялись соха, для молотьбы—лошади и прочіе первобытные пріемы, которые почти что во всѣхъ селеніяхъ волости существуютъ и по настоящее время». Наконецъ, изъ Сростинской и Косьмалинской волостей сообщается о разведеніи переселенцами приведенныхъ изъ Россіи битюговъ «орловской» породы. Въ настоящее время существуетъ два конныхъ завода, принадле-

жащихъ переселенцамъ. Около 15 лѣтъ тому назадъ одинъ изъ крестьянъ Тамбовской губерніи, Усмановскаго уѣзда, слободы Шуконья, которая и въ Россіи славится крестьянскими заводами орловскихъ породистыхъ лошадей, переселился въ Чингинскую волость, въ деревню Мышланку и привелъ съ собою нѣсколько племенныхъ жеребцовъ и кобылицъ орловской породы. Съ его завода лошадей покупали очень охотно, особенно много сбывалось въ г. Томскѣ. Послѣ смерти его сыновья раздѣлились, одинъ остался въ той же Мышланкѣ, другой переселился въ Алейскую волость, деревню Курью подъ Змѣиногорскомъ и, такимъ образомъ, теперь явилось два завода чистокровныхъ орловскихъ лошадей, которыя продаются отъ 200 до 500 руб. и дороже.

Но еще больше вліяніе переселенія отразилось на развитіи кустарныхъ промысловъ Алтая. Въ крѣпостное время все алтайское населеніе было обязано работать на заводы, одни въ качествѣ цеховыхъ мастеровыхъ, другіе—приготовляя запасы руды, флюсовъ, угля, дровъ и пр. для заводскихъ дѣйствій. За этими обязательными работами у населенія едва оставалось достаточное время для веденія собственнаго полеводства и преимущественно скотоводства, которое преобладало тогда надъ всѣми другими занятіями въ большей части Алтая, да преобладаетъ и нынѣ въ юго-западной его части. О другихъ промыслахъ, кромѣ отхожихъ для доставки заводамъ припасовъ, не было и помину. Теперь съ приходомъ переселенцевъ здѣсь начали распространяться едва не всѣ наиболѣе извѣстные въ Россіи крестьянскіе кустарные промыслы; начало большинству изъ нихъ положено переселенцами, которые по отзывамъ волостныхъ правленій являются и теперь главными кустарями, — старожилы трудно привыкаютъ. Въ 1888 г. всего кустарей считалось уже 9,634 семьи и кромѣ того почти столько же (9,061 с.) занимаются отхожими промыслами.

Пимокатный и шерстобитный промыслы перенесены сюда переселенцами и теперь всецѣло находятся въ ихъ рукахъ. Николаевское волостное правленіе пишетъ, что «шерстобитно-пимокатный промыселъ возникъ не далѣе какъ лѣтъ 20—25 тому назадъ съ переселеніемъ въ волость россійскихъ новоселовъ и развился значительно». Сибиряки по городамъ и деревнямъ еще и теперь помнятъ, какъ лѣтъ 30 — 35 тому назадъ пимы были большою рѣдкостью и вмѣсто нихъ Сибиряки по зимамъ носили нѣчто въ родѣ длинныхъ чулокъ, сшитыхъ изъ собачьей или оленьей шкуры шерстью внутрь или двойные—внутрь и наружу. Выдѣлка шерстяныхъ шляпъ, а также плетеныхъ изъ соломы обязаны переселенцамъ и возникла около Барнаула весьма недавно. Шубный, гончарный промыслы своимъ развитіемъ обязаны исключительно переселенцамъ; на это указываетъ распространеніе ихъ не изъ городскихъ центровъ внутрь страны, а обратно; они возникали и распространялись гдѣ нибудь въ глухихъ деревняхъ съ пріѣздомъ туда новоселовъ. Знаменитыя барнаульскія черненыя шубы выдѣлывались впервые переселенцемъ г. Барнаула

Ланинымъ, который секретъ окрашиванія шубъ получилъ отъ извѣстнаго на Алтаѣ изслѣдователя С. И. Гуляева, теперь уже покойнаго. Многіе изъ щепныхъ промысловъ обязаны также переселенцамъ своимъ возникновеніемъ, распространеніемъ же всѣ. Приготовленіе дугъ, саней, колесъ, одровъ (кузовъ телѣги) началось недавно. Ранѣе всѣ сибирскіе извощики получали эти принадлежности своего промысла изъ Россіи, съ Урала, теперь «харьковская» дуга замѣнена дешевою мѣстною, «ирбитскія» сани—своими, томскими. Прялки, шерстобитныя машины, главнымъ образомъ въ с. Загайновѣ—это работа переселенцевъ. Выше мы приводили отзывы волостныхъ правленій о распространеніи съ переселенцами сельскохозяйственныхъ машинъ—молотилокъ и вѣялокъ; послѣднія до того распространены, что врядъ ли есть волость, гдѣ бы въ половинѣ деревень не было вѣялокъ; изготовленіемъ ихъ занимаются преимущественно въ томъ же с. Загаиновѣ, въ г. Колывани, въ бывшемъ томскомъ желѣзнодѣлательномъ заводѣ, въ Барнаулѣ, Бійскѣ и др. Приготовленіе молотилокъ началось всего лѣтъ 12 тому назадъ. Основаніе этому промыслу положилъ рязанскій переселенецъ Курковъ, переселившійся въ г. Бійскъ; онъ приготовлялъ 4 — 6 конныя молотилки и продавалъ отъ 200 до 250 руб.; чрезъ нѣкоторое время конкуррентомъ ему явилась новая мастерская молотилокъ, принадлежащая 4 братьямъ, которые недавно раздѣлились и, такимъ образомъ, теперь въ Бійскѣ 5 мастерскихъ. Всѣ эти мастерскія ежегодно приготовляютъ до 100 молотилокъ стоимостію отъ 180 до 200 р. Пробовало взяться за приготовленіе молотилокъ управленіе Гурьевскаго желѣзодѣлательнаго завода (кабинетскій), но молотилки его не пошли въ ходъ.

О размѣрахъ нераспространенія сельскохозяйственныхъ орудій на всемъ Алтаѣ, а только кустарнаго ихъ производства могутъ дать нѣкоторое понятіе ежегодныя свѣдѣнія объ отпускѣ съ единственнаго здѣсь Гурьевскаго желѣзодѣлательнаго завода различныхъ металлическихъ частей для сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. За трехлѣтіе 1886 — 8 гг. кустарямъ было отпущено готовыхъ металлическихъ частей для:

	1886 г.	1887 г.	1888 г.
Плуговъ (6—8 конныхъ)	341 шт.	375 шт.	859 шт.
Воронъ (малый плугъ)	194 „	420 „	651 „
Сошниковъ и отваловъ	833 „	160 „	607 „
Вѣялокъ	1067 „	1575 „	1480 „
Маслобоенъ (валовъ)	8 пар.	16 пар.	17 пар.
Зубьевъ къ боронамъ	277 пуд.	125 пуд.	400 пуд.

Значеніе переселенія сказывается и въ области общественно-бытовыхъ отношеній—поземельныхъ и раскладочно-платежныхъ. Переселенцы вносятъ свои освѣщенные вѣками обычаи передѣла земли и на Алтай, гдѣ къ этому вынуждаетъ малоземелье, а также уравнительную раскладку податей. По этому поводу Алтайское волостное правленіе говоритъ: «Въ

порядкѣ пользованія землею переселенцы завели обычай, которымъ вѣроятно воспользуются и общества, гдѣ мало новоселовъ. Какъ извѣстно, старожилы пользовались землею безъ всякаго дѣлежа; при этомъ порядкѣ состоятельные крестьяне занимали всегда лучшія земли и болѣе того, что предполагалось на ихъ души; въ настоящее же время всѣ общества по настоянію переселенцевъ сѣнокосныя мѣста раздѣлили на число душъ, а одно изъ обществъ раздѣлило и пахатную землю. Съ весны же сего года (1889 г.) по этому примѣру ожидается раздѣлъ всего крестьянскаго надѣла во многихъ селеніяхъ, чѣмъ и устранится неравномѣрное пользованіе землею. О томъ же упоминаетъ другое волостное правленіе, Смоленское, гдѣ также наступаетъ уже малоземелье. «Порядковъ новыхъ въ общественной жизни переселенцы не завезли, говоритъ оно: только развѣ можно указать какъ на новый обычай—вытекающій изъ многочисленности населенія — раздѣлъ земли, происшедшій въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по иниціативѣ переселенцевъ».

Здѣсь рѣчь идетъ о передѣлахъ пашни, а не сѣнокосовъ, которые на Алтаѣ уже давно передѣляются и повсюду. О передѣлѣ пашни смоленское волостное правленіе сообщало еще въ 1887 г., когда передѣлилось два селенія Усть-Апуйское и Старотырышкинское. Про передѣлъ пашни Риддерское волостное правленіе сообщало еще въ 1882 г., когда передѣлилось въ волости 3 селенія. О наступающихъ передѣлахъ пашни довольно много примѣровъ приведено у Чудновскаго въ его статьѣ «Алтайская поземельная община» (Сѣв. Вѣст. 1888 г. кн. 9—11). Совершившійся передѣлъ пашни въ д. Шипуновой (Алейской волости) и Быстромъ Истокѣ (Нижне-Чарышской) онъ прямо приписываетъ вліянію новоселовъ, которые въ этихъ селеніяхъ подавляютъ своею численностію старожиловъ. Съ средины 80-хъ годовъ и очевидно не безъ вліянія переселенцевъ начались передѣлы во многихъ другихъ селеніяхъ: Чергѣ (Алтайской волости), Соколовой, Комаровой, Савиновой, Фоминской (Бійской волости), с. Тарханномъ (Бобровской волости), Быструхѣ и Ново-Алейской (Владимірской волости), Нижнеубинской и Ключахъ (Нижне-Чарышской волости), Березовкѣ (Усть-Каменогорской волости) и пр.

VIII.

Для характеристики положенія переселенцевъ не маловажную роль должны имѣть свѣдѣнія объ обратныхъ выселеніяхъ на родину или о переселеніяхъ въ другія мѣста. Если обратныя переселенія есть явленіе не случайное и совершаются въ значительныхъ размѣрахъ, то это должно указывать на наличность ненормальныхъ условій, лежащихъ въ самомъ основаніи переселенческаго дѣла на Алтаѣ; если же обратныя выселенія случайны и происходятъ не въ широкихъ размѣрахъ, то слѣдовательно и причины, порождающія ихъ, болѣе или менѣе случайны и могутъ быть легко устранимы. Въ разсматриваемыхъ нами отзывахъ волостныхъ прав-

леній есть свѣдѣнія и объ этомъ передвиженіи новоселовъ, а также и о выселеніи старожиловъ Алтая на новыя мѣста. Впрочемъ, точной статистики по этому вопросу не ведется и сообщаемыя правленіями свѣдѣнія не отличаются опредѣленностію.

Въ 1887 г. объ обратныхъ переселеніяхъ на родину упоминается въ отзывахъ 6 волостныхъ правленій, а въ 1888 г. выселились изъ четырехъ волостей: изъ Бійской—11 семей, Оятинской и Верхъ-Томской—по одной семьѣ и изъ Уксунайской 2 души. Къ сожалѣнію во всѣхъ этихъ случаяхъ волостныя правленія не указываютъ причину выселенія; всего вѣроятнѣе думать, что здѣсь не играло роли малоземелье, (кромѣ развѣ Бійской волости, переполненной уже переселенцами), а слѣдовательно, здѣсь не могла играть роль и отмѣченная нами выше враждебность старожиловъ къ переселенцамъ. Вѣрнѣе всего, что переселенцы, поѣхавъ безъ предварительнаго знакомства съ мѣстными условіями и попавъ «на угады», какъ еще продолжаютъ до сихъ поръ переселяться многіе, — въ неподходящую для ихъ привычекъ мѣстность, при первыхъ же тяжелыхъ испытаніяхъ рѣшили покинуть новыя мѣста и поскорѣе возвратиться на родину. Бійское волостное правленіе, говоря въ 1887 г. объ обратныхъ переселенцахъ, пишетъ: «Съ 1883 по 1887 г. причислились только тѣ, кто прибыли и водворились ранѣе, а выѣхать обратно въ Россію и другія мѣста не имѣли средствъ. Болѣе состоятельные выѣхали въ Россію и другія мѣста по нѣскольку семей изъ селенія». Причина—подъ рядъ трехлѣтній неурожай съ 1883 г. и падежи скота съ 1884 г., да и «земли въ Бійской волости едва только достаточно для населенія, безъ всякаго избытка». Указанное здѣсь обратное переселеніе по случаю непрерывнаго трехлѣтняго неурожая въ 1886 г. приняло повидимому значительные размѣры. Въ «Сибирской газетѣ» за 1886 г. № 2 сообщалось о громадной партіи въ 400 семей обратныхъ переселенцевъ, которые шли на родину въ Россію изъ упомянутой Бійской волости Бійскаго и Бѣлоярской—Барнаульскаго округа. Здѣсь причиной выселенія—неурожай и падежи, которые для Алтайскаго округа пока нельзя еще признать постоянными.

Болѣе общей причиной обратныхъ выселеній нужно считать разочарованіе переселенцевъ въ новыхъ мѣстахъ, о которыхъ на родинѣ они наслышались, какъ о странѣ съ млечными рѣками и кисельными берегами; объ этомъ упоминаютъ и волостныя правленія. Въ распространеніи преувеличенныхъ слуховъ виноваты сами же переселенцы. Многіе, вслѣдствіе разочарованія, а еще чаще отъ «скуки по родинѣ», не имѣя возможности выѣхать обратно на родину, начинаютъ приглашать на новыя мѣста своихъ родственниковъ или односельчанъ. Въ характеристикѣ новыхъ мѣстъ при этомъ не скупятся на краски, и многіе сознательно не только преувеличиваютъ выгодность условій новой жизни, но и прямо измышляютъ всевозможныя небылицы. Одно интеллигентное лицо, прожившее около года въ одномъ селѣ Барнаульской волости, разсказывало намъ,

какъ ему приходилось оговаривать и стыдить переселенцевъ, которымъ онъ частенько посылалъ письма на родину. Иной пишетъ своимъ ближайшимъ родственникамъ, вызывая ихъ къ себѣ и при этомъ сочиняетъ такія небылицы, надъ которыми самъ тутъ же и смѣется. Одинъ, живя въ развалившейся избенкѣ, описывалъ, что у него двухъ-этажный домъ,—потому «дароваго лѣсу руби не прирубишь», другой пишетъ о невѣроятномъ урожаѣ, о значительной собственной запашкѣ, между тѣмъ въ мѣстности были неурожаи и собственнаго его хлѣба едва ли хватало для прокормленія семьи. Иной пишетъ о несуществующихъ рыбныхъ угодьяхъ. И все это для того, чтобы какъ нибудь вызвать къ себѣ родственниковъ. Нѣкоторые, потерпѣвъ въ переселеніи неудачу лично, изъ злорадства желали бы подвергнуть этой неудачѣ и бывшихъ своихъ односельчанъ, которые при переселеніи этихъ, быть можетъ, даже смѣялись надъ смѣльчаками. Впрочемъ, скука по родинѣ, по роднымъ играетъ въ этихъ случаяхъ превалирующую роль и тутъ главнымъ подстрекателемъ къ обратному переселенію является женщина. Намъ лично пришлось видѣть въ Барнаулѣ нѣсколько семей, дожидавшихся на пристани парохода; на Алтаѣ они не прожили даже года и теперь ѣхали уже на родину. На вопросъ о причинѣ обратнаго переселенія случившіеся тутъ другіе новоселы, жившіе на Алтаѣ уже болѣе 3 лѣтъ, съ ироніей заявляли: «вишь, бабамъ не понравилось». При этомъ отвѣтѣ мужики изъ обратныхъ переселенцевъ смущенно чесали въ затылкахъ, а ихъ бабы на перебой начали высчитывать отрицательныя стороны новоселья: и холодно то здѣсь, и вѣтры (весна тогда была дѣйствительно поздняя и съ буранами), и жары по лѣтамъ, и мало лѣсу, и заработковъ нѣтъ и пр. и пр.

Эти бабьи жалобы сильно вліяли на женскую половину вновь явившихся къ пароходамъ переселенцевъ; изъ нихъ уже нѣкоторыя дѣлали и свои замѣчанія въ томъ же родѣ. Можно представить себѣ, что приходится на первыхъ порахъ переносить переселенцу—мужику еще отъ дражайшей своей половины! И это обстоятельство при опредѣленіи причинъ обратныхъ переселеній не должно забывать. Наблюдающіе обратныхъ переселенцевъ пусть внимательнѣе относятся къ бабьимъ причитаніямъ объ ужасахъ новоселья. Мотивъ—скука по роднымъ и знакомымъ—часто фигурируетъ и при передвиженіи новоселовъ съ одного на другое мѣсто въ томъ же Алтайскомъ округѣ.

Разсматривая внимательно всѣ данныя объ обратныхъ переселеніяхъ, можно прійти къ заключенію, что это явленіе на Алтаѣ пока случайно и незначительно. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно вызывается не собственными ошибками или легкомысліемъ самихъ переселенцевъ, то во всякомъ случаѣ причинами временными—неурожаями или падежами скота.

Несравненно обширнѣе и постояннѣе является передвиженіе новоселовъ и отчасти старожиловъ съ одного мѣста на другое въ передѣлахъ того же Алтайскаго округа. Въ 1883 г. было отмѣчено 1,200 человѣкъ жившихъ безъ причисленія и вышедшихъ изъ другихъ алтайскихъ воло-

стей. Въ 1884 г. въ списки внутренняго передвиженія было внесено 637 семей, приблизительно до 3,200 чел., и въ 1885 г.—4,678 чел. За послѣдующіе годы точныхъ данныхъ о внутреннемъ предвиженіи нѣтъ. Въ 1888 году о немъ сообщалось изъ 16 волостныхъ правленій; больше всего вышло въ другія волости Алтайскаго округа изъ слѣдующихъ волостей: Алтайской—360 душъ, Чикчинской—32 семьи, Енисейской—80 д., Чарышской—50 д., въ остальныхъ отъ 2 до 32 душъ. Высказанныя причины въ этомъ случаѣ довольно разнообразны; по мнѣнію Чарышскаго волостнаго правленія выселились «по неимѣнію вблизи лѣса», изъ Алтайской волости,—вслѣдствіе неурожая 1888 г. Берское волостное правленіе пишетъ: «къ числу обратныхъ переселеній можно отнести переселеніе изъ заселка Китерни крестьянъ Тульской губ. въ Локтевскую волость Бійскаго округа; причиною этого—недоброкачественность почвы, холодный темпераментъ воздуха (?) и малоземелье». Изъ Тальменской волости переселилось 32 д. въ предѣлы Алтая по «недостатку земли». Изъ Верхъ-Чумышской переселилось въ другія волости 8 семей по неурожаю хлѣбовъ, такъ какъ грунтъ земли близъ черневыхъ лѣсовъ, гдѣ преимущественно поселились переселенцы, слабый, не выноситъ много засѣвовъ». Изъ Енисейской волости выселилось 80 д. на Алтай же и частію въ Семирѣчинскую область, изъ послѣднихъ «по большей части бывшіе жители южныхъ россійскихъ губерній, которыхъ влекла въ Семирѣчье одинаковость климатическихъ условій съ ихъ прежними мѣстами жительства». Изъ одной волости (Ояшинской) сообщается о выселеніи даже на Амуръ — «преимущественно зажиточныхъ». Смоленское волостное правленіе причину передвиженія видитъ въ «пристрастіи переселенцевъ къ переѣздамъ и шатанью, — но Косьмалинское волостное правленіе по этому поводу говоритъ совершенно противоположное: «мало бываетъ случаевъ, чтобы, избравши мѣсто жительства, переселенцы таковое могли безъ уважительной причины оставить». Въ 3 — 4 волостяхъ отмѣчено выселеніе старожиловъ частію на Алтай же, частію въ другія сибирскія губерніи. Сростинское волостное правленіе объясняетъ причину этого явленія такимъ образомъ: «переселеніе старожиловъ болѣе происходитъ изъ раскольниковъ и, какъ они объясняютъ, вслѣдствіе наплыва переселенцевъ, стѣсняющихъ ихъ въ землепользованіи и въ отправленіи ими по своему вѣроученію богослуженія». Нерѣдки случаи перечисленія въ мѣщанскія общества, какъ алтайскихъ городовъ, да и другихъ сибирскихъ. Напримѣръ, въ 1888 г. было нѣсколько случаевъ переселенія въ Минусинскъ Енисейской губ. Это объясняется стремленіемъ избавиться отъ платежа довольно значительныхъ казенныхъ, кабинетскихъ и общественныхъ сборовъ. Въ нѣкоторыхъ обществахъ сумма всѣхъ сборовъ доходитъ до 20 и болѣе рублей на работника. Нужно замѣтить, что въ такихъ случаяхъ увольнительные изъ сельскихъ обществъ приговоры обходятся очень дорого. Общество, отпуская отъ себя члена, не избавляется отъ причитающагося на него шестирублеваго оброка въ до-

ходъ кабинета. Разъ начисленный на обществѣ оброкъ этотъ уже не перечисляется, если бы выходящій изъ общества членъ приписывался даже въ иное крестьянское общество, но только не на Алтаѣ. Перечисленіе дѣлается лишь для переселяющихся въ алтайскія же общества.

IX.

На этомъ мы окончимъ нашу статью. Мы исчерпали весь волостной матеріалъ о положеніи переселенцевъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ для сравненія прибѣгали даже къ даннымъ изъ другихъ источниковъ. Нельзя сказать, чтобы отзывы волостныхъ правленій и статистическія данныя сильно различались между собою. Въ большинствѣ случаевъ положеніе переселенцевъ безотрадное. Не говоря уже объ уродливомъ явленіи батрачества, мы должны признать несомнѣнный фактъ тяжелаго положенія и тѣхъ изъ переселенцевъ, которые не входятъ въ число полныхъ батраковъ. Нужно чрезвычайное пристрастіе русскаго переселенца къ самостоятельному хозяйству, а еще болѣе—упорнаго труда, чтобы при ничтожныхъ средствахъ, вывозимыхъ имъ съ родины, не пасть окончательно подъ тяжестію условій при устройствѣ новоселья. Указывая по статистическимъ даннымъ и отзывамъ немногихъ волостныхъ правленій на благопріятный фактъ быстраго устройства собственнымъ хозяйствомъ переселенцевъ, мы не можемъ не видѣть однако, изъ большинства другихъ волостныхъ отзывовъ, что и съ самостоятельнымъ хозяйствомъ переселенцы находятся еще подъ гнетомъ подавляющей нужды.

Если бы эти, удивляющіе сибиряковъ своимъ упорствомъ и трудолюбіемъ, люди встрѣтили на новой родинѣ хотя бы незначительную, но вѣрную поддержку въ видѣ ссуды при первоначальномъ устройствѣ, то страна, для которой они и теперь являются огромной культурной силой, въ нѣсколько разъ выиграла бы. Батрачество, обезсиливая переселенцевъ, наноситъ вредъ и старожиламъ. У всѣхъ, кто хоть чуточку присматривался къ переселенческому дѣлу на Алтаѣ вблизи, невольно является мысль о необходимости учрежденія переселенческаго банка. Эта мысль, какъ слышно, близка къ осуществленію, и мы можемъ только утверждать, что капиталы этого банка, служа прекрасному и полезному дѣлу, будутъ вложены въ самое вѣрное предпріятіе. Если переселенцы и теперь успѣваютъ сравнительно скоро встать на новомъ мѣстѣ въ положеніе исправныхъ плательщиковъ (числящіяся за ними недоимки ничтожны, то при незначительной поддержкѣ, въ особенности для нихъ дорогой при начальномъ домообзаводствѣ, они не только не уступали бы въ благосостояніи старожиламъ, но и дали бы послѣднимъ примѣры высокой хозяйственной культуры и болѣе лучшаго общественно-гражданскаго порядка.

П. Голубевъ.

ХРОНИКА УГОЛОВНАГО СУДА.

Чувственныя влеченія и преступность.

I.

25 и 26 февраля н. с. предъ ассизнымъ сенскимъ судомъ (Парижъ) прошла весьма интересная личность—подпоручикъ Anastay—по тяжкому обвиненію въ предумышленномъ убійствѣ и въ покушеніи на убійство и кражу. Газеты долго занимались обстоятельствами довольно рѣдкаго преступленія, которое представляетъ много особеннаго.

Дѣятель преступленія молодой, 25-лѣтній офицеръ французской арміи, посягающій на жизнь двухъ пожилыхъ женщинъ не въ запальчивости, а съ предумышленіемъ, съ тонкимъ расчетомъ и съ цѣлью ограбленія. Жертва его преступнаго дѣянія находится съ нимъ въ особыхъ отношеніяхъ—въ отношеніяхъ признательности съ его стороны и довольно давней дружбы, приходящей на помощь въ нужныя минуты жизни. И все это не останавливаетъ предательской руки убійцы, ни на одну минуту не уничтожаетъ его видимаго самообладанія, не лишаетъ его наружнаго хладнокровія и хитрой изворотливости даже въ критическій моментъ обнаруженія преступленія, когда одна изъ жертвъ, только что радушно и сердечно принимавшая его у себя, уже зарѣзанная имъ лежитъ недвижимо, а другая, тяжело раненная, кричитъ: «Держите убійцу!» На судъ онъ является тщательно одѣтымъ, держится съ полнымъ хладнокровіемъ, спокойно разсматриваетъ публику, также спокойно бесѣдуетъ съ своимъ защитникомъ и вообще не проявляетъ ни малѣйшаго волненія даже во время произнесенія судомъ смертнаго приговора. Стеченіе обстоятельствъ и проявленій души, которыя невольно заставляютъ глубоко призадуматься. Попытаемся же ближе присмотрѣться къ этой нѣсколько исключительной личности и къ генезису ея далеко не ординарнаго преступленія.

Начнемъ съ ея прошлаго. Къ величайшему сожалѣнію, находящіяся въ нашемъ распоряженіи данныя, заимствованныя изъ «Gazette des tri-

bunaux», не представляютъ въ этомъ отношеніи желанной полноты и страдаютъ значительной отрывочностью. О семьѣ Anastay мы знаемъ очень не много. Знаемъ, что онъ родомъ изъ Ліона, что маленькимъ съ семьей онъ пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и получилъ свое образованіе. Онъ рано, въ возрастѣ всего 12 лѣтъ, потерялъ мать и послѣ ея смерти былъ отданъ въ пансіонъ. Его отецъ, аптекарь по профессіи, насчитывалъ въ своемъ досье до пяти осужденій и окончилъ банкротствомъ, вслѣдствіе котораго остатки его состоянія перешли къ кредиторамъ. О событіяхъ дѣтства и юности Anastay мы знаемъ также мало. Знаемъ, что изъ пансіона онъ вернулся въ отцовскій домъ, но въ немъ встрѣтилъ не много заботъ и любви. Прошелъ лицей, дѣлалъ въ немъ успѣхи и получалъ награды, потомъ вступилъ въ военную службу, а въ 1887 году былъ принятъ въ военную Saint-Cyr'скую школу. Въ нее онъ попалъ при помощи и по рекомендаціи убитой имъ впослѣдствіи баронессы Dellard, которая, какъ и сынъ ея, относилась къ нему всегда тепло и симпатично, не предчувствуя его роковой роли.

За періодъ времени до поступленія въ школу свидѣтели характеризовали его, какъ очень умнаго, милаго и любезнаго молодаго человѣка. Послѣ же поступленія въ немъ произошла какъ будто бы какая то перемѣна и тѣ же свидѣтели разсказываютъ о немъ, что онъ сталъ очень лѣнивъ и думалъ только о женщинахъ.

Въ мартѣ 1891 г., по выходѣ изъ школы, онъ попалъ на службу въ родной ему Ліонъ. Здѣсь онъ велъ расточительный образъ жизни, игралъ въ карты, предавался неудержимому разврату — на что нужно обратить особое вниманіе—и соблазнялъ дѣвицъ. Одна изъ свидѣтельницъ, содержательница меблированныхъ комнатъ, заявляла на судѣ, что она сдѣлала ему даже упрекъ за то, что однажды онъ привелъ къ себѣ двухъ женщинъ одну немедля вслѣдъ за другой. «Я ему сказала», говорила она, что нельзя же имѣть сразу по двѣ женщины и что это не дѣлается». Въ письмѣ къ одной изъ своихъ довольно многочисленныхъ любовницъ онъ самъ говоритъ по поводу визита къ доктору, что у него нашли анемію ретины и что докторъ предписалъ ему быть очень воздержанымъ въ его половыхъ удовольствіяхъ. «Признаюсь», замѣчаетъ онъ, «что это лекарство мнѣ вовсе не нравится; это самое худшее изъ тѣхъ, которыя бывали мнѣ предписаны».

Карты и часто мѣнявшіяся любовницы, многія изъ которыхъ обладали имъ совмѣстно, скоро истощили слабыя денежныя средства Anastay, повели къ залогамъ вещей, вовлекли его въ большіе для него долги и тѣмъ поставили его въ очень затруднительное положеніе. Отношенія его къ военному начальству также очень осложнились. Какъ офицеръ, онъ былъ на самомъ дурномъ счету и вызывалъ нареканія въ отсутствіи нравственнаго чувства. Неплатежъ долговъ и вызываемыя имъ жалобы, весь образъ жизни, появленіе въ публичныхъ собраніяхъ съ женщинами сомнительнаго поведенія, открытое сожительство съ ними въ одной квартирѣ —

все это компрометировало полкъ и потому заставляло полковое начальство особенно тяготиться Anastay и желать его удаленія.

Послѣднее не замедлило наступить. Anastay, находившійся въ очень стѣсненномъ денежномъ положеніи, сталъ просить объ отпускѣ для излѣченія слабости зрѣнія — болѣзни, которую, по его словамъ, онъ сталъ замѣчать еще въ Saint-Cyr'ской школѣ. Отпускъ былъ разрѣшенъ, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ въ двадцатыхъ числахъ ноября 1891 г. Anastay рѣшилъ ѣхать въ Парижъ и мечталъ вести тамъ свою прежнюю жизнь разврата и наслажденій, влеченію къ которому онъ уже противостоять не могъ. Съ собой онъ звалъ и одну изъ своихъ любовницъ.

Но для поѣздки и веселой захватывающей жизни въ Парижѣ были нужны деньги и деньги не маленькія. И вотъ при мысли о нихъ онъ какъ то само собой вспомнилъ о расположенной къ нему баронессѣ Dellard и не просто вспомнилъ, что было бы вполнѣ естественно съ его стороны, но вспомнилъ, какъ о неминуемой своей жертвѣ. Баронессу онъ зналъ давно; зналъ ея обычный образъ жизни и зналъ ее за достаточную женщину, у которой есть деньги. Этого было довольно, чтобы мысль, сама собою подсказываемая извращеннымъ чувствомъ, заработала въ опредѣленномъ направленіи.

Недѣли за двѣ до своего отъѣзда изъ Ліона, Anastay уже задумалъ убійство баронессы и ея служанки, которая всегда находилась при ней. По его собственнымъ словамъ, въ половинѣ ноября это убійство «было уже *безповоротно рѣшено* (irrévocablement décidé») и спокойно и холодно обдумано.

Сначала мелькала мысль о револьверѣ, привычномъ офицерскомъ оружіи. «Слишкомъ шумное оружіе»—рѣшилъ подумавъ Anastay и остановился на ножѣ. Наканунѣ отъѣзда онъ купилъ въ одномъ изъ базаровъ длинный кухонный ножъ, но боясь, что послѣдній можетъ измѣнить ему и сломаться, онъ про запасъ пріобрѣлъ и другой, болѣе короткій.

Занятый казалось бы страшной мыслью о предстоявшемъ ему двойномъ убійствѣ, Anastay—этотъ, какъ увидимъ, нѣсколько особый человѣкъ, тѣмъ не менѣе не забывалъ и своего всевластно господствовавшаго влеченія—влеченія къ половымъ наслажденіямъ. Ночь передъ отъѣздомъ на свое кровавое дѣло онъ провелъ въ наслажденіяхъ съ одной изъ своихъ любовницъ, какъ бы отправляясь въ самое обычное и пріятное для него путешествіе. На другой день утромъ онъ побывалъ и у другой своей любовницы, при этомъ сообщилъ ей о своей поѣздкѣ, обѣщалъ ей выписать ее къ себѣ, затѣмъ сѣлъ въ поѣздъ и съ 1-го на 2-е декабря прибылъ въ Парижъ.

Здѣсь онъ не сразу приступилъ къ выполненію задуманнаго, а напротивъ, какъ расчетливый, предусмотрительный игрокъ, отложилъ совершеніе преступленія до 4-го декабря. Въ этотъ день онъ наточилъ ножи о мраморъ стола и, уходя изъ дому, захватилъ ихъ съ собою. Подготовляя,

повидимому, на всякій случай alibi онъ зашелъ прежде всего къ матери одного своего друга дѣтства и здѣсь получилъ приглашеніе на обѣдъ. Потомъ онъ зашелъ къ другимъ своимъ знакомымъ позавтракать. Онъ былъ вполнѣ спокоенъ и въ немъ—что особенно интересно—не было замѣтно ни малѣйшей озабоченности. Онъ казался вполнѣ довольнымъ своимъ положеніемъ и обо всемъ бесѣдовалъ съ большимъ оживленіемъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Послѣ всѣхъ этихъ подготовительныхъ дѣйствій, онъ отправился, наконецъ, къ баронессѣ Dellard по хорошо извѣстному ему адресу. Здѣсь ему сказали, что баронесса нѣсколько времени уже переѣхала на новую квартиру и сообщили ея новый адресъ. Онъ не колеблясь пошелъ туда. «И во время этого перехода ваша совѣсть ничего не сказала вамъ?» спросилъ его президентъ на судѣ. — Я ощущалъ *непреодолимую силу, которая толкала меня. Я чувствовалъ, что надо разить.* Я боролся, но я не послушалъ голоса моей совѣсти, отвѣчалъ Anastay! Не безинтересное душевное состояніе.

Отворить дверь по звонку вышла сама баронесса Dellard. Узнавъ Anastay она встрѣтила его весьма ласково. Онъ посидѣлъ, поговорилъ съ нею и узналъ, что ея служанка отлучилась не надолго. Потомъ, какъ добрый, всѣмъ интересующійся знакомый, онъ попросилъ ее показать ему въ новой квартирѣ спальню ея сына и здѣсь, во время разговора, вдругъ бросился на нее. Испуганная Dellard успѣла лишь крикнуть: «Что вы дѣлаете!» Двумя ударами ножа Anastay перерѣзалъ ей горло. Хлынула кровь и жертва рухнула на полъ. При этомъ въ Anastay, который только что дружелюбно бесѣдовалъ съ нею, повидимому ничего не шелохнулось, въ немъ не зазвучало чувство, не заговорила совѣсть, ножъ не выпалъ изъ рукъ его, онъ остался спокоенъ и немедля отправился на поиски желанныхъ денегъ, нужныхъ для разврата. Онъ открылъ шкафъ, взломалъ одну изъ шкатулокъ, но денегъ не нашелъ. Тогда онъ вернулся снова къ несчастной жертвѣ своего злодѣянія, еще проявлявшей признаки жизни, поискалъ у ней ключей, взломалъ еще кое что, но все безуспѣшно.

Въ это самое время послышался шумъ отворенной и затворенной двери, произведенный при входѣ вернувшейся служанки. Anastay не потерялъ головы и тутъ. Съ ножемъ въ рукѣ онъ пошелъ на встрѣчу ей и на вопросъ, что ему нужно, бросился на нее и пытался перерѣзать ей горло, а, по словамъ жертвы, и совсѣмъ отрѣзать ей голову. Завязалась ожесточенная борьба. Къ счастью, большой ножъ выпалъ изъ рукъ убійцы. Онъ попытался было отыскать запасный, но это ему не удалось. Тогда онъ выбѣжалъ вонъ. Вслѣдъ за нимъ бросилась къ окошку и израненная женщина и крикнула въ него, указывая рукой на Anastay: «Держите убійцу!» Въ этотъ рѣшительный и страшный для него моментъ Anastay уже шелъ черезъ дворъ. Однако, онъ не растерялся. Совершенно спокойно онъ вернулся назадъ, позвалъ и помогъ консьержѣ запереть

дверь, говоря, что убійца несомнѣнно еще въ домѣ. Онъ такъ хорошо игралъ роль, что рѣшительно никѣмъ не былъ заподозрѣнъ и потому имѣлъ возможность выйти изъ дому.

Онъ зашелъ по дорогѣ въ клозетъ, снялъ съ себя запачканныя кровью манжеты, изорвалъ и бросилъ ихъ, замылъ рукава и панталоны, поправилъ свой туалетъ и затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отправился по приглашенію на обѣдъ къ своему другу дѣтства. Здѣсь онъ казался вполнѣ спокоенъ, свободно обо всемъ разговаривалъ и при разсказѣ своего друга, что онъ видѣлъ на одномъ изъ бульваровъ собравшуюся большую толпу, спокойно замѣтилъ, что вѣроятно, совершено какое нибудь преступленіе.

На другой день онъ снова былъ въ томъ же домѣ и по прежнему казался вполнѣ спокойнымъ. Рѣчь зашла о вчерашнемъ преступленіи. Кто-то сказалъ, что убита дама, какая-то баронесса Dellard. «Dellard, Dellard» нѣсколько разъ повторилъ Anastay, какъ бы усиливаясь припомнить прошлое; «мнѣ кажется, что это имя знакомо мнѣ». Разговоръ продолжался, и ни малѣйшаго смущенія не промелькнуло въ лицѣ Anastay, какъ будто внутри его не происходило никакого движенія чувства. Въ послѣдующіе дни онъ велъ себя съ прежнимъ спокойствіемъ, и въ немъ не было замѣтно ни малѣйшей озабоченности.

Между тѣмъ слѣдствіе дѣлало свое дѣло. Указанія и улики собирались. Было дознано, гдѣ и кѣмъ купленъ ножъ, найденный на мѣстѣ преступленія, и тогда Anastay въ качествѣ обвиняемаго былъ привлеченъ къ дѣлу.

Первоначально онъ съ негодованіемъ и энергіей отвергалъ свою виновность. При очной ставкѣ съ израненной имъ служанкой убитой Dellard, онъ упорно утверждалъ, что, указывая на него, она ошибается, и что одна мысль, что онъ способенъ на такое гнусное дѣло есть тяжкое оскорбленіе для французскаго офицера. Но потомъ, онъ вдругъ расплакался и сдѣлалъ полное признаніе. Впослѣдствіи, на судѣ уже, онъ утверждалъ, что сдѣлалъ его вслѣдствіе угрызеній совѣсти, которыя будто бы отравляли ему жизнь, но тутъ же прибавилъ, что жалѣетъ о сдѣланномъ признаніи, потому что безъ него присяжные могли бы признать существованіе смягчающихъ обстоятельствъ.

Прокуроръ энергично поддерживалъ обвиненіе и настойчиво требовалъ головы подсудимаго. Очевидно, желая сильнѣе повліять на присяжныхъ, онъ бросилъ въ заключеніе своей рѣчи слѣдующую болѣе, нежели неумѣстную фразу. «Хотите ли вы, сказалъ онъ, обращаясь къ присяжнымъ, чтобы завтра можно было сказать: присяжные департамента Сены имѣютъ гильотину для бѣдняковъ, умирающихъ съ голода, и жалость для сыновъ буржуазіи». Думается намъ, что вовсе не дѣло представителя общественной обвинительной власти, который долженъ быть представителемъ безпристрастнаго и правдиваго закона, вносить въ свои требованія о наказаніи столь недостойныя соображенія, заимствованныя

изъ противоположности и борьбы общественныхъ классовъ. Какое дѣло суду и присяжнымъ, что скажутъ о нихъ въ тѣхъ или другихъ общественныхъ кругахъ, а тѣмъ болѣе въ той или другой газетѣ? Для нихъ важны лишь обстоятельства дѣла, личность обвиняемаго и то твердое и добросовѣстно провѣренное убѣжденіе, которое слагается у нихъ въ теченіи хода дѣла, когда судебная драма развертывается передъ ними въ своихъ подробностяхъ. Разъ они дѣйствовали по совѣсти и своему посильному разумѣнію, ихъ обязанность по отношенію къ *призвавшему* ихъ обществу свято выполнена, и они могутъ спокойно и свѣтло глядѣть на всѣхъ. Правосудію, которое одно еще и можетъ примирить съ крайне жестокой суровостью мѣръ уголовной репрессіи, являющихся по своей сущности противорѣчіемъ общественности, настанетъ конецъ, когда посторонніе соображенія, не вытекающія изъ обстоятельствъ даннаго дѣла и особенностей личности даннаго обвиняемаго, будутъ опредѣлять вердикты присяжныхъ и приговоры суда.

Положеніе защитника въ виду полнаго признанія обвиняемаго, а также всего его прошлаго и всѣхъ особенностей совершеннаго имъ преступленія, было очень трудно и, можетъ быть, тѣмъ болѣе трудно, что ему пришлось выступить съ ходатайствомъ объ изслѣдованіи его душевнаго состоянія. Основываясь на разстройствѣ зрѣнія и опираясь на результаты двукратнаго осмотра обвиняемаго военными врачами и на общее мнѣніе д-ра Trousseau, что такія разстройства почти всегда указываютъ на пораженія центральной нервной системы и что очень часто они суть симптомъ тяжелой мозговой болѣзни, защитникъ просилъ судъ о предварительномъ медицинскомъ освидѣтельствованіи Anastay.

Прокуроръ, какъ это, къ сожалѣнію, очень часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, счелъ своей обязанностью возражать противъ ходатайства защиты и смѣло, не колеблясь утверждалъ, что нервные центры, о которыхъ говоритъ она, не тождественны съ мозговыми центрами (centres cérébraux), и потому страдающій пораженіемъ ихъ во всякомъ случаѣ не можетъ быть названъ «кандидатомъ на сумасшедшаго».

Разсмотрѣвъ заявленія сторонъ, судъ призналъ, что несмотря на констатированную болѣзнь глазъ, ничто въ обстоятельствахъ дѣла не указываетъ, чтобы Anastay не обладалъ полнотою своихъ душевныхъ способностей, а потому судъ и отвергъ ходатайство защиты.

Съ своей стороны мы не думаемъ, чтобы медицинское изслѣдованіе пришло къ заключеніямъ утвердительнымъ въ смыслѣ защиты, т. е. мы не думаемъ, чтобы оно признало Anastay душевно больнымъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ уголовный законъ, объявляя дѣйствія человѣка невмѣняемыми. Тѣмъ не менѣе мы полагали бы болѣе правильнымъ и желательнымъ его назначеніе. Въ данномъ случаѣ дѣло шло о головѣ человѣка. Въ такихъ дѣлахъ судъ необходимо долженъ быть крайне остороженъ и осмотрителенъ. По меньшей мѣрѣ въ нихъ никакія гарантіи не могутъ и не должны считаться лишними, и по меньшей

мѣрѣ въ нихъ не должно, *по возможности*, оставаться сомнѣнія, что преступное дѣяніе не было прямымъ слѣдствіемъ болѣзни въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, болѣзни, которая извратила обычныя особенности личности, сдѣлала ее непохожей на прежнюю, и опредѣлило къ дѣятельности, не гармонирующей съ ея обычнымъ направленіемъ. Такое изслѣдованіе было тѣмъ болѣе желательно и обязательно для суда, что его производство не представляло никакихъ значительныхъ трудностей и не было сопряжено въ данномъ случаѣ ни съ какими сколько нибудь ощутительными неудобствами. Сверхъ того, такія изслѣдованія важны для дѣла правосудія не только въ каждомъ данномъ случаѣ, подвергающемся изученію, но они важны для него вообще, важны для его будущаго. Внимательно вглядываясь и изучая явленія преступной души, особенно въ ихъ субъективныхъ и объективныхъ факторахъ, мы постоянно открываемъ все новое и невѣдомое и тѣмъ самымъ постепенно научаемся болѣе правильно понимать и оцѣнивать тонкій механизмъ человѣческой дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ научаемся и болѣе вѣрно воздѣйствовать на глубокія причины человѣческой преступности. Сколько невѣрныхъ и потому вредныхъ воззрѣній уже лежитъ за нами, въ пыли воспоминаній, благодаря такому изученію.

Присяжные вынесли безусловно обвинительный вердиктъ, и судъ приговорилъ Anastay къ смертной казни, которая уже совершена.

II.

Такова интересная личность, прошедшая недавно передъ сенскимъ ассизнымъ судомъ. Если Anastay, какъ нужно думать, и не душевнобольной въ томъ узко опредѣленномъ смыслѣ, какъ это понимаетъ законъ, устанавливая уголовную безотвѣтственность, то во всякомъ случаѣ онъ и не душевно-здоровый съ научной точки зрѣнія. Онъ дурно уравновѣшенная личность, «несчастная и порочная» психо-физическая организація, по выраженію Mogel'я, организація, которой не достаетъ весьма многаго, что нужно для человѣка, достаточно приспособленнаго къ жизни въ обществѣ себѣ подобныхъ и къ свободной и полезной дѣятельности въ немъ.

Конечно, мы имѣемъ весьма неполныя свѣдѣнія для возсозданія и всесторонней оцѣнки личности обвиненнаго. Мы знаемъ, что онъ вышелъ изъ семьи, повидимому, далеко не безупречной, и потому, какъ надо думать, вынесъ изъ нея наслѣдственно и въ отношеніи воспитанія кое что дурное. Впрочемъ, это только предположеніе, хотя и имѣющее довольно многое за себя. Но оставимъ, въ виду недостатка твердыхъ данныхъ, вопросъ о наслѣдственности въ сторонѣ и остановимся единственно на особенностяхъ личности Anastay, въ достаточной мѣрѣ выяснившихся на судѣ.

Наиболѣе выдающейся и важной изъ этихъ особенностей является уси-

ленное влеченіе къ половымъ наслажденіямъ, которое въ послѣднее время господствовало надъ всѣмъ. Было ли оно прирожденной особенностью натуры, или было развито условіями послѣдующей жизни—хорошо не знаемъ. Свидѣтели указываютъ на Saint-Суг'скую школу, пребываніе въ которой будто бы чрезвычайно рѣзко измѣнило его характеръ вообще, а въ томъ числѣ и въ этомъ направленіи. Можно однако основательно сомнѣваться въ вѣрности такого утвержденія. Занимающая насъ особенность натуры въ своемъ очень повышенномъ развитіи существовала, вѣроятно, и прежде, но только проявлялась не столь замѣтно. Быть можетъ, школа и дала нѣкоторый толчекъ къ дальнѣйшему развитію, но она едва ли создала неуравновѣшенность. Вѣроятнѣе же, что во время пребыванія въ ней, слѣдствія предшествовавшихъ и продолжавшихся излишествъ начали лишь болѣе рѣзко проявляться и сдѣлались замѣтными для всѣхъ.

Но какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что влеченіе къ любовнымъ наслажденіямъ въ послѣднее время было господствующимъ и всевластнымъ влеченіемъ, по отношенію къ которому у Anastay не было энергіи воли. Ни порицанія и недружелюбное отношеніе начальства и сотоварищей, имѣющія столь важное значеніе въ тѣсномъ полковомъ кругу, ни возрастающая запутанность и трудность денежнаго положенія, грозившая стать безъисходной, ни предупрежденія и совѣты врача—ничто не было въ состояніи возбудить и поддержать въ Anastay сдерживающую и руководящую энергію разума. Про него можно основательно сказать въ это время, что онъ какъ бы подневольно шелъ къ своей неминуемой и близкой гибели и безпомощно несъ свою несчастную голову на гиліотину, будто неудержимо толкаемый какою то невидимою силой. И такая сила дѣйствительно существовала, но она была вполнѣ вѣдомая—это его всевластное влеченіе, которое подчиняло и въ извѣстныхъ случаяхъ подавляло всѣ остальныя движенія его души. Въ этомъ-то и заключалась неуравновѣшенность и порочность его натуры, дѣлавшая ее «несчастной».

Благодаря такой неуравновѣшенности, Anastay не былъ хозяиномъ себя, и для него не было выхода и тогда, когда его положеніе крайне запуталось. Вмѣсто стремленія и рѣшимости устранить причину невзгодъ и измѣнить свой образъ жизни, какъ бы это сдѣлалъ болѣе уравновѣшенный и сильный человѣкъ, который, впрочемъ, и не попалъ бы въ такое положеніе, вполнѣ порабощенный одною изъ особенностей своей натуры Anastay, напротивъ, какъ то непосредственно пришелъ къ другой мысли, къ мысли о преступленіи и при томъ не къ мысли о какомъ бы то ни было другомъ преступленіи, а къ мысли объ убійствѣ. Послѣдняя, непосредственно подсказываемая, какъ бы нашептываемая извращеннымъ чувствомъ, сразу же стала полновластной госпожей, сдѣлалась стойкой активной мыслію, около которой, какъ около центра, возникали и группировались уже другія соотвѣтствующія ей мысли. И это

понятно. Извращенное чувство постоянно звучало, а потому стойко держалась и *питаемая* имъ мысль. Самъ обвиняемый говорилъ, что въ половинѣ ноября убійство уже было «*безповоротно*» рѣшено.

Что это «*безповоротно*» не одно пустое слово, ясно показываетъ вся послѣдующая дѣятельность Anastay, которая представляется цѣлостной, какъ бы пропитанной, если можно такъ выразиться, одною мыслію и однимъ лежащимъ въ ея скрытой основѣ влеченіемъ, однимъ извращеннымъ чувствомъ. Насколько властно было это послѣднее, ясно показываетъ разсказъ Anastay. «Я ощущалъ *непреодолимую* силу», пояснялъ онъ, «которая *толкала* меня. Я *чувствовалъ*, что *надо* разить. Я боролся, но я *не послушалъ* голоса моей совѣсти». По нашему глубокому убѣжденію, все это не фразы, а очень живое и рельефное описаніе того поучительнаго душевнаго состоянія, которое въ то время испытывалъ Anastay и которое вполнѣ согласуется со всѣмъ извѣстнымъ намъ о проявленіяхъ душевной неуравновѣшенности, отмѣчавшей его. Его всевластное влеченіе, *доразвившись до такихъ предѣловъ* и уже подсказавъ мысль, дѣйствительно *толкало* его, какъ могучая сила, и порождало ощущеніе какъ бы принужденія. Многіе возразятъ, что ихъ внутренній опытъ не знакомитъ ихъ ни съ чѣмъ подобнымъ. И неудивительно. Испытывай и они такія же состоянія, они были бы такіе же неуравновѣшенные, какъ Anastay. Къ счастью, это только его и подобныхъ ему индивидуальная особенность, иначе число преступленій было бы значительно больше.

На первый взглядъ можетъ показаться, что съ подобнымъ пониманіемъ душевнаго состоянія Anastay вполнѣ несогласима чрезвычайно большая сила самообладанія, повидимому, проявленная имъ при совершеніи преступленія и во все послѣдующее время. Можетъ ли быть—скажутъ пожалуй—совершенно безволенъ по отношенію къ своему влеченію тотъ человѣкъ, который, повидимому, такъ властно распоряжается и подавляетъ свои душевныя движенія и волненія въ самые критическіе моменты? И дѣйствительно, это было бы мало понятно, если бы такое самообладаніе существовало. Но его то, по нашему мнѣнію, и не было, а была на лицо только истощенность сферы чувствъ. За это говоритъ все предшествующее совершенію преступленія. Мы не видимъ ничего подобнаго самообладанію и господству твердой воли. Въ своемъ прошломъ Anastay только безпомощная игрушка своего всевластнаго влеченія, противостоять которому онъ не имѣетъ силъ, не смотря на очень многіе стимулы и побудительныя причины. Гдѣ же послѣ этого самообладаніе, и въ чемъ же проявлялось оно? Его нѣтъ и слѣда. Anastay въ отношеніи самообладанія очень напоминаетъ хроническаго алкоголика, у котораго долгія злоупотребленія уничтожили волю и сдѣлали его игрушкой его сильно тонирующихъ ощущеній.

За истощенность и беззвучность сферы чувствъ, напротивъ, говоритъ очень многое. Свидѣтели разсказываютъ намъ, что въ Saint-Cyr'ской

школѣ въ Anastay произошла перемѣна: онъ сталъ лѣнивъ и сдѣлался «*дрянной клячей*» (un rossard), какъ выразилась одна изъ свидѣтельницъ. Надо думать, что злоупотребленія въ направленіи его господствующаго влеченія въ естественной или противоестественной формѣ въ это время зашли уже достаточно далеко (иначе и «бредъ женщинами» не развился бы такъ скоро), истощили его нервную систему, изсушили ея активныя силы, а съ тѣмъ вмѣстѣ изсушили и сферу его чувствъ. Лица, знавшія Anastay уже въ полку, характеризовали его, какъ человѣка, лишеннаго нравственнаго чувства, то есть, повидимому, какъ человѣка безразлично относившагося къ дурному и хорошему, какъ человѣка, у котораго это дурное и хорошее не вызывали движеній различныхъ чувствъ и горячаго, но различнаго отношенія. Неблагопріятное мнѣніе полковаго начальства и товарищей не трогало его и не дѣйствовало, какъ мы видѣли, сдерживающимъ образомъ на его поведеніе. Онъ шелъ, какъ бы зажмурясь, къ конечному разстройству своего здоровья эксцессами разврата, не имѣя силъ остановиться и сказать себѣ: «довольно», не смотря на то, что онъ и самъ хорошо зналъ, какъ это видно изъ его письма къ любовницѣ, что болѣзнь его глазъ серьезна и что эксцессы будутъ дѣйствовать на нее очень дурно. Очевидно, что никакія достаточно сильныя и властныя контрастирующія чувства не звучали въ немъ, а потому и не отражались на его дѣятельности.

И эта то жалкая истощенная «кляча» вдругъ проявила необычайное самообладаніе и замѣчательное присутствіе духа какъ во время совершенія преступленія, такъ и послѣ него, вплоть до момента признанія. Только въ этотъ моментъ Anastay неожиданно измѣнилъ себѣ, расплакался и разсказалъ все, не будучи вынужденъ къ тому и имѣя полную возможность съ значительною выгодою для себя продолжать свою систему полнаго отрицанія. Свое признаніе онъ объяснилъ раскаяніемъ и угрызеніями совѣсти, которыя будто бы отравили ему жизнь. Но это были не они. Не медля послѣ онъ уже сожалѣлъ о сдѣланномъ признаніи и разсчитывалъ, что теперь возможность признанія наличности смягчающихъ обстоятельствъ для него исчезла. Не таковы проявленія дѣйствительнаго раскаянія и угрызеній совѣсти.

Во всемъ этомъ было что-то рѣшительно несовмѣстимое. Наиболѣе вѣроятное, какъ намъ кажется, объясненіе, находящееся въ соотвѣтствіи со всѣмъ извѣстнымъ намъ объ Anastay — истощенность и беззвучность сферы его чувствъ, которая часто наблюдается и констатируется изслѣдованіемъ у недостаточныхъ и подбитыхъ натуръ. При такой беззвучности поведеніе Anastay становится понятно. Разъ въ немъ не звучали и, вслѣдствіе истощенности ихъ сферы, не могли звучать сильныя и властныя чувства, онъ, очевидно, не могъ и подавляться ими. Только напоръ сильныхъ чувствъ заставляетъ человѣка теряться и порождаетъ въ немъ состоянія крайняго замѣшательства и смущенія. Напротивъ, натуры, пассивно относящіяся, всегда сохраняютъ кажущееся самооблада-

ніе, которое на самомъ дѣлѣ сводится къ чувственному безразличію. Что же касается до производящихъ причинъ такого безразличія, то онѣ, какъ мы видѣли уже, дѣйствовали въ жизни Anastay въ достаточномъ количествѣ.

Все сказанное—надо сознаться въ томъ—есть лишь болѣе вѣроятное, по нашему мнѣнію, объясненіе, но не описаніе строго доказанныхъ фактовъ. Только тщательное изслѣдованіе, въ которомъ, къ величайшему сожалѣнію, и къ ущербу для дѣла правосудія судъ отказалъ защитѣ, одно и могло дать доказательства и разъяснить многое, остающееся теперь загадочнымъ въ поведеніи Anastay, который, повидимому, унесъ съ собой въ могилу возможность разъясненія.

Намъ скажутъ пожалуй, что мы нарисовали душевно-больную личность, которая, если она дѣйствительно была такова, должна быть признана безотвѣтственной. На это повторимъ еще разъ, что Anastay едва ли былъ душевно-больнымъ въ томъ тѣсномъ значеніи слова, какъ это понимаетъ законъ и его толкователи, устанавливая невмѣняемость. Гораздо вѣроятнѣе, что онъ былъ одной изъ недостаточныхъ и дурно-уравновѣшенныхъ натуръ, которыхъ законъ и судъ не признаютъ безотвѣтственными и подвергаютъ наказаніямъ. Что же касается смертной казни, то она во всякомъ случаѣ была не нужна. Она прибавила только одно лишнее развращающее зрѣлище для праздной толпы, которая обыкновенно съ вечера собирается съ закусками и выпивкой предъ воротами тюрьмы la Grande Roquette, чтобы испытать сильныя ощущенія и поглазѣть, какъ эффектно произойдетъ казнь и падетъ голова все же несчастнаго преступника.

Нѣкоторые во Франціи утверждаютъ, что только смертная казнь одна лишь и устрашаетъ великихъ злодѣевъ. Но развѣ Anastay, Vaubourg и другіе убійцы, совершившіе въ недавнее время свои кровавыя дѣянія во Франціи, не знали хорошо, что ожидаетъ ихъ по закону? Конечно, знали. И что же? Убійства совершены. У насъ въ Россіи по общему праву не существуетъ смертной казни, а развѣ въ Петербургѣ и Москвѣ совершается больше кровавыхъ преступленій сравнительно съ Парижемъ, принимая при этомъ во вниманіе и различія въ цифрахъ населенія названныхъ городовъ? Далеко нѣтъ. Мысль, что чѣмъ больше вредъ, которымъ грозитъ законъ за преступленіе, тѣмъ пропорціонально будто бы всегда больше и страхъ предъ наказаніемъ, представляетъ собою одно изъ освященныхъ временемъ величайшихъ заблужденій, которое, какъ и всякое другое заблужденіе, влечетъ за собою и свои невыгодныя слѣдствія. Повседневный опытъ учитъ насъ, что люди, обыкновенно смѣло глядящіе въ лицо смерти, дрожатъ и слабѣютъ иногда предъ пустякомъ. Все въ этой области зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей установившихся ассоціацій и отъ временныхъ колеблющихся состояній. Если бы теорія о прямой постоянной пропорціональности между степенью страха предъ наказаніемъ и его тяжестью была вѣрна, то четвертованія, коле-

сованія и многіе другіе ужасы прежней уголовной юстиціи были бы просто спасительными средствами въ борьбѣ съ язвой преступленія.

Говоря все это, я однако далекъ отъ мысли отрицать необходимость примѣненія другихъ мѣръ уголовной репрессіи. Личности, подобныя Anastay, если мы только его вѣрно поняли, своими дѣяніями во всякомъ случаѣ ясно свидѣтельствуютъ, что онѣ нетерпимы въ качествѣ свободныхъ членовъ въ человѣческомъ обществѣ, а потому и должны быть изъяты изъ него впредь до своего полнаго обезвреженія, которое и можетъ быть достигнуто правильно организованнымъ заключеніемъ, не опредѣляемымъ напередъ въ своей длительности.

III.

За нѣсколько дней до Anastay, а именно 18, 19 и 20 февраля, передъ тѣмъ же сенскимъ ассизнымъ судомъ прошла другая интересная въ психическомъ отношеніи личность, нѣкто Vaubourg, вслѣдствіе выдержанной до конца системы отрицанія отдѣлавшійся только вѣчными каторжными работами.

Въ ноябрѣ истекшаго года въ Парижѣ, въ подвалахъ одного дома былъ найденъ обезглавленный трупъ. Изслѣдованіе показало, что жертва преступленія была задушена, а потомъ уже обезглавлена, и что этой жертвой былъ молодой человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи разгрузчикомъ Boutry. Собранныя данныя указали на другаго разгрузчика, Vaubourg, какъ на убійцу. Послѣдній долго отрицалъ свою виновность, но потомъ, подъ напоромъ вѣскихъ уликъ, наконецъ сознался и передалъ обстоятельства дѣла въ слѣдующемъ видѣ.

28 октября подвыпившій, а можетъ быть и подпоенный въ этотъ вечеръ Boutry, всегда дружившій съ нимъ и нѣсколько ранѣе въ теченіе цѣлаго мѣсяца жившій съ нимъ въ одной комнатѣ, будто бы пожелалъ остаться у него ночевать, и они легли спать на одной кровати. Ночью онъ былъ разбуженъ ударомъ въ лицо, нанесеннымъ ему соннымъ Boutry. Подъ вліяніемъ удара, онъ схватилъ спавшаго за горло и съ просонья началъ душить его, не отдавая себѣ сколько нибудь яснаго отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ. Только уже услыхавъ что-то въ родѣ хрипѣнья, онъ пришелъ въ себя, но было поздно: Boutry былъ мертвъ. Испуганный онъ сначала спряталъ трупъ подъ кроватью, отдалъ въ стирку все свое бѣлье, а на слѣдующую ночь снесъ трупъ въ подвалъ и здѣсь обезглавилъ. Туловище онъ оставилъ въ подвалѣ, а голову, предварительно отрѣзавъ у нея носъ, половину верхней губы и ухо для неузнаваемости, отнесъ въ другое мѣсто.

Видѣвшіе Vaubourg показали, что послѣ совершенія преступленія и вплоть до привлеченія къ дѣлу онъ казался вполнѣ спокоенъ, по прежнему ходилъ на работу, ѣлъ и спалъ хорошо, шутилъ даже, и говорилъ нѣкоторымъ, что убившій, очевидно, не новичекъ въ этомъ дѣлѣ. На всѣ

вопросы о мотивахъ преступленія Vaubourg упорно отвѣчалъ: «Я не знаю, почему я это сдѣлалъ; мнѣ пришла мысль убить; я убилъ безъ всякаго мотива». Двое изъ совмѣстно содержавшихся съ нимъ показывали, впрочемъ, будто слышали отъ него, что онъ убилъ Boutry вслѣдствіе происшедшей ссоры, но самъ Vaubourg упорно отрицалъ правдивость этого сообщенія.

Собранныя свѣдѣнія показали, что Vaubourg былъ трезвый, трудолюбивый и очень неглупый человѣкъ, не проявлявшій никакихъ признаковъ душевнаго разстройства. Въ его отношеніяхъ къ Boutry слѣдствіе не могло открыть никакихъ достаточныхъ *обычныхъ* мотивовъ преступленія, какъ-то: желанія наживы, ссоръ, ненависти и т. д. Только въ прошломъ обвиняемаго оно открыло обстоятельства, которыя, по мнѣнію обвинительнаго акта и обвинявшаго на судѣ прокурора, бросаютъ свѣтъ на истинныя причины послѣдняго преступленія и объясняютъ въ его обстановкѣ весьма многое, что безъ нихъ остается темнымъ и противорѣчивымъ.

Въ возрастѣ 13 лѣтъ, какъ утверждаетъ обвиненіе, основанное на собранныхъ данныхъ, Vaubourg съ сестрой заманивали къ себѣ дѣтей и, по слухамъ, совершали различныя манипуляціи съ ихъ половыми частями. Въ возрастѣ 19 лѣтъ Vaubourg былъ осужденъ за кражу на мѣсяцъ въ тюрьму. Въ 1882 г. онъ поступилъ въ военную службу въ артиллерію и вскорѣ уже былъ приговоренъ на два мѣсяца въ тюрьму за оставленіе своего поста. У начальства онъ былъ на дурномъ счету и надъ нимъ тяготѣло подозрѣніе въ нѣсколькихъ кражахъ.

Въ первый же годъ службы онъ бѣжалъ изъ мѣста расположенія своей части. Его путь во время бѣгства лежалъ чрезъ ближайшій лѣсъ. И вотъ въ то время, когда онъ долженъ былъ проходить черезъ него, одна дѣвочка видѣла въ немъ артиллериста, который на дорогѣ преслѣдовалъ ея одиннадцатилѣтнюю подругу Лауру Mouth. Въ то же время одинъ находившійся въ томъ лѣсу постовой стрѣлокъ слышалъ двухкратный прерывистый крикъ, а спустя черезъ часъ съ небольшимъ артиллериста видѣли за лѣсомъ, идущимъ дальше по той же дорогѣ. На другой день въ лѣсу былъ найденъ трупъ несчастной Лауры съ признаками *задушенія* и изнасилованія. Непосредственно затѣмъ былъ арестованъ и бѣжавшій Vaubourg. При арестѣ, на его рубашкѣ и кальсонахъ были найдены слѣды крови. Онъ упорно отрицалъ свою виновность и, наконецъ, притворился, какъ утверждали, душевно-больнымъ, но врачами былъ признанъ здоровымъ. Голоса судей въ вопросѣ о его виновности раздѣлились, и онъ былъ оправданъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ своего оправданія онъ былъ осужденъ за кражу, а вскорѣ послѣ отбытія наказанія былъ снова приговоренъ къ 5-лѣтнему заключенію за новое дезертированіе изъ службы. Служившіе въ тюрьмѣ считали его за человѣка съ извращенными инстинктами, которые, по ихъ словамъ, и получали удовлетвореніе. Сверхъ того, его подозрѣвали въ подстрекательствѣ одного изъ его

сотоварищей по заключенію къ покушенію на убійство подрядчика, которому онъ во всякомъ случаѣ не воспрепятствовалъ, имѣя, какъ утверждали, полную возможность къ тому.

Таково было прошлое Vaubourg, который послѣ освобожденія изъ пенитенціарія поселился въ Парижѣ и занялся ремесломъ разгрузчика. Здѣсь онъ познакомился съ очень молодымъ и нѣсколько женоподобнымъ Boutry и, не смотря на разницу лѣтъ и характеровъ, настолько подружился съ нимъ, что товарищи по работѣ называли ихъ въ шутку Полемъ и Виргиніей, хотя и не подозрѣвали при этомъ въ противоестественныхъ отношеніяхъ.

Слѣдствіе открыло также, что не задолго до совершенія преступленія Vaubourg два раза былъ у одной проститутки. По разсказу послѣдней, при второмъ посѣщеніи, онъ заперъ дверь за собой, положилъ ключъ въ карманъ и сталъ просить доставить ему молодаго человѣка, обѣщая щедрую плату. Получивъ отказъ, онъ сдѣлалъ попытку насильственной педерастіи, но безуспѣшно. Потерпѣвъ неудачу, Vaubourg одно мгновеніе стоялъ неподвижно, прислонившись къ стѣнѣ. При этомъ его лицо, по словамъ женщины, совершенно исказилось, глаза выкатились, и онъ казался ужасенъ. Видя это, несчастная въ смертельномъ страхѣ бросилась къ окну и едва успѣла крикнуть, какъ Vaubourg снова кинулся на нее, опрокинулъ ее, схватилъ за горло, сильно сжалъ его и пытался продолжать начатое. Въ это время дверь, отпертая снаружи другимъ ключемъ, къ счастью отворилась, и кто-то вбѣжалъ на помощь. При видѣ вошедшаго, Vaubourg бросилъ несчастную и поспѣшилъ удалиться. Таковъ разсказъ проститутки. Съ своей стороны Vaubourg не отрицалъ факта посѣщеній, но рѣшительно отвергалъ попытку изнасилованія.

Основываясь на добытыхъ свѣдѣніяхъ и сопоставляя явленія прошлаго съ условіями послѣдняго преступленія, обвиненіе пришло къ заключенію, что и въ этомъ случаѣ имѣла мѣсто попытка изнасилованія, окончившаяся, какъ и въ случаѣ несчастной Лауры Mouth, задушеніемъ. Показанія многочисленныхъ свидѣтелей, однако, оставляли за собой нѣкоторыя сомнѣнія. Многое въ поведеніи Vaubourg казалось непонятнымъ, страннымъ, страннымъ до крайности и, въ совокупности съ данными о прошлой жизни обвиняемаго, вызывало сильнѣйшія подозрѣнія, почти граничившія съ увѣренностью, но въ нее все таки не переходившія. Не удивительно поэтому, что присяжные вынесли утвердительный отвѣтъ на вопросъ о непредумышленномъ убійствѣ и отвѣтъ отрицательный на вопросъ о покушеніи на изнасилованіе. Иначе они и поступить не могли, особенно въ виду упорныхъ отрицаній Vaubourg, но ихъ вердиктъ не смылъ вполнѣ послѣдняго обвиненія. У всякаго знакомаго съ процессомъ невольно шевелится мысль, что объясненіе въ этомъ обвиненіи всего случайнымъ и несчастнымъ совпаденіемъ обстоятельствъ — невозможно. Поэтому и Henri Robert, защищавшій Anastay можетъ быть и нѣсколько неумѣстно, но вѣрно выразилъ мысль очень многихъ, знакомыхъ съ дѣ-

ломъ Vaubourg, сказавъ на судѣ, что онъ спасъ свою голову тѣмъ, что солгалъ.

IV.

26 февраля предъ судомъ исправительной полиціи Парижа предстала мачиха по обвиненію въ ужасающихъ истязаніяхъ своей 9-лѣтней падчерицы, которыя она всегда производила въ отсутствіи отца ребенка.

Обвиняемая была разведена съ первымъ мужемъ и вышла во второй разъ за вдовца, имѣвшаго трехъ дочерей отъ перваго брака. Меньшая изъ нихъ—жертва преступленія, и испытала на себѣ проявленія, поистинѣ, чудовищной ненависти своей мачихи, которыя возмутили сосѣдей и привели послѣднюю на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ истязаніи.

На судѣ выяснилось, что она била несчастнаго ребенка почти ежедневно, била руками, била ногами, била палкой и китовымъ усомъ изъ корсета. Чтобы препятствовать крикамъ, она хватала истязуемую за горло и крѣпко стискивала его почти до задушенія. Иногда по цѣлымъ днямъ она не пускала ребенка въ клозетъ, и когда несчастная жертва жестокости не сдерживала испражненій, она заставляла ее цѣловать запачканное бѣлье и лизать испачканный полъ. Иногда она поднимала ее съ полу за шею, или за волосы и потомъ снова бросала на землю, называя эту манипуляцію техническимъ выраженіемъ «показыванія бабушки». Въ ротъ ребенку она набивала всякихъ мерзостей и иногда привязывала ее за руки и за ноги, чтобы было удобнѣе бить и истязать. Годъ тому назадъ она такъ сильно ударила ее палкой по лицу, что носъ у несчастной болѣлъ съ тѣхъ поръ.

На судѣ обвиняемая отрицала приписываемыя ей жестокости и утверждала, что она прибѣгала лишь къ мѣрамъ исправленія порочныхъ наклонностей своей падчерицы. Судъ однако призналъ обвиненіе доказаннымъ и приговорилъ ее къ заключенію въ тюрьму на 2 года.

Таковы три личности, почти единовременно прошедшія предъ судами Парижа. Не смотря на значительное различіе, онѣ имѣютъ и нѣчто общее. У всѣхъ трехъ преступность развивалась на почвѣ одного и того же системнаго чувства въ его только различныхъ тѣняхъ и оттѣнкахъ, изъ котораго и возникала наклонность и влеченіе къ убійству и мучительству для достиженія той или другой цѣли.

Дмитрій Дриль.

ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ВОЛОСТНЫХЪ СУДОВЪ.

Недавній циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ по поводу примѣненія волостными судьями тѣхъ или другихъ статей устава гражданскаго судопроизводства затрогиваетъ весьма важный для мѣстнаго правосудія и живой вопросъ о формахъ и существѣ крестьянскаго суда. Вызванъ этотъ циркуляръ категорическими требованіями нѣкоторыхъ губернскихъ присутствій, разъяснявшихъ волостнымъ судамъ обязательность для нихъ тѣхъ или другихъ статей устава гражданскаго судопроизводства. Упомянутый циркуляръ слѣдующими словами характеризуетъ цѣль и значеніе волостнаго суда: «По основной задачѣ своей и той постановкѣ, какая дана ему въ законѣ, волостной судъ является судомъ, учрежденнымъ для разрѣшенія простѣйшихъ дѣлъ, возникающихъ въ сельскомъ быту, и составляется изъ лицъ, для которыхъ не установлено даже требованіе грамотности. Соотвѣтственно сему, законъ ограничился изданіемъ для руководства волостныхъ судовъ небольшаго числа простыхъ постановленій, изложенныхъ во временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ, и засимъ нашелъ возможнымъ обязать его руководствоваться сравнительно лишь немногими статьями общихъ узаконеній (устав. о нак. налагаем. мир. суд.) и то только въ дѣлахъ о проступкахъ. Что же касается дѣлъ гражданскихъ, то при разборѣ ихъ волостный судъ не стѣсненъ никакими формальными требованіями, кромѣ заключающихся въ упомянутыхъ правилахъ. Всякая вообще регламентація подробностей разсмотрѣнія и разрѣшенія этихъ дѣлъ признавалась при изданіи сихъ правилъ не отвѣчающей патріархальному характеру этого учрежденія, которому, напротивъ того, считалось необходимымъ открыть широкій просторъ въ выборѣ способовъ выясненія дѣйствительной сущности дѣла согласно мѣстнымъ обычаямъ и установившейся практикѣ». Основная мысль этого циркуляра, освобождающаго волостные суды отъ излишняго формализма и регламентаціи и предоставляющаго имъ при разборѣ гражданскихъ дѣлъ руководствоваться мѣстными обычаями и установившейся

практикою, можетъ считаться справедливою и заслуживающею полнаго одобренія. Дѣятельность именно въ этомъ духѣ является существенною особенностью и весьма цѣннымъ преимуществомъ истинно народнаго волостнаго суда. Если обратиться къ исторіи дѣятельности волостныхъ судовъ, дѣйствовавшихъ у насъ по положенію 19 февраля 1861 года, то не трудно замѣтить, что лучшими и справедливѣйшими рѣшеніями волостныхъ судовъ по гражданскимъ вопросамъ были именно тѣ, которыя не только не основывались на нашемъ формальномъ правѣ, но нерѣдко противорѣчили ему. Точно также, какъ извѣстно, совершенно безуспѣшными оказались попытки и стремленія нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ подчинить рѣшенія волостныхъ судовъ положительному гражданскому праву. Они достигли того, что волостные писаря иногда весьма обильно снабжали протоколы статьями законовъ, но сущность рѣшеній сохраняла прежній народнообычный характеръ. Извѣстный знатокъ русскаго обычнаго права профессоръ Пахманъ по этому вопросу говоритъ: «дѣйствительно, въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ нерѣдко помѣщаются ссылки и на законы, но большею частью не видно никакой связи первыхъ съ послѣдними, такъ какъ не только для судей, обыкновенно неграмотныхъ, но и для волостныхъ писарей самое пониманіе смысла законовъ нельзя считать дѣломъ легкимъ и доступнымъ; поэтому и примѣненіе ихъ къ гражданскимъ дѣламъ между крестьянами представляется въ большей части случаевъ лишь мнимымъ» [1]). Вопросъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ и о необходимости такого примѣненія относится преимущественно къ области матеріальнаго права, но и здѣсь воззрѣнія народа не сложились еще въ полную и стройную систему. Что же касается процессуальнаго права, то въ этой области народный умъ, стремящійся преимущественно къ открытію реальной правды и лишенный научнаго анализа, не создалъ, да и не въ состояніи создать что либо самостоятельное и цѣльное. Здѣсь опытные юристы и положительное право должны придти на помощь крестьянскому суду и указать ему тѣ основныя начала и общія положенія судопроизводства, безъ которыхъ невозможно установить матеріальную истину въ дѣлѣ и при отсутствіи которыхъ судъ въ лучшемъ случаѣ является не безпристрастной гарантіей правъ гражданъ, а лишь счастливой находчивостью судей, удачнымъ ихъ вдохновеніемъ и по существу самымъ примитивнымъ произволомъ. Съ этой точки зрѣнія приведенный нами выше циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, утверждающій, что волостный судъ, имѣющій патріархальный характеръ, долженъ быть свободнымъ отъ всякихъ формальныхъ требованій, кромѣ заключающихся во временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ, не можетъ считаться правильнымъ и достигающимъ намѣченной имъ цѣли. Правила о порядкѣ производства и рѣшенія дѣлъ въ волостномъ судѣ, заключающія всего восемь статей, отличаются такою

[1]) *Пахманъ.* „Обычное гражданское право Россіи“, т. I, стр. 394.

неполнотою и краткостью, что оставляютъ неразрѣшенными и неопредѣленными самыя существенныя формы правосудія, въ родѣ способа вызова сторонъ и свидѣтелей, повѣрки доказательствъ, объявленія рѣшенія и т. под. Волостному суду, дѣйствующему по такимъ несовершеннымъ и примитивнымъ правиламъ, невозможно и весьма рисковано «открыть широкій просторъ въ выборѣ способовъ выясненія дѣйствительной сущности дѣла согласно мѣстнымъ обычаямъ и установившейся практикѣ», какъ разсуждаетъ вышеупомянутый циркуляръ. Временныя правила о волостномъ судѣ 12 іюля 1889 года въ статьѣ Е. Тарновскаго «Порядокъ производства дѣлъ въ волостныхъ судахъ», помѣщенной въ январской книгѣ «Юридическаго Вѣстника» за текущій годъ, подверглись обстоятельной критикѣ преимущественно со стороны уголовнаго судопроизводства. Въ ней авторъ указалъ важные пробѣлы «временныхъ правилъ» по вопросамъ о публичности разбирательства, о вызовѣ сторонъ, о послѣдствіяхъ ихъ неявки, объ отводѣ волостныхъ судей и т. п. и коснулся также неудачной попытки министерства внутреннихъ дѣлъ восполнить этотъ пробѣлъ отдѣльными дополнительными циркулярами. Въ заключеніе г. Тарновскій призналъ необходимымъ пересмотръ «временныхъ правилъ о волостномъ судѣ» въ законодательномъ порядкѣ и составленіе хотя бы краткихъ, но точныхъ правилъ, которыми могли бы руководствоваться какъ волостные судьи въ своей практикѣ, такъ и тяжущіеся крестьяне. Въ настоящей статьѣ мы предполагаемъ выяснить существенныя особенности гражданскаго судопроизводства въ волостныхъ судахъ и тѣ основныя правила, безъ соблюденія которыхъ постановленіе крестьянскаго суда, хотя бы и мотивированное мѣстными обычаями, не можетъ быть признано въ силѣ судебнаго рѣшенія.

Правила судопроизводства изложены въ 22—29 ст., временныхъ правилъ о волостномъ судѣ» и въ 9 ст. тѣхъ же правилъ. Въ этой послѣдней статьѣ заключается, между прочимъ, правило объ устраненіи волостнаго судьи отъ разрѣшенія «дѣла, касающагося его самого (?) или неотдѣленныхъ членовъ его семейства». Ст. 22 перечисляетъ поводы къ начатію дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ; къ нимъ относятся: словесныя и письменныя просьбы и жалобы, предписанія земскаго начальника и сообщенія полиціи, сельскихъ и другихъ властей. Ст. 23 говоритъ объ обязанностяхъ сторонъ въ дѣлѣ и о замѣнѣ ихъ представителями. Ст. 24 трактуетъ о вызовѣ свидѣтелей и о полученіи ихъ письменныхъ показаній. Ст. 25 посвящена доказательствамъ вообще, 26—постановленію рѣшеній. 27—изложенію рѣшеній, 28—мировымъ сдѣлкамъ и 29 ст.—исполненію рѣшеній. Трудно гдѣ либо и въ какой либо странѣ найти болѣе упрощенный, краткій и отрывочный порядокъ отправленія правосудія, а между тѣмъ по этимъ правиламъ рѣшаются имущественные споры бѣднѣйшаго крестьянскаго класса населенія до 300 рублей для обыкновенныхъ исковъ, до 500 рублей при раздѣлѣ наслѣдства, не входящаго въ составъ крестьянскаго надѣла, и безъ ограниченія суммы, когда наслѣдственное иму-

щество входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла. Вѣдь, эти нормы представляютъ для сельскихъ обывателей цѣлыя состоянія, накопленныя годами труда и лишеній. И эти то интересы отданы на усмотрѣніе крестьянскаго суда, освобожденнаго отъ самыхъ существенныхъ и необходимыхъ формъ. Конечно, при изданіи «временныхъ правилъ» можно было надѣяться, что практика хотя нѣсколько восполнитъ ихъ пробѣлы, установивъ хотя нѣкоторыя нормы процессуальныхъ требованій. Но насколько намъ извѣстна дѣятельность волостныхъ судовъ, уѣздныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій за послѣднее время, надежды эти не оправдались, и 14,000 крестьянскихъ судовъ Россіи представляютъ собою полное господство случайныхъ порядковъ и личнаго усмотрѣнія. По нашему мнѣнію, можно указать даже нѣкоторыя причины подобнаго положенія дѣлъ. Прежде всего составъ земскихъ начальниковъ, въ рукахъ которыхъ находятся власть и руководство волостными судами, столь разнообразенъ по характеру и опытности и многіе изъ нихъ столь далеки отъ знанія какихъ либо правовыхъ началъ, что было бы неестественно ожидать отъ нихъ правильнаго и благоустроеннаго сельскаго правосудія. Во вторыхъ, во многихъ уѣздныхъ съѣздахъ оказалось парализованною полезная дѣятельность настоящихъ юристовъ, уѣзднаго члена окружнаго суда и городскаго судьи, остающихся въ меньшинствѣ въ составѣ многочисленныхъ участковыхъ начальниковъ. Если присоединить сюда безучастное отношеніе канцелярски сформированныхъ губернскихъ присутствій и взгляды министерства внутреннихъ дѣлъ, рекомендующаго «широкій просторъ» вмѣсто строгаго правосудія съ соблюденіемъ необходимѣйшихъ его формъ, то получится достаточно объяснимая печальная картина сельскаго правосудія и его недостаточно прочно и раціонально поставленныхъ органовъ.

Первѣйшей и существеннѣйшей гарантіей правильности и безпристрастія суда является законный составъ его. По свойственнымъ человѣческой природѣ слабостямъ: эгоизму, пристрастію къ близкимъ и роднымъ людямъ и т. п. никто не признается способнымъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ и въ дѣлахъ его близкихъ. Поэтому положительное законодательство, желая обезпечить обществу безпристрастный судъ, установило правила и опредѣлило случаи, когда судья самъ долженъ устранить себя отъ разсмотрѣнія дѣла или когда тяжущійся можетъ отвести его. Право отвода необходимо на тотъ случай, если бы судья по какой либо причинѣ, умышленно, или не умышленно, позабылъ исполнить свой долгъ. Въ этомъ отношеніи «временныя правила о волостномъ судѣ» представляютъ совершенно невозможные недостатки: въ нихъ совершенно не упоминается о правѣ отвода сторонъ и обязанность судьи устранять себя ограничивается дѣлами, касающимися его самого или неотдѣленныхъ членовъ его семейства. Трудно подъискать какія либо логическія основанія подобнаго правила. Оно не можетъ быть объяснено ни малоцѣнностью исковъ, подсудныхъ волостному суду, ни иными какими либо цѣлями упрощенія. Не предполагали же составители правилъ, что волостные судьи крестьяне

способны стать на такую высоту судейскаго безпристрастія, какую недопускаетъ законъ въ судьяхъ интеллигентныхъ, стоящихъ на высотѣ современной науки и практики?... Здѣсь по нашему мнѣнію безусловно необходимо дать тяжущимся тѣ же гарантіи, какія имѣютъ они въ мировыхъ и общихъ судахъ, т. е. слѣдуетъ установить правило, что волостные судьи должны устранять себя или могутъ быть отведены тяжущимися, когда имѣютъ участіе въ дѣлѣ сами они, ихъ жены, родственники до четвертой степени, свойственники до третьей или когда волостной судья имѣетъ тяжбу съ истцемъ или отвѣтчикомъ. Нынѣ дѣйствующія правила,—разрѣшающія волостному судьѣ обсуждать дѣла родныхъ сыновей и братьевъ, лишь бы они жили отдѣльно, представляютъ очевидную юридическую аномалію.

Послѣ личнаго состава суда существеннѣйшими дѣятелями въ гражданскомъ процессѣ являются стороны: истецъ и отвѣтчикъ. Положеніе сторонъ въ гражданскомъ дѣлѣ столь опредѣленно и ясно, что оно не можетъ причинить какихъ либо затрудненій волостному суду и повести къ процессуальнымъ ошибкамъ. Иное дѣло случай замѣстительства сторонъ особыми представителями или повѣренными. Представительство разрѣшается 23 ст. «временныхъ правилъ», но со значительными ограниченіями, стѣсняющими безъ всякой нужды и пользы гражданскія отношенія. Такъ кругъ довѣрителей ограниченъ лицами, «проживающими внѣ предѣловъ волости и далѣе 15 верстъ, а прочимъ лицамъ разрѣшается посылать повѣренныхъ при наличности «уважительныхъ причинъ». Повѣренными же могутъ быть лишь родные, домашніе и односельцы крестьянъ и прикащики, старосты, управляющіе землевладѣльцевъ, за исключеніемъ лицъ, ведущихъ чужія дѣла за вознагражденіе. Подобное излишнее вмѣшательство суда въ частныя дѣла тяжущихся и стѣсненіе личной защиты имущественныхъ интересовъ не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Во «временныхъ правилахъ» нѣтъ указаній о формѣ, въ какой выдаются довѣренности и уполномочія. Во избѣжаніе недоразумѣній они должны быть письменными и свидѣтельствоваться у мѣстнаго сельскаго старосты, что не можетъ представить никакого затрудненія.

Первымъ моментомъ въ гражданскомъ процессѣ является предъявленіе иска. «Временныя правила» (ст. 22) указываютъ какъ поводъ для начатія дѣла, словесныя и письменныя просьбы и жалобы, принесенныя суду, волостному старшинѣ и земскому начальнику, но не опредѣляютъ существенныхъ элементовъ исковой просьбы, что являлось бы весьма полезнымъ въ интересахъ вѣрнаго направленія и успѣшнаго разрѣшенія дѣлъ. Поэтому представлялось бы полезнымъ, чтобы каждая исковая просьба, подаваемая въ волостной судъ, заключала въ себѣ: 1) указаніе истца и отвѣтчика; 2) изложеніе существенныхъ обстоятельствъ дѣла; 3) исковое требованіе и 4) перечисленіе доказательствъ.

За предъявленіемъ иска слѣдуетъ вызовъ въ судъ, совершенно игно-

рируемый «временными правилами». Между тѣмъ неопредѣленность формы и условій вызова должна повести ко многимъ недоразумѣніямъ и неудобствамъ на практикѣ, напримѣръ, затрудненія могутъ произойти отъ несвоевременности объявленія о днѣ явки въ судъ, отъ неуказанія повода вызова и т. п. Для избѣжанія подобныхъ нежелательныхъ случаевъ представлялось бы полезнымъ опредѣлить, чтобы вызовы въ волостной судъ производились по письменнымъ повѣсткамъ, подписаннымъ предсѣдателемъ суда и заключающимъ въ себѣ имя вызываемаго лица, срокъ явки и сущность дѣла, къ которому привлекается вызываемый, съ указаніемъ послѣдствій неявки. Подобная повѣстка должна быть вручена по крайней мѣрѣ за два дня до разбора дѣла волостнымъ судомъ. Въ виду уже значительнаго распространенія грамотности въ селахъ не можетъ представиться затрудненій для выполненія этихъ несложныхъ формальностей, при чемъ успѣшности самого выполненія будетъ много содѣйствовать близость селеній отъ мѣста нахожденія волостнаго суда.

Самою важною и серьезною частью гражданскаго процесса является повѣрка доказательствъ, отъ обстоятельнаго и добросовѣстнаго выполненія которой наиболѣе всего зависитъ справедливость постановленнаго судомъ рѣшенія. О доказательствахъ «временныя правила» упоминаютъ въ статьяхъ 24 и 25 и относятъ къ нимъ свидѣтельскія показанія и осмотры мѣстности, добавляя при этомъ, что волостной судъ прибѣгаетъ къ нимъ «въ случаѣ надобности». Правила оставляютъ совершенно незатронутыми и неопредѣленными вопросы: чѣмъ опредѣляется «надобность» въ изслѣдованіи того или другаго доказательства, и какую роль при этомъ играютъ истецъ и отвѣтчикъ? Точно также правила ничего не упоминаютъ о письменныхъ доказательствахъ, которымъ въ нашъ вѣкъ приходится имѣть выдающееся значеніе въ судахъ всякаго рода. Крайне несправедливо и странно было бы предоставлять волостному суду право избирать и устранять доказательства «по усмотрѣнію»: для него необходимо сдѣлать обязательнымъ общее правило гражданскаго судопроизводства, что ни одно изъ доказательствъ, представленныхъ сторонами, не можетъ быть оставлено безъ разсмотрѣнія и обсужденія.

При этомъ допросъ свидѣтелей и осмотръ на мѣстѣ въ случаѣ требованія обѣихъ сторонъ также должны быть обязательны для волостнаго суда. Въ случаѣ отказа принять какое либо доказательство волостной судъ долженъ указать причину его. Конечно, болѣе подробная регламентація дѣятельности волостнаго суда представляется не достигающею цѣли и весьма для него обременительною, но онъ не можетъ быть освобожденъ отъ существенныхъ формъ, гарантирующихъ судебную справедливость и внимательное, безпристрастное и для всѣхъ равное и однообразное отношеніе суда къ тяжущимся.

Послѣднимъ существеннымъ моментомъ въ гражданскомъ процессѣ является объявленіе рѣшенія. О немъ говорится въ 26 ст. «временныхъ правилъ», а именно, что рѣшеніе «немедленно записывается въ заве-

денную для сего книгу и затѣмъ объявляется сторонамъ въ томъ же засѣданіи». Процессуальное значеніе объявленія рѣшенія состоитъ въ томъ, что со дня его начинается теченіе срока для обжалованія. Принимая во вниманіе, что волостной судъ дѣйствуетъ въ деревенской средѣ, мало знакомой даже съ самыми обыденными узаконеніями и недостаточно опытной, представлялось бы полезнымъ включить въ правила судопроизводства волостнаго суда, чтобы одновременно съ объявленіемъ рѣшенія объяснялись тяжущимся порядокъ и срокъ обжалованія. Для избѣжанія же возможныхъ въ темной средѣ злоупотребленій полезно было бы, чтобы тяжущіеся росписывались въ выслушаніи ими рѣшеній, съ отмѣткою въ томъ случаѣ, когда они почему либо не пожелали этого выполнить.

Приведенный нами въ началѣ статьи циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 31 октября 1891 г. за № 4436 въ особенности предостерегаетъ волостные суды отъ увлеченія 409 и 410 ст. устава гражданскаго судопроизводства и отъ опасности предпочтенія письменныхъ доказательствъ всякимъ другаго рода доводамъ. Въ буквальномъ смыслѣ, конечно, какъ говоритъ этотъ циркуляръ, «ни одна статья устава гражданскаго судопроизводства не можетъ быть признаваема обязательной для волостнаго суда», но общій духъ закона и основныя начала его, требующія отъ всякаго судебнаго рѣшенія обоснованности на доказательствахъ и справедливости, не должны быть чужды и волостному суду. Нельзя не раздѣлить взгляда, проводимаго въ заключительныхъ словахъ того же циркуляра: «при разборѣ подлежащихъ ихъ вѣдѣнію дѣлъ волостные суды имѣютъ право свободно, по совѣсти и внутреннему убѣжденію, оцѣнивать предъявляемые сторонами доводы и могутъ разрѣшать дѣла на основаніи какъ письменныхъ доказательствъ и свидѣтельскихъ показаній, такъ равно и всѣхъ другихъ, вытекающихъ изъ дѣла или имѣющихся въ распоряженіи суда данныхъ».

Заканчивая нашу статью, мы рѣшаемся высказать мнѣніе, что рекомендуемыя нами поправки и дополненія правилъ о волостномъ судѣ не противорѣчатъ ни идеѣ, ни практическимъ задачамъ этого суда, и надѣемся, что нашими замѣчаніями мы приносимъ лишь пользу этому хорошему и тѣсно связанному съ условіями русскаго народнаго быта учрежденію.

А. Тютрюмовъ.

НОВЫЙ ЗАКОНЪ О НАКАЗАНІЯХЪ ПРИ СОВОКУПНОСТИ И ПОВТОРЕНІИ ПРЕСТУПНЫХЪ ДѢЯНІЙ.

Въ № 19 отъ 25 февраля 1892 г. «Собранія узаконеній и распоряженій правительства» опубликовано Высочайше утвержденное 3 февраля сего года мнѣніе государственнаго совѣта, вносящее существенныя измѣненія въ дѣйствовавшія доселѣ постановленія нашего законодательства о рецидивѣ и стеченіи преступленій. Критическій анализъ важнѣйшихъ изъ измѣненій, произведенныхъ этимъ закономъ въ нашемъ правѣ, и составляетъ предметъ настоящей статьи.

I.

Начнемъ съ постановленій о рецидивѣ. Самое понятіе рецидива существенно измѣнено новою редакціею статей 131-ой уложенія о наказаніяхъ и 14-ой мироваго устава, а равно и вновь созданной ст. 14^1 послѣдняго.

Бывшее въ нашемъ правѣ со времени изданія уложенія о наказаніяхъ [1]) достояніемъ лишь мироваго устава требованіе тождественности или, по крайней мѣрѣ, однородности новаго преступленія съ прежнимъ, какъ необходимаго условія для наличности рецидива, распространено новымъ закономъ и на уложеніе о наказаніяхъ (ст. 131), а слѣдовательно на всю область совершаемыхъ въ Россіи преступныхъ дѣяній. Установивъ этотъ реквизитъ для понятія повторенія, наше законодательство вступило на путь, завѣщанный ему предшествовавшею исторіею отечественнаго права и указанный наукою уголовнаго права и примѣромъ лучшихъ западно-европейскихъ кодексовъ [2]).

Съузивъ, съ одной стороны, понятіе рецидива требованіемъ однородности преступленій, новая редакція ст. 131 уложенія расширила, къ сожалѣнію, его съ другой стороны. По старой редакціи статьи 131 уложенія повтореніемъ признавалось, между прочимъ, «впаденіе въ новое преступленіе, когда прежнее, не менѣе важное, было прощено виновному вслѣд-

ствіе общаго милостиваго манифеста, или по особому монаршему снисхожденію». По новому тексту ст. 131 уложенія и по ст. 14[1] мироваго устава повтореніе преступленія опредѣляется, какъ «совершеніе того же или однороднаго преступнаго дѣянія по отбытіи наказанія за предшествующее преступное дѣяніе или послѣ освобожденія отъ наказанія за общимъ милостивымъ манифестомъ, или въ силу особаго монаршаго снисхожденія». Такимъ образомъ, по вновь изданному закону совершеніе новаго преступленія, однороднаго съ первымъ, за которое преступникъ былъ помилованъ, будетъ рецидивомъ и въ томъ случаѣ, если первое было *менѣе важно*, чѣмъ послѣднее.

Подобное расширеніе понятія повторенія тѣмъ болѣе неправильно, что признаніе рецидива въ случаѣ совершенія новаго преступленія послѣ помилованія за первое не имѣетъ подъ собою никакой почвы, такъ какъ нельзя говорить объ особой устойчивости преступной энергіи въ субъектѣ, никогда еще не подвергавшемся дѣйствію карательныхъ мѣръ.

Отбытіе наказанія за предшествующее преступное дѣяніе, какъ необходимое условіе для признанія рецидива, внесено новымъ закономъ и въ мировой уставъ (ст. 14[1]), требовавшій до сихъ поръ для наличности повторенія лишь присужденія къ наказанію за прежнее преступленіе [3]) (ст. 14-ой пунктъ 3-ій, отмѣненный новымъ закономъ).

Ст. 131 уложенія прежней редакціи для признанія рецидива требовала, чтобы новое преступленіе было совершено «послѣ суда и наказанія за первое». Казалось бы, что выраженіе закона «послѣ суда и наказанія за первое» не могло быть понято иначе, какъ въ смыслѣ отбытія сполна наказанія, опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ за первое преступленіе. Такъ и понимали эти слова ст. 131-ой ученые криминалисты, какъ, напримѣръ, гг. Неклюдовъ [4]) и Таганцевъ [5]). Но кассаціонный сенатъ, безъ всякаго основанія, неоднократно высказывалъ въ своей практикѣ то положеніе, что подъ выраженіемъ «послѣ наказанія» слѣдуетъ разумѣть отбытіе не только всего наказанія, а хотя бы и части его [6]). Согласно толкованію, данному сенатомъ ст. 131-ой уложенія, преступленіе, совершенное во время отбытія наказанія, должно разсматриваться, какъ повтореніе. Нынѣ, въ новой своей редакціи ст. 131 уложенія и ст. 14[1] мироваго устава изложены такъ ясно и опредѣленно, что не могутъ подать повода къ столь неправильнымъ толкованіямъ, какъ прежній текстъ 131-ой ст.: въ обѣихъ статьяхъ употреблены, вмѣсто прежняго выраженія 131-ой ст. «послѣ суда и наказанія за первое», слова «по отбытіи наказанія за предшествующее преступное дѣяніе». Этимъ измѣненіемъ постановленій мироваго устава о рецидивѣ они приведены въ большее соотвѣтствіе съ положеніями доктрины и съ правилами, изложенными по сему предмету въ уложеніи о наказаніяхъ.

Важное значеніе, какъ въ смыслѣ согласованія постановленій нашего положительнаго законодательства съ требованіями теоріи уголовнаго права и указаніями судебной практики, такъ и въ смыслѣ установленія принципіаль-

наго единства по вопросу о рецидивѣ между уложеніемъ и мировымъ уставомъ имѣетъ введеніе новымъ закономъ давности повторенія для всѣхъ преступленій безъ изъятія. Эта реформа, въ сущности, представляетъ собою не что иное, какъ лишь распространеніе на всю область уголовно - наказуемыхъ дѣяній начала, принятаго мировымъ уставомъ 1864 года.

Мировой уставъ (ст. 14 п. 3 изд. 1864, 1883 и 1885 гг.) необходимымъ условіемъ для наличности рецидива ставилъ неистеченіе года послѣ присужденія къ наказанію за первое преступленіе [7]). Для преступныхъ же дѣяній, мировымъ уставомъ не предусмотрѣнныхъ, давности повторенія въ нашемъ правѣ вплоть до изданія новаго закона не существовало [8]). Необходимость введенія этого института (Rückfallsverjährung) для всѣхъ преступленій давно уже сознана не только на западѣ, но и у насъ [9]).

Такъ голландскій кодексъ, содержащій постановленія о повтореніи лишь въ особенной его части (ст. 421—423), предоставляетъ суду право при всѣхъ сколько нибудь важныхъ нарушеніяхъ возвышать наказаніе тюремнымъ заключеніемъ на $^1/_3$, если не прошло 5 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ виновный отбылъ сполна или частью наказаніе, назначенное за такое же преступное дѣяніе или за нѣкоторыя другія, особо въ законѣ указанныя [10]). Германское уложеніе 1871 г., говорящее о рецидивѣ тоже лишь въ особенной части, при нѣкоторыхъ имущественныхъ преступленіяхъ, для понятія повторенія требуетъ, между прочимъ, непротеченія 10 лѣтъ со времени отбытія или прощенія (Erlass) послѣдняго изъ наказаній до времени совершенія новаго преступленія, напр., при кражѣ (Diebstahl, § 245), грабежѣ (Raub, § 250, № 5) [11]). Давность повторенія принята также въ венгерскомъ уложеніи (напр., при кражѣ—10-лѣтняя—ст. 338) [12]); въ уложеніяхъ 8 кантоновъ Швейцаріи [13]), а также и въ составленномъ нашею редакціонною коммиссіею проектѣ уложенія о наказаніяхъ, который для наличности рецидива требуетъ, чтобы послѣ отбытія наказанія до времени совершенія новаго преступленія прошло—при преступленіяхъ—не болѣе 5 лѣтъ, при проступкахъ—не болѣе 3 лѣтъ, а при нарушеніяхъ—не болѣе года (ст. 58).

Постановленія о давности повторенія помѣщены новымъ закономъ въ ст. 132 уложенія и ст. 14^1 миров. устава, замѣнившей собою отмѣненный нынѣ пунктъ 3-й ст. 14 устава. Повтореніе преступленій или проступковъ влечетъ за собою нынѣ по новому закону усиленіе отвѣтственности лишь въ томъ случаѣ, если со времени отбытія наказанія или послѣ помилованія до времени совершенія новаго преступленія не протекли установленные ст. 132 уложенія и ст. 14^1 устава сроки. Сроки эти для лицъ, приговоренныхъ къ уголовнымъ и къ высшимъ исправительнымъ наказаніямъ до заключенія въ тюрьмѣ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ включительно, равны срокамъ давности уголовнаго преслѣдованія, установленнымъ пп. 1, 2, 3 ст. 158 улож. для преступленій, влекущихъ за собою эти наказанія (10,8

и 5 лѣтъ). Для лицъ привилегированныхъ сословій, приговоренныхъ въ случаяхъ, указанныхъ въ примѣч. къ пункту V ст. 30 уложенія, къ тюрьмѣ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ, а также для всѣхъ лицъ, приговоренныхъ за кражу, мошенничество, присвоеніе и растрату чужаго имущества къ тюрьмѣ безъ лишенія правъ, срокъ давности повторенія положенъ трехлѣтній (п. 4 ст. 132 улож. и п. *а* ст. 14^1 устава). Для лицъ, приговоренныхъ къ заключенію въ тюрьмѣ за другія, кромѣ указанныхъ въ п. 4 ст. 132 улож. и п. *а* ст. 14^1 устава, преступныя дѣянія, а также для приговоренныхъ за похищеніе или самовольную порубку лѣса и за проступки, предусмотрѣнные ст. 104^2 и 106^1 устава о наказ.,— срокъ установленъ трехлѣтній (п. 5 ст. 132 улож. и п. *б.* ст. 14^1 устава). Наконецъ, для лицъ, приговоренныхъ къ другимъ наказаніямъ ниже заключенія въ тюрьмѣ срокъ давности повторенія—одинъ годъ (п. 6 ст. 132 улож. и п. 6 ст. 14^1 устава). Новая редакція 132 ст. уложенія о наказ., установившая давность повторенія для всѣхъ преступныхъ дѣяній безъ изъятія и восполнившая такимъ образомъ существенный пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ, замѣнила собою прежнюю редакцію 132 статью уложенія. Старая редакція ст. 132 требовала, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ не указывалъ опредѣленнаго («именно») наказанія за повтореніе того же самаго преступленія, судъ *всегда* назначалъ самую *высшую* мѣру наказанія, за то преступленіе опредѣленнаго [14]).

Въ новой своей редакціи ст. 132 получила, какъ мы видѣли выше,— совершенно иное, чѣмъ прежде, содержаніе, а потому повтореніе того же самаго преступленія (идентичное) утратило нынѣ свой прежній характеръ обстоятельства, *обязательно усиливающаго наказаніе*, и, подобно общему повторенію, *является, за исключеніемъ случаевъ, спеціально въ законѣ* указанныхъ, обстоятельствомъ, имѣющимъ лишь факультативно усиливающее значеніе.

Новый законъ о рецидивѣ вычеркнулъ изъ уложенія о наказ. статьи 107-ую и 146-ую.

Ст. 107. улож., по которой учиненіе преступленія, хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія или умысла, но въ третій разъ, наказывалось столь же строго, какъ и совершеніе предумышленнаго въ первый,— являлась ничѣмъ неоправдываемымъ отступленіемъ отъ основнаго принципа оцѣнки преступнаго дѣянія какъ по объективной, такъ и по субъективной его сторонѣ. Отмѣну этой статьи, давно уже осужденной наукою и практикою [15]), нельзя не признать весьма важною для интересовъ правосудія, точно также, какъ нельзя не привѣтствовать съ радостью отмѣну и ст. 146 уложенія, какъ первый шагъ на пути къ реформѣ крайне суровыхъ постановленій нашего законодательства объ отвѣтственности малолѣтнихъ. Ст. 146, въ силу которой малолѣтніе отъ 10 до 14 лѣтъ, по отбытіи наказанія за преступленіе совершившіе новое, не менѣе тяжкое, подвергались за него наказанію, положенному въ законѣ

за учиненіе его совершеннолѣтними, основывалась на невѣрномъ предположеніи, что изъ факта повторенія можно заключить о преждевременной зрѣлости малолѣтняго преступника. «Редакторы уложенія—справедливо замѣчаетъ по поводу этой статьи проф. Таганцевъ [16])—не обратили вниманія на то, что второе преступленіе можетъ быть совершено безъ разумѣнія, что наши тюрьмы или другія мѣста заключенія, въ которыя отсылались малолѣтніе, вовсе не таковы, чтобы про освобожденныхъ оттуда можно было сказать, что надъ ними испробованы всѣ средства исправленія; а между тѣмъ—продолжаетъ почтенный профессоръ—законъ приравниваетъ такихъ лицъ закоренѣлымъ злодѣямъ, и мальчикъ лѣтъ 12, виновный въ повтореніи, можетъ попасть на каторгу».

«Излишняя жестокость въ этомъ отношеніи закона—писалъ 10 лѣтъ тому назадъ по поводу ст. 146 проф. Кистяковскій [17]) бросается рѣзко въ глаза каждому. Ребенокъ 10, 11, 12 лѣтъ не изъятъ по этому закону ни отъ смертной казни, ни отъ каторжной работы, ни отъ лишенія правъ, наравнѣ съ совершеннолѣтними. Разумно ли и полезно ли это?».

И теорія и судебная практика давно отвѣтили на этотъ вопросъ отрицательно, съ рѣдкимъ единодушіемъ признавъ постановленія ст. 146 совершенно несостоятельными [18]).

Судебная практика сдѣлала все отъ нея зависѣвшее, чтобы смягчить жестокость 146-ой ст. [19]), держась по отношенію къ ней ограничительнаго толкованія. Нынѣ, наконецъ, и законодательная власть признала дальнѣйшее существованіе этой статьи нежелательнымъ въ интересахъ правосудія и своимъ авторитетомъ утвердила приговоръ науки, настойчиво требовавшей ея отмѣны.

Сводя воедино сдѣланныя нами выше замѣчанія, надо придти къ тому выводу, что новымъ закономъ внесены значительныя улучшенія въ постановленія о повтореніи, заключающіяся въ общей части уложенія о наказаніяхъ и мироваго устава. Въ новой своей редакціи постановленія эти болѣе отвѣчаютъ современнымъ требованіямъ по вопросу о рецидивѣ и представляются болѣе согласными между собою, чѣмъ прежде. Новымъ закономъ уничтожено существовавшее до сихъ поръ между понятіемъ повторенія по уложенію (ст. 130) и взглядомъ на него мироваго устава (ст. 14 п. 3) принципіальное противорѣчіе, на которое уже было неоднократно указываемо, какъ въ юридической литературѣ [20]) такъ и судебной практикѣ [21]).

Къ сожалѣнію, измѣненія, внесенныя новымъ закономъ въ постановленія нашего права о повтореніи, коснулись лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя изложены въ общей части уложенія и мироваго устава. Между тѣмъ, при всѣхъ сколько нибудь важныхъ преступленіяхъ особенная часть уложенія содержитъ спеціальныя правила о повтореніи [22]), въ которыхъ нашъ кодексъ очень часто отступаетъ отъ принятаго имъ въ общей его части взгляда на рецидивъ, какъ на обстоятельство, лишь увеличивающее вину и наказаніе.

«Признавая — говоритъ Таганцевъ [23]), въ общемъ отдѣлѣ повтореніе обстоятельствомъ, просто увеличивающимъ вину, уложеніе въ особенной части придаетъ ему значеніе несравненно большее и часто размѣры этого значенія бываютъ страшно велики» [24]). Кромѣ особенной части уложенія спеціальныя постановленія объ отвѣтственности при повтореніи содержатся въ особенной части мироваго устава [25]), въ уставахъ о питейномъ и табачномъ сборахъ и въ правилахъ объ акцизѣ съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ, объ акцизѣ съ зажигательныхъ спичекъ и о продажѣ фосфора (примѣчанія къ ст. 131 уложенія новой редакціи и къ ст. 14^1 мироваго устава). Ст. 131 уложенія въ новой своей редакціи, разсматривая рецидивъ какъ обстоятельство, лишь факультативно-усиливающее вину и наказаніе, заключаетъ въ себѣ въ то же время оговорку, гласящую: «въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ, наказаніе за повтореніе усиливается не только въ мѣрѣ, но и въ степени или родѣ». Такимъ образомъ, новыя улучшенныя постановленія общей части нашего уголовнаго кодекса о повтореніи будутъ подобно прежнимъ, за исключеніемъ, конечно, правилъ о давности для повторенія, имѣть примѣненіе лишь въ весьма ограниченномъ числѣ случаевъ. Тѣмъ не менѣе Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 3 февраля 1892 г., внесшее существенныя улучшенія въ постановленія о рецидивѣ общей части уложенія и мироваго устава, является многознаменательнымъ актомъ, доказывающимъ, что въ правительственныхъ сферахъ сознана полная несостоятельность постановленій нашего дѣйствующаго права о повтореніи, заставившая приступить къ реформѣ ихъ немедленно, не дожидаясь изданія новаго уложенія о наказаніяхъ.

II.

Новымъ закономъ въ корнѣ измѣнены постановленія нашего права о совокупности, заключавшіяся въ стт. 133 и 152 уложенія и 16 ой мироваго устава. До изданія этого закона подъ совокупностью въ нашемъ правѣ разумѣлся тотъ случай, когда преступный субъектъ совершилъ въ одно или въ разное время нѣсколько преступныхъ дѣяній, причемъ ни одно изъ этихъ дѣяній не погашено давностью, не прощено, а при осужденіи, когда наказаніе еще не начало своего дѣйствія. Такимъ образомъ для понятія совокупности по нашему праву было необходимо: a) чтобы преступныя дѣянія, совершенныя подсудимымъ, не были покрыты давностью или прощеніемъ; b) чтобы въ томъ случаѣ, если за которое либо изъ нихъ подсудимый былъ уже присужденъ раньше къ наказанію, онъ не началъ еще отбывать его [26]). Это послѣднее требованіе по закону относилось, какъ неоднократно разъяснялъ сенатъ [27]), ко времени совершенія позднѣйшаго преступленія, а не ко времени суда по обоимъ преступленіямъ.

Что же касается до ст. 16 мироваго устава въ прежней ея редакціи, то

она опредѣленія совокупности въ себѣ не содержала, а потому — какъ совершенно правильно разъяснилъ сенатъ [28])—понятіе совокупности преступленій или проступковъ по уложенію и мировому уставу тождественно.

Новый законъ опредѣляетъ понятіе совокупности преступныхъ дѣяній въ новой редакціи стт. 152 уложенія и 16 мироваго устава, какъ тотъ случай, «когда подсудимый признанъ виновнымъ въ совершеніи двухъ или болѣе преступныхъ дѣяній, за которыя онъ ранѣе судимъ не былъ или которыя совершены имъ ранѣе провозглашенія резолюціи суда (или рѣшенія о виновности подсудимаго, когда оно объявляется прежде постановленія резолюціи) [29]) объ одномъ или нѣсколькихъ изъ нихъ, если при томъ преступныя дѣянія тѣ не покрыты давностью, общимъ или особеннымъ прощеніемъ». По новой редакціи стт. 152 уложенія и 16 мироваго устава въ случаѣ совокупности преступныхъ дѣяній судъ, опредѣливъ въ своемъ приговорѣ наказаніе за каждое изъ сихъ дѣяній, приговариваетъ виновнаго къ *тягчайшему* изъ назначенныхъ ему наказаній» [30]).

Новый законъ, какъ видно изъ приведенныхъ мѣстъ ст. 152 уложенія и 16 мироваго устава, ограничилъ существовавшее до его изданія въ нашемъ законодательствѣ понятіе о совокупности преступныхъ дѣяній. До сихъ поръ, какъ мы видѣли выше, предѣльнымъ моментомъ, до наступленія котораго могла быть рѣчь о совокупности, было *начало отбытія наказанія* за одно или нѣсколько преступленій; по новой же редакціи ст. 152 уложенія и 16 мироваго устава для понятія совокупности преступныхъ дѣяній необходимо, чтобы позднѣйшія изъ этихъ дѣяній были совершены *лишь до провозглашенія резолюціи* (или приговора о виновности подсудимаго) объ одномъ или нѣсколькихъ изъ нихъ. Новый законъ не признаетъ, слѣдовательно, совокупностью случай совершенія новаго преступленія послѣ провозглашенія резолюціи суда (или рѣшенія о виновности) о предшествующемъ преступномъ дѣяніи, но до начала отбытія наказанія за него. Это заключеніе, къ которому необходимо придти уже послѣ одного анализа опредѣленія совокупности, содержащагося въ ст. 152 уложенія и 16 мироваго устава новой редакціи, прямо подтверждается текстомъ ст. 133 уложенія въ новой ея редакціи и вновь созданной ст. 14^2 мироваго устава. Ст. 133 уложенія новой редакціи гласитъ: «учинившій преступное дѣяніе *послѣ провозглашенія резолюціи* суда (или рѣшенія о виновности подсудимаго, когда оно объявляется прежде постановленія резолюціи), но *до отбытія наказанія за предшествующее* преступное дѣяніе, приговаривается къ наказанію за вновь содѣянные преступленіе или проступокъ отдѣльно отъ наказанія за предшествующее преступное дѣяніе, на слѣдующихъ основаніяхъ... и т. д.». Равнымъ образомъ, новая ст. 14^2 мироваго устава говоритъ: «учинившій преступное дѣяніе *послѣ провозглашенія резолюціи* (краткаго приговора) суда, но *до отбытія наказанія за*

предшествующее преступное дѣяніе, приговаривается къ наказанію за вновь содѣянные преступленіе или проступокъ отдѣльно отъ наказанія за предшествующее... и т. д.».

Имѣя въ виду, что случай, предусмотрѣнный ст. 133 уложенія новой редакціи и ст. 14^2 мироваго устава, выдѣленъ въ особыя постановленія; что онъ подъ опредѣленіе совокупности, даваемое ст. 152 уложенія и ст. 16 мироваго устава, не подходитъ; что статьи 133 уложенія и 14^2 мироваго устава этого случая «совокупностью» не называютъ; что въ обѣихъ этихъ статьяхъ употреблено выраженіе «приговаривается къ наказанію за вновь содѣянные преступленіе или проступокъ *отдѣльно* отъ наказанія за предшествующее преступное дѣяніе»—выраженіе, которымъ законъ желаетъ, очевидно, противопоставить этотъ случай опредѣленію наказанія «*по совокупности*», и что, наконецъ, правила, установленныя ст. 131 уложенія и ст. 14^2 мироваго устава относительно опредѣленія наказанія, покоятся на совершенно иныхъ принципахъ, чѣмъ правила, которыя законъ (ст. 152 уложенія и 16 мироваго устава) даетъ суду въ руководство для опредѣленія наказанія при совокупности,—слѣдуетъ придти къ заключенію, что случай, составляющій предметъ постановленій ст. 133 уложенія въ новой ея редакціи и ст. 14^2 мироваго устава, по нынѣ дѣйствующему праву, *подъ понятіе «совокупности» не подводится*. Съ подобнымъ ограниченіемъ понятія совокупности нельзя согласиться: тотъ случай, когда изъ двухъ преступныхъ дѣяній, учиненныхъ извѣстнымъ лицомъ, одно совершено послѣ осужденія и даже во время отбытія наказанія за первое, вполнѣ подходитъ, съ правильной точки зрѣнія, подъ понятіе реальнаго стеченія или совокупности преступленій [31]). Совершенно неправильно конструируя въ ст. 133 уложенія и 14^2 мироваго устава случай учиненія преступнаго дѣянія послѣ провозглашенія резолюціи, но до отбытія наказанія за предшествующее, и безъ всякаго основанія дѣля, такимъ образомъ, всѣ случаи, вполнѣ подходящіе подъ понятіе совокупности, на 2 группы (стт. 152 уложенія и 16 мироваго устава—съ одной стороны и стт. 133 уложенія и 14^2 мироваго устава—съ другой), новый законъ для каждой изъ нихъ установляетъ совершенно различные масштабы опредѣленія наказаній.

Ст. 152 уложенія держится для важнѣйшихъ наказаній системы поглощенія (Absorptionsprincip) [32]), а для болѣе мелкихъ (ниже заключенія въ тюрьмѣ,—ст. 30, пп. VI, VII) системы возвышенія тягчайшаго изъ наказаній (Strafschärfungsprincip.). Послѣдней системы держится и ст. 16-я мироваго устава въ новой редакціи.

Принципъ поглощенія, установленный по отношенію къ важнѣйшимъ преступленіямъ статьею 152-й новой редакціи, при всей его гуманности, не можетъ быть, по соображеніямъ справедливости и уголовной политики, принятъ за основаніе для назначенія наказанія при стеченіи преступленій. Увеличеніе тягчайшаго изъ назначенныхъ подсудимому наказаній въ случаѣ стеченія преступленій должно быть вмѣнено суду въ безуслов-

ную обязанность, но не предоставлено его усмотрѣнію,—да и то лишь при наличности извѣстныхъ условій,—какъ это дѣлаетъ ст. 152-я уложенія новой редакціи при совокупности важнѣйшихъ преступленій. Будучи вмѣнено суду въ обязанность, увеличеніе тягчайшаго изъ наказаній должно быть заключено не въ столь тѣсные предѣлы, какъ мы это встрѣчаемъ въ ст. 152 («на одну степень»), а опредѣлено лишь въ своемъ maximum'ѣ или же въ maximum ѣ и minimum'ѣ [33]). Правила о мѣрѣ отвѣтственности при совокупности, изложенныя въ новой редакціи ст. 152, всецѣло придерживаясь по отношенію къ важнѣйшимъ преступленіямъ принципа поглощенія, представляютъ собою, по сравненію съ прежними постановленіями этой статьи по старой редакціи, допускавшей въ пунктахъ 1-мъ, 3-емъ, 5-омъ и 7-омъ принципъ возвышенія тягчайшаго изъ наказаній, значительный шагъ назадъ на пути прогрессивнаго развитія отечественнаго права.

Въ случаѣ, предусмотрѣнномъ ст. 133 уложенія новой редакціи и ст. 14^2 мироваго устава, правила для опредѣленія наказанія гораздо суровѣе, чѣмъ по ст. 152 уложенія и 16 мироваго устава. Постановленія ст. 133 несравненно сложнѣе и запутаннѣе, чѣмъ правила ст. 152-ой. Кромѣ принятаго въ этой послѣдней статьѣ принципа поглощенія, въ статьѣ 133-й скрываются еще три различныхъ системы опредѣленія наказанія: въ 1-омъ, 2-омъ и 3-емъ пунктахъ I отдѣла ея, во 2-омъ пунктѣ лит. *а* и *б* II отдѣла и въ пунктѣ 3-емъ лит. *а* II отдѣла — проводится *система возвышенія тягчайшаго изъ наказаній* или увеличивающихъ вину обстоятельствъ; въ п. 2 лит. *в* и въ пунктѣ 3-емъ лит. *б* II отдѣла и въ пунктахъ 4-омъ и 5-мъ II отдѣла—законъ держится принципа *сложенія наказаній* (Cumulationsprincip), иногда въ чистомъ его видѣ, а иногда при стеченіи разнородныхъ наказаній одно изъ нихъ по правиламъ зачета, указаннымъ въ п. 1-омъ отд. II ст. 133-ей, замѣняется наказаніемъ того рода, къ которому принадлежитъ болѣе тяжкое изъ стекшихся наказаній, и въ такомъ уже видѣ складывается съ послѣднимъ; наконецъ, въ пунктѣ 4-омъ I отд. прибавляется еще—*система уменьшенія суммарнаго наказанія или суммы наказаній*, къ коимъ приговоренъ подсудимый [34]) (Kürzung an der zusammengerechneten Häufungsstrafe, Ermässigung der Gesammtstrafe) [35]). Внимательно разбирая постановленія ст. 133-ей, надо придти къ тому заключенію, что законодатель старается провести въ ней суровую *систему сложенія наказаній*, отступая отъ нея лишь въ очень немногихъ случаяхъ, главнымъ образомъ тогда, когда она непримѣнима по самому свойству стекшихся наказаній, напримѣръ, если стекшіяся наказанія состоятъ въ безсрочномъ лишеніи свободы (отд. I, пп. 1-ый и 3-ій; отд. II, п. 2-ой лит. *а*), или когда изъ двухъ однородныхъ наказаній лишеніемъ свободы одно—срочное, а другое—безъ срока (отд. I, п. 2-ой), или если одно изъ двухъ стекшихся наказаній лишеніемъ свободы всегда бываетъ необходимымъ послѣдствіемъ другаго (стеченіе каторги и ссылки на по-

селеніе—отд. II, п. 2-ой лит. *а* и п. 3-ій лит. *а*) и т. д. Это стремленіе законодателя сказывается даже во внѣшней формѣ редакціи ст. 133, гдѣ встрѣчаются выраженія въ родѣ: «приговаривается къ наказанію за вновь содѣянные преступленіе или проступокъ *отдѣльно* отъ наказанія за предшествующее преступное дѣяніе», «менѣе тяжкое по роду изъ опредѣленныхъ судебными приговорами наказаній *присоединяется* къ болѣе тяжкому» и т. п., и проявляется, кромѣ указанныхъ выше постановленій, еще въ примѣчаніи 2-омъ къ ст. 133-ей новой редакціи, гласящемъ, что «денежныя взысканія не соединяются съ высшими наказаніями и взыскиваются съ виновнаго *независимо отъ другихъ наказаній*, къ коимъ онъ приговоренъ». Ст. 14^2 мир. устава держится тоже *системы сложенія наказаній*, опредѣляя, однако, что время заключенія въ тюрьмѣ или содержанія подъ арестомъ не должно превышать болѣе какъ въ полтора раза высшіе размѣры сихъ наказаній, установленные въ ст. 1 (пп. 3 и 4) устава; такимъ образомъ и здѣсь прилагается иногда *принципъ уменьшенія суммарнаго наказанія*.

Суровый принципъ сложенія наказаній, котораго держатся въ общихъ чертахъ ст. 133 уложенія новой редакціи и ст. 14^2 мир. уст., давно уже признанъ теоретически и практически несостоятельнымъ и отброшенъ лучшими европейскими кодексами [36]). Введеніе его въ наше законодательство для того случая стеченія преступленій, когда одно изъ нихъ совершено послѣ провозглашенія приговора о предшествующемъ (или о предшествующихъ), не можетъ быть признано полезнымъ для интересовъ правосудія.

Приведемъ образецъ той суровости, которою проникнуты постановленія ст. 133 уложенія въ новой ея редакціи.

Въ силу п. 1 отд. I ст. 133-ей, въ случаѣ присужденія лица, уже приговореннаго къ ссылкѣ въ каторжныя работы безъ срока, къ тому же наказанію, содержаніе его въ отрядѣ испытуемыхъ назначается безъ срока [37]). Созданное новымъ закономъ примѣчаніе (2-ое) къ ст. 299-ой устава о ссыльныхъ разрѣшаетъ сокращать этимъ ссыльно-каторжнымъ въ порядкѣ, опредѣленномъ ст. 318-ою этого устава, пребываніе въ отрядѣ испытуемыхъ до 20 лѣтъ. По ст. 299 устава о ссыльныхъ время испытанія для ссыльно-каторжныхъ опредѣляется обыкновенно въ 8 лѣтъ. Такимъ образомъ, совокупность, которая по общему принципу нашего законодательства, изложенному въ ст. 152 уложенія, признается обстоятельствомъ, лишь *могущимъ* увеличить наказаніе, да и то не болѣе, чѣмъ на одну степень, является въ случаѣ, предусмотрѣнномъ п. 1 отд. II ст. 133 уложенія, *безусловнымъ* основаніемъ, въ силу котораго срокъ пребыванія ссыльно-каторжнаго въ отрядѣ испытуемыхъ *обязательно* увеличивается на цѣлыхъ 12 лѣтъ, т. е. въ $2^1/_2$ *раза* противъ нормальнаго (8 л.). Въ случаѣ примѣненія п. 1 отд. I ст. 133 уложенія, ссыльно-каторжный въ теченіе лишнихъ 12 лѣтъ, какъ бы хорошо онъ себя ни велъ, не можетъ быть перечисленъ въ отрядъ исправ-

ляющихся. Между тѣмъ, положеніе ссыльно-каторжнаго въ отрядѣ исправляющихся несравненно легче, чѣмъ во время испытанія: онъ содержится здѣсь безъ оковъ [38]) (ст. 302 устава о ссыльн., изд. 1890 г.), въ случаѣ отличнаго поведенія десять мѣсяцевъ считаются здѣсь за годъ дѣйствительныхъ работъ (ст. 309 устава о ссыльн.), дозволяется жить внѣ острога (ст. 305), возвращаются собственныя деньги (ст. 306) и т. п. Лицо, совершившее два преступленія, караемыхъ безсрочною каторгою, ранѣе провозглашенія резолюціи объ одномъ изъ нихъ (или рѣшенія о виновности подсудимаго), подлежитъ, въ случаѣ признанія его виновнымъ въ обоихъ изъ нихъ, безсрочной каторгѣ, при чемъ судъ можетъ возвысить наказаніе на одну степень, т. е. увеличить время пребыванія въ отрядѣ испытуемыхъ на 1 годъ (стт. 152 и 150 уложенія новой редакціи); лицо же, совершившее тѣ же самыя два преступленія, что и первое, но учинившее одно изъ этихъ преступныхъ дѣяній послѣ провозглашенія резолюціи о первомъ изъ нихъ (или рѣшенія о виновности), присуждается, будучи признано виновнымъ въ обоихъ преступленіяхъ, къ безсрочной каторгѣ съ оставленіемъ въ отрядѣ испытуемыхъ безъ срока, т. е. въ теченіе minimum 20 лѣтъ. Какими соображеніями руководствуется законодатель, напередъ назначая второму лицу несравненно болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ первому?

Мѣра отвѣтственности за преступленіе, устанавляемая въ законѣ, опредѣляется двумя факторами: 1) объемомъ причиненнаго вреда и 2) степенью испорченности преступнаго субъекта. Очевидно, что объемъ вреда, причиненнаго первымъ лицомъ, равенъ объему вреда, причиненнаго вторымъ. Что же касается до испорченности этихъ лицъ, то развѣ можно a priori сказать, что второе лицо обнаруживаетъ бо́льшую испорченность, бо́льшую устойчивость преступной энергіи, чѣмъ первое, а потому и должно быть подвергнуто воздѣйствію болѣе строгихъ карательныхъ мѣръ? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно лишь отрицательно [39]).

Ст. 133 уложенія новой редакціи пунктомъ 4-мъ 1-го отд. вводитъ въ наше законодательство на случай стеченія преступленій, влекущихъ за собою срочныя каторжныя работы, значительно удлиненные противъ прежняго сроки каторжныхъ работъ. Нынѣ по п. 4 отд. I ст. 133 уложенія подсудимый можетъ быть приговоренъ къ срочнымъ каторжнымъ работамъ на время до 30 лѣтъ, между тѣмъ какъ прежде срочная каторга не могла быть назначена болѣе, чѣмъ на 20 лѣтъ (19 ст. уложенія), въ виду того, что въ случаѣ совокупности преступленій, влекущихъ за собою уголовныя наказанія, или стеченія преступленій, изъ коихъ одни подлежатъ уголовнымъ, а другія—исправительнымъ наказаніямъ, преступникъ по 152 ст. (пп. 1 и 2) уложенія старой редакціи присуждался лишь къ тягчайшему изъ наказаній въ высшей его мѣрѣ.

Уже 20-тилѣтній срокъ каторги нельзя не признать чрезмѣрно продолжительнымъ. Нецѣлесообразность и вредъ какъ для преступнаго субъекта, такъ и для общества излишней продолжительности каторги давно

сознаны на Западѣ спеціалистами тюремнаго дѣла и послужили причиною, заставившею новѣйшія уложенія значительно понизить максимальную продолжительность срочныхъ каторжныхъ работъ. Высшая продолжительность срочной каторги по германскому (§ 14), венгерскому (§ 22) и голландскому кодексамъ—15 лѣтъ. При составленіи германскаго уложенія этотъ вопросъ былъ подробно разработанъ спеціалистами, изъ которыхъ многіе предлагали понизить указанный срокъ до 10 лѣтъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, слишкомъ продолжительная каторга, ослабляя силы заключеннаго, дѣлаетъ его неспособнымъ къ какимъ-либо занятіямъ по выходѣ изъ тюрьмы, а съ другой стороны, какъ указываетъ опытъ, долгимъ пребываніемъ въ тюрьмѣ нерѣдко совершенно парализуется то хорошее вліяніе, которое оказали на арестанта первые годы заключенія [40]).

Эти соображенія приняты во вниманіе и нашею редакціонною коммиссіею по составленію проекта уголовнаго уложенія. Приведя ихъ въ своихъ объясненіяхъ и указавъ на тотъ установленный уголовною статистикою фактъ, что преступленія, за которыя назначается въ законѣ продолжительная каторга, совершаются въ большинствѣ случаевъ субъектами въ возрастѣ 30—35 лѣтъ, и потому полагая, что большинство осужденныхъ по отбытіи 15-тилѣтнихъ тяжкихъ каторжныхъ работъ выходитъ изъ тюрьмы въ сравнительно преклонномъ возрастѣ 45—50 лѣтъ, редакціонная коммиссія совершенно основательно замѣчаетъ, что «за каторжными работами слѣдуетъ еще поселеніе, само по себѣ усиливающее значительно тяжесть наказанія и предполагающее у поселенца достаточный запасъ физическихъ силъ для веденія хозяйства и пропитанія себя и семьи» [41]).

Нашъ проектъ уложенія о наказаніи (ст. 14) высшую продолжительность срочной каторги опредѣляетъ въ 15 лѣтъ, допуская 20-лѣтнюю лишь «въ случаѣ признанія подсудимаго совершившимъ по ремеслу нѣсколько дѣяній, изъ которыхъ за каждое назначается по закону каторга, а равно и при повтореніи преступленій» [42]).

Допущеніе столь продолжительной срочной каторги, какъ 30-лѣтняя [43]), установленная новымъ закономъ, ничѣмъ не можетъ быть оправдано и врядъ ли будетъ имѣть хорошіе результаты.

Вновь созданная ст. 14^2 мироваго устава, какъ уже было говорено выше, выдѣляетъ изъ понятія о совокупности тѣ ея случаи, которые въ уложеніи тоже выдѣлены въ отдѣльную статью (133 ст. новой редакціи) и которые новый законъ почему-то не признаетъ за совокупность. Остается непонятнымъ, почему постановленія, изложенныя въ этой статьѣ, внесены новымъ закономъ въ мировой уставъ подъ видомъ ст. 14^2. Ст. 14-я мироваго устава говоритъ объ обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину подсудимаго, между тѣмъ какъ ст. 14^2 совершеніе новаго преступленія послѣ провозглашенія резолюціи суда не считаетъ обстоятельствомъ, просто увеличивающимъ вину и наказаніе за первое преступное дѣяніе подсудимаго, а держится при опредѣленіи мѣры отвѣтственности смѣ-

шанной системы, состоящей въ неудачномъ комбинированіи двухъ принциповъ—принципа сложенія наказаній и принципа уменьшенія суммарнаго наказанія [44]). Если законодателю въ силу какихъ-либо, намъ неизвѣстныхъ, соображеній надо было выдѣлить изъ понятія совокупности (ст. 16 мироваго устава) случай, о которомъ говоритъ ст. 14^2, и трактовать о немъ въ особомъ постановленіи, то, чтобы не нарушать системы мироваго устава, слѣдовало бы помѣстить это постановленіе не въ ст. 14^2, а въ видѣ добавленія къ ст. 16-ой, говорящей о стеченіи преступленій, или какъ ст. 16^1.

Такимъ образомъ новый законъ вмѣсто двухъ принциповъ—поглощенія и принципа возвышенія тягчайшаго изъ наказаній, прилагавшихся прежде нашимъ уголовнымъ правомъ при опредѣленіи мѣры отвѣтственности въ случаѣ стеченія преступленій, нынѣ устанавливаетъ цѣлыхъ четыре [45]). Благодаря этому, новыя правила о совокупности представляютъ весьма сложную систему [46]), въ которой трудно оріентироваться, и вносятъ еще большую запутанность въ среду тѣхъ противорѣчивыхъ принциповъ, которыми такъ изобилуетъ наше дѣйствующее уголовное право.

---

[1]) Уложеніе о наказаніяхъ отступило отъ исконнаго начала русскаго права, признававшаго повтореніемъ только совершеніе того же самаго преступленія. Въ послѣднемъ тѣсномъ смыслѣ опредѣлялось понятіе повторенія и въ ст. 135 Свода законовъ уголовныхъ изд. 1842 года. См. *Таганцевъ*, О повтореніи преступленій, 1867 г., стр. 209—296. *Неклюдовъ*, переводъ учебника уголовнаго права Бернера. Вып. I, 1865 г., добавленіе къ § 142, стр. 874—877.

[2]) Германскій 1871, венгерскій, голландскій; всѣ нынѣ дѣйствующіе швейцарскіе кодексы, за исключеніемъ нейенбургскаго (ст. 33) и женевскаго (ст. 34), слѣдующихъ французскому праву. Впрочемъ, ст. 388 женевскаго кодекса при полицейскихъ нарушеніяхъ требуетъ для рецидива однородности ихъ. (*C. Stooss.* Grundzüge des Schweizerischen Strafrechts. 1892. B. I, s. 390).

[3]) Таганцевъ (О повтореніи, стр. 285) высказалъ невѣрное мнѣніе, что и къ проступкамъ, предусмотрѣннымъ мировымъ уставомъ, должно быть примѣняемо требованіе отбытія наказанія за предшествующее преступное дѣяніе для признанія рецидива. Иного мнѣнія—*Неклюдовъ* (переводъ учеб. Бернера, добавл. къ § 142, стр. 879), проф. *Владиміровъ* (Учебникъ русск. уголов. права. Часть общая. 1889. Стр. 137) и др., а также кассаціонный сенатъ (Рѣш. уголов. кас. деп. $^{69}/_{247}$ Максимова, $^{69}/_{710}$ Бронина, $^{71}/_{686}$ Ивановыхъ).

[4]) Перев. учебника Бернера, вып. I, стр. 877.

[5]) О повтореніи, стр. 280—285.

[6]) Рѣш. уголов. кас деп. $^{69}/_{1047}$ Маншилиной, $^{71}/_{1149}$ Постемскаго, $^{72}/_{737}$ Болдова, $^{75}/_{619}$ Сохновича, $^{83}/_{1}$ Филонова.

[7]) По примѣчанію къ ст. 155 миров. устава по продолж. 1889 г. при похищеніи или самовольной рубкѣ лѣса давность повторенія была двухлѣтняя. Новымъ закономъ 3 февраля 1892 г. это примѣчаніе къ ст. 155 отмѣнено.

8) Въ рѣш. уголов. кас. деп. $^{69}/_{247}$ по д. Максимова и $^{69}/_{710}$ Бронина сенатъ разъяснилъ, что для понятія повторенія по уложенію не требуется непротеченія какого-либо срока между отбытіемъ наказанія за первое преступленіе и совершеніемъ новаго.

9) См. Матеріалы для пересмотра нашего уголовнаго законодательства. *Замѣчанія чиновъ судебнаго вѣдомства.* Томъ III, стр. 138, 177, 179—180. Спб. 1881 г. Изд. министерства юстиціи.

10) Проектъ уложенія о наказаніяхъ. Объясненія редакціонной коммиссіи. Часть общая, стр. 207.

11) Болѣе краткій срокъ (3-хъ лѣтній) установленъ въ Германіи для повторенія преступленій, предусмотрѣнныхъ въ Postgesetz и Zoll—und Steuergesetze. (*H. Meyer.* Lehrbuch des Deutschen Strafrechts, 4-te Auflage. 1888, S. 462).

12) Матеріалы для пересмотра н. уголов. законодательства. Т. I. Спб. 1880. Переводъ венгерскаго уложенія. Стр. 1—110.

13) Thurgau § 45, Freiburg art. 78, Tessin art. 71b., Neuenburg 1891 art. 98—10-лѣтняя давность повторенія; Soloturn § 56—5-лѣтняя и т. д. (*C. Stooss*, Grundzüge d. Schweizer. Strafrechts, S. 398).

14) Проф. *Калмыковъ* (Учебникъ уголов. права, изд. Любавскимъ, 1866 г., стр. 385) высказалъ мнѣніе, что ст. 132 (стар. ред.) относилась ко всѣмъ случаямъ, указаннымъ въ ст. 131 стар. ред., а не исключительно къ случаю повторенія того же самаго преступленія. Того же мнѣнія былъ проф. *Кистяковскій* (Элементарный учебникъ уголовн. права. Изд. 2-е. 1882, стр. 680). Болѣе вѣрнаго взгляда держатся гг. *Неклюдовъ* (Переводъ учебника Бернера. Вып. I, стр. 878) и проф. *Таганцевъ*, которые полагаютъ, что ст. 132 примѣнима лишь къ повторенію того же самаго преступленія (идентичный рецидивъ). Г. Таганцевъ (О повтореніи, стр. 293 — 294) обстоятельно доказалъ неправильность мнѣнія г. Калмыкова.

15) Ср. *Неклюдовъ*, переводъ учеб. Бернера, вып. I, добавленіе къ § 133, стр. 810. *Таганцевъ*, О повтореніи, стр. 289 — 290. *Матеріалы д. пересм. н. уголов. закон.* Замѣчан. чиновъ суд. вѣдом. Т. III. 1881, стр. 126.

16) Изслѣдованія объ отвѣтственности малолѣтнихъ преступниковъ по русскому праву. Спб. 1871. Стр. 56.

17) Элем. учебникъ уголов. пр., стр. 495—496.

18) Ср. *Неклюдовъ*, перев. учеб. Бернера, вып. I, стр. 370. *Богдановскій*, Молодые преступники. Вопросъ уголовнаго права и уголовной политики. 2-е изд. 1871. Стр. 84—87. *Таганцевъ*, Объ отвѣтствен. малолѣтнихъ, стр. 54 — 61. *Лохвицкій*, Курсъ русскаго уголовнаго права. 2-е изд. 1871. Стр. 187 — 188. *Кистяковскій*, Элемент. учеб. Стр. 495—498. *Матеріалы д. пересм. н. уголов. закон.* Замѣч. чиновъ судебн. вѣдом. Т. II, стр. 79. Т. III, стр. 155—157.

19) Кассаціонный сенатъ призналъ, что ст. 146 улож. „принадлежитъ къ числу самыхъ строгихъ постановленій нашего уголовнаго уложенія". (Рѣш. уголов. кассац. деп. 1869 г. № 319 по д. Березина).

20) *Неклюдовъ*, перев. учеб. Бернера, добавленіе къ § 142, стр. 877 и слѣд. *Таганцевъ*, О повтореніи преступл., стр. 289. *Лохвицкій*, Курсъ русск. уголов. праза, 2-е изд., стр. 186, 179. *Кистяковскій*, Элементарн. учебн. общ. уголов. права, 2-е изд. стр. 679 и слѣд.

21) Рѣш. уголов. кас. деп. сената: $^{69}/_{247}$ по д. Максимова, $^{69}/_{419}$ Соколова, $^{69}/_{710}$ Бронина, $^{69}/_{79}$ Иванова, $^{75}/_{194}$ Ишкова, $^{71}/_{686}$ Ивановыхъ.

22) Проф. *Владиміровъ* (Учебникъ русск. уголов. права, стр. 137) перечисляетъ 135 статей особенной части уложенія, заключающихъ въ себѣ спеціальныя постановленія о рецидивѣ. Въ этихъ постановленіяхъ величина наказанія опредѣляется, большею частью, на случай совершенія преступленія не только во второй, но и въ третій, и въ четвертый, а иногда и въ 5-й разъ (напр. ст. 894). Ст. 416-я опредѣляетъ мѣру усиленія наказанія при совершеніи преступленія даже въ 7-й разъ.

23) О повтореніи преступленія, стр. 295.

24) Напр., по ст. 1450 въ случаѣ повторенія предумышленнаго убійства каторжныя работы отъ 15 — 20 лѣтъ замѣняются безсрочными; при повтореніи разбоя (ст. 1635) безсрочная каторга замѣняетъ даже срочную отъ 6—8 лѣтъ.

25) Ст. 175, 178 и др.

26) Рѣш. уголов. кассац. д. $^{70}/_{1647}$ по д. Кудряшова, $^{71}/_{610}$ Сахновича, $^{69}/_{1047}$ Манишлиной, $^{71}/_{1449}$ Постемскаго, $^{72}/_{737}$ Болдова. Въ рѣшеніи $^{70}/_{1647}$ по д. Кудряшова сенатъ говоритъ: „предѣлъ, послѣ котораго уже перестаетъ дѣйствіе правила о совокупности, есть *окончаніе суда и наказаніе преступника*“. Въ томъ же рѣшеніи сенатъ разъясняетъ далѣе, что съ того момента, когда наказаніе, опредѣленное приговоромъ суда, начало свое дѣйствіе надъ обвиняемымъ, не можетъ быть рѣчи о совокупности, такъ какъ въ этомъ случаѣ первое преступленіе не можетъ быть признано еще не наказаннымъ, а между тѣмъ ст. 152 улож. для понятія совокупности требуетъ стеченія нѣсколькихъ „еще не наказанныхъ“ преступныхъ дѣяній.

27) Рѣш. уголов. кассац. д. $^{70}/_{682}$ Никитина, $^{76}/_{82}$ Ботарева. Въ этомъ послѣднемъ рѣшеніи сенатъ призналъ, что тотъ случай, когда второе изъ двухъ преступленій совершено послѣ обвинительнаго приговора за первое и послѣ вступленія его въ законную силу, но *до приведенія его въ исполненіе*, подходитъ подъ понятіе совокупности.

28) Рѣш. уголов. кассац. д. $^{68}/_{473}$ Макошева, $^{76}/_{82}$ Ботарева.

29) Слова, поставленныя въ ст. 152 улож. въ скобкахъ, замѣнены въ ст. 16 миров. устава новой редакціи тоже заключенными въ скобки словами „краткаго приговора“. Это незначительное различіе въ текстѣ улож. и устава обусловливается, конечно, процессуальнымъ различіемъ въ порядкѣ постановленія приговоровъ общими и мировыми судами.

30) Конецъ этой фразы изложенъ въ ст. 16 миров. устава нов. редакціи въ иныхъ выраженіяхъ: „...приговариваетъ виновнаго къ тому изъ назначенныхъ ему наказаній, которое признаетъ *болѣе строгимъ* для виновнаго“. Значеніе этой фразы въ ст. 16 миров. устава то же самое, что и въ ст. 152 уложенія.

31) Ср. *Schütze*, Lehrbuch d. Deutschen Strafrechts. 2-te Auflage. S. 196.

32) Но если наказанія однородны или хотя и разнородны, но низшее по роду опредѣлено на срокъ равный или болѣе продолжительный, нежели высшее, то судъ *можетъ* увеличить тягчайшее изъ назначенныхъ подсудимому наказаній на одну степень, соблюдая правила ст. 150.

33) Такъ поступаетъ въ случаѣ реальнаго стеченія германское уложеніе, §§ 74—79.

34) Въ силу п. 4 отд. I ст. 133-й въ случаѣ присужденія къ однороднымъ срочнымъ наказаніямъ лишеніемъ свободы сроки наказаній складываются—*система сложенія*. Далѣе, въ томъ же пунктѣ говорится, что не могутъ быть назначены: каторга—на срокъ свыше 30 лѣтъ, а исправительныя наказанія—

на время, превышающее болѣе чѣмъ въ полтора раза высшій срокъ, установленный въ законѣ ст. 31, 33, 36, 38 и 39 для каждаго рода сихъ наказаній. Такимъ образомъ, если бы подсудимый, приговоренный за одно преступленіе къ 20-тилѣтней каторгѣ, былъ за другое присужденъ къ 15-тилѣтней, то судъ долженъ назначить ему не 35-тилѣтнюю каторгу, а лишь 30-тилѣтнюю, т. е. уменьшить сумму обоихъ наказаній (20 л. + 15 л.) до указаннаго закономъ предѣла—до 30 лѣтъ—*система уменьшенія суммарнаго наказанія.*

[35]) Иначе—*„juristische“* Cumulation (въ противоположность кумуляціи ариѳметической)—названіе, данное *Geib*'омъ (Lehrbuch d. Deutschen Strafrechts, II, S. 124). *H. Meyer* (Lehrbuch, S. 493 — 494 u. 499) и *Schütze* (Lehrbuch, S. 190 u. f.) отдаютъ этому принципу предпочтеніе передъ всѣми другими.

[36]) Искусно собраны и отлично формулированы возраженія противъ этой системы у *Hugo Meyer'a*, Lehrbuch d. Deutsch. Strafrechts, 4 Auflage, S. 496 и слѣд. Остатки системы сложенія встрѣчаются, впрочемъ, и теперь еще въ нѣкоторыхъ законодательствахъ, напр., по французскому праву при стеченіи полицейскихъ нарушеній—infractions punies de peines de simple police—(*Garraud.* Traité théorique et pratique du droit pénal Français. T. II, § 175, p. 288); кодексъ кантона *Graubünden* (§ 52) держится строгаго принципа кумуляціи при однородныхъ срочныхъ наказаніяхъ лишеніемъ свободы, а уложенія кантоновъ *Freiburg* (art. 458), Tessin (art. 415, § 1), Genève (art. 38) при полицейскихъ нарушеніяхъ. (*Stooss*, ibid., pp. 417—426).

[37]) На основаніи примѣчанія 3-го къ ст. 133 улож. (нов. ред., правила, изложенныя въ этой статьѣ, примѣняются въ отношеніи приговоренныхъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе лишь къ преступленіямъ, совершеннымъ ими послѣ провозглашенія резолюціи суда (или рѣшенія о виновности), но до дѣйствительнаго отправленія ихъ въ мѣсто ссылки. Въ силу ст. 103 устав. о ссыльн., изд. 1890 г., ссыльные, совершившіе преступленія во время препровожденія ихъ по дорогѣ въ Сибирь, судятся и приговариваются къ наказаніямъ по тѣмъ же правиламъ, какъ и за преступленія, учиненныя ими во время отбытія наказанія (уст. о ссыльн., ст. 435—467).

[38]) Въ силу ст. 304 уст. о ссыльн. оковы могутъ быть снимаемы съ ссыльно-каторжныхъ и прежде поступленія ихъ въ отрядъ исправляющихся, но не ранѣе, какъ по истеченіи двухъ третей назначеннаго для испытанія ихъ времени.

[39]) При новой редакціи ст. 133 и 152 улож. лицо, совершившее второе преступленіе послѣ провозглашенія рѣшенія присяжныхъ, коимъ оно признано виновнымъ въ первомъ ранѣе совершенномъ преступномъ дѣяніи, подлежитъ на основаніи ст. 133 значительно болѣе тяжкому наказанію, чѣмъ если бы оно совершило то же самое второе преступленіе во время совѣщанія присяжныхъ по поводу виновности его въ первомъ (ст. 152).

[40]) См. Entwurf eines Strafgesetzbuches für den Norddeutschen Bund nebst Motiven und Anlagen. Berlin, Kortkampf. 1870. Anlage: über die höchste Dauer zeitiger Zuchthausstrafe.

[41]) Объясненія ред. коммиссіи. Часть общая, стр. 59.

[42]) Объясненія ред. ком. Ч. общ., стр. 59.

[43]) Въ примѣч. 1-мъ къ ст. 133 нов. ред. улож. постановлено, что несовершеннолѣтніе не могутъ быть присуждаемы къ каторжнымъ работамъ на сроки свыше 25 лѣтъ.

[44]) По ст. 14[2] наказанія за стекшіяся преступленія складываются, но если

сумма ихъ превышаетъ болѣе, чѣмъ въ полтора раза, высшій размѣръ, установленный закономъ для заключенія въ тюрьмѣ или содержанія подъ арестомъ (ст. 1, пп. 3, 4), то сумма наказаній должна быть уменьшена до размѣра, превышающаго законный лишь въ полтора раза.

45) Принципы: 1) сложенія наказаній, 2) поглощенія, 3) уменьшенія суммы наказаній, 4) возвышенія тягчайшаго наказанія или увеличивающихъ вину обстоятельствъ.

46) Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ большинствѣ европейскихъ уголовныхъ кодексовъ постановленія о вліяніи совокупности на отвѣтственность отличаются сложностью и запутанностью. Такъ, напр., въ системѣ, принятой германскимъ уложеніемъ, *Binding* (Grundriss d. gemeinen Deutsch. Strafrechts, 4-te Auflage. S. 188 u. f.) находитъ 7 теорій относительно отвѣтственности при стеченіи. Наибольшую простоту представляетъ система французскаго Code d'instr. crimin. (art. 365, 361 и 379), но другими законами и судебною практикою установлено изъ нея много изъятій.

В. В. **Пржевальскій.**

ИЗЪ ОБЛАСТИ КРЕСТЬЯНСКАГО КРЕДИТА.

Трубчевскій уѣздъ Орловской губерніи *).

Трубчевскій уѣздъ принадлежитъ къ числу нечерноземныхъ и наиболѣе лѣсныхъ уѣздовъ, занимающихъ западную часть Орловской губерніи. Въ силу неблагопріятныхъ почвенныхъ условій, земледѣліе здѣсь далеко не можетъ прокормить мѣстное населеніе, которое поэтому повсюду принуждено въ широкихъ размѣрахъ прибѣгать къ помощи различныхъ не земледѣльческихъ промысловъ и заработковъ, какъ мѣстныхъ и, въ частности, кустарныхъ, такъ и отхожихъ. Если же мы возьмемъ земледѣліе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній, то оно во многихъ мѣстностяхъ окажется занимающимъ въ хозяйствѣ крестьянъ лишь одно изъ второстепенныхъ мѣстъ, а въ наиболѣе лѣсной юго-восточной части уѣзда встрѣчаются даже селенія, вовсе или почти не имѣющія полевой пахатной земли. Что такое представляетъ изъ себя «земледѣліе» въ этихъ селеніяхъ, лучше всего могутъ показать слѣдующіе примѣры. Въ д. Смилижѣ, Краснослободской вол. «хлѣбопашествомъ крестьяне почти совсѣмъ не занимаются, такъ какъ большая часть земли занята заливными покосами, а пашня составляетъ лишь около $3{,}_3\%$ общаго количества земли (именно 30 дес. или не болѣе $^1/_{13}$ дес. на душу). Правильнаго хозяйства на этомъ ничтожномъ участкѣ пашни не ведется: значительная часть его совершенно пустуетъ, остальное же засѣвается однимъ картофелемъ; пустующіе за-

*) Данными для составленія настоящей замѣтки послужили свѣдѣнія, собранныя въ 1886 г. Орловскимъ земскимъ статистическимъ бюро (въ составъ котораго входилъ и авторъ замѣтки) и напечатанныя затѣмъ, въ видѣ сыраго матеріала, въ отдѣлѣ „описаній селеній“ III тома „Сборника статистическихъ свѣдѣній по Орловской губ.“. Всѣ выписки изъ этихъ описаній, приводимыя въ текстѣ, сопровождаются цифрами, указывающими тѣ страницы „Сборника“, на которыхъ помѣщены заимствуемыя свѣдѣнія.

гоны часто запахиваются сосѣдями, но «за этимъ никто не гонится». Во время переписи здѣсь (какъ и въ другихъ сходныхъ селеніяхъ) было крайне трудно получить точныя свѣдѣнія о числѣ сохъ, боронъ и т. п. у отдѣльныхъ хозяевъ, такъ какъ, по словамъ крестьянъ, у нихъ нерѣдко бываетъ «одна соха на 5 дворовъ», при чемъ эта соха переходитъ изъ двора во дворъ для вспашки конопляника и клочка пашни подъ картофель, и, наконецъ, ея дѣйствительный хозяинъ (если она не товарищеская) совершенно забывается. Всѣ крестьяне Смилижа занимаются лѣтомъ гонкою дегтя (на мѣстѣ), а зимою—изготовленіемъ обручей и кадушекъ; осенью большинство ѣздитъ по деревнямъ съ обручами — «наваривать посуду» (188). — Въ с. Красной слободѣ «прежде крестьяне хлѣбопашествомъ почти совершенно не занимались, но и теперь роль его лишь второстепенная. На пахатныхъ земляхъ правильнаго сѣвооборота не ведется: большая часть засѣвается рожью, часть (дес. 30)—картофелемъ, а часть—пустуетъ. Озимое сѣется на однихъ и тѣхъ же загонахъ обыкновенно черезъ годъ, т. е., если снятъ урожай въ извѣстномъ году, посѣвъ вновь производится уже осенью слѣдующаго года» (192).— Въ д. Черни пахатная земля въ одной общинѣ составляетъ лишь 5% всего надѣла, а въ другой—17½%; въ с. Ямномъ—13%; въ с. Денисовѣ—14%; въ дд. Мальцевой и Чухраяхъ ея вовсе нѣтъ, и т. д.

Но при сравнительно ограниченномъ, а иногда и ничтожномъ, значеніи въ крестьянскомъ хозяйствѣ Трубчевскаго уѣзда воздѣлыванія полевыхъ растеній, на ряду съ разнаго рода промыслами, очень видное мѣсто въ этомъ хозяйствѣ занимаетъ воздѣлываніе торговаго растенія — конопли, для котораго во всѣхъ селеніяхъ, не исключая даже тѣхъ, гдѣ полевой пахатной земли не имѣется вовсе, существуютъ особые, довольно обширные, «конопляники». О значеніи этихъ коноплянниковъ въ глазахъ крестьянъ можно судить уже по тому факту, что на нихъ употребляется почти все удобреніе, какимъ могутъ располагать крестьяне, хотя это идетъ въ прямой ущербъ хлѣбнымъ растеніямъ, дающимъ безъ навоза, при плохой почвѣ Трубчевскаго уѣзда, довольно скудные урожаи. Общая площадь всѣхъ крестьянскихъ коноплянниковъ въ уѣздѣ равняется 8,333,6 дес., что составляетъ около 5,5% всей надѣльной земли, около 8,3% ея культурной площади (пашни и коноплянниковъ) и около 12% площади, ежегодно засѣваемой (коноплянниковъ и пашни безъ пароваго поля). При той средней урожайности, которую указываютъ для конопли сами крестьяне, эта площадь должна давать ежегодно, въ среднемъ выводѣ, не менѣе 40,700 четвертей конопляного сѣмени и 155,800 пуд. пеньки; выкидывая, затѣмъ, изъ счета 7,300 четв. сѣмени, потребныхъ для слѣдующаго посѣва, и принимая тѣ цѣны, какія стояли въ 1886 г., на конопляное сѣмя и пеньку,—а именно около 5 р. за четверть перваго и около 3 р. за пудъ второй,—получимъ, что сбытъ этихъ продуктовъ долженъ давать крестьянамъ, при нормальныхъ условіяхъ, не менѣе 634,000 р. дохода, т. е. сумму почти въ 2½ раза превышаю-

щую всѣ денежные платежи, лежащіе на крестьянахъ Трубчевскаго уѣзда и составляющіе около 255,500 р.

Но приведенный нами приблизительный разсчетъ сдѣланъ, какъ сказано, въ предположеніи «нормальныхъ условій сбыта» конопли крестьянами, тогда какъ такія условія въ дѣйствительности едва ли можно считать обычными. Крестьяне Трубчевскаго уѣзда, какъ и большей части другихъ мѣстностей, въ главной своей массѣ не настолько обезпечены всѣми отрослями своего хозяйства въ совокупности, чтобы быть въ состояніи сводить концы съ концами въ своемъ бюджетѣ, обходясь безъ помощи кредита со стороны разнаго рода добровольныхъ «попечителей» (какъ удачно выразились крестьяне одного селенія о постоянныхъ своихъ кредиторахъ) о ихъ благѣ,—помощи, оцѣниваемой послѣдними обыкновенно очень и очень не дешево. Хотя крестьяне здѣсь кредитуются перѣдко и подъ различнаго рода работы и подъ свои издѣлія кустарнаго характера, но кредитъ въ этихъ формахъ совершенно стушевывается передъ кредитомъ подъ коноплю и пеньку, какъ главными предметами сбыта въ мѣстномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, являющимися наиболѣе естественными и надежными платежными средствами. «Кредитуются подъ коноплю и пеньку», — такъ говорятъ рѣшительно всѣ отмѣтки по занимающему насъ вопросу, имѣющіяся въ собранныхъ по Трубчевскому уѣзду свѣдѣніяхъ, и лишь иногда, и при томъ—на ряду съ этимъ видомъ кредитованія, указываются и нѣкоторые другіе. При такомъ преобладаніи кредита подъ коноплю и пеньку и главными кредиторами крестьянъ Трубчевскаго уѣзда являются повсюду тѣ многочисленные торговцы, которые занимаются скупкою названныхъ продуктовъ и сосредоточиваются, главнымъ образомъ, въ гг. Трубчевскѣ и Брянскѣ (для сѣверной части уѣзда) и мѣст. Почепѣ, Черниговской губерніи, а также разбросаны и по многимъ мѣстностямъ самаго Трубчевскаго уѣзда. Скупщики послѣдней категоріи, т. е. постоянно проживающіе въ селеніяхъ уѣзда и принадлежащіе очень часто къ числу «богачей» изъ мѣстныхъ же крестьянъ, особенно преобладаютъ въ глухихъ частяхъ уѣзда, сравнительно удаленныхъ отъ болѣе крупныхъ промышленно-торговыхъ пунктовъ. Какъ эти, такъ и городскіе скупщики представляютъ собою лицъ, къ которымъ стягиваются производимыя въ окрестномъ крестьянскомъ хозяйствѣ пенька и конопля и отъ которыхъ, съ другой стороны, крестьяне охватываемыхъ операціями каждаго скупщика районовъ получаютъ въ долгъ въ случаяхъ нужды и хлѣбъ, и деньги и очень часто—рѣшительно все, въ пріобрѣтеніи чего со стороны нуждаются крестьяне. Чаще всего населеніе каждой мѣстности кредитуется постоянно у одного, двухъ или трехъ ближайшихъ торговцевъ и при томъ такъ, что если въ мѣстности имѣется болѣе одного кредитора, то отдѣльные хозяева имѣютъ дѣло почти всегда каждый съ однимъ опредѣленнымъ лицомъ, являющимся иногда въ полномъ смыслѣ ихъ «патрономъ» или «попечителемъ», берущимъ на себя даже всѣ платежныя обязанности своихъ постоянныхъ клієнтовъ—

крестьянъ, и которому эти крестьяне изъ года въ годъ «сдаютъ» въ уплату долговъ всю производимую ими коноплю и пеньку. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько наиболѣе рѣзкихъ примѣровъ, указывающихъ на существованіе подобныхъ постоянныхъ отношеній между крестьянами и ихъ кредиторами.

Въ д. Герасимовкѣ крестьяне кредитуются у одного трубчевскаго купца, который ссужаетъ ихъ деньгами, доставляетъ въ долгъ рѣшительно всѣ предметы потребленія, начиная съ хлѣба и кончая овчинами, рукавицами, онучами и т. п., и платитъ за нихъ всѣ подати (сборщикъ за послѣдними обращается не къ крестьянамъ, а къ этому кредитору; только 2 хозяина изъ 64 платятъ подати сами). Постояннымъ кредиторомъ крестьянъ этотъ купецъ (т. е., такъ сказать, его фирма) состоитъ уже болѣе 50 лѣтъ; — «еще дѣда наши у него все забирали», — говорятъ крестьяне. Всѣ должны ему довольно значительныя суммы, такъ что ежегодно при «сдачѣ» ему конопли и пеньки, которыми исключительно и производится уплата долговъ, за крестьянами всегда остается что нибудь на слѣдующій годъ» (210). Въ с. Нѣгинѣ «кредитуются крестьяне (бывшіе удѣльные), главнымъ образомъ, у сосѣдняго торговца Сѣвскаго уѣзда, имѣющаго маслобойный заводъ и лавку, частью же—у мѣстнаго лавочника и у одного изъ однообщественниковъ. Отдѣльные хозяева имѣютъ дѣло постоянно съ какимъ либо однимъ изъ этихъ кредиторовъ, который ссужаетъ имъ все необходимое и уплачиваетъ за нихъ всѣ подати. Такой порядокъ установился почти съ самаго отхода крестьянъ отъ удѣла (т. е. съ 1864 г.),—«какъ тѣснѣе стало жить». Въ настоящее время постоянная связь крестьянъ съ этими кредиторами настолько упрочилась, что въ податныхъ спискахъ противъ каждаго хозяина стоитъ помѣтка, кто за него платитъ подати, и къ этому послѣднему прямо обращаются сборщики, помимо самихъ хозяевъ. Какъ видно изъ этихъ помѣтокъ, во всемъ обществѣ (186 наличныхъ семей) платятъ подати сами лишь 10 хозяевъ, за 5 хозяевъ платитъ одинъ однообщественникъ, за 11 хозяевъ — лавочникъ, и за всѣхъ остальныхъ — купецъ Сѣвскаго уѣзда. Уплата долговъ всѣмъ кредиторамъ производится пенькою и коноплѐю, но при «сдачѣ» имъ этихъ продуктовъ всегда за крестьянами остается часть долга на слѣдующій годъ» (220). Въ обществѣ бывшихъ государственныхъ крестьянъ того же селенія «условія кредита тѣ же, что и въ предыдущей общинѣ. Подати платитъ самъ лишь 1 хозяинъ изъ 19» (221). Въ д. Теребушкѣ «крестьяне кредитуются у своего односельца—лавочника (отчасти также у другихъ двоихъ крестьянъ), который даетъ имъ въ долгъ деньги, платитъ за нихъ подати и доставляетъ всѣ необходимые предметы потребленія... Уплата всѣхъ долговъ производится пенькою и коноплѐю» (186).

Необходимо оговориться здѣсь, что всѣ приведенные сейчасъ примѣры относятся къ селеніямъ одной волости, а именно — Красно-слободской. Однако, если свѣдѣнія по другимъ мѣстностямъ уѣзда не заключаютъ въ

себѣ столь же опредѣленныхъ и подробныхъ указаній на аналогичныя отношенія между крестьянами и кредиторами, то объясненіе этого заключается, главнымъ образомъ, лишь въ томъ обстоятельствѣ, что подробное изслѣдованіе крестьянскаго кредита вообще не входило въ программу работъ по Трубчевскому уѣзду; а что эти отношенія широко распространены и въ другихъ частяхъ послѣдняго, это заставляютъ предполагать частныя указанія на то, что крестьяне кредитуются у такого-то одного или у такихъ-то 2 — 3 опредѣленныхъ лицъ; что всѣ или почти всѣ крестьяне должны такому-то; что въ случаѣ неуплаты долга въ извѣстномъ году онъ переносится, на извѣстныхъ условіяхъ, на другой годъ, и т. д. По с. Милечъ, Уручьинской вол., даже вполнѣ опредѣленно говорится опять таки о *постоянныхъ* кредиторахъ крестьянъ; послѣдніе здѣсь «кредитуются у поченскихъ купцовъ; платятъ пенькою и коноплею, которыя обязуются никому, кромѣ своихъ постоянныхъ кредиторовъ, не продавать» (44). О подобныхъ же кредиторахъ упоминается и въ описаніи с. Сосновки той же волости (45).—Приведемъ здѣсь также еще нѣсколько выписокъ, указывающихъ какъ на обычныхъ кредиторовъ крестьянъ, такъ и на размѣры задолженности послѣднихъ. Въ с. Упоро, Красносельской вол., «крестьяне кредитуются въ г. Брянскѣ; почти всѣ крестьяне во время переписи были должны отъ 5 до 20 руб. каждый» (25). Въ с. Уручьѣ, Уручьинской вол., «крестьяне кредитуются преимущественно у одного купца, живущаго въ Юровской вол.; долги во время переписи были рѣшительно за всѣми хозяевами, за нѣкоторыми — по 100 руб. и болѣе» (40). Въ дд. Лбахъ и Саврасовкѣ, той же вол., «почти всѣ крестьяне во время переписи были должны одному изъ мѣстныхъ купцовъ; занимаютъ у него преимущественно деньгами, рѣже — хлѣбомъ; платятъ пенькою и коноплею» (49). Въ д. Кокоревкѣ, Краснослободской вол., «кредитуются у трубчевскихъ и пріѣзжающихъ для скупки конопли и пеньки купцовъ, забирая впередъ деньги подъ эти продукты» (185). Въ д. Смилижѣ, той же вол., «прежде крестьяне кредитовались преимущественно въ г. Трубчевскѣ у купцовъ, но теперь занимаютъ, главнымъ образомъ, у своего односельца, который содержитъ винную и мелочную лавки, торгуетъ сѣномъ, пенькою и коноплею. Уплата долговъ производится послѣдними продуктами» (190). Въ с. Ямномъ и д. Ст. Погощи «крестьяне кредитуются преимущественно у своего однообщественника (сборщика) подъ пеньку, коноплю и бондарныя издѣлія, которыя онъ беретъ въ уплату долговъ и которыми торгуетъ» (203). Въ д. Суземкѣ «крестьяне кредитуются у одного однообщественника и у живущаго въ деревнѣ мѣщанина, которые оба содержатъ винныя лавки, торгуютъ пенькою, коноплею, лѣсомъ и т. д. Довольно крупнымъ скупщикомъ пеньки и конопли является первый изъ торговцевъ, скупающій эти продукты не только въ д. Суземкѣ и другихъ сосѣднихъ селеніяхъ, но даже и въ Сѣвскомъ уѣздѣ. Оба скупщика всю пріобрѣтенную отъ крестьянъ коноплю перебиваютъ на масло и сбываютъ послѣднее въ м. Буду, Чер-

ниговской губ., жмыхи же снова раздаютъ крестьянамъ по 35—40 к. за пудъ» (213). И т. д.

Эти примѣры, вмѣстѣ съ приводившимися раньше, даютъ достаточно ясное и полное представленіе о главнѣйшихъ кредиторахъ крестьянъ Трубчевскаго уѣзда. Что же касается до самыхъ условій оказываемаго ими кредита, то прежде всего мы скажемъ нѣсколько словъ о различныхъ средствахъ обезпеченія ссудъ, выдаваемыхъ крестьянамъ. Чаще всего въ качествѣ подобныхъ средствъ употребляется, повидимому, разнаго рода имущественные заклады (преимущественно закладывается различная одежда), а также — росписки; въ с. Красной Слободѣ, напримѣръ, «занимаютъ деньги товариществами, связанными *круговою порукою*» (195). Иногда кредитуются крестьяне и «на совѣсть»; т. е. безъ всякихъ подобныхъ обезпеченій, при чемъ это бываетъ, какъ кажется, или въ такихъ селеніяхъ, въ которыхъ крестьяне (судя по величинѣ платимаго ими при займахъ процента) являются сравнительно обезпеченными экономически и потому сравнительно надежными плательщиками, или въ селеніяхъ, въ которыхъ отношенія между заемщиками и кредиторами пріобрѣли особенно значительную прочность и постоянство. Но и внутри отдѣльныхъ селеній по отношенію къ различнымъ хозяевамъ могутъ или практиковаться, или не практиковаться мѣры къ обезпеченію займовъ; такъ, по словамъ крестьянъ с. Пролысаго, они «кредитуются у своихъ зажиточныхъ односоціественниковъ подъ пеньку и коноплю—по роспискамъ и безъ таковыхъ, ‹смотря по человѣку» (161).

Обращаясь затѣмъ къ тѣмъ процентамъ, которыми оплачиваютъ кредитъ со стороны частныхъ лицъ трубчевскіе крестьяне, необходимо сдѣлать одно замѣчаніе относительно того общаго характера, которымъ отличаются мѣстныя хозяйственныя отношенія въ настоящее время. Хозяйство Трубчевскаго уѣзда еще въ сравнительно малой степени приняло типъ денежнаго хозяйства, но усвоило лишь нѣкоторыя черты его, сохраняя въ то же время въ главныхъ основаніяхъ складъ отношеній, свойственныхъ примитивному натуральному хозяйству. Благодаря этому, мы здѣсь во всѣхъ сферахъ находимъ весьма странное на первый взглядъ смѣшеніе признаковъ обѣихъ хозяйственныхъ формъ и часто положительно поражающія путаницу и сложность отношеній. Такъ, напримѣръ, если мы возьмемъ мелкую крестьянскую аренду пахотныхъ земель, то увидимъ, что основная форма ея есть испольщина, при чемъ чаще всего владѣльцу земли идетъ $^1/_3$ урожая; но, кромѣ отдачи извѣстной доли урожая, съемщикъ чаще всего обязуется еще извѣстными приплатами, въ качествѣ каковыхъ фигурируютъ и деньги, и мелкія работы, и продукты (солома, куры, яйца и т. д.). Всѣ эти приплаты обыкновенно позднѣйшаго происхожденія и представляютъ собою постепенно происходившее возвышеніе арендной платы за землю, которая въ первоначальной своей формѣ далеко не обладаетъ необходимою эластичностью и можетъ расти лишь довольно крупными скачками (напримѣръ, съ $^1/_3$ уро-

жая на $^2/_5$, $^1/_2$ и т. д.). Точно такое же смѣшеніе формъ мы найдемъ въ томъ случаѣ, если обратимся къ мірскимъ сборамъ среди крестьянъ Трубчевскаго уѣзда: лишь малая часть ихъ производится деньгами, а именно всего въ суммѣ 20,343 р., тогда какъ одной ржи идетъ на эти сборы около 8372 четвертей, т. е. на сумму, по крайней мѣрѣ, вдвое большую, да сверхъ того значительное количество гречихи, конопли и проч. Наконецъ, изъ того, что было уже сказано о крестьянскомъ кредитѣ въ этомъ уѣздѣ, мы видѣли, что натуральная форма въ немъ также преобладаетъ, такъ какъ и самые займы въ значительной степени производятся натурою, а расплата по нимъ является почти исключительно въ такой формѣ. Такъ какъ притомъ расплата даже по натуральнымъ займамъ производится продуктами, отличными отъ тѣхъ, которые были заняты [1]), то естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ условій является то, что проценты въ области крестьянскаго кредита здѣсь даже въ настоящее время представляютъ мало обособленную величину и въ большинствѣ случаевъ еще не успѣли отлиться въ ту опредѣленную форму извѣстнаго «роста», какую они пріобрѣтаютъ при дальнѣйшей денатурализаціи хозяйственныхъ отношеній. Въ наиболѣе глухой восточной половинѣ Трубчевскаго уѣзда чаще всего опредѣленный «ростъ» при крестьянскихъ займахъ даже вовсе отсутствуетъ и, повидимому, считается населеніемъ за нѣчто недозволительное съ нравственной точки зрѣнія; вознагражденіе же кредиторовъ заключается здѣсь, главнымъ образомъ, въ извѣстномъ «уваженіи въ цѣнѣ» пеньки и конопли со стороны заемщиковъ при сдачѣ этихъ продуктовъ въ уплату долговъ. Такъ, напримѣръ, въ с. Горожанкѣ «прямыхъ %% торговцы не берутъ, а ссужаютъ лишь изъ уваженія въ цѣнѣ» пеньки и конопли, которыми производится уплата займовъ. Размѣры этого «уваженія» можно приблизительно видѣть изъ слѣдующаго. Въ 1885 г. они принимали зерно по 70—90 коп. за пудъ и пеньку по 1 р. 50 к.—2 р. 20 к.; въ то же время въ городѣ цѣна была на первое 1 р. — 1 р. 25 к. и на вторую—3 р. — 3 р. 30 к. (207). Весьма сходно съ этимъ показали крестьяне д. Улицы, кредитующіеся у нихъ же «горожанскихъ скупщиковъ пеньки и конопли, которые %% при займахъ не беруть, но за то прижимаютъ товары, которыми производится уплата по уменьшенной цѣнѣ. Такъ, напримѣръ,

[1]) Когда кредитныя сдѣлки имѣютъ форму или чисто-денежную, или чисто-натуральную, когда платежными средствами служатъ тѣ же предметы, которые и брались въ ссуду, то естественною формою вознагражденія кредиторовъ является возвращеніе занятаго съ извѣстнымъ прибавкомъ или „ростъ“ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Наоборотъ, если занимается одинъ предметъ, а платежнымъ средствомъ служитъ другой, то очевидно, что вознагражденію за ссуды сравнительно трудно облечься въ столь опредѣленную специфическую форму, которая въ этихъ случаяхъ можетъ явиться лишь много позже, замѣнясь первоначально пріемами, подобными тѣмъ, которые указываются далѣе въ текстѣ.

въ 1885 году пенька имъ отдавалась по 2 р. за пудъ и зерно по 90 к.; въ городѣ въ то же время стояла цѣна на первую — 3 р. и на второе — 1 р. 10 к. — 1 р. 20 к.» (204). Въ с. Пролысомъ крестьяне «пеньку и коноплю отдаютъ за долгъ съ уступкою 20% съ рыночной цѣны» (160); въ с-цѣ Гавриловкѣ «кредитуются у сосѣднихъ купцовъ подъ коноплю, отдавая послѣднюю, по истеченіи года, съ уступкою 40% съ настоящей цѣны» (162), и т. д. Не останавливаясь болѣе на фактахъ этого рода, замѣтимъ только мимоходомъ, что они указываютъ, между прочимъ, на то, какъ осторожно слѣдуетъ относиться вообще къ такъ называемому «безпроцентному» кредиту среди крестьянъ.

Но во многихъ селеніяхъ и восточной половины уѣзда, а особенно въ другой его половинѣ, «ростъ» при крестьянскихъ займахъ выступаетъ на сцену уже совершенно ясно; но въ громадномъ большинствѣ случаевъ и здѣсь онъ не освобождается вполнѣ отъ сопутствія болѣе первичными формами вознагражденія за ссуды, почему на ряду съ платою опредѣленныхъ процентовъ крестьяне сверхъ того обыкновенно должны бываютъ дѣлать и извѣстныя скидки съ стоимости продуктовъ, служащихъ для расплаты, а иногда также и извѣстной доли съ вѣса этихъ продуктовъ. Очень важно здѣсь отмѣтить то обстоятельство, что подобныя скидки въ Трубчевскомъ уѣздѣ фигурируютъ при займахъ не въ видѣ, такъ сказать, какихъ либо прижимокъ со стороны кредиторовъ (какъ это замѣчается во многихъ другихъ мѣстностяхъ), но еще какъ такія условія займовъ, которыя имѣютъ совершенно равное право на существованіе съ самымъ «ростомъ». Мѣстами, впрочемъ, и въ этомъ уѣздѣ послѣдній выступаетъ уже въ качествѣ единственнаго законнаго вознагражденія за ссуды; но такихъ селеній, въ которыхъ отмѣчено было при изслѣдованіяхъ взиманіе процентовъ лишь въ собственномъ смыслѣ этого слова, насчитывается сравнительно меньше.

Чтобы показать, въ какихъ сочетаніяхъ между собою уживаются прямые и непрямые проценты (если можно такъ выразиться) въ наиболѣе часто встрѣчающихся видахъ займовъ, мы приведемъ здѣсь опять нѣсколько примѣровъ. Въ Сымячковской волости, напримѣръ, наиболѣе обычны такія условія: «въ уплату долга крестьяне обязуются доставлять пеньку и коноплю перваго послѣ займа урожая по той цѣнѣ, которая будетъ стоять на рынкѣ, скидывая по 15 коп. съ каждаго пуда; кромѣ того на каждый пудъ полагается «похода» 1 фунтъ; «за пожданье» взимается за каждые 6 мѣсяцевъ 10%» (89). Въ Стрѣлецкой волости обыкновенно «кредитуются у мѣстныхъ торговцевъ подъ коноплю и пеньку, платя въ годъ 20%, и кромѣ того товаръ отдаютъ дешевле противъ настоящей цѣны,—коноплю—на 5 коп. пудъ, а пеньку—на 10 коп.» (120). Въ дд. Бабенкѣ, Скрябинѣ и Н. Слободкѣ, Красносельской волости, «крестьяне кредитуются у брянскихъ купцовъ чаще всего подъ залоги; кредитъ оплачивается 10% за 2—3 мѣсяца; при отдачѣ, кромѣ %, требуется еще скидка 5 коп. съ цѣны каждаго пуда товара и 1 ф. съ вѣса

каждаго пуда (уплата производится пенькою и коноплею)» (21). Въ с. Удѣльныхъ Ужахъ, Уручьинской вол., «кредитуются у мѣстнаго торговца деньгами и хлѣбомъ подъ пеньку и коноплю. Платятъ 20% за полугодіе и сбавляютъ также около 20% съ цѣны продуктовъ, которыми производится уплата» (61). Въ с. Вздружномъ, Пролысовской волости, «кредитуются у прасоловъ подъ коноплю за 10% въ полгода и кромѣ того на зернѣ уступаютъ 5 коп. съ пуда, а на пенькѣ—1 ф. съ пуда» (174). Въ д. Смилижѣ и с. Красной Слободѣ, Краснослободской волости, платятъ 10% роста и столько же уступаютъ въ цѣнѣ конопли и пеньки (190 и 195); и т. д.

Если мы оставимъ въ сторонѣ указанныя скидки съ цѣны и вѣса продуктовъ, служащихъ для крестьянъ обычными платежными средствами, и возьмемъ лишь тѣ проценты въ собственномъ смыслѣ слова, которые указываются въ различныхъ селеніяхъ Трубчевскаго уѣзда, то увидимъ, что величина этихъ процентовъ колеблется отъ 10 до 120% въ годъ, а въ среднемъ выводѣ (для 50 съ небольшимъ общинъ) равняется почти 30%; наиболѣе распространенными процентами являются 20% годовыхъ. Колебанія въ высотѣ процентовъ должны имѣть мѣсто, конечно, и въ предѣлахъ отдѣльныхъ общинъ, а не только при сопоставленіи послѣднихъ между собою, но относительно этого свѣдѣній по Трубчевскому уѣзду нѣтъ. Какъ единственный примѣръ, приведемъ здѣсь лишь показаніе крестьянъ д. Лбовъ и Саврасовки, Уручьинской вол., что, помимо скидки съ цѣны конопли и пеньки, они платятъ слѣдующіе %: за 1 годъ—40%, за $^1/_2$ года—20% и за 1 мѣсяцъ—10% (49); показаніе, въ которомъ ясно выступаетъ на видъ значеніе сроковъ займовъ для величины процентовъ.

Въ видахъ выясненія тѣхъ условій, которыя вліяютъ на различія въ наиболѣе обычной величинѣ процентовъ въ различныхъ общинахъ, очень любопытно сдѣлать сравненіе между собою хозяйственнаго положенія группъ общинъ, отличающихся различною дороговизною кредита. Въ слѣдующей табличкѣ взяты нами 3 такихъ группы, при чемъ для ихъ хозяйственной характеристики приведены данныя о приростѣ мужскаго населенія, объ обработкѣ земли и о количествѣ скота.

Общины съ высотою процентовъ:	Приростъ мужскаго населенія съ 1858 г.	Изъ общаго числа семей обрабатываютъ надѣлъ.			Среднее колич. на 1 семью.		
		Сами.	Наймомъ.	Сдаютъ.	Лошадей.	Коровъ.	Овецъ.
Не болѣе 20%	54,6%	90,1%	6,0%	3,9%	2,19	1,22	4,3
Отъ 20 до 40%	39,3%	88,8%	6,4%	4,8%	2,04	0,95	6,3
Свыше 40%	36,3%	85,6%	10,0%	4,4%	2,09	0,92	4,0

Мы видимъ изъ этой таблички, что, какъ ни мало количество общинъ, вошедшихъ въ нее, какъ ни общи самыя цифры, указывающія высоту

процентовъ для отдѣльныхъ общинъ, и какъ ни осложнена эта высота во многихъ случаяхъ различными замаскированными процентами, все таки замѣчается достаточно ясное и правильное отношеніе между дороговизною кредита и хозяйственнымъ положеніемъ кредитующихся крестьянъ; а именно оказывается, что первая стоитъ почти во всѣхъ случаяхъ въ прямомъ отношеніи къ признакамъ, указывающимъ на худшее экономическое положеніе крестьянъ, и въ обратномъ отношеніи къ признакамъ, указывающимъ на ихъ большую обезпеченность. Здѣсь, такимъ образомъ, вполнѣ подтверждается то заключеніе, къ которомумы пришли въ другомъ мѣстѣ (см. «Статистическій ежегодникъ по Московской губерніи за 1889 г.», отд. IV и V) на основаніи данныхъ, относившихся къ Московской губерніи, что величина процентовъ въ области крестьянскаго кредита, который самъ имѣетъ своимъ источникомъ малую экономическую обезпеченность населенія, является показателемъ размѣровъ этой обезпеченности, поднимаясь съ ея пониженіемъ и, наоборотъ, падая съ ея повышеніемъ. Чѣмъ менѣе обезпечены крестьяне, тѣмъ дороже они принуждены оплачивать тотъ кредитъ, которымъ они пользуются со стороны частныхъ лицъ, при чемъ эта большая дороговизна одною изъ своихъ главныхъ причинъ имѣетъ большій рискъ для кредиторовъ, съ которымъ связана выдача ссудъ сильно нуждающемуся населенію [2]). Если, однако, экономическая необезпеченность послѣдняго переходитъ за извѣстные предѣлы, то повышеніе процентовъ оказывается уже немогущимъ уравновѣсить его малую кредитоспособность, и населеніе оказывается просто лишеннымъ всякаго кредита. Вотъ, напримѣръ, отзывъ крестьянъ д. Сосновки Уручьинской вол., указывающій на подобное явленіе. «Крестьяне здѣсь кредитуются у почепскихъ и брянскихъ купцовъ. Послѣдніе годы, однако, и эти постоянные кредиторы стали неохотно давать что либо въ долгъ: не вѣрятъ,—обѣдняли сильно мужики» (45).

Въ заключеніе настоящей замѣтки мы остановимся еще на одной формѣ замаскированнаго кредита, довольно распространенной въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Трубчевскаго уѣзда, гдѣ въ надѣлѣ крестьянъ имѣются болѣе или менѣе значительные и цѣнные покосы. Въ подобныхъ селеніяхъ

---

[2]) Въ качествѣ яснаго указанія на то значеніе, которое имѣетъ для дороговизны крестьянскаго кредита значительный рискъ со стороны кредиторовъ и которое, какъ намъ кажется, въ слишкомъ малой степени признается изслѣдователями этого кредита, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слѣдующій отзывъ одного изъ хозяевъ Саратовской губ., встрѣченный нами въ „Сельскохозяйственномъ Обзорѣ“ губерніи за 1888 г. „Денежный кредитъ у мѣстныхъ кулаковъ возросъ до 5—10% въ мѣсяцъ. Кредитъ дорогъ потому, что рискованъ; а рискованъ потому, что съ крестьянъ взысканіе стѣснено фискальною охраною и неимѣніемъ личной собственности“ (стр. 26). Слѣдуетъ добавить только, что эти послѣднія условія имѣютъ значеніе, очевидно, лишь постольку, поскольку рѣчь идетъ вообще о малообезпеченномъ населеніи.

крестьяне, нуждаясь зимою въ деньгахъ, очень часто сдаютъ богачамъ свои луговые участки по дешевой цѣнѣ, а лѣтомъ, нуждаясь въ сѣнѣ для содержанія скота въ слѣдующую зиму, снимаютъ покосы у тѣхъ же богачей, и при томъ нерѣдко свои же собственные участки, но уже по гораздо высшей цѣнѣ. Такъ, напримѣръ, въ с. Денисовѣ у общественника, скупающаго у крестьянъ пеньку и коноплю, «постоянно находится въ заставѣ» (такъ называется здѣсь сдача въ аренду) и значительная часть крестьянскихъ покосовъ: при нуждѣ въ деньгахъ крестьянинъ сдаетъ кредитору часть или весь свой надѣлъ на годъ или на извѣстное число лѣтъ, получая деньги впередъ; но такъ какъ безъ покоса обойтись онъ все таки не можетъ, то впослѣдствіи или нанимаетъ ихъ для себя гдѣ нибудь на сторонѣ, или выкупаетъ свои же собственные загоны у кредитора. Въ 1886 году всѣ покосы были сданы послѣднему у 48 хозяевъ (изъ 166) и половина—еще у двоихъ; сдача производилась по 2 р. 50 к.—5 р. за десятину. Снимали для себя покосы *изъ тѣхъ же 50 хозяевъ*—40, и въ частности—свои собственные загоны — 21 хозяинъ, но плата при этомъ стояла уже въ 7—10 р. за десятину (211—212). Подобный же порядокъ имѣетъ мѣсто въ д. Смилжѣ, гдѣ «нужда въ деньгахъ заставляетъ многихъ хозяевъ сдавать («заставлять») своему кредитору значительную часть покосовъ, иногда на весьма значительные сроки (на 10, 12 и даже 15 лѣтъ); такъ въ 1886 г. сдавали ему покосы 38 хозяевъ (изъ 132), въ количествѣ 52 душъ или болѣе 100 дес.» (190).

СТАТИСТИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ О ПОДСУДИМОМЪ.

Съ упрощеніемъ судебной отчетности по дѣламъ уголовнымъ циркуляромъ бывшаго министра гр. Палена, отъ 11-го декабря за № 20647 (по сборнику циркуляровъ за 1876 г. № 466 съ приложеніемъ), оставленъ безъ всякаго измѣненія статистическій листокъ, лит. В, установленный Высочайше утвержденными 11-го ноября 1871 г. и 22 ноября 1872 г. правилами. Такимъ образомъ, достигнутое этимъ преобразованіемъ существенное улучшеніе всей нынѣ дѣйствующей системы по доставленію судебной отчетности не коснулось статистическаго листка о подсудимомъ или, правильнѣе, о лицѣ *судившемся* (которое можетъ быть и оправдано по суду), какъ будто статистическій листокъ по формулированнымъ въ немъ вопросамъ не оставляетъ желать никакихъ измѣненій и улучшеній. Въ предлагаемыхъ замѣткахъ я намѣренъ указать, насколько этотъ листокъ представляетъ удобствъ для занесенія въ него всѣхъ требуемыхъ нашею статистикою свѣдѣній. Если бы намъ удалось доказать, что дѣланіе *надлежащихъ* отмѣтокъ не только затрудняетъ нашихъ судебныхъ дѣятелей, но подчасъ ставитъ ихъ даже въ невозможность сколько нибудь правильно отвѣчать на предлагаемые имъ статистическіе вопросы, то было бы очевидно, что все это не можетъ не вліять на достовѣрность статистическаго матеріала, регистрируемаго въ ежегодныхъ «сводахъ», издаваемыхъ статистическимъ отдѣленіемъ департамента министерства юстиціи. На достовѣрность этого матеріала, конечно, вліяетъ и самый *способъ опроса подсудимаго*, ибо многіе предсѣдатели, не придавая важности статистическимъ вопросамъ и отвѣтамъ на нихъ, а иногда желая щегольнуть быстротою веденія судебнаго засѣданія, опрашиваютъ подсудимаго кое какъ, съ пятаго на десятое, такъ что записывающій отвѣты членъ суда едва успѣваетъ сколько нибудь правильно записывать и даже проставляетъ въ листкахъ отвѣты наугадъ, не считая себя вправѣ прерывать предсѣдателя чрезъ повтореніе или разъясненіе вопросовъ и

отвѣтовъ, тѣмъ болѣе, что кто же станетъ провѣрять записанные отвѣты. Проистекающія отсюда неточности, конечно, нельзя ставить на счетъ дѣйствующей системѣ уголовной отчетности: здѣсь уже виноваты судьи. Другое дѣло—насколько предлагаемые по статистическому листку вопросы сами по себѣ удовлетворяютъ требованіямъ статистики, какъ науки. Оставляя спеціалистамъ и знатокамъ статистики рѣшить насколько означенные въ листкѣ вопросы исчерпываютъ, съ научной точки зрѣнія, весь необходимый уголовно-статистическій матеріалъ, начну свои замѣчанія съ внѣшности нашего статистическаго листка.

Самая внѣшность этого листка, не совсѣмъ грамотнаго въ типографскомъ отношеніи, указываетъ по формѣ вопросовъ (что̀ ужѐ гораздо важнѣе) на недостаточное знаніе редакторами статистическаго листка нашего слѣдственнаго и судебнаго производства. Если «увѣдомленіе о началѣ дѣла» (слѣдовало сказать: о *начатіи* дѣла, ибо этому выраженію противополагается въ процессѣ не конецъ, а *окончаніе* дѣла) и «краткое увѣдомленіе» суть понятія синонимическія, однозначащія, то въ листкѣ лит. В., во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, слѣдовало бы означить что либо одно: или увѣдомленіе о начатіи дѣла, или краткое увѣдомленіе. Оставляя же для чего-то оба эти выраженія,—синонимическія слова: «или краткое увѣдомленіе», необходимо было бы поставить между запятыми. Иначе же мало опытные судебные дѣятели вправѣ заключить, что «увѣдомленіе о началѣ дѣла» не все равно, что «краткое увѣдомленіе», тѣмъ болѣе, что въ напечатанномъ на оборотной сторонѣ статистическаго листка «краткомъ объясненіи» упоминается и объ увѣдомленіи о началѣ дѣла (лит. А), и о краткомъ увѣдомленіи (№ 1). Между тѣмъ нынѣ краткія увѣдомленія № 1 и соотвѣтствующія имъ вѣдомости № 2 уже не посылаются. А потому означенное въ листкѣ «краткое объясненіе», ничего почти не разъясняя, легко можетъ сбить съ толку нашихъ судебныхъ дѣятелей.

Такъ какъ статистическіе листки, лит. В., посылаются не только окружными судами и судебными палатами, но даже и правительствующимъ сенатомъ (если сенатъ разбираетъ дѣло по существу), то напечатанныя въ листкѣ слова: *окружнаго суда*, а въ скобахъ: *или палаты*, не исчерпываютъ всѣхъ судебныхъ установленій, которыя обязаны посылать листки лит. В.

Затѣмъ неизвѣстно, какъ слѣдуетъ означать: *по какому дѣлу* посылается листокъ лит. В. Не говоря уже о томъ, что въ окружномъ судѣ нерѣдко соединяютъ нѣсколько дѣлъ въ одно объ одномъ и томъ же подсудимомъ или же дѣла о нѣсколькихъ подсудимыхъ—соучастникахъ, въ силу 152 ст. улож. о нак. и 205, 207 ст. уст. угол. суд.,—каковыя дѣла и разбираются въ одномъ судебномъ засѣданіи, при одномъ личномъ составѣ присяжныхъ засѣдателей, хотя и по нѣсколькимъ обвинительнымъ актамъ (при чемъ и статистическіе листки посылаются только по числу подсудимыхъ, ссылаясь въ нихъ на одно и то же первоначальное

увѣдомленіе, а не по числу соединенныхъ дѣлъ въ одно дѣло),—очень часто нельзя сколько нибудь кратко и понятно означить названіе такого сложнаго дѣла даже по неимѣнію мѣста для этой отмѣтки въ печатномъ бланкѣ лит. В. Положимъ, что для уголовной статистики не имѣетъ значенія, что кража была совершена у *такого-то* лица или у *такихъ-то* лицъ, а для счета интересно только знать, что въ судѣ разбиралось дѣло о *кражѣ*, а не о другомъ преступленіи; но, на случай справокъ,—когда необходимо, напримѣръ, разъяснить или исправить ошибку по доставленію статистической отчетности,—иногда бываетъ очень важно знать: по какому именно дѣлу были посланы первоначальное (краткое) увѣдомленіе лит. А или купонъ вѣдомости лит. Б. Тогда уже необходимо было бы всякій разъ означать имя и фамилію лица потерпѣвшаго. Если же достаточно только кратко означить, что статистическій листокъ посылается по дѣлу о кражѣ, о поджогѣ, объ убійствѣ и т. д., безъ означенія лица потерпѣвшаго, то свѣдѣнія этого рода были бы излишни для статистики, ибо о сущности преступленія можно было бы заключить даже изъ проставляемой въ отвѣтѣ на 15-й вопросъ статьи уголовнаго закона. Отсюда и заключаю, что въ статистическомъ листкѣ, отвѣчая на вопросъ: «По дѣлу»..., необходимо кратко означать не только сущность преступленія, но и по отношенію къ кому (имя и фамилія потерпѣвшаго лица) оно совершено.

Положимъ, что, при обвиненіи нѣсколькихъ лицъ въ кражѣ у крестянина Андрея Бѣлова, двое судились за кражу, причемъ первый воръ былъ подстрекателемъ, третій—за укрывательство, а четвертый—за покупку завѣдомо краденаго. Хотя юридическая квалификація преступленія въ отношеніи каждаго подсудимаго будетъ различная, но въ статистическомъ листкѣ о каждомъ изъ этихъ судившихся слѣдуетъ означить, что этотъ листокъ посылается по дѣлу «о кражѣ у Бѣлова», а не по дѣлу о подстрекательствѣ, объ укрывательствѣ этой кражи или о покупкѣ завѣдомо краденаго, ибо предметъ дѣла есть кража у Бѣлова, а преступныя дѣйствія лицъ судившихся за эту кражу, при юридической квалификаціи ихъ, будутъ соотвѣтствовать только той роли, какая приписана имъ обвиненіемъ или судебнымъ приговоромъ. Иначе пришлось бы дробить дѣло по соучастникамъ въ нарушеніе закона о соучастіи (ст. 207 уст. угол. суд.), въ силу котораго соучастники судятся въ томъ судѣ, которому подсудны главные виновные. Хотя по 120 ст. улож. о нак. подстрекатель приговаривается къ высшей мѣрѣ наказанія, но главными виновными въ смыслѣ 207 ст. уст. угол. суд. считаются, все-таки, какъ этотъ подстрекатель, такъ и лицо непосредственно совершившее кражу вслѣдствіе его же подстрекательства.

1. *Имя, отчество и фамилія судившагося.*

Точныя свѣдѣнія по этому предмету, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, крайне необходимы и для «Вѣдомости справокъ о судимости». Неудовлетворительность этихъ вѣдомостей, вызывающая необходимость вся-

кій разъ, при обвиненіяхъ въ кражѣ, требовать копій приговоровъ, на случай точнаго опредѣленія подсудности и при примѣненіи 1655 и 1660 ст. улож. о наказ., объясняется неточностью печатаемыхъ министерствомъ юстиціи въ этихъ вѣдомостяхъ свѣдѣній; а эта неточность обусловливается: во 1-хъ, обычною небрежностью мировыхъ судей и судебныхъ слѣдователей, не берущихъ на себя труда удостовѣриться по ревизскимъ сказкамъ или по семейнымъ спискамъ въ дѣйствительномъ имени лица обвиняемаго; во 2-хъ, тѣмъ, что многіе крестьяне и мѣщане носятъ по двѣ и болѣе фамиліи, изъ которыхъ одна—по книгамъ (оффиціальная фамилія, хотя подчасъ и мало извѣстная въ селѣ или слободѣ), а другая уличная фамилія, прозвище, и въ 3-хъ, тѣмъ, что народное произношеніе имени часто не совпадаетъ съ церковнымъ, дѣйствительнымъ именемъ, даннымъ обвиняемому при крещеніи.

Извѣстно, что по грекороссійскому календарю значатся такія имена, которыхъ выговорить сколько-нибудь правильно крестьяне не въ состояніи; а потому нѣкоторые изобрѣтательные сельскіе священники устроили для себя доходную статью, заставляя родителей крещаемаго младенца откупаться отъ приходящагося и назначаемаго ему по святцамъ неудобопроизносимаго имени. Хорошо заплатятъ священнику, — онъ назоветъ новорожденнаго Иваномъ, Николаемъ, Михаиломъ, Алексѣемъ, — такимъ общеупотребительнымъ и общеизвѣстнымъ именемъ, которое всегда пріятно и понятно родителямъ; иначе-же назоветъ мальчика Дулой, Еварестомъ, Іувентиномъ, Кукшею, Лупломъ, Протогеномъ, Θеостигомъ и т. д., а дѣвочку назоветъ Анимансой, Голиндухой, Епихаріей, Еротіидой и т. д. Понятно, что въ устахъ народа сравнительно простое имя Георгій быстро превращается въ Егорія, Егора, Гурія и Гурѣя, Епифаній—въ Лифана, Сильвестръ — въ Селиверста и Соловья, Леонидъ— въ Леонтія, а Леонтій — въ Левонтія, Левона и т. д., Маркъ — въ Маркѣя, Карпъ — въ Карпѣя, Кириллъ и Киръ — въ Кирѣя, Евтихій — въ Евтѣя, Арсеній — въ Арсимана и т. д. Иногда имя такого несчастливца, надъ которымъ подшутили святцы, передѣлывается до неузнаваемости,—и многіе крестьяне не знаютъ въ точности ни своего имени, ни имени и фамиліи своихъ родителей, и величаютъ себя то по крестному отцу, то —по дѣду, то — по тестю. Иногда принимаемый во дворъ зять (который «присталъ въ зятья») утрачиваетъ отцовскую фамилію и именуется фамиліей своего тестя, дѣвичьей фамиліей своей жены. Еще Гоголь замѣтилъ, что на Руси (конечно, въ устахъ народа) есть такія имена, что плюнешь и перекрестишься. Вотъ истинный фактъ. 23-го января 1891 г., въ гор. Нижнемъ Ломовѣ, подсудимый, изъ крестьянъ села Андреевки, Прохоръ Егоровъ Капрановъ, 32 лѣтъ, на вопросъ предсѣдательствующаго объ имени отвѣтилъ: «я и Прохоръ, и Никаноръ». На предложеніе разъяснить: почему же у него два имени и какое его настоящее имя,—подсудимый сказалъ: «Да я и самъ доподлинно не знаю: до свадьбы я былъ Прохоръ, а теперь, надо быть,

Никаноръ»..... Дѣло въ томъ, что 28 іюля—день св. Прохора, Никанора и др. Подсудимый при св. крещеніи былъ нареченъ Прохоромъ,—и всѣ называли его этимъ именемъ. Между тѣмъ священникъ, по небрежности, записалъ его въ метрики подъ именемъ Никанора; при вѣнчаніи же мнимый Прохоръ, къ общему изумленію, былъ переименованъ, по метрикамъ, въ Никанора....

Въ избѣжаніе всѣхъ подобныхъ недоразумѣній, необходимо обязать судебныхъ слѣдователей, чтобы они, на основаніи метрикъ, ревизскихъ сказокъ, посемейныхъ списковъ и проч., устанавливали бы точное имя, отчество и фамилію обвиняемаго, обращаясь въ сомнительныхъ случаяхъ къ административному, полицейскому и духовному начальству. Тогда и въ протоколахъ,—а, слѣдовательно,—и въ приговорахъ, и въ статистическомъ листкѣ, и въ «Вѣдомости справокъ о судимости»—означались бы дѣйствительное имя, отчество и фамилія обвиняемаго или судившагося, какъ онъ оффиціально значится по книгамъ и документамъ, а въ скобкахъ прописывались бы уличныя, народныя прозвища. Во избѣжаніе же прискорбныхъ для правосудія случаевъ qui pro quo, необходимо имѣть въ виду, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ иногда всѣ крестьяне носятъ одну и туже фамилію, различаясь только прозвищами, а въ нѣкоторыхъ семьяхъ можно встрѣтить двухъ Ивановъ—родныхъ братьевъ, двухъ Петровъ и т. д.

2. *Возрастъ его во время совершенія преступленія.*

Точное опредѣленіе возраста (путемъ метрическихъ справокъ, ревизскихъ сказокъ, посемейныхъ списковъ, исповѣдныхъ росписей и, въ крайнемъ случаѣ, освидѣтельствованіемъ чрезъ врача) должно имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда самымъ возрастомъ обусловливается возможность привлеченія обвиняемаго къ уголовной отвѣтственности и опредѣленія ему того или другаго наказанія. Вообще же особыхъ затрудненій не бываетъ при отвѣтѣ на этотъ вопросъ, — и можетъ быть сомнѣніе развѣ только въ томъ: какой возрастъ слѣдуетъ означать въ статистическомъ листкѣ при совершеніи такъ-называемыхъ «длящихся» преступленій? — Можетъ быть такой случай: обвиняемый въ уклоненіи отъ воинской повинности, въ бродяжествѣ или проживательствѣ по чужому виду началъ совершать преступленіе еще до достиженія имъ совершеннолѣтія (21 года), а преданъ суду и осужденъ, положимъ, въ возрастѣ 23 лѣтъ. Такое лицо за совершеніе «длящагося» преступленія будетъ судиться какъ совершеннолѣтнее, а совершеніе имъ того же преступленія до достиженія 21 года не будетъ имѣть для него никакого юридическаго значенія. Но другое дѣло, если длящееся преступленіе, напримѣръ: распространеніе ереси (ст. 196 улож. о нак.), выразилось въ какихъ либо опредѣленныхъ инкриминируемыхъ фактахъ, пріуроченныхъ къ извѣстному времени, мѣсту и лицамъ. Тогда и о виновности подсудимаго пришлось бы ставить нѣсколько вопросовъ, которыми исчерпывалось бы содержаніе всѣхъ совершенныхъ имъ преступныхъ фактовъ, причемъ

судъ могъ бы оправдать за распространеніе ереси, когда ему было 23 года, по недостаточности уликъ (признавъ, напримѣръ, что не доказано, чтобъ онъ *тогда-то* совратилъ *такихъ-то* лицъ), и обвинить его за совращеніе извѣстнаго лица въ ересь, когда онъ, подсудимый, еще не достигъ совершеннолѣтія (21 года). Въ этомъ случаѣ пришлось бы означить въ статистическомъ листкѣ *нѣсколько* возрастовъ одного и того же судившагося лица, отвѣтивъ на 21-й вопросъ, что по отношенію къ однимъ преступнымъ фактамъ, въ которыхъ выразилось длящееся преступленіе, подсудимый былъ оправданъ (1 п. 771 ст. уст. угол. суд.), а по отношенію къ другимъ—обвиненъ (3 п. 771 ст.).

3. *Мѣсто рожденія*, 4. *Мѣсто приписки* и 5. *Постоянное мѣстожительство.*

Эти рубрики для статистики не имѣютъ ни малѣйшаго значенія, опредѣляя только личность судившагося въ біографическомъ отношеніи на случай какихъ либо справокъ, хотя бы для того, чтобы не перемѣшать статистическихъ листковъ. Впрочемъ, вопросъ о постоянномъ мѣстѣ жительства можетъ имѣть и статистическое значеніе, какъ указывающій на то—какое вліяніе осѣдлость или бродяжество имѣютъ на совершеніе преступленій. Но, опять-таки, что же тогда слѣдуетъ понимать подъ постояннымъ мѣстомъ жительства?—Крестьянинъ, не отлучающійся изъ своей деревни на заработки и совершающій преступленіе, конечно, долженъ считаться постояннымъ жителемъ своей деревни, осѣдлымъ обывателемъ. А если крестьянинъ отлучился въ заработки за Волгу и въ это время совершилъ преступленіе, находясь у кого-либо въ батракахъ?—Постояннымъ мѣстомъ жительства его, все-таки пришлось бы показать его же родную деревню.—А какое постоянное мѣсто жительства пришлось бы отмѣтить по отношенію къ приказчику, совершившему преступленіе во время разъѣздовъ по разнымъ губерніямъ, хотя бы онъ и былъ приписанъ къ какой-либо волости, снабжающей его мѣсячными или даже годовыми паспортами?—Пришлось бы отмѣтить, что постояннаго мѣстожительства онъ не имѣетъ.—Уже a priori можно было бы сказать, что лица, живущія на «постоянномъ» мѣстѣ жительства и, слѣдовательно, болѣе обезпеченныя въ средствахъ и болѣе дорожащія мнѣніемъ своихъ сосѣдей и однообщественниковъ, рѣже совершаютъ преступленія, чѣмъ странствующіе, хотя и приписанные къ волости, «цыганствующіе» (бродячіе) люди; но подтвержденіе этого вывода несомнѣнными статистическими цифрами, конечно, представляло бы важный и весьма интересный статистическій матеріалъ. Въ отношеніи же точности біографическихъ свѣдѣній, а также и для судебнаго констатированія личности подсудимаго, необходимо было бы вмѣнить судебнымъ слѣдователямъ въ обязанность всякій разъ прилагать къ дѣлу документальныя свѣдѣнія отъ волостныхъ правленій, мѣщанскихъ управъ и т. д. о принадлежности такого-то обвиняемаго къ *такому-то* сельскому, казачьему, мѣщанскому или городскому обществу. Такое требованіе представляется намъ тѣмъ

болѣе необходимымъ, что въ каждой почти волости (какъ, напримѣръ, въ Пензенской губ.) найдется нѣсколько деревень: Александровокъ, Васильевокъ, Никольскихъ и т. д. Въ Россіи есть и города одного названія (Ардатовъ и др.). Бывали примѣры, что судили и ссылали лицъ ложно назвавшихся чужимъ именемъ, причемъ эта ложь обнаруживалась развѣ только случайно. И хотя, по кассаціоннымъ разъясненіямъ сената, основаніемъ къ возобновленію уголовнаго дѣла по 934, 935 ст. уст. угол. суд. не можетъ служить то доказанное обстоятельство, что кто-либо былъ осужденъ за совершонное имъ преступленіе подъ именемъ и фамиліею другаго лица, но понятно, что такое осужденіе не можетъ быть безразлично для того, чьимъ именемъ назвался осужденный преступникъ, ибо въ «Вѣдомости справокъ о судимости» будутъ показаны, все-таки, имя и фамилія лица, которое въ дѣйствительности не совершало преступленія; отмѣченная же въ справкахъ судимость можетъ имѣть важное значеніе для него, какъ скоро онъ совершилъ такое, напримѣръ, преступленіе, какъ кража, которая тогда ошибочно будетъ сочтена за повтореніе—рецидивъ.

6. *Рожденіе (законное или незаконное).*

Свѣдѣнія этого рода заносятся въ слѣдственное производство, большею частью, лишь со словъ обвиняемаго, который часто и не понимаетъ предлагаемаго ему вопроса, почему предсѣдательствующій обыкновенно спрашиваетъ такъ: ваши родители, отецъ и мать, были вѣнчаны?—Если же дѣло предложено суду по 545 или 546 ст. уст. угол. суд., безъ предварительнаго слѣдствія, то не только документальныхъ, но и никакихъ свѣдѣній по этому предмету въ дѣлѣ не бываетъ. Въ особенности же рѣдко имѣются точныя свѣдѣнія о законности рожденія иновѣрцевъ, раскольниковъ и старообрядцевъ. Впрочемъ, статистическіе отвѣты о законности или незаконности рожденія, вообще, не представляютъ особыхъ затрудненій.

7. *Званіе (состояніе, сословіе).*

При всей кажущейся простотѣ этого вопроса, не легко правильно отмѣтить званіе судившагося: дворяне и граждане бываютъ потомственные и личные, а нѣкоторые имѣютъ «чинъ»; мѣщанинъ можетъ быть записанъ въ цехъ или нѣтъ; дѣти церковно служителей пользуются правами почетнаго гражданства, а сами церковнослужители—отцы не пользуются этими правами. Многіе подсудимые, по невѣжеству, не въ состояніи удовлетворительно отвѣчать на вопросы этого рода. А такъ какъ и примѣненіе уголовнаго закона нерѣдко зависитъ отъ тѣхъ «правъ состоянія», которыми пользуется обвиняемый, то судебные слѣдователи должны бы прилагать къ дѣлу документальныя свѣдѣнія о правахъ состоянія лицъ, привлекаемыхъ къ слѣдствію. Иногда и мѣра пресѣченія по 416 статьѣ уст. угол. суд. находится въ прямой зависимости отъ тѣхъ «правъ состоянія», которыми обладаетъ обвиняемый, напримѣръ: судебный слѣдователь вправѣ посадить въ тюрьму дворянина за кражу безъ взлома и другихъ особо увеличивающихъ вину обстоятельствъ, ибо дворянину за

это преступленіе 1656 статья улож. о нак. угрожаетъ заключеніемъ въ тюрьму съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ,—тогда какъ имѣющій осѣдлость мѣщанинъ, за таковую же кражу, не можетъ быть заключенъ подъ стражу по 416 и 417 ст. уст. угол. суд., ибо 169 статья устава о нак. угрожаетъ ему только тюремнымъ заключеніемъ безъ лишенія правъ. Дворянинъ, какъ изъятый отъ тѣлеснаго наказанія, не можетъ быть заключенъ подъ арестъ при полиціи, а можетъ содержаться подъ арестомъ въ тюрьмѣ, или на военной гауптвахтѣ, или въ собственномъ домѣ. Приложеніе къ дѣлу документальныхъ свѣдѣній о правахъ состоянія часто представляетъ у насъ неблагодарную и даже безполезную работу, ибо наша слѣдственно-полицейская часть стоитъ не высоко,—и добрыя двѣ трети уголовныхъ дѣлъ, даже по привлеченіи обвиняемаго къ слѣдствію, прекращаются по недостаточности уликъ. Да и самый терминъ «сословіе» у насъ весьма споренъ и неясенъ, ибо по IX тому св. зак. подъ нимъ понимаются то извѣстные, главнѣйшіе классы населенія (дворянство, духовенство, крестьяне и т. д.), то нѣкоторыя лишь группы (городскіе рабочіе, почетные инородцы, калмыцкіе нойоны, зайсанги и т. д.).

8. *Народность и племя.*

И на эти вопросы отвѣтить не легко, благодаря тому, что судьи, начинивши въ гимназіи свои головы греческими и латинскими вокабулами и имѣя нѣкоторыя познанія въ древнегреческой этнографіи, часто не знаютъ основательно даже русской этнографіи и не умѣютъ отличить башкира отъ калмыка, лопаря отъ эстонца, черемиса отъ мещеряка или мордвина. Въ статистическомъ листкѣ нѣтъ даже вопроса объ иностранцахъ, какъ будто пребывающіе въ Россіи иностранцы никогда не совершаютъ преступленій и не судятся по русскимъ законамъ. Между тѣмъ въ статистическій листокъ слѣдовало бы включить и такой вопросъ: русскій ли подданный или иностранный?—Положимъ, что преступленіе совершено полякомъ изъ австрійской Галиціи: пришлось бы такъ и отвѣтить въ видахъ соблюденія точности. А еслибъ преступленіе было совершено полякомъ изъ гор. Радома, то въ статистическомъ листкѣ на вопросъ о народности и племени слѣдовало бы отвѣтить: русскій, полякъ. Русскій—потому, что, и при своей польской національности, онъ, все-таки,—русскій подданный, а полякъ—для означенія его національности. Но такой способъ отмѣтокъ, при отсутствіи вопроса о подданствѣ, будетъ уже двусмысленный. Между тѣмъ отвѣтъ былъ бы совершенно ясенъ и точенъ въ такой формѣ: русскій подданный, полякъ. А для того, чтобы отвѣтить такъ, слѣдовало бы ставить и вопросъ въ соотвѣтствующей формѣ—съ упоминаніемъ о подданствѣ.

9. *Религія.*

Вопросъ о религіи судившагося лица—весьма важный и интересный статистическій вопросъ. Не говоря уже о томъ, что религіозныя воззрѣнія часто захватываютъ всю нравственную сущность человѣка и не могутъ не вліять на совершеніе тѣхъ или другихъ преступленій (на что

и должны быть отвѣты въ судебно-уголовной статистикѣ),—нашему правительству необходимо имѣть не гадательныя, а вѣрныя свѣдѣнія о томъ: принадлежность къ какой именно сектѣ вліяетъ на совершеніе извѣстнаго рода преступленій, хотя бы въ видахъ правильной оцѣнки пропагандирующей дѣятельности и соціальнаго значенія той или другой секты, выражающей подчасъ религіозно-политическія воззрѣнія извѣстныхъ группъ или общинъ въ государствѣ. Тогда статистическія цифры подтвердятъ или опровергнутъ многіе ходячіе въ обществѣ выводы гораздо вѣрнѣе, чѣмъ голословныя разсужденія иныхъ нашихъ публицистовъ.

10. *Какое получилъ образованіе или вообще знаетъ ли грамотѣ.*

Вмѣсто этого, не совсѣмъ-то грамотнаго, вопроса слѣдовало бы спрашивать: грамотный ли и въ какомъ училищѣ окончилъ курсъ (въ низшемъ, среднемъ или высшемъ). Если подсудимый — грамотный, понимая подъ этимъ не только умѣнье читать печатное, но и писать, то затѣмъ оставалось бы отвѣтить: въ низшемъ, среднемъ, высшемъ, смотря по разряду училища и какъ это означается въ нашихъ «статистическихъ сводахъ»,—или же на вопросъ: какое получилъ образованіе?—низшее, среднее, высшее, домашнее, уволился изъ 4-го класса, исключенъ изъ 5-го класса гимназіи, и т. д.

11. *Семейныя отношенія (женатъ, вдовъ, живетъ въ разводѣ, имѣетъ дѣтей и сколько; если малолѣтній, то живетъ ли при родителяхъ, сирота, подкидышъ и т. д.).*

Отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно; но только, чтобы не получить комическаго отвѣта, слѣдовало бы спрашивать не о семейныхъ отношеніяхъ, которыя могутъ быть: фальшивыя, добрыя, дурныя, и т. д., а о *семейномъ положеніи* или каково положеніе судившагося въ семейномъ отношеніи?

15. *Занятіе или ремесло.*

И этотъ вопросъ самъ по себѣ не затруднителенъ для отвѣта; но затрудненія могутъ возникнуть, когда у судившагося нѣсколько «занятій», изъ которыхъ ни одно не преобладаетъ: тогда пришлось бы отмѣтить всѣ эти занятія. Если же одно занятіе преобладаетъ и является какъ бы главнымъ, основнымъ и спеціальнымъ занятіемъ, въ смыслѣ пріобрѣтенія средствъ къ пропитанію, то, казалось бы, что слѣдуетъ отмѣтить только это главное занятіе.

13. *Степень имущественнаго обезпеченія.*

Вопросъ крайне неточный: что понимать подъ степенью обезпеченія?—Отвѣчая такъ: богатъ, бѣденъ, нищъ и т. д., пришлось бы прилагать крайне неопредѣленный, произвольный и чисто-субъективный масштабъ для опредѣленія степени обезпеченности. А потому, и вводя объективный масштабъ, слѣдовало бы спрашивать: есть ли недвижимое имѣніе, капиталъ, свой домъ, хозяйство, и проч.? Если у судившагося, кромѣ носильнаго платья и своихъ рабочихъ рукъ, нѣтъ другаго имущества, другихъ средствъ къ пропитанію, то пришлось бы отвѣтить такъ: нѣтъ или не

имѣетъ. Но и болѣе точное означеніе степени имущественнаго обезпеченія такими словами, какъ домъ и капиталъ, недостаточно, ибо «домъ» захолустнаго крестьянина, стоящій гораздо дешевле, чѣмъ иная шляпка столичной кокотки, не можетъ быть приравниваемъ къ дому какого-нибудь милліонщика на Невскомъ проспектѣ, а если у меня есть нѣсколько коп., или даже рублей въ карманѣ или въ кредитномъ учрежденіи, то это не означаетъ еще, что я капиталистъ. При громадной разницѣ въ общественномъ положеніи собственниковъ, изъ которыхъ одинъ является обладателемъ дворца, нигдѣ не заложеннаго, а другой имѣетъ душевой земельный надѣлъ, застрахованную отъ огня избу, корову и лошадь,— оба они, но каждый, по своему и по понятіямъ той среды, къ которой они принадлежатъ, могутъ считать себя обезпеченными, — и тогда въ статистическомъ смыслѣ пришлось бы показать ихъ одинаково состоятельными въ имущественномъ отношеніи.

14. *Особыя примѣты (глухъ, слѣпъ, нѣмъ).*

Почему въ отношеніи физическихъ недостатковъ уголовная статистика можетъ интересоваться только глухотою, слѣпотою и нѣмотою судившихся лицъ — неизвѣстно. Между тѣмъ и такой, напримѣръ, недостатокъ, какъ хромота, имѣетъ, не менѣе важное значеніе. Въ общежитіи подъ особыми примѣтами принято понимать: родинки на тѣлѣ, косолапость, косоглазіе, провалившійся носъ, отрубленный палецъ, кривой глазъ, бѣльмо на такомъ-то глазу, и т. д.; а глухота, слѣпота и нѣмота—это только важные физическіе недостатки. Поэтому правильнѣе было бы спрашивать: есть ли важные физическіе недостатки? — тѣмъ болѣе, что «примѣты», въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, сами по себѣ не имѣютъ ни малѣйшаго статистическаго значенія. Возьмемъ, напримѣръ, обыкновенныя примѣты, прописываемыя въ нашихъ паспортахъ: сѣрые глаза, носъ умѣренный, роста средняго, и т. д. Если судившійся субъектъ не глухъ, не слѣпъ и не нѣмъ, то на статистическій вопросъ объ особыхъ примѣтахъ пришлось бы отвѣтить: нѣтъ, или не имѣетъ, хотя бы у него и была такая характерная примѣта, какъ провалившійся носъ или одна нога короче другой. Между тѣмъ, на случай возможности обнаруженія перемѣны лицомъ осужденнымъ за важное преступленіе своего имени, при побѣгахъ изъ Сибири, очень важно было бы своевременно, при рѣшеніи дѣла, отмѣчать въ статистическомъ листкѣ и всѣ характерныя особыя примѣты. Положимъ, что убѣжавшій съ острова Сахалина каторжникъ, по задержаніи, будетъ выдавать себя за бродягу Ивана Петрова, котораго судили въ такомъ-то судѣ тогда-то. Для провѣрки этого показанія пришлось бы взять изъ архива дѣло о бродягѣ Иванѣ Петровѣ, и тогда, заглянувъ въ протоколъ допроса или освидѣтельствованія Петрова судебнымъ слѣдователемъ или истребовавъ изъ статистическаго отдѣленія листокъ, или копію листка, оказалось бы, что именующійся Иваномъ Петровымъ — вовсе не Петровъ, ибо у Петрова значится, какъ особая примѣта, провалившійся носъ, тогда какъ у нашего бѣглеца носъ въ

порядкѣ. Вотъ почему и слѣдовало бы заносить въ статистическій листокъ всѣ характерныя примѣты.

15. *Преступленіе, въ которомъ обвинялся (ст. закона).*

По причинѣ крайней неудовлетворительности нашего уложенія о наказаніяхъ, часто нѣтъ никакой возможности однимъ или двумя словами выразить сущность преступленія, такъ напримѣръ: не угодно ли кратко выразить сущность преступленія, предусмотрѣннаго 1480 ст.! Пришлось бы отвѣчать: нанесеніе въ запальчивости болѣе или менѣе (?) тяжкаго увѣчья не случайно, а съ знаніемъ (?) послѣдствій своего дѣянія. — Если въ статистическомъ листкѣ отмѣчено, что этотъ листокъ посылается, напримѣръ, по дѣлу о кражѣ у крестьянина Андрея Сидорова, то для отвѣта на вопросъ о преступленіи достаточно было бы только означить статью карательнаго закона. Но если преступленій много,—напримѣръ, нѣсколько кражъ у разныхъ лицъ и въ разное время, грабежъ и убійство,—то пришлось бы отмѣтить статьи уголовнаго закона такъ: 1) 3 ч. 1655; 2) 3 ч. 1655 и 1659[1]; 3) 1 ч. 1647; 4) 1642; 5) 4 п. 1453 ст. уложенія. Только при такомъ начертаніи и будетъ правиленъ отвѣтъ на вопросъ о преступленіи (слѣдовало бы выразиться: о преступленіяхъ), — и тогда будетъ ясно, что судившееся лицо обвинялось въ трехъ различныхъ кражахъ, въ одномъ грабежѣ и въ одномъ убійствѣ. Особые признаки, квалифицирующіе преступленіе,—напримѣръ: взломъ при кражѣ, а по другому обвиненію—кража изъ запертаго жилаго помѣщенія,—не имѣютъ важнаго статистическаго значенія, но всетаки могутъ быть сосчитаны по проставленнымъ статьямъ закона, не прибѣгая къ пространнымъ описаніямъ въ статистическихъ листкахъ.

16. *Преступленіе, за которое осужденъ (ст. закона).*

И по этому вопросу нѣтъ цѣли, да и нѣтъ возможности, прописывать названіе преступленія, а пришлось бы только означать примѣненныя судомъ статьи карательнаго закона; но, опять-таки,—не всѣ тѣ статьи, которыми испещрены приговоры суда, а только главнѣйшія, указывающія на юридическую сущность преступленія. Положимъ, что судившійся обвиненъ только въ первой кражѣ (въ остальныхъ двухъ оправданъ), въ грабежѣ безъ насилія (въ грабежѣ *второго рода*, какъ выражаются почему-то составители статистическаго свода, хотя наше уложеніе о наказаніяхъ не знаетъ такого подраздѣленія) и въ убійствѣ. Тогда пришлось бы отмѣтить такъ: 1) 3 ч. 1655; 2) 1643; 3) 4 п. 1453 и 2 п. 152 ст. уложенія. Изъ этихъ отмѣтокъ будетъ видно, что осужденный, по совокупности преступленій, подлежитъ ссылкѣ въ каторжныя работы; а такъ какъ ссылка въ каторжныя работы неизбѣжно сопровождается послѣдствіями по 25 ст. уложенія,—о чемъ и должно быть сказано въ приговорѣ,—то въ статистическомъ листкѣ уже нѣтъ надобности отмѣчать еще и 25 статью уложенія.

17. *Цѣль и мотивы преступленій.*

Сколько нибудь правильно, однимъ или двумя словами, отвѣтить на

этотъ вопросъ бываетъ очень трудно, почти невозможно. Положимъ, что подсудимый обвиненъ въ нанесеніи, въ запальчивости, тяжкихъ ранъ (1 ч. 1483 ст. уложенія). Отмѣтить: въ запальчивости — было бы излишне, ибо запальчивость есть существенный признакъ 1483 ст. уложенія,—и достаточно только увидѣть эту проставленную въ статистическомъ листкѣ статью, чтобы сообразить, что раны нанесены въ запальчивости. Въ большинствѣ же случаевъ, какъ мотивы, здѣсь имѣютъ мѣсто: и пьянство, и невѣжество,—наши обычные факторы и стимулы преступленія. Положимъ, что раны нанесены въ запальчивости или раздраженіи вслѣдствіе ссоры изъ-за огорода. Расписывать все это, какъ мотивы преступленія, невозможно; а между тѣмъ слово «ссора» само по себѣ почти ничего пояснительнаго не выражаетъ, какъ скоро обвиненіе поставлено по 1483 статьѣ уложенія. Какую же «цѣль» преслѣдовалъ подсудимый, нанося въ запальчивости тяжкія раны своему сосѣду, съ которымъ онъ поссорился изъ за огородной межи?—Цѣль «побить»; но, и по разъясненіямъ кассаціоннаго сената, нельзя, въ состояніи вмѣняемости, наносить кому либо побои безъ цѣли или безъ желанія побить, причинить физическую боль. Извольте, такимъ образомъ, правильно отвѣтить на вопросъ о цѣли преступленія!... Слово «цѣль» слѣдовало бы совсѣмъ выбросить изъ 17-го вопроса и оставить только вопросъ о мотивахъ къ совершенію преступленія. И въ самомъ дѣлѣ, при поджогѣ цѣль поджога — сжечь имущество; при убійствѣ цѣль убійства—убить, лишить жизни. Все это само по себѣ очевидно, но и затруднительно для отвѣта,—тогда какъ для статистики важны только мотивы преступленія: сколько, напримѣръ, поджоговъ дѣлается изъ мести, по найму или ради озорства, въ пьянствѣ, для полученія страховой преміи и т. д. При нанесеніи же ранъ въ запальчивости,—для уголовной статистики можетъ быть интересенъ не самый фактъ ссоры (безъ которой и не могло бы быть совершено преступленіе этого рода), а то, напримѣръ, обстоятельство, что самая-то ссора возникла изъ за межи на огородѣ, изъ за запутанности земельныхъ отношеній, по причинѣ отсутствія топографическихъ плановъ и чрезъ неразмежеваніе дачъ. При обвиненіи незамужней женщины въ сокрытіи тѣла своего мертворожденнаго и незаконнаго ребенка (2 ч. 1460 ст. уложенія), — мотивами этого преступленія, какъ по мнѣнію суда, такъ и въ представленіи и въ объясненіяхъ самой подсудимой, конечно, будутъ стыдъ и страхъ. Но иногда мотивъ преступленія, какъ онъ понимается самимъ судившимся преступникомъ, можетъ и не совпадать съ оффиціальною, правительственною оцѣнкою этого мотива, напримѣръ: распространеніе ереси, которое считается судьями лишь проявленіемъ религіознаго фанатизма на почвѣ невѣжества, изувѣрствомъ, въ глазахъ самого преступника есть только плодъ его религіознаго убѣжденія, богоугодное дѣло; а опредѣленное за него уголовное наказаніе—это только мученичество и страданіе за вѣру, за истину... Но, конечно, оцѣнка мотивовъ преступленія, въ статистическомъ смыслѣ, должна опре-

дѣляться съ точки зрѣнія суда чрезъ примѣненіе къ дѣянію, по возможности, объективной мѣрки, а не съ субъективной точки зрѣнія самого преступника.

18. *Преступленіе совершено (когда, гдѣ, однолично или въ сообществѣ).*

Требуется ли отмѣчать число, мѣсяцъ и годъ совершенія преступленія, или же только время: днемъ, ночью? — Время совершенія преступленія въ хронологическомъ и историческомъ смыслѣ не имѣетъ для статистики ни малѣйшаго значенія,—и хронологическое означеніе его можетъ быть полезно лишь на случай справокъ: сколько времени прошло со дня совершенія преступленія до судебнаго разбирательства и какъ прогрессируетъ число совершаемыхъ преступленій въ извѣстной мѣстности изъ года въ годъ для сравненія статистическихъ цифръ. Если на 18-й вопросъ будетъ отвѣчено: 17-го марта 1889 г., а на 25-й вопросъ будетъ отвѣтъ: 16-го марта 1891 г., то черезъ сопоставленіе этихъ чиселъ можно будетъ заключить, что дѣло дошло до судебнаго разбирательства почти черезъ два года (безъ одного дня) по совершеніи преступленія. Но хронологическія свѣдѣнія этого рода статистическое отдѣленіе деп. мин. юст. легко можетъ почерпнуть и изъ сопоставленія первоначальнаго увѣдомленія о начатіи слѣдствія съ временемъ отсылки купоновъ пришиваемой къ дѣлу вѣдомости лит. Б. тѣми судебными установленіями, чрезъ которыя постепенно переходитъ дѣло. Слѣдовательно, для статистики важно не столько хронологическое означеніе въ листкахъ времени совершенія преступленія, а то—совершено ли преступленіе днемъ или ночью. Тогда наши статистики сообразили бы, что наибольшее число поджоговъ совершается въ ночное время. Заключеніе же о томъ: въ какое время года или въ теченіе какихъ мѣсяцевъ совершается наибольшее число *такихъ-то* преступленій не трудно вывести изъ отмѣтокъ о времени совершенія преступленій. При этомъ, на основаніи статистическихъ цифръ, можно было бы заключить, что наибольшее число дракъ, увѣчій и ранъ въ сельскомъ быту, подчасъ и «съ мертвыми тѣлами», бываетъ у насъ во время престольныхъ праздниковъ и всеобщаго пьянства — иногда въ теченіе недѣли, а менѣе трехъ дней крестьяне не празднуютъ.

На вопросъ: гдѣ совершено преступленіе? можно было бы отвѣтить либо въ географическомъ смыслѣ, напримѣръ: въ селѣ Черкасскомъ, Керенскаго уѣзда, или же въ топографическомъ смыслѣ: въ полѣ, въ лѣсу, въ винной лавкѣ, въ избѣ, въ церкви, на дорогѣ, на улицѣ села, на городской площади и т. д. Казалось бы, для уголовной статистики болѣе интересны свѣдѣнія топографическія, которыя только и можно было бы извлечь и изъ первоначальныхъ увѣдомленій о начатіи дѣла и купоновъ вѣдомости о производствѣ дѣла. Тогда статистики вывели бы заключеніе, что грабежъ, напримѣръ, чаще совершается въ селѣ, чѣмъ въ городѣ,—на дорогѣ, чѣмъ на улицѣ и т. д.

Что понимать въ статистическомъ отношеніи подъ сообществомъ при

совершеніи преступленія? — *Сообщество ли* въ смыслѣ 13 ст. уложенія, различающей *сговорившихся* между собою зачинщиковъ, сообщниковъ въ прямомъ смыслѣ этого термина, подговорщиковъ, или подстрекателей, и пособниковъ,—или же въ смыслѣ *участія* въ преступленіи, совершонномъ двумя или нѣсколькими лицами *безъ предварительнаго соглашія* (ст. 12 уложенія, когда бываютъ главные виновные, — одинъ или нѣсколько,—и участники). Куда, затѣмъ, отнести лицъ «прикосновенныхъ къ дѣлу и къ совершенному преступленію: попустителей, укрывателей и недоносителей (ст. 14 и 15 улож.)?—Казалось бы, для уголовной статистики было бы важно знать лишь то: совершено ли преступленіе однимъ лицомъ или болѣе чѣмъ однимъ (двумя или нѣсколькими), ибо объ уголовной роли каждаго судившагося статистикъ, знающій наше уложеніе о наказаніяхъ, могъ бы заключить по тѣмъ статьямъ, которыя проставлены въ статистическомъ листкѣ въ отвѣтахъ на 15 и 16-й вопросы. Если въ отвѣтѣ на 16-й вопросъ означено: 14 и 1643 ст., то статистикъ пойметъ, что судившійся приговоренъ: либо за попустительство грабежа безъ насилія, либо за укрывательство этого грабежа. Понять это болѣе точнымъ и опредѣленнымъ способомъ уже нельзя, ибо по 14-й статьѣ уложенія преслѣдуются и попустители, и укрыватели. Если же, при этомъ, на вопросъ о мѣстѣ совершенія преступленія отмѣчено: на проѣзжей дорогѣ, то статистикъ пойметъ, что тотъ же подсудимый обвиненъ въ попустительствѣ или укрывательствѣ (хотя это не одно и тоже) грабежа безъ насилія и угрозъ, совершеннаго другимъ лицомъ на проѣзжей дорогѣ, вслѣдствіе чего судъ и возвысилъ главному виновному наказаніе одною степенью (какъ это и должно быть видно изъ статистическаго листка о другомъ, главномъ подсудимомъ). Нѣкоторыя преступленія, какъ, напримѣръ, противозаконное сожитіе (994 ст. улож.), могутъ быть совершены не иначе, какъ совмѣстно, въ сообществѣ, но очевидно не въ томъ смыслѣ, какъ понимается сообщество въ 13 ст. улож., ибо нельзя себѣ даже и представить, чтобы могли быть зачинщики, сообщники, подстрекатели и пособники такого преступленія. Подстрекатели на развратную жизнь (противозаконное сожительство) могли бы быть преслѣдуемы развѣ лишь за сводничество (ст. 993, 998—1000 уложенія о наказаніяхъ). Однолично же таковыя преступленія считаются совершенными лишь въ томъ смыслѣ, что для состава преступленія предусмотреннаго 994 ст. уложенія о наказаніяхъ не можетъ быть такихъ условій, чтобы женщина находилась въ одновременномъ сожительствѣ съ двумя мужчинами, вслѣдствіе чего и родила бы отъ нихъ обоихъ ребенка. Поэтому, при обвиненіи кого либо по 994 ст. улож., не будетъ неправильною отмѣтка о совершеніи этого преступленія однолично. При обвиненіи въ мужеложствѣ (995 ст. улож.), если пассивный педерастъ разсматривался не какъ соучастникъ, а только какъ жертва активнаго педераста, въ статистическомъ листкѣ также слѣдуетъ означить, что преступленіе совершено однолично, хотя само собою понятно, что такое

преступленіе можетъ быть совершено не иначе, какъ при *фактическомъ* участіи въ немъ пассивнаго педераста. Итакъ, юридическое понятіе объ участіи въ преступленіи не всегда совпадаетъ съ фактическимъ участіемъ; а потому, для опредѣленія наказанія, равно какъ и для отмѣтки въ статистическомъ листкѣ, важно лишь *юридическое* участіе въ преступленіи, которое только и облагается наказаніемъ. Употребленный же въ 18-мъ вопросѣ терминъ: «въ сообществѣ», очевидно, не выдерживаетъ критики и долженъ быть замѣненъ выраженіемъ: при участіи другихъ лицъ, — понимая подъ участіемъ въ преступленіи совершеніе его двумя или болѣе лицами, по предварительному ли согласію или безъ согласія, хотя бы участіе, въ обширномъ смыслѣ этого термина, состояло бы только въ прикосновенности къ преступленію.

19. *Во время слѣдствія и суда содержался ли подъ стражей и сколько времени или какая вообще была принята мѣра пресѣченія.*

Вопросъ этотъ указываетъ на недостаточное знаніе нашего уголовнаго процесса редакторами статистическаго листка. По нѣкоторымъ маловажнымъ дѣламъ предварительное слѣдствіе вовсе не производится (ст. 545, 546 уст. угол. суд.); а потому не можетъ быть и рѣчи о мѣрѣ пресѣченія способовъ уклониться отъ слѣдствія (и суда), опредѣляемой судебнымъ слѣдователемъ на основаніи 416 — 421 ст. уст. угол. суд. Поэтому 19-й вопросъ слѣдовало бы редактировать такъ: Если было произведено предварительное слѣдствіе, то сколько времени содержался до суда подъ стражей или же какая, вообще, была принята мѣра по 416 ст. уст. угол. суд.? — Впрочемъ, иногда окружный судъ и самъ принимаетъ мѣру пресѣченія противъ обвиняемаго по дѣламъ безъ предварительнаго слѣдствія.

20. *Было ли сознаніе подсудимаго на судѣ.*

Слѣдовало бы выразиться: призналъ ли подсудимый себя виновнымъ на судѣ?—Признаніе своей виновности бываетъ полное, чистосердечное, и неполное, когда подсудимый отрицаетъ увеличивающія его вину обстоятельства, или же когда, не отвергая совершеннаго имъ преступнаго факта, онъ даетъ такое объясненіе, при которомъ, если ему повѣрить, утрачивается весь юридическій составъ преступленія, или же являются признаки другаго, въ большинствѣ случаевъ, менѣе тяжкаго преступленія, напримѣръ: признаваясь въ кражѣ, подсудимый объясняетъ, что кража была имъ совершена безъ взлома, изъ необитаемаго помѣщенія, или что сынъ потерпѣвшаго дозволилъ ему придти ночью и насыпать себѣ ржи изъ отцовскаго амбара за штофъ вина или въ уплату долга изъ-за игры въ орлянку; что онъ, подсудимый, виновенъ только въ томъ, что укралъ тулупъ у безчувственно-пьянаго потерпѣвшаго, а не снялъ съ него насильно (сознается въ кражѣ, а не въ грабежѣ), или что получилъ его за долгъ и т. д. При такомъ объясненіи, конечно, слѣдуетъ отмѣтить, что подсудимый не признался, хотя бы онъ и не отвергалъ

приписываемыхъ ему обвиненіемъ фактовъ. Но наша оффиціальная статистика почему-то не касается весьма интереснаго вопроса о томъ: признавалъ ли подсудимый себя виновнымъ при предварительномъ слѣдствіи? Если бы предлагался такой вопросъ (на который легко отвѣтить, заглянувъ въ прочитываемый на судѣ обвинительный актъ или опредѣленіе палаты), то, въ случаѣ отрицанія въ судебномъ засѣданіи своего первоначальнаго признанія, по статистическимъ листкамъ можно было бы прослѣдить деморализующее вліяніе тюрьмы (нашей «академіи преступленій») на признаніе (если обвиняемый, по допросѣ слѣдователемъ, былъ заключенъ подъ стражу), а также и вліяніе подпольныхъ «аблакатовъ», которые, занимаясь строченіемъ прошеній, нерѣдко придумываютъ, за полштофомъ вина, хитросплетенныя, но въ большинствѣ случаевъ совершенно нелѣпыя, объясненія въ оправданіе виновности,—лишь бы «сорвать» что либо и уйти для уловленія другихъ невѣжественныхъ кліентовъ. Кромѣ того, было бы интересно слѣдить по отмѣткамъ въ статистическихъ листкахъ: былъ ли у подсудимаго защитникъ на судѣ и—по назначенію ли отъ суда, или—по добровольному съ нимъ соглашенію («казенный» или «вольный» защитникъ). Тогда по этимъ же отмѣткамъ можно было бы заключить: насколько подсудимые пользуются на судѣ услугами адвокатовъ. Вопросъ о томъ: по какимъ причинамъ, по какимъ мотивамъ, подсудимый вдругъ измѣнилъ свое первоначальное, «запротоколенное» показаніе (которое, однако, безъ его просьбы, не можетъ быть прочтено на судѣ) — чрезвычайно интересный вопросъ. Допустимъ, что подсудимый объясняетъ, что при дознаніи и слѣдствіи онъ сознавался въ преступленіи подъ вліяніемъ угрозъ и побоевъ со стороны полиціи. Если бы такіе факты повторялись часто, то по тѣмъ же статистическимъ листкамъ прокуроръ или даже административное начальство, контролирующее дѣятельность полиціи, могли бы провѣрить: насколько, и дѣйствительно ли, полиція оказывала незаконное давленіе на признаніе подсудимымъ приписываемой ему вины, или же объясненіе подсудимаго объ угрозахъ со стороны полиціи явилось только, какъ плодъ вымысла, изъподъ пера услужливаго и полупьянаго писаки-аблаката. Положимъ, что въ статистическихъ листкахъ нѣтъ возможности прописывать со всѣми подробными объясненіями исторію измѣненнаго на судѣ признанія своей вины; но отвѣты на вопросы о томъ: признавался ли подсудимый при предварительномъ слѣдствіи и имѣлъ ли онъ «казеннаго» или «вольнаго» защитника, могли бы пролить много свѣта на темную, закулисную сторону предварительнаго слѣдствія и тюремной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ было бы доказано цифрами сколь малое число нашихъ подсудимыхъ пользуется защитою на судѣ въ противовѣсъ обвиненію; а это обстоятельство не можетъ не вліять на правосудіе...

21. *По какому пункту 771 ст. состоялся приговоръ.*

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, вообще, не представляетъ затрудненій. Только по дѣламъ сложнымъ, когда объ одномъ и томъ же подсудимомъ

предлагается много вопросовъ, нерѣдко бываетъ, что присяжные или судъ признаютъ подсудимаго виновнымъ въ какомъ либо ничтожномъ преступленіи, оправдывая его по всѣмъ остальнымъ обвиненіямъ въ важныхъ преступленіяхъ. Хотя такой исходъ уголовнаго дѣла можетъ имѣть для подсудимаго значеніе полнаго оправданія, но приговоръ въ статистическомъ смыслѣ долженъ считаться и обвинительнымъ, и оправдательнымъ (смѣшаннымъ),—и тогда придется отмѣтить и 1-й и 3-й пункты 771 ст. уст. угол. суд.,—хотя такой отвѣтъ не будетъ отличаться точностью, ибо изъ него все-таки не видно: по какому же обвиненію подсудимый признанъ виновнымъ,—и объ этомъ можно догадываться развѣ только изъ проставленныхъ въ отвѣтѣ на 16-й вопросъ цифръ статей карательнаго закона, примѣненныхъ судомъ. Но, чтобы легко можно было пользоваться этими цифрами уголовнаго закона, необходимо, чтобы министерскіе статистики хорошо освоились бы съ дебрями уложенія о наказаніяхъ.

Приговоръ можетъ быть постановленъ и съ примѣненіемъ 2-го пункта 771 ст. уст. угол. суд., въ силу котораго осужденный освобождается отъ наказанія по причинѣ уголовной давности (158 ст. улож. и 21 ст. уст. о нак.), манифеста или другой законной причины (ст. 16 уст. угол. суд.). Иногда и въ этихъ случаяхъ требуется дѣлать отмѣтки въ статистическихъ листкахъ,—и тогда уголовные статистики могли бы высчитать: во сколькихъ случаяхъ осужденные были освобождены отъ наказанія въ силу примѣненія законовъ о давности. Въ случаѣ же примиренія сторонъ по дѣламъ частнаго обвиненія, когда уже послѣдовалъ обвинительный приговоръ, но еще не былъ обращенъ къ исполненію, статистическій листокъ почему-то не посылается въ статистическое отдѣленіе,—вѣроятно, по тому соображенію, что такого уголовнаго дѣла, въ виду состоявшагося примиренія или прощенія, какъ будто и не было въ судѣ. Нечего и доказывать, что и въ этомъ случаѣ слѣдовало бы посылать статистическій листокъ, отмѣтивъ въ немъ примѣненіе къ обвинительному приговору 2 п. 771 ст. уст. угол. суд., ибо для статистическаго отдѣленія было бы интересно знать: какіе приговоры (обвинительные или оправдательные) были постановлены судомъ съ участіемъ или безъ участія присяжныхъ засѣдателей и во сколькихъ случаяхъ осужденные были освобождены отъ наказанія за примиреніемъ или прощеніемъ со стороны частнаго обвинителя.

22. *На сколько степеней уменьшено наказаніе вслѣдствіе признанія заслуживающимъ снисхожденія.*

Не говоря уже о томъ, что многія статьи нашего уложенія и весь уставъ о наказаніяхъ не допускаютъ уменьшенія наказанія по степенямъ,—судъ не всегда бываетъ свободенъ въ избраніи того или другаго наказанія даже при снисходительномъ отношеніи къ осужденному, а иногда же смягчаетъ наказаніе только въ мѣрѣ—въ рамкахъ, очерченныхъ закономъ. Окружный судъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей на поставляемый имъ

на свое разрѣшеніе вопросъ о наказаніи не даетъ отвѣта: на сколько степеней онъ уменьшаетъ наказаніе въ силу 774 ст. устава уголовнаго судопроизводства и при наличности обстоятельствъ уменьшающихъ вину (ст. 134, 135 уложенія о наказаніяхъ). Тоже самое бываетъ и по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, когда окружный судъ, въ силу примѣчанія къ 147 ст. уложенія, опредѣляетъ наказаніе по мировому уставу, хотя бы присяжные и признали подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія (828 ст. устава уголовнаго судопроизводства). Въ послѣднемъ случаѣ окружный судъ смягчаетъ наказаніе не по степенямъ (которыхъ въ мировомъ уставѣ нѣтъ), а только—въ мѣрѣ по 12 статьѣ устава о наказаніяхъ. Слѣдовательно, на предлагаемый въ статистическомъ листкѣ вопросъ о числѣ степеней, на которое уменьшено наказаніе, можно дать отвѣтъ при разбирательствѣ не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Между тѣмъ для статистики не менѣе интересно было бы знать: на сколько же степеней коронные судьи уменьшаютъ наказаніе по дѣламъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей или съ участіемъ, якобы замѣняющихъ присяжныхъ, сословныхъ представителей. Да и въ общей вѣдомости объ оправданныхъ и осужденныхъ по приговорамъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, печатаемой въ «сводѣ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ», имѣется пополняемая свѣдѣніями графа о подсудимыхъ, которымъ уменьшено наказаніе вслѣдствіе признанія вердиктами присяжныхъ *или судомъ* смягчающихъ вину обстоятельствъ. На сколько же степеней уменьшено наказаніе—это, всетаки, видно изъ приговора, хотя почему то, при отсутствіи вопроса, и не заносится въ статистическій листокъ, ибо судъ обязанъ отвѣчать только на предлагаемые ему въ листкѣ вопросы. Можетъ быть, въ иныхъ судахъ и отмѣчаютъ число степеней при пониженіи наказанія по дѣламъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, но это дѣлается ужé добровольно,—не по обязанности. Еслибы предлагался такой вопросъ и по дѣламъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, то тогда, путемъ статистическихъ цифръ, можно было бы сравнить: насколько судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей милостивѣе, снисходительнѣе суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей или съ участіемъ quasi—присяжныхъ, сословныхъ представителей, да и дѣйствительно ли присяжные легче, снисходительнѣе относятся къ «несчастненькимъ» подсудимымъ, чѣмъ коронные судьи. Вопросы этого рода представляютъ тѣмъ большій интересъ, что окружному суду предоставлено право уменьшать наказаніе одною или двумя степенями, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на большее число степеней, даже еслибъ присяжные не дали подсудимому снисхожденія.

23. *Въ случаѣ малолѣтства признанъ ли дѣйствующимъ съ полнымъ разумѣніемъ.*

Такое признаніе не обязательно, въ силу закона, поставляемый судомъ вопросъ можетъ исходить только отъ присяжныхъ засѣдателей, которымъ

предлагается вопросъ: «дѣйствовалъ ли подсудимый съ разумѣніемъ», или: «дѣйствовалъ ли подсудимый съ полнымъ разумѣніемъ» (137 ст. уложенія). Но рѣшеніе вопроса о разумѣніи по дѣламъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей или съ участіемъ сословныхъ представителей можетъ исходить и отъ самого суда, хотя этому суду и незачѣмъ ставить *письменно* этотъ вопросъ на свое разрѣшеніе, ибо для примѣненія наказанія, смотря по возрасту подсудимаго, достаточно было бы включить отвѣтъ о разумѣніи или о полномъ разумѣніи въ резолюцію и въ приговоръ (въ окончательной формѣ). Поэтому 23-й вопросъ слѣдовало бы редактировать такъ: Въ случаѣ малолѣтства, признанъ ли судомъ или присяжными засѣдателями дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ и — съ полнымъ ли разумѣніемъ?

24. *Къ чему обвиняемый приговоренъ.*

Въ «краткомъ объясненіи» напечатано, что слѣдуетъ означать: каторжная работа въ рудникахъ на такой-то срокъ, арестантскія роты и т. д. Соотвѣтственно этому объясненію и въ статистическомъ сводѣ имѣются графы для показанія осужденныхъ въ рудники, въ крѣпости и въ рабочій домъ, хотя нынѣ судъ не присуждаетъ въ несуществующій рабочій домъ, замѣненный тюрьмою. По закону, судъ не вправѣ приговорить въ каторжныя работы въ *рудникахъ* или *крѣпостяхъ*, а можетъ приговорить только въ *каторжныя работы* на столько-то лѣтъ, не означая, гдѣ онѣ должны быть отбываемы: въ рудникахъ ли, на пріискахъ, или въ крѣпостяхъ (распредѣленіе каторжниковъ для работъ—не дѣло суда, а дѣло административныхъ властей). Не вправѣ судъ приговорить кого либо и къ несуществующей по дѣйствующему уложенію отдачѣ въ арестантскія «роты», ибо судъ вправѣ приговорить только къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія (ст. 31 улож. о нак.) и, конечно, съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и съ послѣдствіями по 48 статьѣ улож., то есть съ отдачею подъ надзоръ общества или полиціи. Поэтому «краткое объясненіе» страдаетъ важною неточностью; а также совершенно излишне и требованіе о томъ, чтобы въ статистическихъ листкахъ отмѣчать лишеніе всѣхъ особыхъ правъ и отдачу подъ надзоръ полиціи при осужденіи кого либо въ исправительныя арестантскія отдѣленія. Никого нельзя заключить въ эти отдѣленія, не лишая всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ. Такъ какъ почти всѣ подсудимые принадлежатъ, то-есть приписаны, къ какому либо обществу (сельскому, мѣщанскому и т. д.), то, обыкновенно, въ приговорахъ опредѣляется только отдача подъ надзоръ общества по 48 статьѣ улож. на 4 года, по 49 ст. улож. — на 2 года и по 51 ст. улож.—на годъ, ибо на таковые же сроки можно было бы отдавать подъ надзоръ мѣстной полиціи лишь бродягъ (которые, впрочемъ, по отбытіи годичнаго тюремнаго заключенія или содержанія въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, ссылаются на водвореніе въ Восточную Сибирь) и не приписанныхъ ни къ какому обществу, а потому и нахо-

дящихся какъ бы въ положеніи бродягъ. Для лицъ, знающихъ наше уложеніе о нак., само собою понятно, что, при осужденіи кого либо въ исправительныя арестантскія отдѣленія, осужденный не можетъ быть отданъ подъ надзоръ на срокъ менѣе четырехъ лѣтъ; при осужденіи въ тюрьму съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ — на срокъ менѣе двухъ лѣтъ, а при осужденіи въ тюрьму съ лишеніемъ лишь нѣкоторыхъ правъ—на срокъ менѣе одного года. Зачѣмъ же послѣ этого пестрить статистическіе листки этими излишними свѣдѣніями? И безъ того уже, при опредѣленіи наказанія за безпатентную торговлю, невозможно двумя—тремя словами выразить сущность приговора, тѣмъ болѣе, что при несостоятельности осужденнаго къ уплатѣ денежнаго взысканія, онъ подлежитъ аресту либо при полиціи, либо въ тюрьмѣ, смотря потому — принадлежитъ ли онъ къ привилегированному сословію, или же, независимо отъ принадлежности къ тому или другому сословію, заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ (ст. 84, 56, 57 улож. о нак.). Дѣлать же правильно подобныя отмѣтки очень не легко.

25. *По окончательному приговору какого судебнаго мѣста приговоренъ (и когда).*

Подъ окончательными приговорами въ практикѣ понимаются только приговоры по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей или съ участіемъ сословныхъ представителей, которые обращаются къ исполненію по вступленіи въ законную силу за неподачею кассаціонной жалобы или протеста, или за оставленіемъ ихъ кассаціонною инстанціею безъ послѣдствій. Но судъ постановляетъ приговоры и неокончательные, безъ участія присяжныхъ засѣдателей; а между тѣмъ наша статистика какъ будто не интересуется дѣлами этого рода. Судебная палата, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, обязана замѣнить статистическіе листки окружнаго суда, уже не посылаемые въ статистическое отдѣленіе, своими листками. Тогда статистическая работа окружнаго суда по изготовленію листковъ можетъ пропасть безслѣдно и безполезно, и хорошо еще, если статистическіе листки окружнаго суда будутъ переписаны въ судебной палатѣ; но судъ не обязанъ отсылать своихъ листковъ въ судебную палату съ апелляціонными дѣлами. Неокончательные приговоры могутъ быть обжалованы въ апелляціонномъ, а затѣмъ и въ кассаціонномъ порядкѣ; а отмѣчаемые въ окружныхъ судахъ листки должны все-таки заключать всѣ необходимыя для статистическаго свода свѣдѣнія, ибо такіе приговоры могутъ и не быть обжалованы. Поэтому 25-й вопросъ слѣдовало бы редактировать такъ: когда приговоръ постановленъ и какимъ судебнымъ мѣстомъ? не означая какой онъ: окончательный или неокончательный. Статистическій листокъ долженъ быть посланъ въ статистическое отдѣленіе департамента министерства юстиціи не иначе, какъ послѣ того, когда дѣло прошло уже всѣ судебныя инстанціи (апелляціонную и кассаціонную), или же когда, за истеченіемъ срока на обжалованіе, дѣло не можетъ пройти этихъ инстанцій и, слѣдовательно, приговоръ, хотя

бы самъ по себѣ неокончательный и даже заочный, вступилъ въ законную силу и подлежитъ исполненію. Поэтому для уголовной статистики вполнѣ безразлично: былъ ли приговоръ постановленъ неокончательно и, за необжалованіемъ, вступилъ въ законную силу, или же—окончательно и также вступилъ въ законную силу за оставленіемъ жалобы или протеста кассаціонною инстанціею безъ послѣдствій. О томъ же, какимъ судомъ этотъ приговоръ былъ постановленъ: съ участіемъ ли присяжныхъ (окончательно) или безъ ихъ участія (неокончательно), можно заключить изъ отвѣта на слѣдующій 26-й вопросъ.

26. *При участіи присяжныхъ засѣдателей или безъ присяжныхъ.*

Нынѣ, съ измѣненіемъ подсудности многихъ дѣлъ, рѣшаемыхъ, вмѣсто присяжныхъ, съ участіемъ сословныхъ представителей по закону 7 іюля 1889 г., этотъ вопросъ слѣдовало бы редактировать такъ: съ участіемъ ли присяжныхъ засѣдателей, или сословныхъ представителей, или безъ ихъ участія?

27. *Было ли ходатайство о смягченіи наказанія* (2 п. 945 ст. устава уголовнаго судопроизводства).

Такъ какъ, по силѣ 2 п. 945 ст. устава уголовнаго судопроизводства, судъ вправѣ ходатайствовать предъ Императорскимъ Величествомъ не только о смягченіи наказанія въ размѣрѣ, выходящемъ изъ предѣловъ предоставленной судебнымъ мѣстамъ власти, но и о совершенномъ помилованіи преступника, то означенный вопросъ слѣдовало бы редактировать такъ: ходатайствовалъ ли судъ о смягченіи наказанія, или о совершенномъ помилованіи осужденнаго (а не преступника, ибо невинно-осужденный есть только мнимый преступникъ). Смягченіе наказанія или совершенное помилованіе могутъ исходить только отъ верховной власти; а потому и нѣтъ надобности ссылаться въ статистическомъ листкѣ на 945 ст. устава уголовнаго судопроизводства.

28. *Уважено ли таковое ходатайство и въ какой мѣрѣ.*

Отвѣтъ на этотъ правильно редактированный вопросъ не представляетъ затрудненій.

29. *Въ который разъ приговоренъ къ наказанію: по однородному ли съ настоящимъ преступленію, по различнымъ преступленіямъ.*

Какъ отвѣчать на этотъ неясный, неточный и сложный вопросъ, если нынѣ осужденный прежде никогда не судился; а если и судился и былъ осужденъ, но еще не былъ наказанъ? Отвѣчать было бы не трудно, еслибъ не предстояло надобности отвѣчать и на вопросъ: по однородному ли съ настоящимъ преступленію? Пришлось бы только написать такъ: прежде не судился,—и будетъ ясно, что подсудимый по нынѣ постановленному приговору въ первый разъ подвергается уголовной репрессіи. По нашимъ законамъ важно не число осужденій (въ который разъ осужденъ), а сколько разъ виновный былъ наказанъ. Вотъ почему 29-й вопросъ слѣдовало бы редактировать такъ: былъ ли прежде наказанъ по судебному приговору; если былъ, то сколько разъ и за однородное ли

преступленіе? Положимъ, что подсудимый, приговариваемый къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія за кражу со взломомъ изъ обитаемаго помѣщенія, былъ прежде наказанъ по двумъ приговорамъ мироваго судьи: 1) за кражу по 169, 170 ст. устава о наказаніи и 2) за покупку завѣдомо-краденаго по 180 ст. того же устава. Тогда нѣтъ никакой возможности сколько нибудь правильно отвѣтить на 29-й вопросъ. Если отвѣтить, что приговоренъ во второй разъ, то возникнетъ сомнѣніе: кража со взломомъ изъ обитаемаго помѣщенія есть ли преступленіе однородное съ кражею безъ взлома, за которую тотъ же подсудимый уже былъ однажды наказанъ по приговору мироваго судьи. Казалось бы, что и та, и другая кража однородны, и пришлось бы отвѣтить въ утвердительной формѣ. Затѣмъ, при отрицательномъ отвѣтѣ, считать ли наказаніе за эту кражу со взломомъ наказаніемъ за различныя преступленія, понесеннымъ во второй или въ третій разъ, ибо тотъ же осужденный уже былъ наказанъ два раза: 1) за неоднородную съ нынѣ разобранною на судѣ кражею и 2) за покупку завѣдомо краденаго? Но допустимъ, что всѣ кражи должны считаться за однородныя преступленія, какъ тайное и съ цѣлью присвоенія похищеніе имущества, какова бы ни была ихъ юридическая квалификація и какое бы наказаніе ни понесъ осужденный,— какъ отмѣтить прежнюю судимость за покупку завѣдомо краденаго? Однородности дѣяній въ этомъ послѣднемъ случаѣ, повидимому, уже нѣтъ, ибо эти преступленія совершенно неодинаковы. Въ статистическомъ листкѣ предлагается вопросъ только о прежней судимости за *преступленія*, слѣдовательно за дѣянія, подсудныя общимъ судебнымъ мѣстамъ, ибо «проступки» подлежатъ юрисдикціи мировыхъ судебныхъ установленій. Но и такое заключеніе будетъ не вполнѣ вѣрно, ибо общія судебныя мѣста вѣдаютъ и такіе проступки (если понимать подъ ними преступныя дѣянія, за которыя не полагается ограниченія правъ состоянія), которые изъяты изъ юрисдикціи мировыхъ судей. Если «однородность» преступленія понимать въ широкомъ смыслѣ, то однородными съ кражею будутъ и такія преступленія противъ правъ собственности, какъ мошенничество, грабежъ и разбой, которыя всѣ и помѣщены въ XII-мъ раздѣлѣ уложенія о наказаніи «О преступленіяхъ и проступкахъ противъ собственности частныхъ лицъ». Предлагаемый 29-й вопросъ самъ по себѣ очень важенъ, ибо только при правильномъ отвѣтѣ или, лучше сказать, при правильныхъ *отвѣтахъ на этотъ сложный вопросъ*, можно было бы сдѣлать статистическіе выводы о рецидивѣ; а между тѣмъ правильный отвѣтъ на него только и можно сдѣлать при предложеніи его въ проектированной мною редакціи. Судимость въ волостномъ судѣ, который не считается судомъ въ уголовномъ смыслѣ, а только сельскою расправою, не вліяетъ на установленіе юридическаго понятія о рецидивѣ, а потому и не должна быть отмѣчаема въ статистическомъ листкѣ. Если повтореніе преступленія или проступка послѣ понесеннаго наказанія составляетъ увеличивающее вину обстоятельство и только въ нѣкоторыхъ

случаяхъ можетъ вліять на мѣру наказанія (ст. 131 уложенія и 3 п. 14 ст. устава о наказаніи), то таковую прежнюю судимость можно было бы и не заносить въ «вѣдомости справокъ о судимости», тѣмъ болѣе, что увеличеніе мѣры наказанія въ этомъ случаѣ для суда не обязательно, а по мировому уставу обусловливается неистеченіемъ годичнаго срока по отбытіи наказанія. Точныя свѣдѣнія о судимости, для опредѣленія подсудности и при примѣненіи наказанія за повтореніе, имѣютъ важное значеніе лишь по дѣламъ о кражахъ и мошенничествахъ, да еще въ особо указываемыхъ въ законѣ случаяхъ, когда, въ силу 130 ст. уложенія о наказаніи, судъ *вправѣ* возвысить наказаніе одною или нѣсколькими степенями и даже перейти къ другому наказанію, болѣе строгому. И въ самомъ дѣлѣ: какая надобность заносить въ «вѣдомости справокъ о судимости» (какъ это и понынѣ дѣлается), что такой-то субъектъ былъ осужденъ за прошеніе милостыни, но наказанію не былъ подвергнутъ за истеченіемъ давности (ст. 21 устава о наказаніи), или же, что такой-то А. былъ наказанъ за нанесеніе тяжкой раны, по 1 ч. 1483 ст. уложенія, отдачею въ исправительныя арестантскія отдѣленія на одинъ годъ съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ. Мнѣ возразятъ, что такія справки необходимы хотя бы для того, чтобы вторично не лишить всѣхъ особыхъ правъ, при осужденіи за кражу со взломомъ изъ обитаемаго зданія, того же субъекта А., который за нанесеніе тяжкой раны уже былъ лишенъ всѣхъ особыхъ правъ. Но если бы при постановленіи втораго приговора (о кражѣ) и было ошибочно сказано въ приговорѣ, что А. лишается всѣхъ особыхъ правъ (хотя онъ уже былъ лишенъ ихъ по 1483 ст. уложенія), то бѣды отъ этого никакой бы не вышло, ибо не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что если А. уже былъ лишенъ всѣхъ особыхъ правъ и эти права не были возстановлены Высочайшею властью, то онъ не можетъ считаться пользовавшимся послѣ перваго приговора всѣми особенными правами, хотя бы судъ и приговорилъ его, по ошибкѣ, къ лишенію тѣхъ же правъ.

30. *Въ какихъ отношеніяхъ подсудимый состоитъ къ пострадавшему отъ содѣяннаго преступленія.*

И этотъ вопросъ редактированъ неудачно: подсудимый можетъ быть и оправданъ, а отношенія его къ жертвѣ преступленія остаются тѣ же. Поэтому слово «подсудимый» лучше было бы замѣнить словомъ «судившійся» или «обвиняемый», подъ которое подойдетъ какъ понятіе о подсудимомъ—осужденномъ, такъ и понятіе о подсудимомъ — оправданномъ. А самый вопросъ слѣдовало бы редактировать такъ: совершено ли преступленіе по отношенію къ физическому или юридическому лицу; былъ ли заявленъ гражданскій искъ, и въ какихъ отношеніяхъ судившійся къ лицу потерпѣвшему? Преступленіе можетъ быть совершено и по отношенію къ юридическому лицу, напримѣръ: сборщикъ растратилъ деньги сельскаго общества, порубщикъ совершилъ самовольную порубку въ казенномъ лѣсу и т. д. Потерпѣвшимъ лицомъ можетъ быть при-

знано государство даже и въ томъ, напримѣръ, случаѣ, когда должностное лицо обвиняется въ небрежности по службѣ, когда обвиняемый уклонился отъ воинской повинности и проч. Вопросъ о гражданскомъ искѣ представляетъ тотъ интересъ въ статистическомъ смыслѣ, что гражданскій по уголовному дѣлу истецъ есть участвующее въ дѣлѣ лицо, которое можетъ обжаловать приговоръ и въ апелляціонномъ, и въ кассаціонномъ порядкѣ, — слѣдовательно, можетъ сильно вліять на исходъ уголовнаго процесса. Отношенія обвиняемаго къ потерпѣвшему можно выразить вообще, напримѣръ, такъ: въ отношеніяхъ родства, свойства, сосѣдства и т. д., или же въ частности: свекоръ, деверь, воспитанница и т. д. Конечно, въ статистическомъ листкѣ лучше означать эти отношенія въ частности, ибо если отвѣтъ будетъ таковъ: сноха,—то изъ этого уже можно заключить, что обвиняемая находилась въ отношеніяхъ свойства, а не родства.

31. *Приговоръ обращенъ къ исполненію относительно всего дѣла (когда), лишь сего подсудимаго (когда).*

По поводу этого послѣдняго вопроса не будетъ излишне замѣтить: статистическій листокъ посылается о каждомъ судившемся лицѣ, а не о дѣлѣ, разобранномъ въ судебномъ засѣданіи; а потому и отмѣтка о времени обращенія приговора къ исполненію въ отношеніи лишь *сего* судившагося лица дѣлается только тогда, когда приговоръ по тому же дѣлу уже былъ исполненъ въ отношеніи остальныхъ судившихся лицъ, или когда эти остальныя лица обжаловали приговоръ, который въ отношеніи ихъ еще не исполненъ. Отмѣтка же объ обращеніи приговора къ исполненію относительно *всего* дѣла, а слѣдовательно и въ отношеніи того судившагося, о которомъ посылается статистическій листокъ, дѣлается тогда, когда приговоръ вступилъ въ законную силу относительно всѣхъ судившихся лицъ по одному и тому же дѣлу. Въ случаѣ отсрочки исполненія приговора по причинамъ, исчисленнымъ въ 959 ст. устава уголовнаго судопроизводства, слѣдовало бы отмѣчать объ этомъ и въ статистическомъ листкѣ, ибо иначе, при отсутствіи такихъ отмѣтокъ, можно было бы сдѣлать невѣрное заключеніе о томъ: сколько времени тянулось уголовное дѣло отъ начатія слѣдствія или вообще отъ его возникновенія до совершеннаго его окончанія, когда постановленный приговоръ уже подлежитъ исполненію, хотя и отлагается по законной причинѣ.

Валер. Волжинъ.

БИБЛІОГРАФЯ.

Dr. Arthur Müllberger.—*Studien über Proudhon. Ein Beitrag zum Verständnis der sozialen Reform. Stuttgart.* 1891.

Свои намѣренія и смыслъ всей книги авторъ выясняетъ въ предисловіи слѣдующимъ образомъ: «Предлагаемые «этюды», изъ коихъ нѣкоторые уже появлялись въ печати, имѣютъ цѣлью сдѣлать и въ Германіи доступнымъ всеобщему пониманію Прудона, одного изъ самыхъ оригинальныхъ и глубокихъ французскихъ мыслителей этого вѣка. Если Франція въ настоящее время преодолѣла даже теоретически и государственный соціализмъ, и соціально-политическое доктринерство, то этимъ она больше всего обязана Прудону. Потому-то изученіе его имѣетъ для насъ большой интересъ. Государственный соціализмъ и сверху, и снизу, и справа, и слѣва—овладѣлъ теперь всѣмъ нашимъ внутреннимъ строемъ. Онъ дѣлаетъ невозможной всякую реформу, онъ связываетъ всѣ тѣ силы, отъ освобожденія которыхъ только и можно ждать какого нибудь улучшенія». Два вывода можно сдѣлать изъ приведенныхъ словъ, а именно, что книга Мюллъбергера имѣетъ не историческій только интересъ, но что она ближайшимъ образомъ связана съ современнымъ политическо-экономическимъ строемъ Германіи и направлена къ разрѣшенію нѣкоторыхъ насущныхъ вопросовъ; а во-вторыхъ, что разрѣшать эти вопросы она будетъ тенденціозно, въ сторону, противную государственному соціализму, т. е. въ смыслѣ промышленной свободы и невмѣшательства со стороны правительственной власти. Оба эти предположенія оказываются, однако, невѣрными. Касаясь вопросовъ, такъ или иначе разрѣшенныхъ на практикѣ, а то и совсѣмъ уже сданныхъ въ архивъ, г. Мюллъбергеръ даже не пытается связать ихъ какъ нибудь съ современностью: онъ не проводитъ нигдѣ никакихъ параллелей, не дѣлаетъ сближеній между эпохой, когда писалъ Прудонъ и временемъ, въ которомъ живемъ теперь мы. Чуждаясь современности, авторъ избѣгаетъ также дѣлать вообще какіе бы то ни было выводы, высказывать какія нибудь сужденія: онъ дословно передаетъ, что находится въ сочиненіяхъ Прудона по из-

вѣстному вопросу, и тѣмъ и ограничивается; вотъ почему его книга совершенно свободна отъ всякой тенденціозности... Но чѣмъ же объяснить въ такомъ случаѣ цитированное выше мѣсто изъ предисловія, для чего нужно было это заявленіе, столь несоотвѣтствующее характеру книги? Надо полагать, что какъ предисловіе, такъ и стоящія въ самомъ заглавіи столь же неосновательныя слова (Ein Beitrag zum Verständnis der socialen Reform) понадобились автору въ качествѣ нѣкоторой вывѣски, въ качествѣ рекламы для его книги, которая безъ этого нашла бы себѣ можетъ быть очень немногихъ читателей, потому что значеніе ея, какъ мы увидимъ ниже, весьма условно...

Первый и самый большой «этюдъ» Мюллъбергера касается отношенія Прудона къ вопросу о всеобщемъ избирательномъ правѣ. По этому вопросу Прудонъ, какъ извѣстно, высказывался много разъ и притомъ довольно различно; въ общемъ отношеніе его ко всеобщему голосованію можетъ считаться, если не прямо отрицательнымъ, то во всякомъ случаѣ очень скептическимъ. «Верховная власть безъ знанія, говоритъ онъ, слѣпа». А что представляетъ собою народъ, какъ не темную массу, совершенно не свѣдующую въ вопросахъ политики? Истину открываетъ не толпа, но лучшіе умы,—зачѣмъ же станутъ они отрекаться отъ своихъ правъ на руководительство? Исторія показываетъ намъ, что такое отреченіе имѣло всегда самыя пагубныя послѣдствія и приводило къ изгнанію свободы при помощи и во имя народной массы. Примѣромъ можетъ служить 10-е декабря 1848 г. во Франціи, когда 5 милліоновъ голосовъ изъ $7^1/_2$ провозгласили Бонапарта президентомъ республики; еще лучшій примѣръ—переворотъ 2-го декабря 1851 года, одобренный и освященный тѣмъ же народомъ. «Кто созвалъ учредительное собраніе изъ легитимистовъ, дворянъ, генераловъ и прелатовъ? — всеобщее голосованіе. Кто сдѣлалъ 10 декабря 1848 года?—всеобщее голосованіе. Кто узаконилъ 2-ое декабря?—всеобщее голосованіе. Кто выбиралъ въ законодательныя собранія 1852 года? — всеобщее голосованіе»... «Всеобщее голосованіе, восклицаетъ Прудонъ, это контр-революція...; это политическій атеизмъ въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова!»

Нѣтъ надобности останавливаться на томъ, что ни теоретическія возраженія Прудона, ни его историческія ссылки не выдерживаютъ критики. Укажемъ хоть на то, что ссылки на наполеоновскіе перевороты уже потому не доказательны, что голосованіе производилось вслѣдъ за переворотомъ, уничтожившимъ то, что до тѣхъ поръ почиталось неприкосновеннымъ; какіе иные результаты могло оно дать, если самый переворотъ былъ произведенъ помимо народа? Съ другой стороны, развѣ неизвѣстно, что въ Англіи постоянно рука объ руку съ политическимъ развитіемъ идетъ расширеніе избирательнаго права?

Да и самъ Прудонъ въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ отказывается отъ своихъ первоначальныхъ нападокъ; но это случилось не вдругъ, а подготовлялось постепенно. Въ сущности онъ никогда не былъ безуслов-

нымъ противникомъ всеобщаго избирательнаго права, нападки же его, какъ и все у Прудона, объяснялись крайнимъ раздраженіемъ противъ извѣстныхъ фактовъ. Но даже и тогда, громя ненавистный ему, повидимому, принципъ, онъ иногда дѣлалъ вдругъ такого рода оговорку: «Всеобщее избирательное право только тогда станетъ истиной, когда мы научимся быть соціалистами». Впослѣдствіи такія оговорки все болѣе и болѣе заслоняли собой нападки, и дѣло кончилось тѣмъ, что Прудонъ самъ сталъ рекомендовать избирательное право, хотя и въ нѣсколько исправленномъ, по его мнѣнію, видѣ. Мы не станемъ здѣсь останавливаться на этихъ его, весьма неопредѣленныхъ, положительныхъ взглядахъ и вмѣсто того посмотримъ, какъ относится къ различнымъ мнѣніямъ Прудона самъ г. Мюллъбергеръ. Надо отдать справедливость его необыкновенному объективизму. Сопоставивъ отдѣльныя мѣста изъ сочиненій и переписки Прудона, съ особенной любовью повидимому подобравъ всѣ бранныя тирады и всѣ ругательныя словечки, онъ тѣмъ не менѣе благоразумно воздержался отъ всякаго сужденія съ своей стороны: ни слова критики, ни слова обобщенія! Читатель остается неудовлетвореннымъ, онъ ждалъ не одного только механическаго сопоставленія цитатъ... И кто же скажетъ, что отъ спеціальнаго изслѣдованія онъ не имѣлъ права ожидать большаго?!...

Вторая статья въ книгѣ называется такъ: «Проектъ организаціи и централизаціи торговли». Послѣ всемірной выставки 1855 года Наполеонъ III обратился къ нѣсколькимъ французскимъ ученымъ съ запросомъ, какъ всего лучше въ видахъ общественной пользы распорядиться съ оставшимся отъ выставки помѣщеніемъ, Palais d'Industrie, въ числѣ спрошенныхъ лицъ былъ между прочимъ и Прудонъ, который подалъ по этому случаю особую записку, предлагая устроить постоянную выставку товаровъ подъ наблюденіемъ спеціальнаго промышленнаго общества. Задача того и другаго — централизація всей торговли, устраненіе всякихъ торговыхъ посредниковъ и непосредственный обмѣнъ товаровъ на товары же или на ихъ эквивалентъ, рабочіе часы (т. е. на соотвѣтственныя квитанціи). Неисчислимыя выгоды сулилъ Прудонъ отъ такого нововведенія: уменьшеніе расходовъ на непроизводительный торговый классъ увеличитъ національное богатство, увеличенное національное богатство дастъ заработокъ массѣ рабочихъ, отчего подымется заработная плата, уничтоженіе отдѣльныхъ лавокъ освободитъ въ городѣ много квартиръ и слѣдовательно уменьшитъ плату за помѣщенія, непосредственный обмѣнъ товаровъ улучшитъ ихъ качество и проч., и проч. Проектъ Прудона не обратилъ на себя вниманія тогдашняго правительства и потому его авторъ не имѣлъ случая убѣдиться въ чрезмѣрности своихъ ожиданій. Г. Мюллъбергеромъ вся эта записка со всѣми ея техническими подробностями приводится цѣликомъ и безъ малѣйшихъ комментарій. Почему изъ всѣхъ сочиненій Прудона она показалась особенно заслуживающей перевода, — мы положительно не понимаемъ.

Послѣдній «этюдъ» оказывается изложеніемъ посмертнаго, неоконченнаго труда Прудона: «Césarisme et Christianisme», а за нимъ слѣдуютъ и завершаютъ книгу двѣ коротенькія рецензіи. Взгляды Прудона на возникновеніе и дальнѣйшее развитіе христіанства очень оригинальны; они заслуживаютъ большаго вниманія, но, къ сожалѣнію, совсѣмъ неудобны для передачи... Что же касается рецензій на два нѣмецкихъ сочиненія о Прудонѣ, то, напечатанныя сначала въ газетахъ, онѣ вѣроятно имѣли значеніе въ свое время, но на нашъ взглядъ не заслуживали включенія въ особую книгу.

Какъ видитъ читатель, значеніе-«этюдовъ» Мюлльбергера очень и очень относительно. Но кто не знакомъ съ идеями Прудона и не имѣетъ его сочиненій въ оригиналѣ, тотъ не безъ удовольствія прочтетъ и книгу Мюлльбергера; такъ, напримѣръ, у насъ въ Россіи, гдѣ не всѣ произведенія французскаго мыслителя допущены къ свободному обращенію, она является достаточно пригодной и можетъ послужить къ ознакомленію со многими его взглядами.

Н. В.

Recueil de rapports sur les conditions du travail dans les pays étrangers, adressés au ministre des affaires étrangères.

Подъ такимъ заглавіемъ за 1890–1891 гг. вышелъ рядъ печатныхъ докладовъ, представленныхъ во французскую палату общинъ и обнимающихъ слѣдующія страны: Германію, Австрію, Бельгію, Данію, Испанію, Соединенные Штаты, Великобританію, Италію, Нидерланды, Португалію, Россію, Швецію и Норвегію и Швейцарію.

Интересныя данныя можно найти въ докладѣ объ Англіи, составленномъ французскимъ генеральнымъ консуломъ въ Лондонѣ, и въ докладѣ о Нидерландахъ.

Англійскіе рабочіе представляютъ собой организованный, крѣпко сплоченный классъ. Ни въ одной странѣ Европы рабочіе не обладаютъ такими средствами политическаго и соціальнаго прогресса. Къ такимъ средствамъ относятся прежде всего Friendly Societies, общества взаимопомощи, имѣющія кромѣ того цѣлью и развитіе солидарности въ рабочихъ. Эти общества состоятъ изъ 32,000 группъ, которыя раздѣляются на слѣдующія категоріи: а) большія общества, дѣйствующія по всему королевству и распадающіяся на массу группъ (ordres affiliés). Въ нихъ могутъ поступать рабочіе всѣхъ профессій. Самыя значительныя изъ нихъ: «Odd fellows», считавшее къ 1887 г. 518,007 членовъ съ 3,306 отдѣленіями; доходъ его за 1886 г. равнялся $23^1/_2$ мил. франковъ, а расходъ 19 мил. фр.; другое столь же распространенное общество «foresters», имѣвшее къ 1887 г. 540,167 членовъ въ 3,538 отдѣленіяхъ. Подобныхъ, но меньшихъ размѣрами обществъ еще около 100. Всего въ нихъ $4^1/_2$ милліоновъ членовъ и приблизительно 13 мил. косвенно заинтере-

сованныхъ. Ежегодная помощь, оказываемая ими, превосходитъ 50 мил. фр., а капиталы достигаютъ 500 мил. фр. b) Профессіональныя общества, менѣе распространенныя. c) Провинціальныя общества, имѣющія райономъ своихъ дѣйствій обыкновенно одно графство, рѣдко два. Во всѣхъ провинціальныхъ обществахъ не болѣе 60.000 членовъ. Сюда же можно отнести особый видъ обществъ «Burial societies», страхующихъ извѣстную сумму на погребеніе. d) Чисто мѣстныя общества. Среди послѣднихъ существуютъ и женскія ассоціаціи (около 500).

Всѣ «Friendly societies» развились безъ правительственной поддержки и во многомъ содѣйствовали улучшенію положенія рабочаго класса.

Довольно много мѣста отведено докладчикомъ рабочимъ союзамъ — «Trades Unions». Задачи ихъ въ настоящее время сводятся къ увеличенію заработной платы и уменьшенію рабочаго дня. Почти всѣ Trades Unions соединяютъ съ этими цѣлями и цѣли взаимопомощи на подобіе «Friendly Societies». Фонды помощи рабочимъ, не имѣющимъ работы, совершенно отдѣльны отъ фондовъ, предназначенныхъ на поддержку ихъ во время стачекъ. Эти-то послѣдніе и составляютъ характерическую черту Trades-Unions'овъ. Стачки устанавливаются по общему голосованію всѣхъ членовъ даннаго рабочаго союза. Размѣры недѣльной субсидіи стачечникамъ вообще колеблются между 12 и 31 фр.

Можно замѣтить, что союзы, организованные съ единственной цѣлью покровительства труду, приходятъ въ упадокъ, а тѣ, которые соединяютъ съ покровительствомъ и цѣли взаимопомощи, расширяются съ каждымъ годомъ. Замѣчательный фактъ въ исторіи Trades-Unions—появленіе союзовъ чернорабочихъ, но они клонятся къ упадку. Такъ, «Agricultural labourers Union», имѣвшее въ 1876 г. 50.000 членовъ, въ 1888 г. имѣло ихъ только 4,660; «Kent and Sussex labourers Union» съ 13,300 членовъ въ 1877 г. имѣло 8.500 членовъ въ 1888 г.; «Amalgamated labour league» съ 10,000 членовъ въ 1877 г. теперь не существуетъ.

Третьимъ средствомъ въ рукахъ рабочихъ являются *кооперативныя ассоціаціи*, производительныя и потребительныя. Первыя не получили широкаго развитія. Потребительныя ассоціаціи начали развиваться съ основанія въ 1844 г. общества Рочдэльскихъ піонеровъ. Въ 1840—50 гг. было основано 34 потребительныя ассоціаціи; въ 1850—60 гг.—118. Въ 1860—70 гг. ихъ существовало всего 748; въ 1870—80 гг. 1,183. Къ 1887 г. число ассоціацій достигло 1,516 (въ Англіи 1,170, въ Шотландіи 334, въ Ирландіи — 12). Число членовъ въ этомъ году было 967,824, складочнаго капитала $258^1/_2$ мил. фр., взносовъ 56,339,000 фр. Товара было продано на 862,094,000 фр.; чистаго дохода получено 79,757,700 фр. Каждый членъ получилъ въ концѣ 1887 г., приблизительно 83 фр. дохода. Въ 1890 г. насчитывалось уже 1,621 потребительныхъ ассоціацій съ 1,074,724 членами. Объединеніе дѣятельности этихъ обществъ было создано образованіемъ 1863 г. «The wholesale cooperative society», имѣющее задачей расширеніе размѣровъ оптовой закупки

товара. Общество это имѣетъ пароходство между Англіей и Франціей, фарфоровую фабрику, двѣ мануфактуры обуви, фабрику мыла и 2 каменноугольныхъ копи. Къ 1889 г. въ это общество вошло ассоціацій съ 634,000 членовъ. Продано имъ было товару за 1888 г. на 155 мил. фр. и чистаго дохода получено 2,062,000 фр. Кромѣ того для объединенія потребительныхъ ассоціацій былъ созданъ въ 1869 г. союзъ кооперацій, созывающій ежегодные конгрессы для обсужденія вопросовъ, касающихся развитія ассоціацій.

Четвертое орудіе въ рукахъ рабочихъ—*страхованіе жизни*, учрежденное правительствомъ въ 1864 г. Кромѣ того, существуетъ 14 компаній страхованія извѣстныхъ суммъ рабочимъ при несчастныхъ случаяхъ. Сумма премій съ 37 мил. фр. въ 1878 г. достигла въ этихъ компаніяхъ до 104½ мил. фр. въ 1887 г.; уплочено за несчастные случаи въ 1878 г.—12,700,000 фр., въ 1887 г.—41½ мил. фр.

Пятымъ средствомъ улучшенія положенія рабочаго класса являются *сберегательныя кассы*. Авторъ представляетъ нѣкоторыя данныя о величинѣ ихъ оборотовъ. Къ 20 ноября 1888 г. существовало 382 частныя сберегательныя кассы (Savings-banks), въ которыхъ было 1,160,117,200 фр.; вкладовъ въ теченіи года было вложено на 244,907,675 фр., а вынуто было 297,764,475 фр.; уплочено %—31,418,450 фр. Къ январю 1889 г. въ почтовыхъ сберегательныхъ кассахъ было вкладовъ (не считая суммъ, помѣщенныхъ въ государственную ренту и предназначенныхъ въ фонды страхованія)—1,462,909,850 фр. Кромѣ того, въ сберегательныхъ кассахъ морскихъ и сухопутныхъ военныхъ чиновъ было въ 1881 г. вложено 9,695,500 фр., а въ сберегательныхъ кассахъ желѣзныхъ дорогъ въ 1873 г. считалось вкладовъ на 3,837,800 фр.

Переходя къ обрисовкѣ положенія рабочихъ, авторъ довольно подробно излагаетъ законы о фабричномъ трудѣ женщинъ и дѣтей, объ опасныхъ и нездоровыхъ производствахъ, объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи. Въ главѣ о заработной платѣ авторъ исчисляетъ возвышеніе заработной платы за послѣдніе 30 лѣтъ въ 30%. Возвышеніемъ платы и уменьшеніемъ рабочаго дня рабочіе обязаны почти исключительно рабочимъ союзамъ, дѣйствовавшимъ безъ всякой поддержки правительства.

Сравнивая ростъ заработной платы съ размѣрами потребностей, авторъ полагаетъ, что жизнь рабочаго въ настоящее время обходится ему дешевле, чѣмъ прежде. Хотя жилища и мясо вздорожали, но за то подешевѣли хлѣбъ, чай, сахаръ и другія бакалеи, одежда, мебель и домашняя утварь. Свой обзоръ положенія рабочихъ въ Англіи онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Выгоды, которыми пользуется англійскій рабочій, сводятся къ слѣдующему: высокая заработная плата, менѣе продолжительный рабочій день, чѣмъ у континентальныхъ рабочихъ, ½ дня работы въ субботу; въ каждой отрасли своя крѣпкая ассоціація, защищающая интересы рабочихъ. «Trades Unions» помимо вопросовъ труда и

заработной платы, которыми занимаются спеціально, даютъ выгоды взаимной ассоціаціи. «Friendly societies» предоставляютъ важныя удобства посредствомъ небольшихъ взносовъ. Кооперативныя общества даютъ дешевую пищу, одежду, а многочисленныя учрежденія облегчаютъ сбереженіе».

Книга Кобе является добросовѣстно исполненнымъ, хотя и сжатымъ очеркомъ положенія рабочаго класса въ Англіи. Несмотря на нѣкоторые промахи въ сопоставленіи статистическихъ данныхъ и излишній оптимизмъ при сравненіи стоимости жизни рабочаго въ настоящее и прежнее время, авторъ даетъ много интереснаго цифроваго матеріала и довольно цѣльную характеристику состоянія рабочихъ въ Англіи. Приводимыя статистическія данныя по своей новизнѣ именно и представляютъ особую цѣну для интересующихся рабочимъ вопросомъ.

Совершенно иную картину представляетъ собою положеніе рабочаго класса въ Нидерландахъ, обрисованное полномочнымъ французскимъ министромъ въ Гаагѣ Леграномъ (Louis Legrand).

Вслѣдствіе незначительнаго развитія промышленности рабочіе не выдѣлились въ рѣзко обособленный классъ. Дѣйствительно, по даннымъ частной статистики, число фабрикъ и мастерскихъ, въ которыхъ работаетъ больше 5 рабочихъ, простирается въ Нидерландахъ только до 3,330 съ 136,000 рабочихъ. Учрежденія для содѣйствія благосостоянію и для поднятія соціальнаго положенія рабочихъ сравнительно съ Англіей развиты гораздо менѣе и не имѣютъ такой цѣльной организаціи. Къ такимъ учрежденіямъ принадлежитъ рядъ обществъ, основанныхъ лицами, сочувствующими рабочимъ. Такъ, общество публичнаго блага (Tot nut van t'Algemeen), существующее съ 1784 г., имѣетъ задачей духовное развитіе народа, преимущественно посредствомъ образованія и воспитанія дѣтей и улучшенія жизненной обстановки рабочихъ. Средствами къ этому служатъ школы, сберегательныя кассы, собранія, народныя библіотеки, фонды для помощи бѣднымъ, фонды на погребеніе и др. Тѣ же цѣли преслѣдуютъ «общество покровительства промышленности» (2,600 членовъ), «общество покровительства рабочимъ», протестантское «Patrimonium», католическая ассоціація Св. Іосифа. Въ 1889 г. образовалась «народная христіанская ассоціація», насчитывающая уже до 500 членовъ. На почвѣ христіанства, она стремится къ мирному разрѣшенію соціальнаго вопроса и къ поднятію рабочаго класса. Средствами къ этому служатъ: собранія, конференціи, печать и всякая законная пропаганда. Въ программу общества входитъ: созданіе профессіональныхъ ассоціацій, возстановленіе имѣющихъ практическое значеніе древнихъ корпорацій, установленіе нормальнаго рабочаго дня, покровительство трудящимся и международная регламентація труда. Изъ ассоціацій, основанныхъ самими рабочими, самыя важныя и распространенныя—«соціально-демократическая лига» съ широкими соціалистическими задачами, принимающими даже революціонный оттѣнокъ, и «общая ассоціація нидерландскихъ рабочихъ», преслѣдующая радикальныя реформы, безъ нарушенія закона.

Въ одномъ Роттердамѣ насчитывается 24 рабочихъ ассоціаціи съ разнообразной организаціей взаимопомощи. Многія изъ нихъ имѣютъ политическій характеръ. Статистическихъ данныхъ о величинѣ фондовъ и объ оборотахъ всѣхъ упомянутыхъ обществъ авторъ не приводитъ. Кооперативныхъ ассоціацій было основано въ Нидерландахъ 148, изъ которыхъ 5 распались. Большинство ихъ имѣетъ своей задачей постройку рабочихъ жилищъ. Значительная также часть посвящена оптовой закупкѣ товаровъ, потребляемыхъ рабочими, для продажи въ розницу. Встрѣчаются и производительныя ассоціаціи, напр., ассоціація амстердамскихъ портныхъ, кооперативная типографія въ Leeuwarden (послѣдняя даетъ рабочимъ 20—30% дивидента сверхъ заработной платы). Такія производительныя ассоціаціи считаются, впрочемъ, единицами.

Сберегательныя кассы были введены въ 1817 году «обществомъ публичнаго блага», и число ихъ въ 1876 г. достигло 187. Въ 1881 году государство учредило почтовыя кассы. Въ 1885 году считалось 276 сберегательныхъ кассъ (кромѣ почтовыхъ), которыми было выдано 270,380 книжекъ и былъ собранъ капиталъ въ 49,233,000 флориновъ. Въ почтовыхъ сберегательныхъ кассахъ въ томъ же году было 6,368,000 флориновъ, лежавшихъ по 112,308 книжкамъ. Въ іюнѣ 1889 года книжекъ считалось уже 222,079 съ капиталомъ въ 15,572,472 флориновъ, а въ іюнѣ 1890 года капиталъ достигъ суммы 19,353,027 флориновъ. Въ 329 фабрикахъ было отмѣчено фабричными инспекторами существованіе кассъ помощи, преимущественно на случай болѣзни или несчастій съ рабочими. Число пенсіонныхъ кассъ до сихъ поръ очень незначительно. Съ 1883 года существуетъ «нидерландское общество пенсій для рабочихъ», имѣющее своею цѣлью обезпечить рабочимъ пенсіи при наивыгоднѣйшихъ условіяхъ. Съ 1885 г. оно образовало фондъ страхованія пенсій рабочимъ. Полисовъ съ основанія общества выдано 1,468. Наконецъ, существуетъ около 50 Hulpbanken (народныхъ банковъ съ благотворительнымъ характеромъ), выдающихъ ссуды рабочимъ въ 5—300 флориновъ подъ поручительство двухъ лицъ, по $2^1/_2$% въ годъ. Въ 1885 году ими было выдано 868,000 флориновъ 8,208 рабочимъ.

Въ Нидерландахъ существуетъ интересное благотворительное общество, основанное въ 1818 г. съ очень широкими задачами: оно хотѣло устройствомъ земледѣльческихъ колоній и поселеніемъ въ нихъ нищихъ и бродягъ содѣйствовать уничтоженію пролетаріата и бѣдности. Были постепенно основаны 3 колоніи, которыя къ 1827 г. занимали 7,000 гектаровъ съ населеніемъ въ 6,744 чел. Руководители задумывали расширеніемъ своихъ операцій собрать всѣхъ несчастныхъ королевства и разрѣшить соціальный вопросъ. Но дѣйствительность обманула ожиданія: трудъ «подонковъ общества» въ приложеніи къ нетронутой землѣ оказался настолько непроизводителенъ, что общество запуталось въ долгахъ. Въ 1859 г. при помощи правительства была произведена реорга-

низація дѣла. Съузивъ свои слишкомъ широкія и утопическія задачи, общество ограничилось устройствомъ колоній, въ которыхъ селило желающихъ. Въ 1886 г. въ его рукахъ были 4 колоніи въ 2,000 гектаровъ (изъ нихъ 360 гект. лѣса и 400—невоздѣланныхъ) съ населеніемъ въ 1,736 чел. Работающіе раздѣляются на простыхъ рабочихъ, надѣляемыхъ домикомъ съ садомъ и овцой и получающихъ заработную плату (первая испытательная ступень для каждаго поступающаго — ихъ было въ 1886 г. 75 семействъ), и на «свободныхъ фермеровъ» (205 семей), получающихъ участокъ земли въ $2^1/_2$ гект., корову и извѣстное количество продовольствія. Уплата за все это разсрочивается фермерамъ на нѣсколько лѣтъ. Несмотря на такую организацію и теперь общество не сводило бы концовъ съ концами, если бы не существовало пожертвованій и членскихъ взносовъ, простирающихся до 40,000 флор.

Экономическое положеніе рабочаго класса въ Нидерландахъ обрисовано авторомъ лишь въ общихъ чертахъ.

Авторъ дѣлаетъ общій выводъ, что нидерландскіе рабочіе едва сводятъ концы съ концами, и бѣдность есть ихъ обычная доля. Ростъ заработной платы не соотвѣтствуетъ повышенію потребностей и потребленія. Young исчисляетъ среднюю цифру расходовъ рабочаго въ 9 флор. въ недѣлю, а среднюю плату для искуснаго рабочаго 6 флор. 60 ц., для обыкновеннаго рабочаго 4 флор. 80 ц. Происходящій отъ этого дефицитъ долженъ покрываться или трудомъ жены и дѣтей, или дополнительными часами мужа. Положеніе земледѣльческаго рабочаго бываетъ нѣсколько лучше, когда онъ имѣетъ кусокъ земли или огородъ. Въ особой части труда изложено рабочее законодательство, касающееся отвѣтственности предпринимателей, воскреснаго труда, рабочихъ ассоціацій, покровительства женщинамъ и дѣтямъ и нездоровыхъ производствъ. Свой докладъ онъ заключаетъ описаніемъ возникновенія парламентской коммиссіи съ цѣлью «собрать необходимыя данныя для изслѣдованія соціальнаго положенія рабочихъ, отношенія ихъ къ хозяевамъ и состоянія фабрикъ и мастерскихъ». Коммиссія эта, избранная «въ виду необходимости пополнить соціальное законодательство», состоитъ изъ 13 членовъ, которые раздѣлились на 3 секціи и отправились по странѣ собирать матеріалы, съ тѣмъ, чтобы къ январю нынѣшняго 1892 года окончить свою работу. Эта коммиссія является очень кстати, такъ какъ вообще положеніе рабочаго класса мало изслѣдовано въ Нидерландахъ, что отражается и на представленномъ Леграномъ трудѣ. Занимающій его вопросъ обработанъ далеко не съ такой полнотой и не обставленъ такими подробными статистическими данными, какъ въ докладѣ Кобе. Кромѣ того, авторъ посвятилъ слишкомъ мало вниманія положенію земледѣльческаго рабочаго, тогда какъ именно земледѣліе и скотоводство заслуживаютъ особаго вниманія со стороны изслѣдователя Нидерландовъ.

М. Соболевъ.

David Kohn. *Der Getreideterminhandel. Wesen. Nationalökonomische Bedeutung. Einfluss auf das Getreidegeschäft.* Leipzig. 1891.

Книга Давида Кона (не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстнымъ экономистомъ Густавомъ Кономъ, профессоромъ Гетингенскаго университета), награжденная Будапештской академіей наукъ конкурсной преміей, посвящена вопросу о сдѣлкахъ на срокъ и ихъ экономическомъ значеніи въ хлѣбной торговлѣ. Вопросъ этотъ въ болѣе общемъ видѣ, т. е. о срочныхъ сдѣлкахъ на биржѣ вообще, давно уже служитъ предметомъ живѣйшаго обсужденія и горячихъ споровъ не только въ экономической литературѣ, но и въ заграничной ежедневной прессѣ и даже въ законодательныхъ собраніяхъ. Съ понятіемъ о сдѣлкахъ на срокъ (Zeitgeschäfte), составляющихъ главную форму сдѣлокъ на современныхъ биржахъ, невольно связывается представленіе о биржевой спекуляціи, объ игрѣ на повышеніе или пониженіе или на такъ называемую «разницу» (Differenz), о торговлѣ несуществующими предметами, искусственнаго созданія высокихъ или низкихъ цѣнъ, чрезмѣрномъ обогащеніи однихъ и раззоренiи другихъ,—однимъ словомъ, о всѣхъ тѣхъ неурядицахъ и болѣзненныхъ соціально-экономическихъ явленіяхъ, къ которымъ такъ часто ведетъ «практика» современныхъ западно-европейскихъ биржъ. Всѣ эти неурядицы вызвали въ послѣднее время противъ срочныхъ сдѣлокъ сильную агитацію, особенно въ Германіи, выразившуюся, съ одной стороны, въ массѣ статей и брошюръ, направленныхъ противъ этой формы торговли, а съ другой стороны, въ многочисленныхъ петиціяхъ, поданныхъ въ германскій рейхстагъ, объ ограниченіи и даже окончательномъ запрещеніи этой формы торговли. 16 мая 1889 года петиціи эти послужили предметомъ обсужденія германскаго рейхстага, постановившаго довести ихъ до свѣдѣнія союзныхъ правительствъ для принятія соотвѣтствующихъ законодательныхъ мѣръ. Подобная же, покрытая массой подписей, петиція ходила по рукамъ въ Германіи также лѣтомъ прошлаго года. Наконецъ, осенью настоящаго года, благодаря крахамъ нѣсколькихъ банкирскихъ фирмъ въ Берлинѣ, нѣкоторыми фракціями германскаго рейхстага опять внесено въ послѣдній предложеніе объ установленіи особаго надзора надъ биржей и объ ограниченіи ея дѣятельности, особенно по отношенію къ сдѣлкамъ на срокъ.

Необходимо, однако, замѣтить, что вся эта агитація направлена, главнымъ образомъ, противъ сдѣлокъ на срокъ съ бумажными цѣнностями, дѣйствительно ведущихъ часто къ тѣмъ болѣзненнымъ экономическимъ проявленіямъ, которыя упомянуты выше. Но кромѣ сдѣлокъ на срокъ съ бумажными цѣнностями, въ послѣднее время получили большое распространеніе сдѣлки на срокъ и въ торговлѣ разными другими товарами, особенно въ хлѣбной торговлѣ. Въ этой послѣдней срочныя сдѣлки, обусловливаются самымъ свойствомъ предмета ихъ—хлѣба, урожай котораго зависитъ столь часто отъ случая. При существованіи срочныхъ сдѣлокъ,

возможно болѣе правильное снабженіе рынка хлѣбомъ, такъ какъ спекулянты вынуждены заранѣе предусматривать и, такъ сказать, учитывать всевозможныя случайности будущаго урожая, собирать и взвѣшивать всѣ данныя, указывающія на то, будетъ ли урожай въ данномъ мѣстѣ, или нѣтъ и, соображаясь съ этими данными, заранѣе пополнять ожидаемый недостатокъ въ одномъ мѣстѣ покупкой излишка въ другомъ. Срочныя сдѣлки, такимъ образомъ, могутъ служить интересамъ потребителей, обезпечивая ихъ отъ случайностей будущаго урожая и связаннаго съ нимъ вздорожанія цѣнъ. Выясненію этой службы срочныхъ сдѣлокъ въ общемъ механизмѣ современной хлѣбной торговли и посвящена книга г. Кона.

Но авторъ не ограничивается одной сферой хлѣбной торговли, а идетъ гораздо дальше, распространяя свое оптимистическое воззрѣніе на срочныя сдѣлки и въ примѣненіи ихъ къ торговлѣ всякими другими товарами, а также бумажными цѣнностями. Авторъ вообще является большимъ поклонникомъ современной биржи, которая, по его мнѣнію, служитъ къ полной гармоніи экономическихъ интересовъ. Онъ нисколько не смущается тѣмъ, что такъ называемая конъюнктура, т. е. совпаденіе благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, часто даетъ возможность одному обогащаться на счетъ другаго. Онъ считаетъ это вполнѣ въ порядкѣ вещей, какъ естественное послѣдствіе собственности. Послѣдняя, по его мнѣнію, относится не къ вещи самой по себѣ, а къ ея обнаруженію во внѣшнемъ мірѣ, къ ея полезности, ея цѣнности; цѣнность же есть понятіе относительное, и оно опредѣляется не внутренними качествами вещи, а ея отношеніемъ къ внѣшнимъ условіямъ, какъ, напримѣръ, спросъ и предложеніе и т. д. Поскольку поэтому справедлива собственность, постольку справедливы и всѣ вытекающія изъ нея послѣдствія, постольку справедливо и пользованіе благопріятными условіями конъюнктуры, такъ какъ это пользованіе столь же входитъ въ составъ собственности, какъ и сама матеріальная вещь. Оправдывая, такимъ образомъ, широкое дѣйствіе конъюнктуры въ экономической жизни, авторъ находитъ, что всѣ ламентаціи противъ этого дѣйствія и вообще противъ биржи есть результатъ давно укоренившихся предразсудковъ, которые экономическая наука обязана разсѣять. Экономическая наука, по мнѣнію автора, вообще не должна имѣть ничего общаго съ этикой, а должна считаться только съ реальными факторами экономической жизни. Биржа, будучи естественнымъ продуктомъ экономической жизни, должна остаться неприкосновенной, такъ какъ, по мнѣнію автора, все, что жизнь производитъ, необходимо и должно существовать.

Эти основныя тенденціи проходятъ красной нитью чрезъ все произведеніе г. Кона, доводящаго до крайнихъ предѣловъ ученіе о гармоніи интересовъ и возводящаго чуть ли не въ перлъ созданія биржевую спекуляцію. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ является прямымъ послѣдователемъ извѣстнаго нѣмецкаго экономиста Отто Михаэлиса, который

въ 60-ыхъ годахъ тоже выступилъ въ цѣломъ рядѣ этюдовъ въ защиту биржевой спекуляціи противъ направлявшихся на нее тогда ударовъ (см. его Gesammelte Schriften, т. II, особенно этюдъ: Die wirthschaftliche Kolle des Spekulationhandels). Разница только та, что учитель былъ гораздо талантливѣе и даровитѣе ученика, а потому, въ то время какъ анологія Михаэлиса, какъ она ни ошибочна по существу, невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе глубиной анализа, мѣткостью сравненій и тонкостями самихъ биржевыхъ манипуляцій, описываемыхъ имъ, усилія, дѣлаемыя Кономъ для защиты той же цѣли, производятъ противоположное впечатлѣніе.

Б. Брандтъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Пасынки правосудія. Кто всего болѣе достоинъ состраданія? Кто можетъ вызвать слезы на никогда неплакавшихъ глазахъ и наполнить ужасомъ ни разу не дрогнувшее сердце? Чьи страданія всего громче вопіютъ къ правосудію? Кому всего труднѣе найти въ немъ защиту и возстановить свои попранныя человѣческія права?...

Отвѣтъ на всѣ эти вопросы мы найдемъ въ любомъ изъ тѣхъ ремесленныхъ заведеній, вывѣсками которыхъ облѣплены чуть не всѣ дома нашихъ большихъ городовъ,—центровъ промышленнаго развитія и дѣтскаго горя. Побои, истязанія, развратъ, сверхсильная воспрещаемая закономъ работа, безусловная невозможность пожаловаться, отсутствіе какого бы то ни было надзора за соблюденіемъ закона — вотъ обычная сфера, въ которой объектомъ преступленія является беззащитное дѣтство, и гдѣ гибнетъ подрастающее рабочее поколѣніе страны. Сфера вдоль и поперекъ отравлена преступленіемъ, гнуснѣйшимъ и безчеловѣчнѣйшимъ изъ всѣхъ прочихъ, а правосудіе безсильно не только обнаружить его, *но и покарать тамъ, гдѣ оно уже обнаружено:* благодаря роковой коллизіи *сами потерпѣвшіе* являются первыми врагами правосуднаго рѣшенія и, своими ложными показаніями выгораживая своихъ мучителей, вызываютъ оправдательный приговоръ суда!

Надъ средствами въ борьбѣ съ этимъ безобразнымъ, невѣроятнымъ, казалось бы, зломъ стоитъ намъ, юристамъ, поломать свои головы, потому что оно ломаетъ чужую еле начинающуюся жизнь. Вопросъ, положимъ, трудный въ своей юридической разработкѣ, но развѣ это можетъ послужить какимъ либо основаніемъ къ тому, чтобы не предпринять всего возможнаго въ розысканіи желаемаго отвѣта на *такой* вопросъ? Трудность прежде всего осложняется здѣсь тѣмъ, что о какомъ либо преслѣдованіи за дѣтское лжесвидѣтельство въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи: оно является продуктомъ той «неодолимой силы», которая, устраняя всякую вмѣняемость, свидѣтельствуетъ лишь о всей глубинѣ безъисходнаго положенія, подъ давленіемъ котораго дитя «лжетъ во спа-

сеніе» своего лиходѣя. Слѣдовательно, о возможности пересмотра оправдательнаго приговора, какъ основаннаго на ложномъ показаніи, нечего и думать.

Съ этимъ столь же своеобразнымъ, сколько и опаснымъ тормазомъ правосудія впервые пришлось встрѣтиться практикѣ фабричной инспекціи и Обществу попеченія о неимущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ.

Судебное преслѣдованіе за нарушеніе закона о работѣ малолѣтнихъ, огульно убивающее ихъ силы и здоровье,—нарушеніе, *констатированное надлежаще составленнымъ протоколомъ*, кончается оправданіемъ, благодаря тому, что сами малолѣтніе показаніями своими отвергаютъ это констатированное протоколомъ нарушеніе. Между тѣмъ, каждый, кто хотя отчасти знакомъ съ общимъ характеромъ дѣятельности фабричной инспекціи, знаетъ, что ея протоколы—сама истина. Если этой истинѣ противорѣчатъ устныя показанія тѣхъ именно лицъ, въ защиту которыхъ эти протоколы составлены, то происходитъ это потому, что эти лица поставлены судьбою въ такія анормальныя чудовищныя условія, что *не могутъ* говорить правду даже и въ томъ случаѣ, когда въ ней вся надежда ихъ спастись отъ бѣды. Они очень хорошо знаютъ, эти пасынки правосудія, что, показавъ правду, они лишь ухудшатъ свое и безъ того невыносимое положеніе; за эту правду они жестоко поплатятся: кромѣ порки отъ хозяина, имъ грозитъ таковая же отъ родителей, которые не въ состояніи ни пріютить ихъ у себя, ни нарушить контрактъ, чтобы помѣстить ихъ въ другомъ заведеніи, и потому являются для нихъ безпощадными мстителями за всякое вольное или невольное дѣло, которымъ они могутъ такъ или иначе раздражить хозяина и потерять мѣсто. Имъ остается одно: лгать на судѣ.

Ложь не можетъ обосновывать собою рѣшенія, провозглашаемаго во имя высшей правды, божеской и человѣческой; и если на дѣлѣ это оказывается именно такъ, если получается такой результатъ при всемъ безпристрастіи суда, при его искреннемъ стремленіи раскрыть истину, то причину явленія слѣдуетъ искать въ тѣхъ добросовѣстныхъ (если, впрочемъ, добросовѣстность можетъ обусловливаться незнакомствомъ съ бытовой обстановкой и очень (для новизны дѣла) обширной литературой вопроса) заблужденіяхъ и переживаемыхъ традиціяхъ, которыя до сихъ поръ мѣшаютъ нашему судоговоренію воспользоваться всѣмъ тѣмъ просторомъ въ оцѣнкѣ судебныхъ доказательствъ, который открытъ ему съ обнародованія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года.

Отчего, въ самомъ дѣлѣ, судъ, всегда недовѣрчиво относящійся къ показаніямъ потерпѣвшаго, *когда ими обличается обвиняемый*, всегда полагающійся на эти показанія лишь при подтвержденіи ихъ другими обстоятельствами дѣла, круто порываетъ съ этимъ похвальнымъ обычаемъ, разъ этотъ потерпѣвшій начинаетъ показывать *въ пользу обвиняемаго*? Оправданія въ такихъ случаяхъ неизбѣжны лишь въ дѣлахъ, вчинаемыхъ не иначе, какъ по жалобамъ самого потерпѣвшаго; во всѣхъ

же остальныхъ его показанія сами по себѣ не должны внушать безусловной вѣры и точно также, какъ въ первомъ случаѣ, обличающемъ обвиняемаго, подлежатъ той же строгой и тщательной провѣркѣ и во второмъ, его выгораживающемъ отъ отвѣтственности, въ особенности когда она на половину уже констатирована. Критерій большей или меньшей вѣроятности показанія заключается не въ томъ или иномъ шаблонномъ ярлыкѣ, подъ которымъ допрашиваемое лицо фигурируетъ на судѣ, а въ сущности его показанія. Если предвзятое недовѣріе къ потерпѣвшему, обличающему преступленіе, мотивируется его злобою, местью или стремленіемъ возстановить свои права, то показаніе этого потерпѣвшаго, фактически отрицающее виновность лица, отъ котораго онъ пострадалъ, должно представляться суду уже прямо неправдоподобнымъ до неестественности и потому вызывающимъ самую тщательную провѣрку.

Провѣрка эта въ дѣлахъ того порядка, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, всегда возможна, легко доступна, очень проста и обладаетъ критеріумомъ, на который судъ можетъ смѣло положиться.

Дѣла о нарушеніи уставовъ фабричной и ремесленной промышленности вѣдаются особымъ порядкомъ, установленнымъ въ IV раздѣлѣ III книги уст. угол. суд. Основное отличіе этого особаго порядка отъ порядка общаго, въ какомъ вѣдаются всѣ остальныя уголовныя дѣла, заключается въ томъ, что базисомъ судебнаго преслѣдованія и разбирательства въ первомъ случаѣ является «*протоколъ*», а во второмъ—«*сообщенія*» и «*свѣдѣнія*», представляемыя суду полицейскими и административными властями (ст. 49, 50 и 250 уст. угол. суд.). Первый составляется *при свидѣтеляхъ*, ими подписывается, при чемъ они 1) должны въ своей подписи удостовѣрить, что «обстоятельства, которыхъ они были свидѣтелями, изложены такъ, какъ они дѣйствительно происходили» и 2) могутъ внести въ протоколъ свои «замѣчанія и возраженія» (ст. 1136, п. 6, 1140 и 1141). Никакихъ подобныхъ гарантій «свѣдѣніямъ» и «сообщеніямъ», достаточнымъ для возбужденія дѣлъ общаго порядка, законъ не присваиваетъ. Очевидно, что между этими двумя базисами судебнаго преслѣдованія нѣтъ ничего общаго, а потому судъ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія одинаково—скептически относиться и къ тому и къ другому. Форма и обрядъ составленія такого «протокола» выдвигаютъ этотъ письменный актъ изъ среды всѣхъ прочихъ и, кромѣ того, даютъ суду полную возможность провѣрить его допросомъ подписавшихъ его свидѣтелей, и, если эти свидѣтели подтверждаютъ и его содержаніе и доводы публичнаго обвиненія, то въ глазахъ судьи онъ долженъ получить значеніе такого доказательства, силу котораго не могутъ колебать тѣ или иныя показанія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ потерпѣвшихъ или свидѣтелей обвиняемаго; если же эти показанія опровергаютъ констатированный такимъ порядкомъ фактъ, то, вмѣсто безусловной вѣры, судьѣ надлежитъ войти въ разсмотрѣніе и обсужденіе причинъ подобнаго разнорѣчія, при чемъ ему всегда окажется яснымъ и мотивъ послѣдняго: если

публичный обвинитель, дѣлу не причастный и охраняющій въ силу обязанности своей законъ, и свидѣтели нарушенія этого закона говорятъ, что, зайдя въ извѣстное промышленное заведеніе въ неурочный для работы часъ, застали малолѣтнихъ за работой, и если хозяинъ этого заведенія съ своими малолѣтними рабочими отрицаютъ это обстоятельство, то очевидно потому, что первому надо избавиться отъ взысканія, а вторымъ — сохранить свое мѣсто и спастись отъ сугубаго возмездія, обѣщаннаго имъ какъ хозяиномъ, такъ и родителями, или родственниками. Соображеніе, что нѣтъ жалобы—нѣтъ факта, не можетъ успокоить судейскую совѣсть,—иначе «правый и милостивый судъ» будетъ напоминать собою инспекторскіе смотры былаго времени: «довольны ли всѣмъ, ребята»?—«Точно такъ, ваше пр-ство»!—Не имѣетъ ли кто претензіи?—«Никакъ нѣтъ, ваше пр-ство»!...

На совершенно такихъ же «точно такъ!» и «никакъ нѣтъ!», выкрикиваемыхъ нѣкогда замуштрованными и обсчитанными людьми, основываются эти оправдательные приговоры, вырывающіе изъ рукъ защиты дѣтства послѣднее оружіе въ борьбѣ съ ужасающею, чуть не вдвое превышающею законную норму работою, которая въ безчеловѣчной конкурренціи изъ за дешевизны производства царитъ во всѣхъ нашихъ ремесленныхъ заведеніяхъ и довременно губитъ малолѣтнихъ «учениковъ» даже у тѣхъ мастеровъ, которые, не будь такой конкурренціи, не рѣшились бы на это иродово дѣло и сократили бы число рабочихъ часовъ до законной нормы.

Съ подробностями этого дѣла читатели могутъ ознакомиться изъ исполненной глубокаго общественнаго интереса статьи г. Ядрова во 2-мъ № «Дѣтской Помощи» за текущій годъ: по свидѣтельству автора-очевидца, на самомъ себѣ извѣдавшаго всѣ ужасы нашего ремесленнаго быта, наши мастерскія—не болѣе какъ школы и разсадники мученій, пьянства, разврата и нищенства. Если бы хотя отчасти соблюдался законъ, регулирующій условія этого быта, сколько жертвъ было бы спасено въ этомъ бездонномъ омутѣ! Но, вмѣсто того, мы наблюдаемъ явленіе, опирающееся на дерзкомъ попраніи этого закона, на лжесвидѣтельствѣ, на терроризаціи ребенка,—явленіе, несмотря на все это, гордо и безпрепятственно развивающееся на глазахъ у всѣхъ и въ то время, когда заканчивается третье десятилѣтіе обновленнаго суда, свободнаго въ выборѣ и оцѣнкѣ доказательствъ и для всѣхъ равнаго. Правовое самосознаніе общества и здѣсь не доросло даже до такого скромнаго и доступнаго законодательнаго идеала, каковъ нашъ ремесленный уставъ. И оно понятно: у насъ самосознаніе общества питается только литературой и по ней знакомится съ дѣйствительною жизнію; въ области даннаго вопроса печать сдѣлала свое дѣло: она раскрыла зло, указала его источники и средства борьбы съ нимъ; но много ли людей, заботящихся о чемъ либо, кромѣ собственнаго благополучія и интересующихся серьезнымъ чтеніемъ? Читаютъ воспитанники учебныхъ заведеній, рабочіе, крестьяне, солдаты,

женщины,—тѣ, вообще, кому можно только вздыхать, ужасаться и сочувствовать; а тѣ, которые могли бы сдѣлать нѣчто большее, не имѣютъ о вопросѣ ни малѣйшаго понятія. Отъ этого еще безнадежнѣе представляется весь трагизмъ положенія беззащитнаго дѣтства.

Не менѣе, впрочемъ, трагично положеніе и тѣхъ *30-ти* членовъ «Общества попеченія о нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ», которые одни *изъ 500-ти* получаютъ печатный органъ этого общества «Дѣтскую Помощь», посѣщаютъ общія собранія и такимъ путемъ знакомятся съ дѣломъ, видятъ его необъятные размѣры, его насущную потребность и оттого еще нестерпимѣе ощущаютъ свое безсиліе придти на помощь погибающимъ.

Въ данномъ случаѣ не къ нимъ, а къ болѣе компетентнымъ въ вопросѣ лицамъ обращаемъ мы свое изложеніе; но и на этотъ разъ предъ нами такая же стѣна, пробить которую также мудрено. Ничтожная доля всего нашего судейскаго контингента получаетъ «Юридическій Вѣстникъ»; изъ этой доли столь же ничтожная часть прочитываетъ его, да и то на выдержку, конечно. Какіе же шансы быть услышаннымъ хотя немногими, хотя по такому дѣлу, которое заявляетъ себя массовыми стонами, дѣтскими стонами,—стонами, отъ которыхъ «земля дрожитъ»?... Вотъ въ этомъ-то безвыходномъ положеніи вопроса и коренится та трудность рѣшенія его въ юридической разработкѣ, на которую мы указали въ началѣ настоящаго очерка. Все это невольно приходитъ въ голову и смущаетъ мысль автора всякій разъ, когда ему приходится говорить объ одномъ изъ тѣхъ юридическихъ вопросовъ, разнорѣчій и недоразумѣній, которыя возникаютъ на практикѣ, не могутъ регулироваться путемъ обязательныхъ инструкцій или циркуляровъ, а разъясняются и устраняются свободнымъ обмѣномъ мыслей на страницахъ журнала или въ общихъ совѣщательныхъ собраніяхъ. Но наша юридическая литература бѣдна читателями, а объ общихъ совѣщаніяхъ давно уже и не слыхать... Уясненію принципіальныхъ руководящихъ вопросовъ господствующее мнѣніе предпочитаетъ «дѣло», направляемое къ «общему благу», это «благо» каждый понимаетъ по своему, «дѣло» теряетъ своего интеллектуальнаго руководителя и въ итогѣ получается путаница всяческихъ одно другое уничтожающихъ теченій. Теоретическая подготовка считается лишнею, цѣль «дѣла» вручается рѣшенію собственнаго разума — и это въ ту эпоху, когда онъ такъ быстро, такъ наглядно оскудѣваетъ. «Не нужно ни либерализма, ни консерватизма; нужно дѣло, живое и практическое, направленное къ устраненію безчисленныхъ несовершенствъ русской дѣйствительности»—вотъ фраза, которую теперь всего чаще слышишь и читаешь. Можетъ ли быть дѣло «живымъ и практическимъ», если оно грѣшитъ третьимъ основнымъ свойствомъ своимъ—разумнымъ и цѣлесообразнымъ единеніемъ? Одинъ вѣритъ въ силу просвѣщенія и разводитъ школы, другой предпочитаетъ держать народъ во мракѣ, чтобы удобнѣе эксплоатировать его; третій заботится объ экономическомъ благо-

состояніи народа; четвертому нужно держать его въ кабалѣ, чтобы дешевле обрабатывать свои вотчинныя поля, или разживаться ссудами подъ проценты и т. д. Всякій изъ нихъ будетъ, положимъ, дѣлать «дѣло», устранять несовершенства русской дѣйствительности», кто самоуправствомъ, кто майоратомъ, кто розгою, кто «влажной рукой», кто призывомъ къ общественной самодѣятельности, къ личной нравственности, и т. д., но въ результатѣ получится не «дѣло», а жалкая, безплодная борьба: нельзя, завязавши глаза и заткнувъ уши, бросаться въ битву, вооружившись первымъ попавшимся подъ руку мечемъ.

Подобная, упраздняющая цѣли и направленія безпринципность, гоняющаяся за «устраненіемъ несовершенствъ русской дѣйствительности» и игнорирующая ихъ основныя причины, мертвитъ всякое «дѣло», а судебное—въ особенности. Безъ руководящихъ началъ, безъ идеаловъ, намѣченныхъ судебными уставами, оно быстро вырождается въ ту рутину, въ то равнодушіе, въ ту формальность, на которыя такъ справедливо жалуются въ послѣднее время судебные дѣятели, помнящіе лучшіе дни.

Въ мертвую область такой рутины слѣдуетъ зачислить и разсматриваемое отношеніе судейскаго критерія къ показанію лица, потерпѣвшаго отъ преступленія, характеризуемое предвзятымъ недовѣріемъ, когда лицо это обличаетъ подсудимаго и предвзятою же вѣрою, когда оно его оправдываетъ.

И на этотъ разъ, какъ всегда, судъ общественной совѣсти оказывается несравненно способнѣе въ оцѣнкѣ явленій дѣйствительности, несравнимо ближе къ жизненной правдѣ, нежели судъ коронный, или единоличный. Въ предѣлахъ данной темы, мы можемъ привести два судебныхъ приговора—одинъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, а другой, постановленный мировымъ судьей,—въ которыхъ особенно рѣзко бросается въ глаза различіе въ оцѣнкѣ показаній потерпѣвшихъ малолѣтнихъ, подвергшихся обычнымъ истязаніямъ въ ремесленныхъ мастерскихъ. Обстоятельство дѣла, положеніе потерпѣвшихъ, обстановка событія, поводъ его обнаруженія, все это до изумительности тождественно въ обоихъ случаяхъ, между тѣмъ первый изъ нихъ (съ присяжными засѣдателями) разрѣшился обвиненіемъ, а второй (у мироваго судьи)—оправданіемъ.

Оба дѣла возникли, благодаря заявленіямъ сторонніхъ лицъ—сосѣдей, возмущенныхъ постоянными «раздирающими душу криками» истязуемыхъ ученицъ; ихъ держали по нѣскольку часовъ въ холодномъ чуланѣ, выгоняли на дворъ, сѣкли веревочными жгутами, томили голодомъ, и т. п.; одна изъ несчастныхъ была отправлена въ больницу, гдѣ и умерла отъ чахотки; все это подтвердилось врачебнымъ осмотромъ... И что же?—не смотря на все это, пострадавшія дѣвочки на судѣ показали, что хозяйки ихъ не били, въ чуланъ не запирали и на морозъ не выгоняли; остальныя ученицы хозяйки, ею вызванныя, удостовѣрили, что хозяйка со всѣми ими обращалась хорошо, дѣвочекъ не била, а кричали онѣ часто безъ всякой причины.

Въ обоихъ случаяхъ суду представлялась одна и та же дилемма: кому дать больше вѣры—самимъ пострадавшимъ отъ преступленія или свидѣтелямъ, его обличающимъ? Чтобы рѣшить эту дилемму предстояло: или углубиться въ анализъ мотивовъ данныхъ на судѣ показаній, вскрыть замаскированную правду событія, понять бытовыя условія, тяготѣющія надъ пострадавшими дѣтьми, лишенными духовной свободы—этого первѣйшаго условія правдивости всякаго показанія, или выйти изъ затрудненія при помощи уже готоваго шаблона, основываясь на показаніяхъ самихъ пострадавшихъ («чего же лучше!...»). Послѣднее было, конечно, гораздо легче и удобнѣе, какъ будто даже и «справедливѣе», и лишь въ приговорѣ присяжныхъ оживленная правда осилила шаблонъ; лишь они, представители общественной совѣсти, поняли, что нельзя оправдывать хищника только потому, что онъ замучилъ свою жертву до того, что та перестала кричать.

Но бѣда въ томъ, что изъ безчисленной массы дѣтскихъ истязаній лишь ничтожная доля восходитъ до суда, въ которомъ жизненная правда и общественная совѣсть являются свободными рѣшителями дѣла. Беззащитное положеніе жертвъ, робкая и смутная врачебная экспертиза, растяжимость юридическаго термина «истязаніе», сбитаго съ толку кассаціонными разъясненіями, и т. п. особенности, которыми обставляются обыкновенно дѣла разсматриваемаго порядка, ведутъ къ заключеніямъ объ измѣненіи подсудности, и такимъ образомъ лишаютъ ихъ упомянутыхъ гарантій высшей справедливости. Лишены этихъ гарантій и всѣ остальныя дѣла, въ которыхъ, если и нѣтъ «истязанія», или иной повышающей подсудность квалификаціи, то на лицо безпощадная эксплоатація дѣтской личности, дѣйствующая не кризисами, а изморомъ. И вотъ, почему такъ важно, такъ настоятельно необходимо, чтобы предвзятая теорія о рѣшеніи дѣла въ предѣлахъ жалобы уступила бы мѣсто болѣе жизненному, болѣе глубокому и болѣе истинному отношенію суда къ участи тѣхъ безмолвныхъ страдальцевъ-рабовъ жестокаго рока, которые не могутъ сказать ему правду, должны «глотать свои слезы» и погибать, защищая своихъ мучителей.

П. Н. Обнинскій.

Роль бойкотизма въ рабочемъ движеніи. Въ половинѣ января текущаго года депутатъ германскаго парламента Ауэръ прочиталъ въ Берлинѣ въ собраніи соціалистовъ рефератъ подъ заглавіемъ «Бойкотизмъ и его значеніе для рабочаго движенія». Референтъ сначала сослался на только что сдѣланный передъ тѣмъ докладъ Local-commission. Здѣсь сообщалось, что рабочіе Берлина и предмѣстій имѣютъ теперь въ своемъ распоряженіи значительное число помѣщеній, гдѣ могутъ свободно и безплатно собираться по своимъ дѣламъ. Этимъ успѣхомъ, по словамъ Ауэра, рабочіе обязаны бойкотизму, которымъ они нѣсколько лѣтъ тому

назадъ начали пользоваться, какъ средствомъ въ борьбѣ съ капиталомъ. Этотъ способъ борьбы состоялъ въ томъ, что работники уговаривались между собой совершенно не посѣщать концертовъ, вечеровъ и другихъ общественныхъ увеселеній, устраиваемыхъ въ залахъ тѣхъ хозяевъ, которые не дозволяли имъ собираться въ своихъ помѣщеніяхъ для обсужденія политическихъ и экономическихъ вопросовъ. Въ концѣ-концовъ владѣльцы Local'ей должны были уступить требованіямъ рабочихъ. Подобныя мѣры употреблялись также и противъ пивоваровъ и оканчивались торжествомъ работниковъ. Дѣло доходило иногда до того, что побѣжденная сторона обращалась къ властямъ, прося у нихъ защиты противъ «невыносимаго терроризма» работниковъ.

Успѣхи, достигнутые при помощи бойкотизма, заставляли рабочихъ расширять сферу его примѣненія. Такимъ образомъ, провозглашая стачку, работники очень часто стали разсылать по рабочимъ союзамъ воззванія, приглашающія отказываться отъ покупки товаровъ тѣхъ фирмъ, противъ которыхъ была устроена стачка. Но противъ всеобщаго примѣненія бойкотизма высказались очень авторитетныя голоса въ соціалъ-демократической партіи. Особенно сильно вооружился противъ этого Бебель.

Референтъ, вполнѣ согласившись съ этимъ мнѣніемъ, прибавилъ, что рабочіе, бойкотируя капиталистовъ, лишь подражаютъ примѣру ихъ самихъ. Съ документами въ рукахъ, онъ доказалъ, что въ Германіи первый примѣръ бойкотизма подали сами предприниматели своими отмѣтками на увольнительныхъ свидѣтельствахъ, такъ называемыми «черными списками» и формальнымъ обезчещеньемъ рабочихъ. Съ 1878 г. усвоили этотъ способъ дѣйствій даже казенные заводы, и онъ вошелъ во всеобщее употребленіе. Не смотря на это, лекторъ не совѣтовалъ рабочимъ пользоваться бойкотизмомъ въ широкихъ размѣрахъ: иначе они могутъ возбудить неудовольствіе противъ себя въ тѣхъ слояхъ населенія, въ доброжелательствѣ которыхъ заинтересованы, и кромѣ того вызовутъ опасность злоупотребленій бойкотизмомъ, которыя могутъ дойти до того, что самыя грубыя насилія предпринимателей противъ работниковъ будутъ находить нѣкоторое оправданіе.

Въ заключеніе своей лекціи Ауэръ предложилъ слѣдующую резолюцію, которая и была принята послѣ продолжительныхъ преній громаднымъ большинствомъ голосовъ:

1) Рабочіе должны прибѣгать къ бойкотизму лишь въ особенныхъ случаяхъ и пользоваться имъ въ ограниченныхъ предѣлахъ.

2) Бойкотизмъ никогда не можетъ служить средствомъ политическаго или экономическаго насилія, употребляемаго съ цѣлью наказанія за личныя убѣжденія или принужденія къ лицемѣрію.

3) Но бойкотизмъ законенъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы подавить стремленія противниковъ рабочаго класса, направленныя во вредъ его политическимъ или экономическимъ интересамъ, и въ особенности тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ улучшеніи политическаго и

соціальнаго положенія рабочихъ въ буржуазномъ обществѣ. (Sozial-politisches Centralblatt, 1892 г., № 5).

Всемірный почтовый конгрессъ. Всемірный почтовый конгрессъ былъ открытъ въ Вѣнѣ въ воскресенье 8-го мая 1891 г. Въ немъ участвовали представители всѣхъ державъ, подписавшихъ Бернскій почтовый договоръ 1874 г. или позднѣе къ нему присоединившихся. Русскимъ делегатомъ былъ г. Безакъ. Главными задачами конгресса, по словамъ министра торговли Бакегема, привѣтствовавшаго собраніе отъ имени австро-венгерскаго правительства, было созданіе общаго неизмѣннаго основанія почтоваго союза и образованіе изъ всѣхъ странъ, которыя можно назвать цивилизованными, единой почтовой области. Въ виду этого на конгрессъ были приглашены представители тѣхъ цивилизованныхъ государствъ Австраліи и южной Африки, которыя еще не принадлежали къ всемірному почтовому союзу.

Хотя рѣшенія вѣнскаго конгресса не такъ важны, какъ рѣшенія лиссабонскаго 1885 г. или парижскаго 1878 г.,—но все таки они имѣютъ большое значеніе «для дѣла мира и цивилизаціи» (слова представителя Германіи ст.-секретаря Стефана). Главныя изъ нихъ таковы.

Къ почтовому союзу присоединилась Австралія съ Ново-Зеландіей, Квинслендомъ и Тасманіей. Такимъ образомъ, число членовъ международнаго почтоваго союза, бывшее до 1891 г.—54, еще возросло. Далѣе, пониженъ тарифъ на почтовый переводъ денегъ, на переводные платежи и на цѣнныя письма; увеличена длина посылаемыхъ по почтѣ образцовъ съ 20 сантимовъ до 30 (съ 1-го іюля 1892 г.). Поддѣлка почтовыхъ знаковъ каждаго государства, принадлежащаго къ всемірному почтовому союзу, будетъ отнынѣ во всѣхъ другихъ членахъ послѣдняго преслѣдоваться въ уголовномъ порядкѣ.

Для посылокъ во всѣ страны, не принадлежащія къ всемірному почтовому союзу, принята однообразная такса. Визитныя карточки съ сокращенными подписями (напр. p. f., p.-c., p. p. c. и т. д.) будутъ считаться печатными произведеніями (а не письмами) и франкироваться дешевле послѣднихъ. Допускаются къ международному обращенію неоплаченныя открытыя письма съ оплатою получателемъ.

Для упрощенія взаимныхъ разсчетовъ между членами союза въ Бернѣ учреждается международная ликвидаціонная контора (clearing—house). Разрѣшается пересылка брилліантовъ и драгоцѣнныхъ вещей въ цѣнныхъ письмахъ. Отмѣнена французская двойная система при почтовыхъ переводахъ денегъ и введена исключительно карточная, значительно облегчающая торговые обороты.

Наконецъ удешевлена международная пересылка газетъ.

Остается только пожалѣть, что отвергнуто предложеніе американскихъ делегатовъ о введеніи общаго для всѣхъ странъ образца почтовыхъ марокъ и нѣкоторыя другія предложенія, напр., предложеніе французскихъ

делегатовъ объ обязательномъ употребленіи французскаго языка въ перепискѣ между почтовыми вѣдомствами всѣхъ странъ, входящихъ въ унію. Нѣтъ сомнѣнія, что французскій языкъ имѣетъ гораздо болѣе шансовъ на то, чтобы стать международнымъ языкомъ, чѣмъ какой-либо другой, и что употребленіе одного языка въ международныхъ сношеніяхъ гораздо удобнѣе современнаго многоязычія. Напрасно только къ этому въ сущности простому вопросу примѣшиваютъ различныя соображенія дурно понимаемаго патріотизма и національной гордости.

Какъ бы то ни было и послѣ третьяго конгресса международное почтовое право страдаетъ многими недостатками, напр., недостаточно выработана отвѣтственность почтовыхъ учрежденій за ввѣряемыя имъ письма и посылки (См. Мартенсъ, Межд. пр., т. II, стр. 257.). Надо пожелать, чтобы эти недостатки были устранены въ ближайшемъ будущемъ и, наконецъ, была вполнѣ обезпечена та свобода международныхъ сообщеній, про которую г. Стефанъ сказалъ въ рейхстагѣ: «Отнимите отъ насъ всякую свободу, но оставьте намъ свободу сообщенія, и она возвратитъ намъ всѣ остальныя вольности». Договоръ, выработанный въ Вѣнѣ, ратификованъ уже многими членами почтовой уніи.

П. Казанскій.

Шестая международная санитарная конференція. 23 декабря 1891 г. въ Венеціи открылись засѣданія международной санитарной конференціи. Присутствовало 30 делегатовъ отъ 15 державъ: Великобританіи, Италіи, Франціи, Австро-Венгріи, Испаніи, Египта, Голландіи, Бельгіи, Германіи, Россіи, Португаліи, Турціи, Греціи, Швеціи и Даніи. Предсѣдателемъ былъ избранъ младшій статсъ-секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ Италіи г. Арно. Это по счету уже шестая конференція. Первая была созвана въ Парижѣ въ 1850 г. по иниціативѣ Наполеона III. Въ результатѣ ея трудовъ явилась международная конвенція 1853 г. Она была въ 1859 и 1866 гг. просмотрѣна и вновь подтверждена на конференціи въ Константинополѣ. Затѣмъ слѣдуютъ конференціи въ Вѣнѣ въ 1874 г., въ Вашингтонѣ въ 1881 г., въ Римѣ въ 1885 г. и, наконецъ, послѣдняя, которую мы разсматриваемъ, закрывшаяся 18 января 1892 г. Главная цѣль всѣхъ этихъ конференцій — борьба противъ распространенія въ Европѣ эпидемическихъ болѣзней, зарождающихся на Востокѣ. Въ виду опаснаго положенія Египта на пути изъ Индіи въ Европу, необходимость общихъ санитарныхъ мѣръ была впервые сознана тамъ, именно еще египетскимъ хедивомъ Мегметомъ-Али. Послѣдній образовалъ въ 1831 г. изъ всѣхъ аккредитованныхъ въ Александріи генеральныхъ консуловъ постоянный санитарный совѣтъ, задачей котораго было строгое наблюденіе за приходящими изъ Индіи судами. Онъ взималъ съ послѣднихъ особо установленный сборъ и имѣлъ право принимать по отношенію къ зараженнымъ или подозри-

тельнымъ судамъ извѣстныя предохранительныя мѣры. Совѣтъ этотъ существовалъ въ продолженіе 20 л., подвергаясь всякимъ превратностямъ и мало принося пользы, такъ какъ, не смотря на его существованіе, Европа продолжала подвергаться вторженію азіатскихъ враговъ (холерныя эпидеміи 1832, 1849, 1854 1856, и 1884 гг.). Вслѣдствіе безсилія александрійскаго совѣта въ борьбѣ противъ страшнаго непріятеля явилась мысль о необходимости другихъ международныхъ мѣръ и, какъ ея осуществленіе, международныя конвенціи. Онѣ выработали эти мѣры и опредѣлили органы, которые должны приводить ихъ въ исполненіе. Важнѣйшею изъ этихъ конференцій была римская 1885 г., на которой присутствовалъ извѣстный профессоръ Робертъ Кохъ. Въ общемъ всѣ эти усилія принесли пользу. Эпидемическія заболѣванія въ Европѣ стали рѣже и слабѣе, случаи переноса заразы морскимъ путемъ почти прекратились (а именно лишь въ портахъ существуетъ правильно организованный медико-полицейскій надзоръ), но все-таки положеніе дѣла очень неудовлетворительно, и вина въ этомъ падаетъ главнымъ образомъ на Англію. Послѣдняя стремилась во что бы то ни стало освобождать свои суда отъ обсерваціи въ Суецкомъ каналѣ, а международный санитарный совѣтъ въ Александріи былъ послушнымъ орудіемъ въ ея рукахъ, такъ какъ 9 изъ 15 членовъ, его составляющихъ, были египетскіе чиновники, послушные слуги Англіи.

Настоящая конференція была созвана Австріей послѣ соглашенія, подписаннаго ею съ Англіей въ іюлѣ 1891 г. Главными задачами ея являлись: реформа международнаго санитарнаго совѣта въ Александріи, дополненіе и измѣненіе общихъ мѣръ противъ распространенія эпидемическихъ болѣзней (холеры, чумы, желтой лихорадки и т. д.), а также выработка нѣкоторыхъ правилъ о паломничествѣ въ восточныхъ странахъ и пересмотръ условій транзита черезъ Суэцкій каналъ, выработанныхъ Англіей и Австро-Венгріей въ іюлѣ 1891 г. Всѣ эти мѣры, гарантируя Европу отъ занесенія заразы, должны были въ тоже время не причинить особыхъ затрудненій торговлѣ и мореходству. Занятія конференціи встрѣтили серіезныя препятствія въ разногласіяхъ, царствовавшихъ среди ея членовъ. Одно время ожидали, что она разойдется безрезультатно. Англія и Австрія требовали безпрепятственнаго прохода судовъ черезъ Суэцкій каналъ и полной отмѣны карантиновъ въ Красномъ морѣ. Онѣ предлагали, чтобы каждая нація въ отдѣльности имѣла своего санитарнаго смотрителя, чтобы суда шли безпрепятственно съ Востока и чтобы они изслѣдовались въ медицинскомъ отношеніи лишь по ихъ прибытіи на родину. (Какъ извѣстно въ 1885 г. Англія требовала этого только для своихъ судовъ въ видѣ привиллегіи). Франція, поддерживаемая Германіей, настаивала на устройствѣ въ Суэцѣ санитарнаго бюро, одареннаго широкими правами. Подозрительныя суда долженъ сопровождать въ теченіе 10 сутокъ санитарный коммиссаръ; при заходѣ въ европейскіе порты такія суда выбрасываютъ санитарный флагъ. Другія державы (Гре-

ція, Турція) выступали также со своими предложеніями. Къ счастію всѣ эти затрудненія были преодолѣны, и 18-го января была подписана конвенція, главныя постановленія которой можно формулировать слѣдующимъ образомъ, (австро-англійскій протоколъ относительно карантина для судовъ, проходящихъ черезъ Суэцкій каналъ былъ измѣненъ согласно поправкамъ, представленнымъ французской делегаціей): всѣ суда, на которыхъ окажутся холерные больные или были такіе случаи заболѣванія за недѣлю до ихъ прибытія въ египетскія воды, задерживаются у такъ называемыхъ Моисеевыхъ ключей. Больные и всѣ лица, соприкасавшіяся съ ними, высаживаются на берегъ, сами суда подвергаются дезинфекціи въ теченіе пяти дней, по прошествіи которыхъ пропускаются. Близъ Моисеевскихъ ключей будетъ выстроенъ обширный госпиталь со всѣми приспособленіями противъ заразныхъ болѣзней: паровыми банями, сушильными печами и дезинфекціонными камерами. Для большихъ судовъ (пакетботовъ), имѣющихъ на бортѣ врача и дезинфекціонныя средства, допускаются извѣстныя отступленія, такъ какъ такія суда обыкновенно не заносятъ холеры, даже когда прибываютъ изъ сомнительныхъ азіатскихъ портовъ. Сомнительныя суда, подвергавшіяся предварительно дезинфецированію, будутъ проходить черезъ Суэцкій каналъ лишь на карантинныхъ условіяхъ, т. е. безъ права останавливаться на пути.

Англійскіе делегаты представили только оговорки относительно примѣненія этихъ правилъ къ судамъ, на которыхъ будутъ находиться войска.

Затѣмъ измѣненъ составъ санитарнаго совѣта въ Александріи. Число египетскихъ членовъ понижено съ 9 на 4 съ тѣмъ, чтобы придать этому совѣту дѣйствительно международный характеръ. Далѣе измѣненъ и дополненъ: 1) санитарный уставъ египетскаго совѣта, правила относительно паломничества; достигнуто соглашеніе по вопросу о финансовыхъ источникахъ и т. д. Наконецъ, организована санитарная стража для наблюденія за проходомъ судовъ черезъ Суэцкій каналъ во время карантиновъ. Срокъ для ратификаціи назначенъ шестимѣсячный.

Нѣтъ сомнѣнія, что рѣшенія 6-ой международной конференціи представляютъ значительный шагъ впередъ. Они интересны не только въ виду ихъ практической важности, но и въ теоретическомъ отношеніи: ими болѣе опредѣленно регулируется устройство и дѣятельность одного изъ административныхъ органовъ международнаго союза.

П. Казанскій.

Право уѣздныхъ членовъ окружнаго суда пользоваться каникулярнымъ временемъ. Къ числу недоумѣній, возникающихъ на практикѣ при примѣненіи положенія 12-го іюля 1889 года о преобразованіи крестьянскихъ и судебныхъ учрежденій, принадлежитъ и поставленный въ заголовкѣ настоящей замѣтки вопросъ, на который въ правилахъ объ устройствѣ судебной части нѣтъ категорическаго отвѣта. Во-

просъ этотъ, однако, не праздный и имѣетъ весьма важное значеніе для судебныхъ дѣятелей преобразованныхъ учрежденій. Хотя въ приведенныхъ правилахъ имѣется полнѣйшій пробѣлъ по интересующему насъ вопросу, послѣдствіемъ чего въ разныхъ судахъ онъ разрѣшается различно, но, какъ мы постараемся доказать, вопросъ этотъ до того простъ и не сложенъ, что не можетъ даже и возбуждать сомнѣнія при ближайшемъ анализѣ относящихся сюда законоположеній. Въ самомъ дѣлѣ, должность уѣзднаго члена окружнаго суда впервые создана положеніемъ 12 іюля 1889 года, а именно, въ 26 ст. правилъ объ устройствѣ судебной части опредѣлено, что въ каждомъ уѣздѣ состоитъ уѣздный членъ окружнаго суда, обязанности котораго, — кстати сказать весьма сложныя и разнообразныя и довольно тяжелыя при добросовѣстномъ ихъ исполненіи,—подробно перечислены въ статьяхъ 29—38 правилъ объ устройствѣ судебной части и въ статьяхъ 73, 75, 77 и 93 положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Создавая, такимъ образомъ, новую должность съ опредѣленнымъ кругомъ дѣйствій представителей оной, законъ перечисляетъ лишь обязанности этихъ должностныхъ лицъ, но о служебныхъ правахъ уѣздныхъ членовъ окружнаго суда не упоминаетъ, оставляя полнѣйшій по сему предмету пробѣлъ. Изъ этого обстоятельства уже съ перваго взгляда несомнѣнно вытекаетъ, что законъ присвоилъ уѣзднымъ членамъ окружнаго суда тѣ же права, которыми пользуются вообще члены окружнаго суда, а въ томъ числѣ право пользованія и вакантнымъ временемъ, которое является наиболѣе цѣннымъ для судьи, нервная возбужденность котораго при усиленныхъ занятіяхъ требуетъ отдыха для возстановленія силъ и накопленія энергіи для дальнѣйшей работы. Подобный выводъ подтверждается также и слѣдующими соображеніями. Одновременно съ учрежденіемъ должности уѣзднаго члена окружнаго суда созданъ также новый институтъ городскихъ судей, служебныя права которыхъ подробно перечислены въ статьяхъ 5—9 правилъ объ устройствѣ судебной части. Одно это обстоятельство положительно убѣждаетъ, что законъ не случайно оставилъ въ правилахъ объ устройствѣ судебной части пробѣлъ относительно служебныхъ правъ уѣздныхъ членовъ окружнаго суда, а, сравнивъ ихъ во всемъ съ членами окружныыхъ судовъ, считалъ безполезнымъ повторять въ правилахъ объ устройствѣ судебной части тѣ законоположенія, которыя касаются служебныхъ правъ этихъ должностныхъ лицъ и подробно перечислены въ учрежденіи судебныхъ установленій. Въ противномъ случаѣ, т. е. если бы законодатель имѣлъ въ виду въ чемъ либо ограничить служебныя права уѣздныхъ членовъ окружнаго суда, то не преминулъ бы указать въ правилахъ объ устройствѣ судебной части какія права присвоены представителямъ вновь созданной должности, какъ это категорически выражено относительно городскихъ судей. Приведенныя соображенія, въ связи съ тѣмъ, что уѣздные члены окружнаго суда состоятъ какъ и судьи въ должности 5 класса и исполненіе ихъ должности воз-

лагается, на основаніи 28 ст. правилъ объ устройствѣ судебной части, между прочимъ и на одного изъ членовъ отдѣленій окружнаго суда, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что уѣздные члены окружнаго суда пользуются служебными правами, присвоенными членамъ того же суда, а слѣдовательно, и правомъ на вакантъ, составляющимъ одну изъ важныхъ прерогативъ судейской службы. Въ видѣ возраженія указываютъ на то, что власть уѣзднаго члена окружнаго суда есть единоличная, а потому этимъ должностнымъ лицамъ право пользованія вакантомъ не предоставлено. Не говоря уже о томъ, что этотъ выводъ произволенъ и не имѣетъ никакого основанія въ законѣ, буквальный смыслъ 184 ст. учр. суд. уст. устраняетъ всякое по сему предмету недоумѣніе, такъ какъ въ этой статьѣ закона прямо выражено, что члены судебныхъ мѣстъ пользуются ежегодно вакантнымъ временемъ. А разъ уѣздные члены суда считаются членами судебнаго мѣста и относительно ихъ въ правилахъ объ устройствѣ судебной части не сдѣлано никакого ограниченія въ правахъ, сравнительно съ членами окружнаго суда, то не подлежитъ сомнѣнію, что они должны пользоваться всѣми правами послѣднихъ, и, слѣдовательно, вполнѣ правильно и законно поступали тѣ окружные суды, которые предоставили имъ право, указанное въ 184 ст. учр. суд. уст., при чемъ никакихъ затрудненій не возникнетъ на практикѣ, такъ какъ въ 28 ст. прав. о произв. суд. дѣлъ указанъ порядокъ замѣщенія отсутствующаго уѣзднаго члена суда, должность котораго будетъ исправлять одинъ изъ городскихъ судей, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, одинъ изъ уѣздныхъ членовъ того же суда, подобно тому какъ пользующихся вакантомъ членовъ окружнаго суда замѣняютъ остающіеся члены суда.

И. Новицкій.

Таблицы для вычисленія вознагражденія, слѣдующаго за веденіе дѣла въ порядкѣ упрощеннаго судопроизводства. Въ апрѣльской книгѣ *Юридическаго Вѣстника* напечатаны *таблицы* для вычисленія вознагражденія за веденіе дѣла въ упрощенномъ порядкѣ. Составитель этихъ таблицъ исчислилъ вознагражденіе, отправляясь отъ слѣдующихъ положеній: а) за веденіе дѣла въ упрощенномъ порядкѣ назначена (закономъ 3-го іюня 1891 года) пятая часть вознагражденія, опредѣленнаго въ первой статьѣ таксы за веденіе всѣхъ вообще исковыхъ дѣлъ, б) въ этой первой статьѣ таксы,—дѣйствующей съ 3-го іюля 1868 года и составляющей нынѣ приложеніе къ 396 (прим.) ст. у. с. у.,—опредѣлено вознагражденіе за веденіе дѣла въ двухъ инстанціяхъ, а въ шестой статьѣ той же таксы установлено общее правило, что за веденіе дѣла въ одной первой инстанціи суда назначаются двѣ трети общаго, слѣдующаго за двѣ инстанціи вознагражденія, в) дѣла упрощеннаго порядка по существу своему могутъ разсматриваться только въ одной первой инстанціи,—а слѣдовательно, за веденіе этого рода дѣлъ должно

назначать вознагражденіе въ размѣрѣ одной пятой части того вознагражденія, которое опредѣлено таксой *за веденіе* вообще исковыхъ *дѣлъ въ первой инстанціи суда*.

Исчислительныя таблицы сопровождаются примѣчаніемъ, въ которомъ объясняется, что въ изданныхъ въ Новочеркаскѣ г. Араканцевымъ такихъ же таблицахъ вкралась ошибка, заключающаяся въ томъ, что г. Араканцевъ въ своемъ вычисленіи бралъ одну пятую отъ вознагражденія, назначеннаго таксою *за веденіе дѣла въ двухъ инстанціяхъ суда*.

Мы думаемъ, однако, что *способъ вычисленія* г. Араканцева болѣе *правильный* по слѣдующимъ основаніямъ.

Правило исчисленія, указанное въ шестой статьѣ таксы (заключающееся въ томъ, что за одну первую инстанцію полагается двѣ трети общаго, опредѣленнаго первою статьею вознагражденія, а за одну вторую инстанцію—одна его треть), касается только тѣхъ гражданскихъ дѣлъ, которыя по закону могутъ разсматриваться по существу своему въ двухъ инстанціяхъ, и вовсе не относится къ тѣмъ дѣламъ, которыя разрѣшаются только одною инстанціею суда. Правильность этого положенія подтверждается тою же таксою; въ ней, со дня ея изданія, предусмотрѣны два случая (статьи седьмая и восьмая), въ которыхъ дѣла производились (и нынѣ производятся) только въ одной инстанціи и для обоихъ случаевъ въ таксѣ указаны особые (и при томъ различные) способы исчисленія вознагражденія, не смотря на существованіе правила шестой статьи. Ясно, что законодатель относилъ шестую статью только къ тѣмъ дѣламъ, которыя могутъ разрѣшаться въ двухъ инстанціяхъ, если въ слѣдующей же, седьмой статьѣ таксы призналъ необходимымъ особо оговорить, что за веденіе дѣлъ въ третейскомъ судѣ, не имѣющемъ второй инстанціи (1393 ст. у. г. с.), вознагражденіе полагается какъ за ходатайство въ первой инстанціи, т. е. по тому же правилу, которое, для другаго рода дѣлъ, указано въ предъидущей, шестой статьѣ таксы.

На основаніи восьмой статьи таксы, за ходатайство по дѣлу въ кассаціонномъ порядкѣ, имѣющемъ только одну инстанцію, выигравшая дѣло сторона получаетъ *одну четвертую часть опредѣленнаго статьею первою* (таксы) *вознагражденія*. Предписаніе этой статьи въ первое время послѣ изданія въ 1868 году таксы вызывало то же самое недоразумѣніе, въ которое впалъ составитель таблицъ, противъ правильности которыхъ мы нынѣ возражаемъ. Нѣкоторые окружные суды при опредѣленіи размѣра вознагражденія за ходатайство въ кассаціонной инстанціи руководились правиломъ шестой статьи таксы и назначали четвертую часть вознагражденія, слѣдующую за веденіе дѣла (не въ двухъ инстанціяхъ, а только) въ одной первой инстанціи, т. е. назначали четвертую часть отъ двухъ третей или *одну шестую часть того вознагражденія, которое опредѣлено въ первой статьѣ* таксы,—между тѣмъ какъ на основаніи восьмой статьи, по буквальному ея смыслу, за ходатайство въ кассаціонной инстанціи полагается не одна шестая, а именно одна

четвертая часть вознагражденія, опредѣленнаго въ первой статьѣ, т. е. того вознагражденія, которое назначено для другаго рода дѣлъ за обѣ инстанціи.

Этотъ результатъ вычисленій доказалъ судебнымъ практикамъ неправильность способа ихъ исчисленій, неправильность примѣненія ими шестой статьи таксы, установленной для дѣлъ, разсматриваемыхъ по существу въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ,—къ дѣламъ кассаціоннаго порядка, имѣющаго лишь одну инстанцію, за ходатайство въ которой въ таксѣ указанъ свой особый размѣръ вознагражденія.

Хотя еще, сравнительно, недавно въ одной справочной книжкѣ, изданной въ Москвѣ, на 1888 годъ, двумя повѣренными (на стр. 42), было объяснено, что за веденіе дѣла въ кассаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената «полагается четвертая часть вознагражденія, причитающагося за первую инстанцію»,— но на самомъ дѣлѣ судебная практика давно уже оставила этотъ способъ исчисленія и назначаетъ за кассаціонную инстанцію четвертую часть того вознагражденія, которое опредѣлено въ первой статьѣ таксы, т. е. причитается за двѣ судебныя инстанціи.

Вопросъ о примѣнимости или непримѣнимости шестой статьи таксы при исчисленіи вознагражденія по восьмой статьѣ, на сколько намъ извѣстно, прямо не разрѣшался правительствующимъ сенатомъ, тѣмъ не менѣе, еще въ 1875 году, въ рѣшеніи за № 594, сенатъ призналъ неправильнымъ рѣшеніе московскаго столичнаго съѣзда, принявшаго въ соображеніе, при исчисленіи размѣра вознагражденія за кассаціонную инстанцію, вознагражденіе за судебныя инстанціи, и высказалъ, что размѣръ вознагражденія за ходатайство въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ положительно опредѣленъ 8 и 1 ст. ст. таксы и «вовсе не поставленъ въ зависимость отъ размѣра вознагражденія... за производство дѣла въ судебныхъ инстанціяхъ».

Если за ходатайство по дѣлу въ кассаціонномъ порядкѣ слѣдуетъ четвертая часть того вознагражденія, которое причитается за веденіе дѣла въ двухъ инстанціяхъ, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что за веденіе дѣла въ порядкѣ упрощеннаго судопроизводства должна назначаться пятая часть того-же вознагражденія. Законъ 3-го іюня 1891 г., создавшій новый порядокъ судопроизводства и установившій для разсмотрѣнія исковыхъ дѣлъ въ этомъ порядкѣ только одну инстанцію, *опредѣлилъ* особый *размѣръ вознагражденія тѣми же словами,* какими опредѣляется размѣръ вознагражденія за кассаціонную инстанцію. Такса (приложеніе къ 396 ст. у. с. у.) дополнена новымъ правиломъ слѣдующаго содержанія: за веденіе дѣла въ упрощенномъ порядкѣ полагается *одна пятая часть опредѣленнаго первою статьею* (таксы) *вознагражденія.*

Ни въ мотивахъ къ закону 3-го іюля 1891 г., ни въ книгѣ В. И. Купицкаго мы не нашли разъясняющихъ вопросъ указаній; но самое

содержаніе этого новаго правила, дополнившаго существующую таксу, буквально повторившее (въ отношеніи способа исчисленія вознагражденія) восьмую статью таксы, въ связи съ сказаннымъ выше, приводитъ къ заключенію: а) что при исчисленіи вознагражденія за веденіе разрѣшаемыхъ только въ одной инстанціи исковыхъ дѣлъ упрощеннаго порядка нельзя руководствоваться шестой статьей таксы, установленной для дѣлъ, которыя могутъ разсматриваться по существу въ двухъ инстанціяхъ, и б) *что за веденіе въ одной инстанціи дѣла упрощеннаго порядка* закономъ *назначена* пятая *часть* именно того *вознагражденія, которое опредѣлено первою статьею* таксы *за веденіе другаго рода* исковыхъ *дѣлъ въ двухъ инстанціяхъ суда.*

Z.

00083538
ЮФ СПбГУ

2/3